



Н. А. Власов

**ГЕЛЬМУТ ФОН МОЛЬТКЕ**  
**ПОЛКОВОДЕЦ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭПОХИ**

Н. А. Власов

## ГЕЛЬМУТ ФОН МОЛЬТКЕ ПОЛКОВОДЕЦ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭПОХИ



Гельмут фон Мольтке (1800–1891) — выдающийся военачальник, сыгравший заметную роль в немецкой и мировой военной истории. Этот человек — воплощение германской военной машины — стоит у истоков искусства войны индустриальной эпохи как создатель современной системы военно-стратегического планирования. Он по праву считается одной из самых загадочных и спорных фигур для современной исторической науки. Наше исследование не является исчерпывающим повествованием о его жизни и деятельности: целью автора было познакомить читателей с необыкновенным человеком, внесшим вклад в военную историю Германии XIX века, сравнимый с политическими заслугами Отто фон Бисмарка. Книга основана на обширном материале опубликованных исторических источников и исследований жизни фельдмаршала и его эпохи, большинство из которых вряд ли будет доступно широкому кругу русских читателей.



9 785943 960611

Рецензенты: д-р ист. наук, проф. *О. Ю. Пленков* (СПбГУ);  
канд. ист. наук, доц. *А. Ю. Павлов* (СПбГУ);  
канд. ист. наук, доц. *Е. П. Гурьев* (СПбГАСУ)

*Печатается по решению  
Редакционно-издательского совета  
факультета международных отношений  
Санкт-Петербургского государственного университета*

**Власов Н. А.**

**В58** Гельмут фон Мольтке — полководец индустриальной эпохи. — СПб.: СПбГУ, 2011. — 356 с.

**ISBN 978-5-94396-061-1**

Гельмут фон Мольтке (1800–1891) — выдающийся военачальник, который сыграл заметную роль в немецкой и мировой военной истории. Этот человек — воплощение германской военной машины — стоит у истоков искусства войны индустриальной эпохи как создатель современной системы военно-стратегического планирования. В современной исторической науке он по праву считается одной из самых загадочных и спорных фигур. Не существует единого мнения относительно того, почему столь стремительным был его карьерный рост и действительно ли им не было проиграно ни одного сражения. Внутренний мир этого сложного человека скрывается за непроницаемой маской «образцового офицера» и остается для нас тайной.

Эта книга не является исчерпывающим повествованием о его жизни и деятельности: целью автора было познакомить читателей с необыкновенным человеком, внесшим вклад в военную историю Германии XIX века, сравнимый с политическими заслугами Отто фон Бисмарка. Настоящее издание основано на обширном материале опубликованных исторических источников и исследований жизни фельдмаршала и его эпохи, большинство из которых вряд ли будет доступно широкому кругу русских читателей.

**ББК 63.3(4Гем)**

*Эту книгу  
я посвящаю моему отцу,  
Анатолию Николаевичу Власову*

## Предисловие. Незавершенный портрет

Выдающийся военный историк Ганс Дельбрюк считал написание биографии фельдмаршала Гельмута фон Мольтке (старшего) одной из самых сложных задач, которая только может выпасть на долю исследователя. Причина заключается отнюдь не в обилии роковых эпизодов, крутых поворотов и критических решений в судьбе главного героя. Дело, как полагал Дельбрюк, обстоит как раз наоборот. Более чем 90-летний жизненный путь полководца представлялся ему «равномерным, одинаковым во всех своих проявлениях, ясным, могучим, но тихо струящимся потоком»<sup>1</sup>, в котором чрезвычайно трудно сфокусировать свой взгляд на каком-либо отдельном эпизоде.

Так это или нет, но Мольтке, выдающийся военный деятель, сыгравший большую роль в германской и мировой истории, несомненно, является одной из самых загадочных и спорных личностей среди военачальников Нового времени. Ставший легендой еще при жизни, он предстает перед нами в воспоминаниях современников и на страницах исторических произведений в различных, часто несовместимых на первый взгляд образах: то как верный паладин императора, гениальный «великий молчальник»; то как отъявленный милитарист, грезивший о постоянных войнах; то как «полководец-гуманист», сочетавший в себе самые разнообразные таланты. Все, однако, сходилось в одном: фигура Мольтке, неожиданно выхваченная из сумерек яркими лучами мировой славы во второй половине 1860-х гг., стала символом германской военной машины со всеми ее сильными и слабыми сторонами. Именно этот человек стоит у истоков военного искусства индустриальной эпохи, во многом именно он сформировал систему военно-стратегического планирования — генеральный штаб современного типа.

<sup>1</sup> Kolb E. Helmuth von Moltke in seiner Zeit. Aspekte und Probleme / Generalfeldmarschall von Moltke: Bedeutung und Wirkung. München, 1991. S. 6.

Высокой положительной оценки, вынесенной Мольтке современниками и потомками, практически не коснулись потрясения, через которые прошла Германия в течение богатого катаклизмами XX в.; фельдмаршал был и остается национальным героем: и в эпоху кайзера Вильгельма, и в лихорадочно-нестабильной Веймарской республике, и в воинственном Третьем рейхе, и в спокойно-буржуазной ФРГ. Хотя на первый план выдвигаются различные черты его личности.

Дельбрюк со свойственной ему пронизательностью заметил и еще одну особенность жизненного пути Мольтке — неторопливое, словно бы замедленное, течение. В 35 лет, когда судьба забрасывает его в далекую Турцию, он еще производит впечатление юноши, и многие биографы называют это время «годами учения». В сорок один — женится на девушке, которая младше его на четверть века и переживает ее на долгих 24 года. В пятьдесят семь, когда многие его собратья уже подают в отставку, он становится шефом генерального штаба. Первый свой оглушительный триумф он переживает, будучи даже по сегодняшним меркам пожилым человеком — в 66 лет, когда многие его сверстники уже покоились в могиле, а главную победу одерживает еще четыре года спустя. От руководства Большим генеральным штабом он отошел лишь в 88-летнем возрасте, но еще три года, до самой смерти, старец продолжал активно заниматься военными вопросами. Порой создавалось впечатление, что у этого человека вообще нет возраста. Даже Фридрих Энгельс, недолюбливавший Мольтке и называвший его порой «штабным крикуном», признавал, что действия полководца «дышали энергией юноши»<sup>2</sup>.

Жизненный путь Мольтке до сих пор окружен множеством мифов и ставит перед исследователем массу вопросов. Чем объясняется его назначение на пост шефа генерального штаба? Почему произошло его стремительное возвышение в середине 1860-х гг.? Каково было реальное влияние начальника генерального штаба на внутреннюю и внешнюю политику Германской империи? Единного мнения по этим вопросам нет. Загадкой остается и внутренний мир этого сложного и неоднозначного человека, спрятанный под непроницаемой маской «примерного офицера».

Обилие подобных неясностей объясняется не в последнюю очередь тем достаточно скромным местом, которое отведено Мольтке в историографии. По числу посвященных ему работ он далеко отстает от таких государственных деятелей XIX в., как Бисмарк или Наполеон. К примеру, на русском языке до сих пор не существует ни одной его биографии.

<sup>2</sup> Schmidt F.-H. Moltke in der bildlichen Darstellung // Generalfeldmarschall von Moltke... S. 193.

На Западе исследования, посвященные «великому молчальнику», начали появляться еще при его жизни; вскоре после смерти, на рубеже XIX–XX вв., увидели свет и две многотомные публикации документов, непосредственно связанных с его биографией<sup>3</sup>. Сокращенные, а также дополняющие публикации (например, «Разговоры»<sup>4</sup>) выходили затем с достаточно высокой периодичностью. Однако первое подлинно научное исследование жизненного пути полководца появилось только в 1957 г. и принадлежит перу Эберхардта Кесселя<sup>5</sup>. Автор начал работать над биографией Мольтке еще до Второй мировой войны и проделал огромную работу с архивными материалами, в большинстве своем утраченными во время бомбежек Берлина. Именно поэтому его труд сохраняет научную ценность и остается во многом непревзойденным по сегодняшний день. Из более поздних работ имеет смысл упомянуть подготовленный коллективом немецких историков в 1991 г. сборник статей «Генерал-фельдмаршал фон Мольтке. Его значение и влияние»<sup>6</sup>. Большой популярностью пользуется также биография, принадлежащая перу Ф. Херре<sup>7</sup>, которая, однако, носит в большей степени научно-популярный характер. Необходимо упомянуть и новейшие публикации по истории семьи Мольтке, авторами которых являются О. Йессен<sup>8</sup> и Й. Тис<sup>9</sup>.

Небольшое число биографических работ лишь в определенной степени компенсируется огромным количеством исследований, посвященных тем событиям и процессам, в которых Мольтке играл ключевую роль. В целом их можно разделить на две категории: работы, посвященные войнам за объединение Германии 1864–1871 гг., и книги о германской армии и деятельности Большого генерального штаба соответствующего периода. Среди первых можно отметить официальные германские исследования войны 1866 и 1870–1871 гг., выпущенные прусским генеральным штабом<sup>10</sup>, труды отечественных исследователей А.А. Строкова и А.А. Свечина<sup>11</sup>, знаменитое

<sup>3</sup> *Moltke H.K.v. Gesammelte Schriften und Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Grafen Helmut von Moltke*. In 8 Bd. Berlin, 1891–1893 (далее – GS); *Moltke H.K.v. Moltkes militärische Werke*. In 15 Bd. Berlin, 1892–1912.

<sup>4</sup> *Moltke H.K.v. Gespräche*. Hamburg, 1940.

<sup>5</sup> *Kessel E. Moltke*. Stuttgart, 1957.

<sup>6</sup> *Generalfeldmarschall von Moltke. Bedeutung und Wirkung*.

<sup>7</sup> *Herre F. Moltke*. Stuttgart, 1984.

<sup>8</sup> *Jessen O. Die Moltkes: Biographie einer Familie*. München, 2010.

<sup>9</sup> *Thies J. Die Moltkes: Von Königgrätz nach Kreisau*. Berlin, 2010.

<sup>10</sup> История войны 1866 года в Германии. СПб., 1870; Мольтке Г. История германо-французской войны 1870–1871 гг. М., 1937.

<sup>11</sup> *Свечин А.А. Эволюция военного искусства*. Т. 2. М., 1928; *Строков А.А. История военного искусства*. Т. 4. М., 1994.

произведение А. фон Шлиффена<sup>12</sup> и работы германских историков Х. Хельмерта<sup>13</sup> и Х. Усзека<sup>14</sup>, а также коллективные монографии по германской военной истории<sup>15</sup>. Среди многочисленных исследований второй категории стоит выделить работы по истории Большого генерального штаба, принадлежащие перу В. Герлица<sup>16</sup>, коллектива восточногерманских историков<sup>17</sup>, а также швейцарского исследователя К. Мильотата<sup>18</sup>. Невозможно также обойти вниманием классическую работу Г. Риттера<sup>19</sup>, и монографии К.-Е. Яйсманна<sup>20</sup> и Т. Забера<sup>21</sup>, посвященные германскому военному планированию 1870–1880-х гг. Весьма ценными для настоящего исследования оказались также работы Э. Кольба<sup>22</sup>.

При написании этой книги автор не ставил своей целью дать исчерпывающую картину жизненного пути Мольтке; ее задача — познакомить российского читателя с этой неординарной и неоднозначной личностью, сыгравшей далеко не последнюю роль в мировой истории. Работа основывается на широком спектре опубликованных источников и литературы, так или иначе затрагивающих историю жизни фельдмаршала и его эпохи.

В заключение хочу от всего сердца поблагодарить людей, которые оказали мне существенную помощь в процессе работы над этой книгой. В их числе необходимо упомянуть моего друга и коллегу, доцента Николая Викторовича Федорова, который был первым читателем и критиком рукописи. Я хотел бы поблагодарить за ценные консультации профессора Хольгера Адфлербаха из университета Лидса и доктора Олафа Йессена из Фрайбурга. Моя особая благодарность адресована проректору по международным связям Санкт-Петербургского государственного университета, профессору Константину Константиновичу Худолею, благодаря которому во многом стала возможной публикация этой работы.

<sup>12</sup> *Шлиффен А. фон*. Кампа. М., 1923.

<sup>13</sup> *Helmert H. Kriegspolitik und Strategie*. Berlin, 1970.

<sup>14</sup> *Helmert H., Uszeck H. Preußischdeutsche Kriege von 1864 bis 1871*. Berlin, 1988.

<sup>15</sup> *Deutsche Militärgeschichte 1648–1939*. Bd. 2, 6. München, 1983; *Grundkurs deutsche Militärgeschichte*. Bd. 1. Die Zeit bis 1914. München, 2006.

<sup>16</sup> *Герлиц В.* Германский генеральный штаб. М., 2005.

<sup>17</sup> *Прусско-германский генеральный штаб 1640–1965*. М., 1966.

<sup>18</sup> *Milhotat C.E.O.* Das preußisch-deutsche Generalstabssystem. Zürich, 2000.

<sup>19</sup> *Ritter G.* Staatskunst und Kriegshandwerk. Bd. 1. München, 1970.

<sup>20</sup> *Jeismann K.-E.* Das Problem des Präventivkrieges. München, 1957.

<sup>21</sup> *Zuber T.* Inventing the Schlieffen Plan. German War Planning 1871–1914. Oxford, 2002.

<sup>22</sup> *Kalb E.* Umbrüche deutscher Geschichte. München, 1993.

## Глава 1. ОТПРЫСК ДРЕВНЕГО РОДА

*Родители Мольтке — Детские годы — Кадетский корпус — Служба в датской армии*

Гельмут Карл Бернгард фон Мольтке появился на свет 26 октября 1800 г. в северогерманском городке Пархим. Он принадлежал к весьма древнему, но обедневшему дворянскому роду, представители которого оставили заметный след в истории Северной Европы.

Фамилия Мольтке впервые упоминается в Дании и Швеции в XII в. Первые сведения о немецком Мольтке — рыцаре Маттиасе — относятся к 1246 г.<sup>1</sup> К XIV в. Мольтке являлись могущественной дворянской семьей, представители которой занимали важные светские и духовные посты<sup>2</sup>. Одна из представительниц даже стала основательницей шведской королевской династии Ваза. На тот момент род насчитывал три ветви: датскую, шведскую и северогерманскую. «Родовым гнездом» последней считался Штридфельд, находившийся во владении семьи с 1266 по 1781 г. Германская ветвь, в свою очередь, делилась на две линии, старшую и младшую. Старшая, на фамильном гербе которой красовался девиз «Искренние и осторожные», владела несколькими крупными имениями в Мекленбурге, центром которых считался Саамов, поэтому ее иногда называли «линией Самова». Большинство ее представителей посвятили себя военной карьере. С начала XVIII в. эта ветвь переживала неизбежный для многих древних дворянских фамилий закат. В течение столетия Мольтке утратили основную часть своих родовых владений.

<sup>1</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen. Briefe. Schriften. Reden.* Ebenhausen, 1923. S. 8.

<sup>2</sup> *Moltke H.K.V. GS.* Bd. 1. S. 1.



Дед Гельмута по отцовской линии Фридрих Казимир в юности служил пажом при вюртембергском дворе, но из-за конфликта с гофмейстером покинул Штутгарт и поступил на военную службу в австрийскую армию. Не желая переходить в католическую веру, он не смог подняться по служебной лестнице выше звания капитана и вскоре вернулся на родину. Здесь он женился на Софии Шарлотте д'Оливье, представительнице изгнанной из Франции гугенотской семьи.

В те дни европейцы отличались невообразимой по сегодняшним временам плодовитостью, однако супружеская пара Мольтке сумела выделиться и на этом фоне — десятью сыновьями и тремя дочерьми. Проблемы возникли после смерти Фридриха Казимира: чтобы справедливо разделить отцовское наследство, отпрыски были вынуждены в 1785 г. продать родовое имение Самов. Доли получились настолько небольшими, что их не хватило надолго, в том числе и девятому ребенку, Фридриху Филиппу, который поступил на службу в прусскую армию. В своих воспоминаниях он назовет эти годы «лучшими в своей жизни»<sup>3</sup>.

Фридрих Филипп фон Мольтке был небогат, но хорош собой, и неудивительно, что дочь крупного любекского торговца Генриэтта Пашен воспылала к нему страстью. настолько сильной, что девушке удалось сломить сопротивление отца, изначально ни за что не желавшего давать свое согласие на брак дочери с молодым лейтенантом. Единственным условием, на котором ему удалось настоять, была отставка жениха — иметь зятем прусского офицера он не хотел.

Союз действительно получался неравным, причем для обеих сторон. Семейство Пашен было гораздо богаче Фридриха Филиппа, зато в их жилах не текла голубая кровь. Тем не менее в мае 1797 г. брак был освящен церковью. Впрочем, вскоре выяснилось, что строгий отец был прав: семейный союз не принес счастья ни той ни другой стороне.

Красавец офицер оказался никудышним хозяином и вскоре практически полностью растратил приданое своей супруги. К тому же увольнение с действительной службы ничего не изменило в его привычках; повзбращенный никак не хотел вести себя так, как подобает достойному отцу семейства. Как честно признавался он в своих воспоминаниях, «мое финансовое положение ухудшалось с каждым годом, поскольку я так и не смог найти в себе силы протягивать ножки по одежке»<sup>4</sup>. Тем не менее на свет вскоре один за другим появились восемь отпрысков обоего пола.

В конце концов, Фридрих Филипп смог вернуться на военную службу, которая отвечала его душевным склонностям, правда на сей раз в рядах

<sup>3</sup> *Moltke H.K.V.d. Aufzeichnungen...* S. 10.

<sup>4</sup> *Ibid.* S. 9.

датской армии. Он сделал блестящую для офицера в армии маленького государства карьеру, уйдя в отставку в 1839 г. в звании генерал-лейтенанта. Со своей супругой он встречался все реже и в конце концов в 1814 г. развелся с ней.



Третий ребенок четы Мольтке — маленький Гельмут Карл Бернгард, которому предстояло стать самым известным представителем своего рода за всю его историю, — родился под чужой крышей, в доме своего дяди Гельмута, коменданта Пархиме, в честь которого вскоре получил свое первое имя. Дяде, который стал заодно и крестным отцом мальчика, было суждено погибнуть двенадцать лет спустя, в сражении на Березине в рядах наполеоновской армии.

Время, в которое будущий полководец впервые увидел свет, трудно назвать спокойным. Волна модернизации, на гребне которой находилась революционная Франция, сметала на своем пути старые порядки, воплощением которых была тогдашняя Германия, раздробленная на три сотни мелких государств. Стремительно восходила звезда молодого Наполеона Бонапарта. Бурная эпоха не могла не отразиться на судьбе семьи, в которой рос будущий фельдмаршал.

Фридрих Филипп со своими домочадцами ненадолго задержался в Пархиме. Семья Мольтке вскоре отправилась в новоприобретенное имение Гневитц, а в 1803 г., после очередного финансового краха, переехала в Любек. Именно с Любеком связаны первые детские воспоминания молодого Гельмута. Далеко не все они были безобидными: несдержимая волна наполеоновских войн докатилась и до Северной Германии. В 1806 г. Пруссия, ранее державшаяся в стороне, решила вступить в схватку с узурпатором, оказавшимся в опасной близости от ее границ и выказывавшим полное пренебрежение ее интересами. Момент был избран крайне неумело — единственным союзником монархии Гогенцоллернов оказалась Россия, которая не могла немедленно прийти на помощь. Однако это обстоятельство не смущало прусских военачальников. Тень Фридриха Великого, казалось, все еще витала над возглавляемой ими армией, окружая ее оролом непобедимости. В реальности же некогда могучий организм превратился в сухую безжизненную мумию, готовую рассыпаться в пыль от первого более или менее сильного толчка.

Так и случилось. В 1806 г. Наполеон провел одну из самых кратких и успешных своих кампаний, наголову разгромив прусскую армию в двойном сражении при Йене и Ауэрштедте. Лишь несколько разрозненных

отрядов, во главе которых стояли решительные и мужественные командиры, отступали, яростно огрызаясь, на север и восток. Один такой корпус, возглавляемый знаменитым Блюхером, которому еще предстояло свести счеты с Наполеоном при Ватерлоо, занял оборону в Любеке. Однако на тот момент силы были слишком неравными. Любек был взят с боем и на три дня отдан на разграбление солдатам; не обошла эта беда стороной и дом семейства Мольтке. К счастью, сама семья успела бежать в приобретенное в 1805 г. поместье Аугустенхоф, находившееся на территории Гольштейна. Эта северогерманская земля была владением датского монарха, и здесь Мольтке были в безопасности. Однако злой рок, казалось, по пятам преследовал семейство. Открыл очередной акт семейной драмы крупный пожар; за ним последовала смерть отца Генриэтты, который, хотя и являлся одним из крупнейших торговцев Любека, оставил дела в полном беспорядке. Вследствие отмены крепостного права в Дании поместье на некоторое время оказалось без рабочей силы. Аугустенхоф уже не мог рассматриваться в качестве источника средств к существованию.

Отец поступил на датскую службу: «Я вновь вынужден был искать счастье на военном поприще, поскольку у меня не было надежды на успех в роли землевладельца»<sup>5</sup>. Дети, которых он и раньше нечасто баловал своим вниманием, стали видеть его все реже и реже. Заботу об их воспитании окончательно взяла на себя мать. Генриэтта искренне любила своих отпрысков. Хотя она была строгим и по-своему суровым человеком, а судьба сделала ее характер еще более твердым, мать старалась дарить детям все тепло, которое могла. Весьма образованная для своего времени, она была музыкальной натурой и владела несколькими языками. Пожалуй, именно Гельмут был ее любимым сыном.

Эпоха материнского воспитания закончилась в 1809 г., когда три старших сына, Вильгельм, Фридрих и Гельмут, были отданы в дом пастора Кникебайна, жившего в местечке Хоэнфельде. Пастор был достаточно образованным человеком и заставлял своих воспитанников с одинаковым рвением читать и Библию, и Гомера. Впоследствии Мольтке часто вспоминал с благодарностью добряка-священника — ведь это время было настоящим раем по сравнению с той жизнью, которая началась для него двумя годами позже, когда, вырванный из деревенской идиллии, он был отдан своим отцом в кадетский корпус в Копенгагене. Годы, проведенные в этом заведении, наложили неизгладимый отпечаток на личность Мольтке и на его дальнейшую биографию.

Фридрих Филипп тем временем успешно строил военную карьеру. В 1807 г. Дания стала союзницей наполеоновской Франции, и ему

<sup>5</sup> *Moltke H.K.v. Aufzeichnungen...*, 11.

представилась возможность проявить себя на полях сражений. В 1809 г. он отличился при взятии Штральзунда, занятого мятежным прусским майором Шиллем (который вскоре стал немецким национальным героем), в 1811 г. был назначен комендантом Киля, а в 1813 г. сражался против русских войск в Германии. Ему представлялось само собой разумеющимся, что сыновья пойдут по стопам отца.

Естественно, мнения самого Гельмута никто не спрашивал. Впоследствии многим почитателям фельдмаршал Мольтке представлялся словно специально созданным для армейской службы. Самому полководцу это не казалось столь очевидным. Уже на склоне лет он рассказывал племяннику, что, будь его воля, он с гораздо большим удовольствием занялся бы археологией и стал профессором истории<sup>6</sup>. Впрочем, превратиться в кабинетного ученого ему бы вряд ли удалось. При всей склонности к науке, Мольтке был в большей степени практиком, стремящимся преобразовать свои знания в реальные действия.

Порядки, господствовавшие в кадетском корпусе, напомнили бы человеку нашей эпохи скорее воспитательную колонию строгого режима для малолетних преступников. Гельмут вместе с братом Фридрихом жил в маленькой холодной камерке в доме отставного генерала Лоренца. Много лет спустя, в 1882 г., во время посещения Копенгагена, Мольтке живо вспоминал скупую домоправительницу, ворчливую старуху, державшую дома козу. Однажды строптивое животное разбило зеркало в покоях генерала, за что было отправлено на убой. Большая радость для мальчиков, которым не так уж часто приходилось досыта поесть мяса<sup>7</sup>. Впрочем, это было еще довольно сносное существование по сравнению с казармой в кадетском корпусе, в которую им вскоре пришлось перебраться.

Далеко не случайно один из современных биографов Мольтке называет его детство и юность «безрадостными» и «полными лишений»<sup>8</sup>. Жесточайшая муштра, постоянные учения и тренировки. Палочная дисциплина была призвана либо сломать, либо закалить будущих офицеров. Телесные наказания считались лучшим воспитательным приемом. Однажды Гельмут, не слишком ровно державший голову в строю, получает удар по лицу. Из носа потоком льется кровь, но в ответ на хныканье мальчика следует лишь грубый окрик. Он часто болеет, но лазарет, в который Мольтке однажды попадает с тяжелым тифом, воспринимается едва ли не как райские кущи. Несколько недель, проведенных вместе с родителями в 1813 г., стали лишь коротким антрактом. В 1814 г., когда родители расстались, понятие «дом» стало для мальчика

<sup>6</sup> *Moltke H.K.V.d. Gespräche*. S. 229.

<sup>7</sup> *Ibid.* S. 190.

<sup>8</sup> *Kaß E. Helmut von Moltke in seiner Zeit*. S. 2.

вообще чем-то призрачным. Именно тогда в нем зародилось желание стать основателем новой «малой родины» для всех членов своей семьи.

В 1866 г., в беседе с одним немецким журналистом, полководец так вспоминал это время: «Без родственников и знакомых, в чужом городе, мы провели весьма унылое детство. Обращение с нами было строгим, даже жестким, и сегодня, когда я могу судить с беспристрастием, скажу: оно было слишком строгим, слишком жестким. Единственной положительной стороной было то, что подобная жизнь рано приучила нас к всевозможным лишениям»<sup>9</sup>. Гораздо более красочно рисуют это мрачное время ранние письма Мольтке. «Ты знаешь, что я был рано лишен родительского дома и твоей заботы и поэтому привык быть чужаком повсюду», — писал он матери 15 ноября 1828 г.<sup>10</sup>

Практически единственным светлым пятном на этом фоне были визиты в дом отца его товарищей по кадетскому корпусу, генерала Йохана Хендрика фон Хегерманн-Линденкране. В отличие от многих своих сослуживцев, генерал был весьма прогрессивно настроенным человеком. Его супруга, Луиза, устроила в своем доме нечто вроде литературно-музыкального салона, где собирались многие известные датчане того времени. Это были весьма образованные люди, в большинстве своем гуманисты, находившиеся под влиянием господствовавшего тогда литературного романтизма. Подросток оказывался в совершенно ином мире, где он мог спокойно играть со сверстниками, а также слушать речи взрослых, оказавшие влияние на его развитие. Именно с тех пор Мольтке полюбил хорошую музыку. Э. Кессель называет дом Хегерманна «школой общего образования» для Гельмута<sup>11</sup>, которая дала ему гораздо больше, чем обучение в кадетском корпусе. Именно здесь он познакомился с творчеством Шекспира, Гете и Шиллера, а также с датской романтической поэзией, любовь к которой сохранил на протяжении всей своей жизни. Сильное впечатление на мальчика произвел теолог Якоб Мюнстер — человек искренне верующий и в то же время отличавшийся широтой взглядов и познаний. Мюнстер пришел к вере уже в зрелые годы и последовательно выступал за гармонию разума и откровения, за подкрепление веры добрыми делами. Эти взгляды во многом совпадают с религиозными воззрениями пожилого Мольтке, и уже из одного этого мы можем заключить, что теолог оказал на юного Гельмута огромное воздействие.

Генерал и его супруга относились к мальчику почти с родительской нежностью, и он платил им почти сыновней любовью. Связь с семьей Хегерманн-Линденкране сохранилась у Мольтке на долгие годы, практически до конца

<sup>9</sup> *Moltke H.K.v. Gespräche*. S. 87.

<sup>10</sup> *Moltke H.K.v. Aufzeichnungen...* S. 22.

<sup>11</sup> *Kessel E. Op. cit.* S. 14.

его дней. Вся свою долгую жизнь Гельмут помнил, чем он обязан этим людям, подарившим ему уголок тепла в холодном и враждебном мире. «Общение с благородными, образованными членами этой семьи оказало в высшей степени благодатное влияние на развитие моей личности», — рассказывал он в 1866 г.<sup>12</sup>

Однако обучение будущих офицеров не сводилось к отупляющей шаблонности. Оно отличалось достаточно высоким для того времени качеством: помимо целого ряда специальных военных дисциплин, воспитанники изучали иностранные языки, историю и географию. Мольтке жадно впитывал в себя эти знания — во многом именно они скрашивали его серые будни.

Какое влияние оказало в итоге пребывание в кадетском корпусе на юного Гельмута? В письме брату Людвигу в 1829 г. он сам, оглядываясь назад, писал следующее: «Поскольку я получал не воспитание, а лишь побои, я не смог выработать в себе характер. Это часто мучит меня. Недостаток уверенности в себе, постоянная оглядка на мнение других, даже предпочтение разума чувствам вызывают у меня порой горькие жалобы на самого себя, в то время как у других они часто бывают вызваны прямо противоположными причинами. В отношении нас старались сгладить любую выдающуюся черту характера, любое своеобразие — так же, как подстригают время от времени саженцы в живой изгороди. Так во мне появилось одно из самых несчастных моих качеств, слабость характера. Но одновременно мне был привит внутренний принцип — чувствительность, гордость, отторжение всего, что лишено благородства. Этот принцип часто гнал хрупкую лодочку по бурным водам, где она в большей степени подчинялась своеволию волн, нежели компасу. Это — словно смелый всадник, который прищипоривает усталую лошадь для смелого прыжка и затем, разбившись, бессильно лежит. Словно огонь воздушного шара, который в один момент поднимает его вверх, чтобы потом низвергнуться в глубины. Нет, здесь нет никакого комплимента. Как я завидую почти всем остальным людям — их ошибкам, их крепости, их беззаботности и прямоте...»<sup>13</sup>. Хотя письмо выдержано в присущем Мольтке пессимистическом духе, нет никакого сомнения в его искренности. Суровое детство одновременно и закалило, и искалечило характер Мольтке. Он привык не отступать ни перед какими трудностями, и в то же время страдал комплексом неполноценности. Он замкнулся в себе, научился прятать свои эмоции под маской непроницаемого спокойствия (способность, обеспечившая ему впоследствии славу «великого молчальника») и в то же время остался человеком, способным к глубоким и сильным чувствам. Он научился жить, повинаясь голосу рассудка, и в то же время часто жалел о том,

<sup>12</sup> Moltke H.K.V.d. Gespräche. S. 87.

<sup>13</sup> Moltke H.K.V.d. Aufzeichnungen... S. 26.

что не может с головой окунуться в омут страстей. Стальная воля и скромность, гибкий и острый ум, честолюбие, пронизательность и высочайшая самодисциплина — качества, которые оформились у юноши именно в эти годы. Воспитание в кадетском корпусе, несмотря на всю свою жесткость, помогло ему впоследствии покорить все вершины на своем пути. Но в то же время оставило глубокие травмы, залечить которые удалось лишь спустя десятилетия.

В 1818 г. Мольтке навсегда покинул стены кадетского корпуса. Выпускные экзамены были сданы блестяще, особенно хорошие оценки он получил по математике, фортификации, военной истории и языкам (датскому, немецкому и французскому). При этом пажеский экзамен Гельмут сдал лучше всех, а вот на офицерском оказался на четвертом месте. После этого он год прослужил в качестве королевского пажа (обязательная ступень для всех выпускников корпуса, обучавшихся за государственный счет). Гельмут часто бывал в доме камергера Отто-Йоханна Штеманна, и по некоторым данным, здесь у него завязался роман со старшей дочерью главы семейства Марией-Фредерикой. Однако роман не пришел к счастливому завершению; очевидно, отец семейства вполне логично счел юношу из древнего, но обедневшего рода не совсем подходящей партией.

1 января 1819 г. Мольтке был зачислен в звании секунд-лейтенанта в Ольденбургский пехотный полк, дислоцированный в Рендсбурге. Датская армия переживала в те годы не лучшие времена. Оказавшись по итогам Наполеоновских войн в лагере проигравших, Дания вынуждена была отказаться от многих своих владений (в том числе Норвегии) и сократить армию. Государство лишилось двух третей своей территории и трети населения<sup>14</sup>. Надежд на быстрое продвижение по службе у молодого офицера не было. Кроме того, датская армия была достаточно отсталой и фактически находилась на уровне XVIII в., денежное довольствие выдавалось с перебоями, качество обучения солдат было откровенно плохим.

Поначалу это не сказывалось на рвении и дисциплине Мольтке. Начальство весьма положительно отзывалось о юном офицере, и в 1820 г. состоялся его перевод в егерскую роту полка, что считалось отличительным признаком начала карьеры. Он был на хорошем счету и у своих коллег, хотя производил порой впечатление замкнутого человека и избегал шумных компаний.

«Это был стройный молодой человек с густыми светлыми волосами и добродушными голубыми глазами. По натуре он был тихим, но приветливым, его лицо производило впечатление честного и открытого, хотя порой его серьезное выражение затуманивалось случайно налетевшим облачком грусти.

<sup>14</sup> История Дании с древнейших времен до начала XX века. М., 1996. С. 262.

Его железное прилежание и энергичная воля не страшились никакой задачи, и он уверенно выполнял любую. Товарищи его уважали; он прекрасно это знал, но ни разу не злоупотребил своим превосходством. Общительный в частной жизни, он был весьма сдержанным на службе. В работе его вдохновляли неутомимое рвение и неутомимая добросовестность\*, — вспоминал командир полка Херц фон Хольштайн-Бек<sup>15</sup>. За короткое время Мольтке создал себе репутацию весьма исполнительного и интеллигентного офицера.

Однако Гельмут прекрасно понимал, что в датской армии у него не будет возможности проявить себя. Здоровое честолюбие толкало его в объятия вооруженных сил другого, более крупного государства. В то время такие переходы не считались чем-то из ряда вон выходящим — во многих странах Европы высокие должности занимали иностранцы. Традиции его семьи, представители которой в течение XVIII в. находились на датской, австрийской, прусской, вюртембергской, русской и мекленбургской службе, также не воспрещали подобный переход. Выбор Мольтке пал на Пруссию.

---

<sup>15</sup> Müller-Bohm II. Graf Moltke. Berlin, s. a. S. 15.



## Глава 2. НА ПРУССКОЙ СЛУЖБЕ

*Переход на прусскую службу — Всеобщая военная школа — Первые литературные опыты — Начало карьеры в генеральном штабе*

Решение перейти именно на прусскую службу официальные биографы впоследствии объясняли едва ли не великим предвидением гениального человека, который уже в те годы понимал, что именно королевству Гогенцоллернов суждено сыграть решающую роль в объединении Германии. На деле все было, разумеется, гораздо прозаичнее — на выбор молодого человека повлияли в первую очередь карьерные соображения и в какой-то степени стечение случайных обстоятельств.

В 1820 г. Мольтке уже вынашивал планы смены подданства. Существует вполне обоснованное предположение, что такую идею подал его дядя Балльхорн, состоявший тайным советником на прусской службе. Окончательно все решила поездка вместе с отцом в 1821 г. в Берлин. Как вспоминал впоследствии сам Гельмут, именно вид прусских солдат, над которыми, казалось, все еще сиял ореол побед в недавних Освободительных войнах против Наполеона, решил дело.

Вернувшись в Данию, молодой лейтенант начал немедленно хлопотать о своей отставке. «Я надеюсь найти свое место в прусской армии и обеспечить себе там более быстрое продвижение, нежели в нынешних условиях, поскольку буду располагать поддержкой проживающих в тех краях родственников, которой лишен здесь. Поэтому у меня есть все основания желать подобной перемены, хотя я с неохотой покидаю датскую армию и страну»<sup>1</sup>, — писал он в прошении. Начальство, очевидно, восприняло этот

<sup>1</sup> Müller-Bohn H. Op. cit. S. 18.

шаг без удовольствия, но 5 января 1822 г. отставка была получена, а вместе с ней — рекомендательное письмо от командира полка. Испрашивавшегося выходного пособия Гельмут, правда, не получил.

Прошение о принятии его на прусскую службу было направлено заблаговременно и к тому моменту уже рассмотрено в военном кабинете монарха, ведавшем кадровыми вопросами. 7 декабря 1821 г. просителю был направлен ответ. В соответствии с ним, молодому лейтенанту предстояло не только принести с собой рекомендации, но и сдать специальный экзамен. Кроме того, весь его офицерский стаж в датской армии терялся.

Однако эти условия не смутили юношу. Строгий офицерский экзамен в феврале 1822 г. был сдан блестяще, несмотря на то что для подготовки у Мольтке имелось всего две недели<sup>2</sup>. Как отмечал впоследствии председатель Верховной военной экзаменационной комиссии, знаменитый прусский военный деятель и реформатор Нейхардт фон Гнейзенау, молодой лейтенант заслуживает особого внимания, поскольку продемонстрировал «исобычно высокий образовательный уровень и поразительную зрелость ума»<sup>3</sup>.

Кроме того, благодаря способностям Мольтке и связям его отца ему выдали в Дании блестящие рекомендации, в которых командир полка, помимо прочего, заверял, что расстанется со своим подчиненным лишь с сожалением и неохотой. 12 марта Мольтке был зачислен в звании секунд-лейтенанта в фузилерный батальон 8-го пехотного полка, который дислоцировался во Франкфурте-на-Одере.

Судьба Гельмута сделала первый резкий поворот. Можно полностью согласиться с Э. Кольбом, который считает переход на прусскую службу одним из двух основных событий, благодаря которым Мольтке сумел войти в историю<sup>4</sup>.

\*\*\*

О прусской армии тех лет стоит рассказать подробнее. В 1806 г., когда старое войско, словно карточный домик, было сметено Наполеоном, даже самым закоренелым консерваторам в стране стало ясно, что пришла пора реформ. Пруссия, от которой после Тильзитского мира осталась лишь малая часть, предстояло модернизироваться или умереть.

В течение нескольких лет было сделано больше, чем за все предыдущее столетие. «Годы с 1807 по 1815 являются одним из наиболее значительных периодов реформ в немецкой истории», — писал впоследствии британский

<sup>2</sup> *Moltke H.K.v. Aufzeichnungen...* S. 13.

<sup>3</sup> *Herre F. Moltke.* S. 31.

<sup>4</sup> *Kaß E. Helmuth von Moltke in seiner Zeit.* S. 3.

историк-германист Гордон Крейг<sup>3</sup>. Непосредственно реформой армии занимались три выдающихся военных деятеля: Г. Фон Шарихорст, Н. фон Гнейзенау и Г. фон Бойен.

В 1807 г. Шарихорст возглавил Комиссию по военной реорганизации. В ее задачи входили анализ последней кампании, чистка офицерского корпуса и разработка проекта масштабных преобразований. Последняя задача оказалась особенно сложной. Пруссия была связана военным союзом с Наполеоном, а размер ее армии ограничен 42 тысячами человек. Однако реформаторы прибегли к способу, известному еще с античных времен, и ввели так называемую «систему кромперов», т. е. призывников, которые проходили краткосрочное военное обучение, а затем отправлялись по домам. Правда, эффективность этой меры оставляла желать лучшего. Важнее были преобразования, которые произошли в области подготовки личного состава, — солдат начали учить тому, что действительно необходимо на поле боя. Система подготовки офицеров была также полностью реорганизована в соответствии с велениями времени. Вырос интеллектуальный и профессиональный уровень командных кадров. В 1809 г. началась реформа военного министерства, которое теперь должно было стать центральным органом для решения всех вопросов, связанных с армией. Одновременно Шарихорст был назначен руководителем Всеобщего военного департамента, занимавшего в структуре министерства центральное место.

Изображая из себя лояльного союзника наполеоновской Франции, Пруссия на деле готовилась к новой схватке. Ждать оставалось недолго. После катастрофического поражения Наполеона в России прусский генерал Йорк, пока еще без официальной поддержки робкого короля Фридриха Вильгельма III, заключает с русскими 30 декабря 1812 г. Таурогенскую конвенцию о совместных действиях против французской армии.

1813 год открыл эпоху возрождения Пруссии. Страна освобождается от французского ига и на некоторое время становится духовным лидером всей Германии. Армия, в которую в течение года влилось 280 тыс. человек (около 6% от всего населения страны), в кровавых битвах смывает позор Йены. Рост армии, носивший взрывной характер, имел важные последствия. Офицерский корпус перестал быть «дворянским гнездом»; все больше выходцев из буржуазных слоев поднимались вверх по ступенькам военной карьеры.

В 1814 г. в Пруссии была введена система всеобщей воинской повинности. Это стало большим шагом вперед. Как писал О. фон Сотен, «введем всеобщей воинской повинности без права откупаться деньгами, без права

<sup>3</sup> Craig G. Die preußisch-deutsche Armee 1640–1945. Düsseldorf, 1960. S. 58.

заместительства, Пруссия обогнала другие страны на целое полувековье»<sup>6</sup>. Теперь все прусские граждане, начиная с 20-летнего возраста, были военнообязанными. Правда, далеко не все из них оказывались в рядах армии: ежегодно призывался лишь строго ограниченный контингент. Продолжительность службы составляла пять лет, из них три года в действующей армии и два года в запасе. С 1820 г. первый срок был сокращен, а второй продлен на полгода с целью увеличить число обученных резервистов при сохранении численности армии. Все годные к службе, но по результатам жеребьевки не зачисленные в ряды вооруженных сил находились в составе ополчения — ландвера. Туда же зачислялись лица в возрасте 25–32 лет, прошедшие военную службу. В случае войны ландвер образовывал отдельные формирования (в мирное время уже существовал «костяк» их структуры), действовавшие совместно с линейными частями. Мужчины в возрасте 33–39 лет составляли ополчение второго призыва, которое использовалось только для этапной и гарнизонной службы. Согласно расчетам реформаторов, армия мирного времени численностью в 130 тысяч человек могла быть в случае вооруженного конфликта быстро увеличена в четыре раза<sup>7</sup>.

Годом позже было введено постоянное деление армии на дивизии и корпуса, тогда как ранее эти соединения создавались лишь в военное время. Всего насчитывалось девять корпусов, из них один гвардейский: каждый состоял из двух дивизий и артиллерийской бригады. Дивизия, в свою очередь, состояла из двух пехотных бригад (одной линейной и одной ландверной) и кавалерийской бригады. Бригаду составляли два или три полка. Корпуса комплектовались по территориальному принципу: у каждого (кроме гвардейского) был свой округ, из которого он получал пополнение. Шарнхорст возобновил ежегодные осенние маневры. С 1806 г. были отменены телесные наказания для большинства солдат. Гораздо более строгой стала система пополнения офицерского корпуса — кандидат должен был сдать обязательный экзамен и пройти процедуру выборов своими будущими товарищами по полку.

Однако по окончании Наполеоновских войн волна реформ пошла на спад. Существовавшие в либеральных кругах надежды на объединение Германии не оправдались — согласно решениям Венского конгресса 1815 г., был создан Германский союз, аморфное объединение более чем 30 государств, лидерство в котором прочно удерживала Австрия. «Время героев прошло, время филистеров наступило», — справедливо заметил Георг Кауфман<sup>8</sup>. Наступила эпоха реакции. Реформаторы, как военные, так и гражданские, стремительно

<sup>6</sup> *Фит-Сатен О.* Как вели войну Наполеон и Мольте. СПб., 1908. С. 41.

<sup>7</sup> *Straig G.* Op. cit. S. 88.

<sup>8</sup> *Кауфман Г.* Политическая история Германии в XIX веке. СПб., 1909. С. 97.

сходили с политической сцены. В 1816 г. ушел в отставку Гнейзенау, тремя годами позже — создатель ландвера Бойен. В армии дворянство стремилось вытеснить выходцев из буржуазной среды. Бельмом на глазу сторонников возврата к старым порядкам был ландвер — его значение стремились уменьшить всеми возможными способами. Однако было ясно, что восстановить прежнюю армию уже не получится при всем желании. Войско, которое приняло в свои ряды юного Гельмута, несмотря на все усилия консерваторов, все еще сохраняло дух Освободительных войн 1813–1815 гг.



Одним из ярых противников реформ был генерал Фридрих Август Людвиг фон дер Марвиц, командовавший 5-й кавалерийской бригадой, дислоцированной во Франкфурте-на-Одере. Генерал приходился юному лейтенанту дальним родственником — был женат на одной из многочисленных представительниц семейства Мольтке. Впрочем, эти родственные связи не принесли Гельмуту никаких поблажек. Прусская армия вообще отличалась от вооруженных сил прочих государств заметно более низким уровнем кумовства и семейственности. Знатное происхождение и связи облегчали продвижение по карьерной лестнице, но не избавляли от необходимости на деле доказать свою профессиональную пригодность. Главной причиной такого положения являлось то, что сравнительно небольшая Пруссия могла удержаться в ряду великих держав Европы только за счет эффективной армии. «Право претендовать на офицерские должности дают в мирное время только знания и образование, в военное — исключительная храбрость и крутозор», — значилось в королевском приказе от 6 августа 1808 года<sup>9</sup>. Как писал Г. Иссерсон, «весь офицерский корпус, в том числе гвардейский и состоявший в генеральном штабе, пользовался совершенно одинаковыми правами прохождения службы. Это приводило, правда, к очень медленному повышению по службе в первые 20 лет, но устанавливало зато полное служебное равенство. Продвижение проводилось на основе твердой системы аттестаций, причем офицеры, не пригодные для занятия очередной высшей должности, беспощадно увольнялись. По своей подготовленности средний командный состав не блистал ни особыми познаниями, ни особыми талантами, но зато проявлял большое усердие и работоспособность»<sup>10</sup>. Впрочем, правило «равных возможностей» действовало в первую очередь в отношении дворян.

<sup>9</sup> Craig G. Op. cit. S. 62.

<sup>10</sup> Иссерсон Г. Военное искусство эпохи национальных войн второй половины XIX века. М., 1933. С. 50.

Мольтке пришлось сразу же привыкать к прусской дисциплине, гораздо более строгой, чем датская. Так, при первом посещении своего родственника-генерала он попытался поставить шпагу в угол его кабинета, но был остановлен грозным окриком — клинок следовало оставить в передней. Этот инцидент, впрочем, ни в коей мере не омрачил их взаимоотношений. Как вспоминал сам Гельмут, «в этом доме я нашел благожелательный прием»<sup>11</sup>, а генерала он называл «самым вежливым человеком в мире»<sup>12</sup>. Вне всякого сомнения, этот потомственный аристократ произвел на Мольтке большое впечатление. Любопытен, однако, тот факт, что в воспоминаниях Мольтке Марвиц предстает перед нами почтенным стариком. Между тем генералу на тот момент было всего лишь 45 лет. Очевидно, старший родственник был для молодого лейтенанта человеком старого поколения, осколком XVIII в., заблуждения которого прощительны в силу его возраста.

Здесь, во Франкфурте-на-Одере, произошла еще одна встреча, которая запомнилась Мольтке на всю жизнь. В его батальон прибыл с инспекцией молодой генерал, отличившийся на полях Наполеоновских войн, хотя он был всего на три года старше Гельмута. Это был принц Вильгельм Гогенцоллерн, второй сын прусского короля. Принц тоже заметил худого офицера, на котором новая форма буквально висела. Узнав от сопровождавших его офицеров, что этот юноша недавно перешел с датской службы, Вильгельм пренебрежительно заметил: «Не слишком блестящее приобретение»<sup>13</sup>. Впоследствии, уже будучи монархом, он рассказывал совсем иную историю первой встречи со своим будущим паладином, утверждая, что именно он открыл стратегический талант Мольтке, осматривая планы крепостей, изготовленные офицерами. Конструкция Гельмута якобы была столь удачной, что принц немедленно приказал местному военному руководству уделять юноше особое внимание. Однако это, скорее всего, лишь красивая выдумка.

Для Мольтке потянулись месяцы обычной строевой службы. Обучение резервистов, состоявшее главным образом из непрерывной муштры, стало одной из первых его задач. Юный офицер чувствовал себя не слишком уютно среди почтенных отцов семейств, которых ему приходилось гонять по плацу. Доход его в то время был весьма невелик: 16 талеров, 22 гроша и 6 пфеннигов в месяц. Младшие офицеры в прусской армии отнюдь не купались в роскоши; если они, как Мольтке, почти не получали помощи от родителей, то с трудом могли прокормить себя. Дело в том, что после демобилизации 1815–1816 гг. в войсках оставалось непропорционально большое число офицеров, и денег на их содержание хронически не хватало. Некоторые

<sup>11</sup> *Moltke H.K. Вд. Aufzeichnungen...* S. 15.

<sup>12</sup> *Müller-Böhm H.* Op. cit. S. 18.

<sup>13</sup> *Herre F.* Op. cit. S. 31.

суммы от матери Гельмуту все-таки приходилось принимать — тем более что отец не мог переслать ему ровным счетом ничего.

Избыток кадров имел и свою оборотную сторону — молодые лейтенанты располагали массой свободного времени, которое могли тратить на самообразование и интеллектуальное развитие. «У офицеров было гораздо больше свободного времени, чем теперь, и эти часы досуга очень часто были заполняемы серьезной работой по изучению военного дела, несмотря на значительную трудность доставать книги и учебные пособия», — писал несколькими десятилетиями позже О. Фон-Сотен<sup>14</sup>. Именно так и поступал Мольтке. Помимо военного искусства, он изучал английский язык и читал в оригинале романы Вальтера Скотта, который на долгие годы стал одним из его любимых писателей.

Конечно, ему были не чужды и простые радости жизни. Нельзя сказать, что он стал душой компании и вхождение в круг сверстников далось ему легко, однако он все же довольно быстро обзавелся новыми приятелями. «Прилагает большое усердие к службе, энергичен и деятелен, — характеризовал его батальонный командир майор фон Цастров в 1823 г. — Его моральная направленность хороша»<sup>15</sup>.

Тем временем у молодого офицера уже появилась новая цель. Его заветной мечтой стала Всеобщая военная школа — учебное заведение, созданное для формирования интеллектуальной элиты прусской армии. Судя по всему, Мольтке прекрасно понимал, что ни по характеру, ни по складу ума он не подходит на роль лихого полевого «офицера-рубачки», кумира солдат и покорителя женских сердец. В мае 1823 г. он направил свои письменные работы на рассмотрение высокой экзаменационной комиссии. Конкурс был не особенно велик, всего 68 человек на 50 мест, что, однако, не спасло Мольтке от серьезных волнений. «Еще не известно, попаду ли я осенью в военную школу», — писал он матери 5 июня<sup>16</sup>. Однако, в конечном счете, все оказалось даже лучше, чем он смел надеяться. Работы молодого офицера произвели весьма благоприятное впечатление. Одна из них, написанная в апреле 1823 г. и посвященная географии Скандинавского полуострова, а также историческим, политическим и экономическим вопросам этого региона, даже была сохранена в архивах генерального штаба. Это было не самостоятельное исследование, а скорее удачная компиляция, что вполне допускалось в то время. В начале XIX в. представление об авторском праве было еще довольно смутным, и один автор мог спокойно списывать у другого целые куски текста, не считая это большим грехом. Характерно, однако, что

<sup>14</sup> *Fon-Sotem O.* Указ. соч. С. 53.

<sup>15</sup> *Kessel E.* Op. cit. S. 30.

<sup>16</sup> *Moltke H.K.V.* Aufzeichnungen... S. 15.

юный лейтенант постарался сделать самостоятельные выводы и придавал большое значение истории региона, в которой видел ключ к пониманию сегодняшнего дня.

В октябре Мольтке был принят во Всеобщую военную школу, несмотря на то что он не соответствовал одному из требований к абитуриентам и не имел трехлетнего стажа службы в прусской армии.

\*\*\*

Одновременно с поступлением в школу Мольтке переехал в Берлин. Суэта столичной жизни мало что изменила в этом молчаливом, прилежном юноше. Да и жалование, остававшееся весьма и весьма скромным, не располагало к роскошной жизни. «Прусское офицерство <...> никогда не было так бедно, как в первые 10–15 лет после войн за освобождение Германии», — писал Фон-Сотен<sup>17</sup>. Впрочем, в одном удовольствии он все же не мог себе отказать и регулярно посещал театр. В остальном же «выходы в свет» ограничивались прогулками по вечерней столице. Берлин с его сутолокой не нравился молодому офицеру, он терялся в этом довольно большом по тогдашним меркам городе, чувствовал себя маленькой песчинкой в водовороте.

Берлинский период оказал большое влияние на формирование личности Мольтке. Его верным спутником стало одиночество. Даже оживленная переписка с родными не спасала от ощущения пустоты. Молодой человек, уже прошедший сквозь жестокие испытания в датском кадетском корпусе, вновь должен был выдерживать давление обстоятельств. Лишь в письмах к матери он позволял себе излить свою душу, рассказать о том, как угнетает его вынужденное отшельничество. В общении с остальными он предпочитал шутить над собой: «Мне осталась почти исключительно моя собственная приятная компания, которая, между нами говоря, оставляет желать много лучшего»<sup>18</sup>. Правда, в Берлине жил его младший брат Людвиг, заканчивавший свое образование. И хотя их контакты были не столь уж частыми, в этот период он стал наиболее близким для Мольтке человеком. Ни других родственников, ни друзей в Берлине у него практически не было. Уже упоминавшийся выше тайный советник Карл Бальхорн, достаточно крупный и обеспеченный чиновник, уже взял под свою опеку Людвиг и не имел никакого желания заботиться еще об одном отпрыске своего нерадивого шурина. Сам Мольтке писал об их отношениях как о «холодном родстве»<sup>19</sup>. Дядя иногда ссужал юному лейтенанту небольшие суммы денег

<sup>17</sup> *Fon-Sotem O.* Указ. соч. С. 53.

<sup>18</sup> *Herre F. Moltke.* S. 42.

<sup>19</sup> *Kessel E.* Op. cit. S. 48.



(никогда не забывая потом потребовать возвращения долга) и приглашал к себе на Рождество — скорее по обязанности, нежели от чистого сердца. Его жена, которая несколько теплее относилась к своему племяннику, скончалась в 1822 г.

Одиночество заставляло молодого человека страдать, но оно же в определенной степени закаляло его характер. Гельмут становился все более замкнутым и самодостаточным, все более сдержанным и независимым.

Ругаете меня, что слова не скажу,  
Что мрачно я на мир вокруг себя гляжу,  
Что не умею низко поклониться  
Или над глупой шуткой веселиться,  
По-вашему, смеяться надлежит,  
Когда душа к серьезному лежит!  
Вы правы! Так ругайте меня страстно  
За то, что низкое не назову прекрасным,  
Что не могу я думать, как толпа...

Так писал он в стихах Людвигу<sup>20</sup>. Нашим современникам слог писем Мольтке может показаться излишне высокопарным, переполненным драматическими метафорами и гиперболами. Но не следует забывать, что 1820-е гг. были эпохой литературного романтизма, для которого все эти стилистические элементы были характерны. Письма молодого человека вполне соответствуют канонам эпистолярного жанра своего времени и свидетельствуют о его хорошем знакомстве с литературой.

Некоторое время спустя Мольтке сдружился с графом Густавом Александром фон Вартеислебенем и Францем фон Фробелем, которые вместе с ним проходили курс во Всеобщей военной школе. Несмотря на то что по складу характера оба молодых человека представляли собой практически полную противоположность Гельмуту, они все же сумели достаточно быстро и успешно найти общий язык. Эти отношения были обусловлены в основном совместной учебой и общими интересами. Когда молодые офицеры разъехались по своим гарнизонам, их дружба постепенно иссякла, хотя на первых порах Мольтке часто задумывался о том, чтобы перевестись в полк к одному из них<sup>21</sup>.

Квартирная плата в столице пробивала смертельную брешь в бюджете молодого офицера. Одежда тоже стоила недешево, и гордому юноше приходилось залезать в долги у берлинских портных. Кроме того, вскоре по-

<sup>20</sup> Цит. по: *Herre F. Moltke*. S. 42.

<sup>21</sup> *Kessel E. Op. cit.* S. 51.

сле переезда добавились расходы на лошадь — в одном из писем Мольтке сравнивал себя с античным Диомедом, сожранным своими конями.

Экономить приходилось на всем. Мольтке практически полностью перешел на одноразовое питание. «В юности я настолько привык к голоду, что теперь не замечаю его», — бравировал он в своих письмах<sup>22</sup>. Такой образ жизни, конечно, подрывал его здоровье, которое и в детстве не было особенно крепким. Мольтке старался вкладывать максимум возможного в свое интеллектуальное развитие — постоянно недоедая, он тем не менее брал уроки иностранного языка. Тяга к универсальному, энциклопедическому образованию с юных лет являлась его характерной чертой.

Мать старалась помочь ему по мере сил. Не располагая особыми средствами, она тем не менее регулярно отправляла сыну небольшие суммы. Мольтке наверняка с удовольствием отказался бы от них, но не мог: только эти дотации были способны закрыть многочисленные прорехи в его бюджете. В этот период мать оставалась чуть ли не единственным близким человеком, которому молодой офицер мог откровенно рассказать о своих трудностях и проблемах, поделиться радостями и надеждами. Мольтке состоял в переписке со многими членами своей семьи, но ни одному из своих адресатов он не писал так много, часто и искренне, как ей.

Гельмут не был «железным человеком», каким его часто изображали впоследствии многие биографы. В письмах, отправленных матери, звучат порой нотки слабости, стремление отдохнуть от невероятной нагрузки, которую он сам ввалил на свои плечи. «Конечно, ты права — тот внутренний покой, которым ты сейчас, благодарение Богу, можешь заслуженно наслаждаться, — это единственное настоящее счастье, во имя которого стоит бороться, — писал он в августе 1825 г. — Как часто я с израненным сердцем стремился к этому, когда обманутые надежды, болезни и вражда подавляли во мне всякую волю к жизни». Но «в мои годы подобные мысли — это болезнь. Только после шторма покой становится счастьем, и лишь тогда он позволителен»<sup>23</sup>. Сражение ума и воли с телом и чувствами продолжалось. Еще в 1830 г. в одном из писем польским друзьям он жаловался на одиночество<sup>24</sup>. Однако всерьез Мольтке никогда не ставил под вопрос сделанный выбор. «Честно говоря, я ни за какие деньги не хотел бы вернуться в мое прежнее состояние, — писал он Людвигу 24 августа 1828 г. — Я никогда не раскаивался, что выбрал свой нынешний путь»<sup>25</sup>.

<sup>22</sup> Цит. по: *Herre F.* Op. cit. S. 42.

<sup>23</sup> *Moltke H.K.V.d. Aufzeichnungen...* S. 16.

<sup>24</sup> *Moltke-Almanach.* Bd. 2. Moltke und Polen. Berlin, 1990. S. 57.

<sup>25</sup> *Moltke H.K.V.d. Ausgewählte Werke.* (AW) Bd. 4. Berlin, 1925. S. 6.

В 25 лет ему пришлось в связи с плохим состоянием здоровья отправиться на курорт Бад Зальцбрунн в Силезии. Мольтке мог позволить себе лишь несколько дней лечения, но, очевидно, положительный эффект оказался ощутимым. «Я надеюсь, опираясь на достигнутый успех, что источники сослужат мне хорошую службу. И тогда я с новыми силами рискну продолжить свой путь по тернистой дороге, на которой я пытаюсь в одиночестве, вдали от всех вас, найти свое счастье»<sup>26</sup>, — писал он матери.

Мольтке старался всеми силами поправить свое материальное положение. Время от времени он давал частные уроки, а затем взялся за перо. В 1827 г. в одном из берлинских журналов публикуется его рассказ «Два друга». На нем по ряду причин стоит остановиться подробнее.

Сюжет достаточно прост и выдержан в канонах романтизма. Время действия — последние дни Семилетней войны 1756–1763 гг. Два друга, прусские офицеры граф Густав Вартен и Эрнст фон Хольм, командуют небольшим отрядом, противостоящим превосходящим австрийским силам. Они оказываются в окрестностях замка, принадлежащего австрийскому роду Эйхенбах. Оба друга в разное время попадали сюда и были очарованы молодой графиней Идой Эйхенбах. Любовь к девушке они несут в своем сердце. В стремлении узнать, кто станет счастливым избранником, Эрнст устремляется в замок, при этом по пути неожиданно для самого себя оказывая услуги его хозяину. Рассказ заканчивается счастливо — пруссаки и австрийцы заключают мир, а друзья выясняют, что существуют две разные Иды, которые приходятся друг другу кузинами.

Произведение написано прекрасным литературным языком, стиль Мольтке прост и лаконичен, но в то же время исключительно выразителен. Автор избегал долгих цветистых фраз, повествуя обо всем происходящем коротко и ясно, с мягким, тонким юмором. Конечно, рассказу было весьма далеко до произведений таких мэтров немецкой литературы, как Шиллер и Гете, но для начинающего автора он был очень неплох. «Блестящий дар творческого вымысла, умелую композицию, интересную фабулу, образные описания природы — все это мы находим в рассказе „Два друга“, и даже кроткий юмор, этот лучший дар истинного поэта, не отсутствует здесь», — сказано в предисловии к русскому изданию 1914 г.<sup>27</sup>

В рассказе изображена «рыцарская», «салонная» война, в которой человеческие чувства преобладают над всеми уставами и реальными боевыми действиями, а враги относятся друг к другу с плохо скрываемой симпатией. Это вполне соответствовало литературным канонам того времени, однако

<sup>26</sup> Moltke H.K.V.v. Aufzeichnungen... S. 17.

<sup>27</sup> Мольтке Г. Два друга. М., 1914. С. VIII.

насколько такая лубочная картина отражала представления молодого офицера о настоящей войне, остается загадкой.

Путь литературного творчества остался туликовым — за следующие годы Мольтке написал лишь несколько небольших рассказов. Свои творения он называл «детьми настроения или, в большей степени, нужды в деньгах»<sup>28</sup>. Этот эпизод его биографии весьма интересен не только потому, что является одним из важных свидетельств разносторонности и многогранности личности Мольтке. Подобно многим начинающим авторам, молодой офицер сделал свой рассказ глубоко автобиографичным.

Главному герою, Эрнсту фон Хольму, Мольтке придал свои черты: не того Гельмута, которого он наблюдал в зеркале, а такого, каким он хотел бы быть. В строчках, посвященных Эрнсту, мы видим идеал, к которому стремился автор. «Весьма стройный юноша, образец северянина. Светлые локоны окружали довольно бледное, но в высшей степени выразительное лицо, которое, ни в малейшей степени не претендуя на красоту, обладало исключительно серьезными и благородными чертами. Его поведение было элегантно, и военная форма ему настолько к лицу, что могло показаться, что он вырос из шпаги, висевшей на его бедре»... «Он был подобен глубокому потоку, который неудержимо течет под ровной поверхностью и лишь там, где на дне высятся скалы, пенясь, преодолевает их»... Во время обороны крепости от превосходящих сил австрийцев «все взгляды были направлены на Хольма, чьи хладнокровные, четкие и осторожные приказы выполнялись с точностью, покоившейся на убежденности в том, что судьба каждого зависит от их строгого исполнения»<sup>29</sup>. Прототипом второго друга стал уже упоминавшийся выше граф Вартенслебен.

Имели своих прототипов и другие герои рассказа. К примеру, юная Ида Эйхенбах, с которой главный герой соединяет в конце концов свою судьбу. История реального Мольтке оказалась куда более печальной — между ним и молодой графиней Рейхенбах, которую он встретил на водах, вспыхнула если не любовь, то сильная взаимная симпатия. Молодой офицер задумывался даже о женитьбе — однако графский титул был единственным приданным девушки. В тот период Мольтке не смог бы себе позволить прокормить жену, поэтому от матримониальных планов пришлось отказаться.

«Здесь я встретил девушку, которая по-настоящему заслуживает того, чтобы стать твоей невесткой. Это — графиня Рейхенбах, прекрасная и образованная — ты бы носила ее на руках. Но увы — она бесприданница», — писал он матери с курорта в 1825 г.<sup>30</sup>

<sup>28</sup> Kessel E. Op. cit. S. 58.

<sup>29</sup> Мольтке Г. Два друга. С. 2–17.

<sup>30</sup> Moltke H.K.V. Aufzeichnungen... S. 17.

История с графиней Рейхенбах — чуть ли не единственный достоверно известный нам случай из молодости Мольтке, когда его захлестнули чувства. Можно предположить, что в 1825 г. в Зальцбрунне его разум дал решительную битву чувствам, из которой вышел победителем. Стержнем жизни молодого Мольтке оставалась его военная карьера.

С течением времени к сердечным делам у молодого офицера выработалось весьма трезвое и рассудительное отношение. Одно из своих писем матери, отправленное 15 мая 1832 г., он практически целиком посвятил вопросам любви и брака. По мнению молодого офицера, «любая женитьба — это риск, на который идешь вслепую». Если руководствоваться исключительно разумом, можно остаться в одиночестве — трудно найти идеального человека в несовершенном мире. На этом опасном пути легко ошибиться, ведь «чем выше ожидания, тем глубже разочарование». Но это все же гораздо лучше, чем обмануться сердцем, и браки по расчету гораздо чаще оказываются счастливыми, чем браки по любви. «Одним словом, я считаю, что мечтательная юношеская страсть и супружеское счастье по меньшей мере никак не связаны друг с другом и что там, где нет взаимной неприязни и вражды, уже в браке может возникнуть длительная, глубокая, искренняя и счастливая привязанность», — пишет Мольтке<sup>31</sup>. Разум в качестве лучшего лекарства от сердечных ран — эффективность этого средства он имел возможность проверить на себе...

\*\*\*

В момент, когда Мольтке поступил во Всеобщую военную школу, это учебное заведение находилось на этапе становления. Основанное в 1810 г. одновременно с Берлинским университетом, оно стало детищем эпохи реформ и поэтому соответствовало высоким современным стандартам. В нем изучали не только военные дисциплины (тактику, стратегию, стрелковое дело, военную географию); воспитанники школы получали прекрасное общее образование. Им преподавали, в частности, математику, французский и немецкий языки, физику, химию и коневодство. Общеобразовательные предметы составляли примерно 60% учебного плана школы, общая учебная нагрузка — около 30 часов в неделю. Учебный год продолжался с октября по июль, оставшиеся три месяца офицеры должны были проводить в своих частях. Помимо решения чисто образовательных задач, школа выступала еще и в роли своеобразного форума наиболее интеллектуально одаренных молодых офицеров прусской армии.

В 1818 г. директором школы стал генерал Карл фон Клаузевиц, один из любимых учеников Шарнхорста, известный благодаря опубликованному

<sup>31</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen...* S. 47.

уже после его смерти труду «О войне». Пока же он мало выделялся из шенги других прусских генералов и в Военной школе занимал чисто административную должность, не оказывая большого влияния на содержание образования. И хотя молодой Мольтке никогда не вступал в тесный контакт с этим человеком, их имена впоследствии будут поставлены рядом в большинстве сочинений, посвященных германской военной истории XIX в.

Учителями Мольтке были знаменитый географ Карл Риттер, майор Карл Эрнст Вильгельм фон Каниц-унд-Дальвиц, преподававший военную историю, физик Пауль Эрман. Именно о них он вспоминал впоследствии как о людях, оказавших на него в стенах школы наибольшее влияние. Это были незаурядные представители своего времени, известные не только на педагогическом, но и на научном поприще.

Обучение длилось три с половиной года. Руководил учебным процессом генерал Рюле фон Лилленштерн, шеф Большого генерального штаба. В годы, когда характер обучения в школе еще не сложился окончательно, именно Рюле наиболее последовательно выступал за преподавание в ней общеобразовательных предметов, в то время как Клаузевиц советовал ограничиться специальным образованием.

Усердие молодого Мольтке не оставалось незамеченным. У Риттера, например, он принадлежал к числу любимых учеников. Мольтке умел одновременно воспринимать и чисто техническую, и эстетическую сторону ландшафта; нанося местность на топографическую карту, оценивая ее с военной точки зрения, он одновременно наслаждался красотой природы, прелестью окружающих пейзажей. Именно поэтому у него очень удачно получались как карты и планы, так и рисунки. Хороших результатов он добился и в математике.

Военная история тоже принадлежала к числу его любимых предметов; он усвоил мысль Каница о том, что опыт прошедших времен необходимо творчески обрабатывать, формируя на его основе собственные представления, и «история войн является лучшей школой для воина». В трудах самого Мольтке мы находим удивительно похожие высказывания<sup>32</sup>. Каниц в своих теоретических выкладках был очень близок к Клаузевицу, в частности являлся сторонником концепции «войны на уничтожение», сформулированной исходя из опыта Наполеоновских войн. В стенах всеобщей военной школы Мольтке смог впитать в себя многие взгляды, существовавшие тогда в прусской армии: к примеру, тезис о превосходстве обороны перед наступлением или убеждение, что в военном искусстве не существует твердо установленных и безотказно действующих «рецептов победы». В дальнейшем

<sup>32</sup> Kessel E. Op. cit. S. 44.

эти постулаты, соответствующим образом переработанные, лягут в основу его собственной концепции.

Молодой офицер не стремился подчеркнуть свое превосходство, успех не кружил ему голову. «Он выглядел тогда так же, как и гораздо позднее, и в общем был примерно таким же, — вспоминал много лет спустя его однокашник Ганс Август фон Глишински. — Я никогда не встречал человека, который в течение всей своей жизни так мало изменился, как Мольтке. Вместе с ним я решал сложные математические задачи, часто получал от него хорошие советы. В остальном он никогда не показывал мне, как и остальным нашим товарищам, собственного превосходства»<sup>33</sup>. Однокашники в шутку называли его «компендиумом военной науки»<sup>34</sup>.

1 июля 1826 г. Мольтке получил аттестат. По всем предметам — начиная с литературы и французского языка и заканчивая теорией и практикой топографических съемок — он продемонстрировал прекрасные знания. Уже тогда многим стало ясно, что дорога юноши лежит в генеральный штаб.



История развития прусского генерального штаба достаточно запутана. Даже по поводу того, когда он окончательно оформился в системе военных институтов, существуют различные точки зрения. В середине XVIII в. Фридрих II организовал генерал-квартирмейстерский штаб, который ведал расквартированием и передислокацией войск. У этого органа не было, однако, ни тактических, ни стратегических задач. Соответственно, генеральным штабом в современном понимании он не являлся.

Первый шаг в процессе трансформации был сделан в 1802 г. Проект полковника фон Массенбаха предусматривал разделение генерал-квартирмейстерского штаба на три бригады. В ведении каждой из них находился определенный потенциальный театр военных действий, который она должна была изучать и одновременно планировать будущие кампании. Проект был осуществлен, и в 1804 г. главой штаба стал полковник фон Шарихорст в должности генерал-квартирмейстер-лейтенанта, который и начал формировать команду талантливых офицеров, таких как Бойен, Мюффлинг, Рюле...

После поражения 1806 г. Шарихорст в числе прочих реформ взялся и за генерал-квартирмейстерский штаб. Во взглядах реформатора этому органу отводилась весьма обширная роль: он должен был внедрять в армии новейшие достижения военного искусства, содействовать подготовке офицеров, а во время войны обеспечивать единство руководства на всех уровнях.

<sup>33</sup> Herre F. Op. cit. S. 44.

<sup>34</sup> Strauss G.L.M. Men who have made the new German Empire. Vol. 1. L., 1875. P. 56.

Практически все эти задачи удалось реализовать лишь Мольтке более чем полвека спустя. После реорганизации в 1808 г. военного министерства штаб стал вторым отделением Всеобщего военного департамента; его возглавил один из ближайших сподвижников Шарнхорста Г. фон Бойен. Должность шефа генерального штаба была введена в 1810 г.<sup>35</sup>

После смерти Шарнхорста в 1813 г. его место занял другой выдающийся реформатор — Гнейзенау. К этому моменту стало ясно, что инерция мышления прусских военных оказалась слишком серьезной, однако Освободительные войны 1813–1815 гг. на некоторое время создали благоприятную для реформ почву. Впервые всем прусским командующим армиями и корпусами были присланы штабные офицеры, которые принимали самое активное участие в подготовке и проведении операций. К примеру, сам Гнейзенау стал руководителем штаба у знаменитого Блюхера, который всегда прислушивался к советам своего помощника, что сыграло немалую роль в исходе битвы при Ватерлоо. Гнейзенау настаивал на том, чтобы начальник штаба делил с командующим ответственность за победы и поражения и, таким образом, значительно усилил влияние и авторитет штабных работников в армии. В конечном счете именно он, по мнению ряда историков, заложил основы той «стратегии уничтожения», которую позднее сформулировал в теории Клаузевиц и осуществил на практике Мольтке<sup>36</sup>.

В 1814 г. реформа военного министерства завершилась. Военным министром стал Бойен, на должность начальника второго отделения был назначен генерал А. Рюле фон Лилиенштерн. В 1817 г. появилось и официальное название «Большой генеральный штаб». В его структуру входили секции для трех театров военных действий, военно-историческая секция, секция с тригонометрическим и топографическим бюро, склад топографических карт и литографий. Благодаря усилиям Грольмана были введены должности военных агентов при заграничных представительствах Пруссии. Правда, постоянный штат генерального штаба насчитывал лишь 16 офицеров<sup>37</sup>. В частях действовал так называемый Войсковой генеральный штаб — по три штабных офицера при каждом корпусе и по одному при каждой дивизии.

В 1819 г. Грольман вместе с Бойеном покинул ряды вооруженных сил. Причиной их ухода стала «консервативная волна» в немецкой политической и общественной жизни. Во главе Большого генерального штаба (2-го департамента военного министерства) встал Рюле фон Лилиенштерн — ученик Шарнхорста, во главе Генерального штаба армии (общее название для Большого и Войскового генерального штабов) — генерал-лейтенант

<sup>35</sup> Deutsche Militärgeschichte 1648–1939. Bd. 2. Teil 1. S. 309.

<sup>36</sup> Craig G. Op. cit. S. 83.

<sup>37</sup> Пруско-германский генеральный штаб. С. 21.



Карл фон Мюффлинг, не находившийся в подчинении военного министра. В 1824 г. эта запутанная система была несколько упрощена, когда генеральный штаб вывели за рамки структуры военного министерства.

Новый начальник генштаба ориентировался в первую очередь на практическую работу, являясь специалистом в области топографии. Теоретические исследования оказались «за бортом». К неоспоримым заслугам Мюффлинга следует отнести создание им особого корпуса штабных офицеров со своими собственными знаками различия. «Один из тех офицеров, о которых всю свою жизнь вспоминаешь с глубоким уважением, если когда-либо посчастливилось тесно общаться с ними», — писал о Мюффлинге Мольтке<sup>29</sup>.

Система отбора в генеральный штаб была исключительно строгой. Подготовка офицера длилась, как правило, девять лет, из которых три он проводил в стенах Всеобщей военной школы и шесть — прикомандированным к генеральному штабу. Стоит упомянуть, что обычно Военную школу заканчивало не более половины поступивших, а в генштаб попадало не более трети окончивших академию. Штабная работа чередовалась со службой в войсках, что позволяло сотрудникам не отрываться от практики, а также уменьшить существовавшее у строевых офицеров недоверие к штабным работникам.

По мнению многих историков, генеральный штаб не играл значительной роли в системе военных институтов Пруссии. На бумаге он обладал весьма значительным кругом обязанностей: в компетенции генштаба находились военное планирование, сбор информации о потенциальном противнике и театрах военных действий, военно-исторические исследования, подготовка штабных кадров. При этом в армейских кругах было распространено скептическое отношение к его деятельности. «Генеральный штаб рассматривался многими как в принципе ненужная структура», — писал Л. Бурхардт<sup>30</sup>. Постоянно возникали разговоры о его ликвидации. В прусской армии, где многие высшие офицеры считали образцом для подражания героя войны с Наполеоном, необразованного Блюхера, интеллектуальному центру было тяжело добиваться места под солнцем.

Несмотря на это, в области штабной работы Пруссия находилась впереди всей Европы. Большой генеральный штаб подчинялся военному министерству и был разделен на три отдела по географическому признаку: «западный» для Западной Германии и Франции, «срединный» для Средней и Южной Германии, а также Австрии и «восточный» для России и Скандинавии. Это деление оказалось достаточно удачным и просуществовало почти до конца

<sup>29</sup> Müller-Böhm H. Op. cit. S. 22.

<sup>30</sup> Burchardt L. Helmut von Moltke, Wilhelm I und der Aufstieg des preussischen Generalstabes // Generalfeldmarschall von Moltke... S. 20.

столетия. Для офицеров генерального штаба организовывались ежегодные учебные поездки с проведением командно-штабных игр. Выбор местности, на которой проводилась игра, был произвольным и никак не связанным с вероятностью начала в этой местности реальных боев. Такой подход имел как преимущества, так и недостатки. Поездки длились часто более двух месяцев. Кроме того, офицеры генштаба принимали участие в осенних и весенних маневрах прусских войск.

\*\*\*

После окончания обучения Мольтке был отправлен обратно, во Франкфурт-на-Одере, в тот самый полк, где не был уже почти два года. Вскоре он приступил к работе в офицерской школе 5-й дивизии — «несколько одичавшей», как он сам говорил о ней по прошествии десятилетий<sup>40</sup>. Здесь он готовил кандидатов к офицерскому экзамену, преподавал различные дисциплины, в том числе топографию и черчение. Учитель постоянно находился среди своих учеников, старался быть старшим товарищем, наставником в полном смысле этого слова. Он предпринимал вместе с подопечными длительные пешие прогулки, на которых организовывал учебные топографические съемки окружающей местности. Ученики молчаливо признавали его авторитет, что придавало Мольтке психологическую уверенность в собственных силах, которой ему порой не хватало раньше. Кроме того, работа в школе предполагала некоторое повышение оклада, оказавшееся весьма кстати: здоровье Мольтке по-прежнему оставляло желать лучшего.

«Разносторонне развитый молодой человек, которого можно смело рекомендовать в адъютантуру, генеральный штаб или внешнеполитическое ведомство» — так отзывался о нем его непосредственный начальник, майор фон Барфус, с которым у Мольтке сложились прекрасные отношения<sup>41</sup>. Достаточно лестно отзывался о лейтенанте и командир бригады, генерал-майор фон Уттенхофен: «Весьма образованный офицер, подающий прекрасные надежды и заслуживающий особого внимания»<sup>42</sup>.

В 1828 г. Мольтке написал «Краткий курс военно-топографических съемок». Весной того же года его приняли сотрудником топографического бюро при прусском генеральном штабе. Это было несколько неожиданным и оттого еще более приятным известием — ранее на настойчивые просьбы молодого офицера следовал ответ, что его обязательно привлекут к работам, но не ранее мая-июля 1829 г.

<sup>40</sup> *Moltke H.K.v. Aufzeichnungen...* S. 15.

<sup>41</sup> *Kessel E. Op. cit.* S. 53.

<sup>42</sup> *Ibid.* S. 54.

В генеральном штабе Мольтке сразу же включился в большую и ответственную работу — составление топографических карт Пруссии, — которой в числе прочих офицеров занимался с 1828 по 1831 г. «На меня обрушилась такая лавина дел, что я не представляю себе, как справиться с ними», — писал он матери 9 мая<sup>43</sup>. Участвовавшие в работе офицеры не только выполняли важное задание, но и учились ориентироваться на местности, вырабатывали глазомер и пространственное мышление. Их опекал лично Мюффлинг, делая это со свойственной ему мягкостью и заботой. По воспоминаниям Мольтке, когда один из его товарищей нанес на карту несуществующую гору и долго отстаивал ее право на существование, шеф генерального штаба лишь улыбнулся: «Что ж, поздравляю Вас с тем, что Вы обогатили науку и обеспечили провинцию новой горой»<sup>44</sup>.

Выездная работа проводилась каждый год в летне-осенний период. Для Мольтке, направленного в восточные области страны (Нижняя Силезия и Позен), существовало еще одно немаловажное преимущество: молодой офицер квартировал у местных помещиков и питался за их счет.

Первым гостеприимным хозяином стал немец фон Кляйст. По словам самого Мольтке, хозяин относился к нему как к собственному сыну. День начинался в половине пятого утра с чашки кофе и легкого завтрака. Потом в сопровождении помощника молодой офицер отправлялся «в поля» и принимался за работу. А по возвращении его ждал обед настолько обильный, что главной заботой было попробовать каждое из блюд — хотя бы по маленькому кусочку.

Но все это меркло по сравнению с роскошью замка графов Коспот — следующего пристанища офицера. Огромный парк, картины известных мастеров, строгий этикет... К молодому лейтенанту здесь тоже отнеслись благожелательно, и сам хозяин дома обращался с ним как с равным. Мольтке чувствовал себя как в раю — настолько разителен был контраст с его обычной жизнью. «Ах, как прекрасно для бедного малого вроде меня, который постоянно окружен нехваткой денег, начальством, служебным долгом, дисциплиной и прочими несчастьями, словно высказывающими из ящика Пандоры, попасть в ситуацию, где все мелкие неприятности, способные отменить отравить мне жизнь, исчезают, где все прекрасно, пышно и благородно, где удовольствие может стать целью, и даже работа — наслаждением»<sup>45</sup>, — писал он родным. Это были поистине счастливые дни — теплое лето, приятное женское общество, чудесная природа, любимая работа, которая доставляла только положительные эмоции.

<sup>43</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen...* S. 20.

<sup>44</sup> *Moltke H.K.V. Gespräche...* S. 89.

<sup>45</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen...* S. 22.

По мере продвижения топографических съемок Мольтке переезжал от одного землевладельца к другому. Вскоре он добрался до восточных областей, населенных поляками. Их положение в прусском государстве было весьма неоднозначным. С одной стороны, дискриминации и притеснения по национальному принципу в прямой и грубой форме не существовало; с другой — успешная интеграция в общество была непременно связана с утратой национальной идентичности. Тот, кто хотел построить карьеру в армии или на государственной службе, должен был ассимилироваться. Такая «подспудная германизация» была не по душе многим полякам, хотя и не ущемляла в значительной степени их интересы. Нужно отметить, что, в отличие от русских и австрийских земель, в Пруссии ни одного более или менее значительного вооруженного выступления поляков вплоть до 1918 г. не происходило.

Впервые Мольтке встретился с представителями этой нации еще в 1825 г., во время своего пребывания на водах, и вынес из общения весьма благоприятное впечатление. «Я не знаю, была ли у тебя раньше возможность общаться с поляками, — писал он матери. — Ничто не может быть приятнее. Вы тотчас же входите в их компанию, знакомитесь и завязываете доверительные отношения. Эти люди буквально потрясают своей добротой и учтивостью, которые многие немцы посчитали бы граничащими с назойливостью. Но все они таковы — и при этом прекрасно образованны, веселы и общительны, — хотя я не пожелал бы тебе польской невестки»<sup>46</sup>. Судя по всему, последняя фраза возникла не на пустом месте — по крайней мере, далее Мольтке упоминает польскую помещицу, которая отдыхала на курорте вместе с дочерьми и настоятельно приглашала молодого прусского лейтенанта погостить в их поместье. Мольтке принял приглашение, возможно, для того, чтобы отвлечься от душевных терзаний по поводу графини Рейхенбах, и провел некоторое время в имении Руско, после чего благополучно вернулся в Берлин<sup>47</sup>. В прусской столице он время от времени общался с поляками, учился танцевать мазурку и даже, по некоторым данным, начинал учить польский язык.

В летний сезон 1829 г. Мольтке снова находился в польских землях. В частности, в конце июля он попал в семью Обвезерских, с которыми был знаком еще в Зальцбрунне. Польские дворяне стремились превзойти немцев в гостеприимстве, брали молодого лейтенанта на охоту и пикники. Именно здесь он научился играть в вист, на всю оставшуюся жизнь полюбив это развлечение. Хозяин дома был в прошлом активным сторонником Костюшко, не любил прусского короля, но вполне сносно относился к юному

<sup>46</sup> *Ibid.* S. 17.

<sup>47</sup> *Wilkinson S. The early life of Moltke.* Oxford, 1913. P. 8.

офицеру. Возможно, дело в том, что Мольтке отличался способностью понимать и принимать чуждую культуру со всеми ее особенностями, несмотря на то что «их манера поведения практически противоположна моей»<sup>48</sup>. Он великолепно чувствовал разницу между польским и немецким менталитетом и всегда впоследствии протестовал против того, чтобы подходить к поступкам чужестранцев с немецкими мерками. «Судить об этих людях нужно исходя из их собственного, национального масштаба, иначе мы все время будем ошибаться. И если они и кажутся нам легкомысленными или хвастливыми, то они, в свою очередь, легко могут счесть нас педантичными и даже в какой-то степени ханжами»<sup>49</sup>.

\*\*\*

На зиму Мольтке возвращался в Берлин, где трудился непосредственно над созданием карт. Рабочий график был не особенно напряженным — с 8.00 до 14.00, при этом у офицеров оставалось время на обсуждение газетных новостей и театральных премьер. Но и материальное положение по-прежнему оставляло желать лучшего.

Массу свободного времени Мольтке использовал для того, чтобы изучать творчество Гете и французскую литературу, совершенствовать английский язык и брать уроки экзотического русского языка. «Русский язык я считаю весьма значимым, — писал он матери. — Россия сегодня очень важна для Пруссии, а ее язык известен очень немногим, поэтому я изучаю его с большим энтузиазмом»<sup>50</sup>. Учил он и итальянский, и шведский языки, активно посещал всевозможные лекции. Для того времени это вполне нормально — вход в образовательные учреждения был свободным, и порой более половины аудитории в стенах Берлинского университета составляли молодые люди в погонах. Совершенствовал Мольтке и свое мастерство всадника и танцора. Бросается в глаза, что в свободное от службы время Мольтке по-вышал в первую очередь свой общеобразовательный уровень, уделяя чисто военным дисциплинам гораздо меньше внимания. Впоследствии Г. Риттер с известным преувеличением напишет, что «никогда ни один прусский офицер не был в меньшей степени ограничен профессиональными рамками»<sup>51</sup>. Театр он посещал настолько регулярно, что даже счел нужным обзавестись абонементом. К придворным празднествам Мольтке относился гораздо прохладнее. На Рождество 1829 г. он допустил первое, но далеко не последнее в своей жизни нарушение дисциплины — не испросив отпуска,

<sup>48</sup> *Moltke H.K.V.z. Aufzeichnungen*. S. 28.

<sup>49</sup> *Ibid.*

<sup>50</sup> *Ibid.* S. 25.

<sup>51</sup> *Ritter G. Staatskunst und Kriegshandwerk*. Bd. 1. S. 238.

отправился к матери, причем эта история чуть не закончилась для него плачевно. Финансовое положение медленно, но верно улучшалось, долгов становилось все меньше.

Каждую весну прикомандированные к генеральному штабу офицеры возвращались в свои подразделения и несли там службу до начала топографических съемок в июне. В 1829 г. Мольтке был направлен в Кюстрин, куда тем временем передислоцировался его батальон, а в 1830 г. командирован для обучения резервистов во Франкфурт. После нескольких недель мучений он с облегчением отправился в провинцию Позен для продолжения топографических съемок, а потом в Саксонию. Летом Мольтке принял участие в штабных учениях, проходивших в Биттерфельде. Весной 1831 г. ему вообще не удалось побывать в своем полку.

Главным политическим событием того времени стала революция во Франции. В 1830 г. династия Бурбонов была свергнута окончательно, и на трон сел «король-буржуа» Луи-Филипп Орлеанский. Революция гремела и к западу от Пруссии, в Бельгии, и к востоку от нее, в русской Польше. В берлинской кондитерской «Стехели», куда Мольтке регулярно заезжал, посетители оживленно обсуждали международную ситуацию. Политика интересовала абсолютно всех, от младших офицеров до высших чиновников и школьных учителей. Стерпят ли европейские монархи подобные потрясения или начнется новая эпоха масштабных военных кампаний? Офицеры готовились именно ко второму варианту.

Мольтке страстно желал войны. «Мы, офицеры, хотим и надеемся на нее», — писал он своим польским знакомым в октябре 1830 г.<sup>29</sup> Мобилизация армии стала бы, по мнению Мольтке, его билетом в генеральный штаб. Это не было пустыми мечтами — весной 1831 г. молодого офицера официально запросили, согласен ли он в случае войны приобщиться к когорте штабных работников. Вскоре Мольтке уже смог принимать участие в работе 3-го отделения, занимавшегося западными театрами военных действий. «Я все время рассчитывал сообщить тебе решающую новость касательно войны и мира, — писал он матери в Рождество 1830 г., — поскольку она имеет для меня самое непосредственное значение — в случае войны я лычу себя надеждой тут же быть отправленным в генеральный штаб»<sup>30</sup>.

Однако речь шла не только о собственной карьере. Будучи по своим уже сложившимся политическим убеждениям консерватором, Мольтке не одобрял революции. Кроме того, он весьма высоко оценивал возможности Пруссии, считая, что это практически единственная страна, располагающая в Европе сильной боеспособной армией и настолько уверенная в сохранении

<sup>29</sup> Moltke-Almanach. Bd. 2 S. 59.

<sup>30</sup> Moltke H.K.V. GS. Bd. 4. S. 47.

внутреннего порядка, что может позволить себе наступательную войну. «Возможность войны становится все более реальной, потому что только на поле брани станет возможным разрубить гордые узлы бельгийского вопроса», — писал он родным 13 февраля 1831 г.<sup>34</sup> Однако его надеждам не суждено было сбыться: «Мнение высших офицеров таково, что мы сохраним мир несмотря на все вздохи секунд-лейтенантов»<sup>35</sup>. Разочарование было настолько глубоким, что Мольтке некоторое время думал покинуть службу.

В то же время он пристально наблюдал за событиями в русской части Польши, где бушевало национальное восстание. В данном случае симпатии офицера, пусть и сдержанные, были на стороне повстанцев. Никаких теплых чувств к империи Романовых он не питал. «Я всегда рассматривал восстановление Польши как счастье для моего отечества», — писал он польским друзьям<sup>36</sup>.

Надежды на быстрый карьерный рост не оправдались, кроме того, в связи с болезнью Мольтке снова пришлось отправиться на курорт. Впрочем, и здесь он ухитряется выполнить задание генерального штаба, произведя рекогносцировку дороги Берлин–Гамбург на участке от Фризака до Редевина<sup>37</sup>.

Мольтке вновь взялся за перо. В 1831 г. появилось первое произведение, которое он опубликовал под своим собственным именем. Речь на сей раз шла об историческом исследовании под длинным названием «Отношения Голландии и Бельгии со времени их разделения при Филиппе II до их воссоединения при Вильгельме I». Тема была остроактуальной — в 1830 г. Бельгия в результате революции вновь обрела утраченную в соответствии с решениями Венского конгресса 1815 г. независимость от Голландии. Почему два народа, столь близких друг к другу по крови, не хотели жить вместе — ответ на этот вопрос Мольтке искал в истории. Он, как всегда, подошел к делу весьма основательно, проштудировав литературу общим объемом около пяти тысяч страниц. Работа над книгой отняла массу времени, порой приходилось засиживаться за письменным столом далеко за полночь. Это неизбежно сказывалось и на качестве произведения — далеко не всегда Мольтке удавалось хорошо обработать свои источники. Тем не менее книгу нельзя назвать обычной компиляцией; автор попытался подойти к вопросу достаточно комплексно и объективно. «Отношения Голландии и Бельгии...» интересны и в том плане, что здесь ярко проявилось политическое кредо Мольтке, которое он сохранил на всю свою жизнь. Он был монархистом и консерваторм, но в то же время не закрывал глаза на требования времени и не боялся

<sup>34</sup> *Moltke H.K.V.d. Aufzeichnungen...* S. 34.

<sup>35</sup> *Ibid.* S. 32.

<sup>36</sup> *Moltke-Almanach*. Bd. 2. S. 65.

<sup>37</sup> *Kessel E.* *Op. cit.* S. 87.

признать необходимость реформ. Спокойствие и порядок в Европе обеспечивается «сердечным согласием» монархов, прочно сидящих на своих тронах. Революции ужасны и бессмысленны, потому что создают тиранию чаще, чем свободу, «в такие времена даже наихудшая власть вспоминается с добрыми словами»<sup>58</sup>. Однако они неизбежны, если правители пытаются замкнуться в прошлом и не видят потребностей сегодняшнего дня. Лишь своевременные преобразования могут предотвратить политические катаклизмы. «Прогресс — это необходимая потребность для человечества, чтобы оно не вырождалось, и потому сегодняшние институты создаются не на веки вечные. Подобно обновляющей самое себя природе, им необходимо модернизироваться с каждым новым поколением, но эта регенерация должна исходить сверху, а не снизу. Правительство должно проводить революцию на пути закона, не дожидаясь, пока это сделает масса, игрушка в руках партий, слепое, но острое оружие в руках страстей»<sup>59</sup>. «Масса» — понятие, которым Мольтке обозначает революционный народ, — звучит из его уст практически как ругательное слово, обозначая слепую, безжалостную, разрушающую все на своем пути толпу. Просвещенный абсолютизм — его идеал; Иосиф II Габсбург, австрийский венценосец-реформатор второй половины XVIII в. — его образец. Привилегированные слои обязаны во имя сохранения своего могущества и общего блага добровольно отказаться от всего, что вредит дальнейшему развитию. Прогресс должен идти медленно, но верно.

Именно так считали прусские реформаторы начала века. Они не были ни демократами, ни либералами — просто умными людьми, преданными своему монарху и своей родине. Для Мольтке Штейн и Гарденберг, Шарнхорст и Гнайзенау были образцами, о которых он всегда отзывался положительно. «Период величайшего внешнего унижения был эпохой высочайшего внутреннего развития, и под давлением соседей-французов появились самые свободные и национальные институты»<sup>60</sup>, — писал он в одном из своих произведений. Современная Пруссия являлась для Мольтке политическим идеалом, причем не только на эмоциональном, но и на глубоко рациональном уровне.

Актуальным событиям была посвящена и его следующая работа — «Очерки внутренних условий и общественного состояния в Польше». Восстание в русской Польше привлекло внимание Европы к этой проблеме. Мольтке создал весьма смелое произведение, посвященное истории Речи Посполитой и особенностям населявшего ее народа. Помимо всего прочего,

<sup>58</sup> *Moltke H.K.V.d. GS. Bd. 2. S. 5.*

<sup>59</sup> *Ibid. S. 46.*

<sup>60</sup> *Herre F. Op. cit. S. 54.*



оно было гораздо совершеннее предыдущего труда; по словам современных исследователей, «книга хорошо проработана и тщательно выверена»<sup>61</sup>.

В этой работе он высоко оценивал положение поляков в прусском государстве — особенно по сравнению с тем, что происходило по другую сторону восточной границы. Прусские поляки, особенно после реформ начала века, оказались, по мнению Мольтке, в прогрессивной стране, в которой они получили настоящую свободу. «Равенство сословий перед законом и законодательная защита даже самого низшего сословия стали реальностью только после включения в состав Пруссии»<sup>62</sup>. По мнению Мольтке, национальное государство поляков погубил избыток свободы, с одной стороны, и рабства — с другой; блестящие таланты соседствуют в его (государства) истории с подлецами и ничтожествами. Несколько страниц автор посвятил еврейскому вопросу. Об «избранном народе» Мольтке высказывался без особой симпатии, но и без жгучей ненависти, вполне в духе своего времени. В центре внимания Мольтке оказалось польское дворянство. Демонстрируя достаточно негативное отношение к шляхте и особенно магнатам, которых он винил во всех бедах Речи Посполитой, прусский офицер считал необходимым повысить благосостояние крестьянства — только таким образом прусские власти обретут надежную опору.

Работы Мольтке не получили широкого общественного резонанса. Что, впрочем, неудивительно — идеи, которые он высказывал, не во всем совпадали с духом времени. Однако у тех, кто все же прочел эти книги, они удостоились высокой оценки. Так, цензор, изучавший произведение о Польше, сказал своему приятелю, что не ожидал увидеть в качестве автора молодого офицера; когда он ознакомился с текстом, ему представлялся зрелый человек в возрасте около 50 лет. Любопытно, что уже в это время Мольтке начинает как бы терять свой возраст, ломая все связанные с данным понятием стереотипы. В обеих работах чувствуется серьезное влияние набравшей силу в германской историографии школы Ранке, основным законом которой было стремление к объективному и точному изложению описываемых событий, что как нельзя лучше соответствовало натуре молодого офицера. Лакопичность и беспристрастность, стремление установить точную взаимосвязь причин и следствий, докопаться до сути происходящего — черты, ставшие характерными для научных работ Мольтке.

Научная работа, однако, не принесла финансового благополучия. Как печально шутил сам Мольтке, «300 лет истории принесли 3 дуката»<sup>63</sup>. «Все страдания юного писателя, который работает с издателем, не миновали

<sup>61</sup> *Biewer L. Moltke Verhältnis zum polnischen Volk // Moltke-Almanach. Bd. 2. S. 9.*

<sup>62</sup> *Moltke H.K.B.v. GS. Bd. 2. S. 151.*

<sup>63</sup> *Herre F. Op. cit. S. 55.*

меня», — жаловался он в письме матери<sup>64</sup>. Труд по Польше он вынужден был публиковать на паях с издателем. Карта Голландии и Бельгии, вычерченная им совместно с одним из товарищей и отпечатанная на собственные деньги в пяти тысячах экземпляров, начала бойко расходиться, но на рынке тут же появился опасный конкурент, изделие которого было гораздо ниже качеством, но и дешевле; после этого компаньоны заботились лишь о том, чтобы возместить свои затраты. Еще печальнее оказался другой опыт: по поручению издателя Мольтке взялся за перевод знаменитого многотомника Эдуарда Гиббона, посвященного римской истории. Сам он называл это «геракловым трудом»<sup>65</sup> и надеялся завершить не раньше чем через полтора года. В письмах матери Мольтке жаловался на то, что работа практически не оставляет ему свободного времени, особенно с учетом возрастающей занятости по службе. Когда перевод был почти завершен (с момента начала работы прошло уже два с половиной года), издатель отказался от своей идеи. Труд, которому Мольтке отдавал все свое свободное время в надежде вылезти из долгов, практически пропал даром. После длительного судебного процесса ему удалось получить лишь пятую часть причитавшейся суммы — 166 талеров, менее половины стоимости одной лошади. Это было меньше, чем его служебный оклад за три месяца. Впрочем, существовал и определенный положительный результат — Мольтке близко познакомился с древней историей. Сам процесс перевода, по его собственному признанию, доставлял ему немало удовольствия.



Карьера молодого офицера тем временем складывалась успешно. 30 марта 1832 г. он был прикомандирован к генеральному штабу, а ровно год спустя вошел в его постоянный штат в звании премьер-лейтенанта. Мечта наконец-то сбылась.

Оба события, помимо всего прочего, повлекли за собой серьезное повышение жалования. Мольтке теперь смог тратить больше на свое питание и здоровье. Результаты не замедлили сказаться. Последней финансовой проблемой стало приобретение лошадей и сбрун, однако здесь его выручил дядя Балдхорн, выдавший 200 талеров в счет никогда так и не выплаченного гонорара за Гиббона; кроме того, он позволил держать лошадей в своей конюшне. 75 талеров добавила мать. Уже в 1834 г. Мольтке писал, что болезнь отступила, и он чувствует себя совершенно здоровым человеком. Через некоторое время он смог полностью отказаться от материнских дотаций, а также

<sup>64</sup> *Molke H.K.V. Aufzeichnungen...* S. 35.

<sup>65</sup> *Ibid.* S. 39.

от побочных приработков. При первой возможности Мольтке постарался хотя бы частично вернуть матери свой долг.

Теперь он часто обедал в кафе, был постоянным клиентом у парикмахера и передким гостем на светских балах. Вопреки сложившимся мифам, он отнюдь не чуждался общества — хотя повсюду бросалась в глаза его сдержанность, ставшая впоследствии легендарной. Несмотря на то что генеральный штаб не пользовался большим влиянием, его офицеры были близки ко двору и являлись неперенными участниками многих церемоний. «Почти не желая того, я вовлечен в водоворот высшего общества, из которого не так-то легко вырваться», — писал сам Мольтке<sup>66</sup>. На самом деле этот водоворот не был ему неприятен — одиночество страшило больше. «Я не могу этого вынести — каждый вечер оставаться дома в одиночку», — писал он своим польским друзьям<sup>67</sup>.

Осенью 1829 г. руководителем генерального штаба стал генерал-лейтенант Иоганн Вильгельм фон Краузенэкк. В отличие от своего предшественника, он никогда раньше не занимался штабной работой и являлся в первую очередь практиком. Ему было чуждо стремление к теоретизированию и научному осмыслению войны; впрочем, изображать его ретроградом было бы ошибкой. Краузенэкк достаточно чутко реагировал на веяния времени в том, что касалось военного искусства. Он восстановил отмененную при Мюффлинге ротацию офицеров генерального штаба, которые после определенной выслуги лет должны были на некоторое время возвращаться в воинские части. Именно Краузенэкк разглядел талант Мольтке и оказал в дальнейшем весьма серьезное положительное влияние на его судьбу.

Утро молодого офицера начиналось с работы в стенах генерального штаба. Затем — прогулка верхом, обед и «изучение национальной экономики, хотя моя собственная доставляет мне достаточно много забот»<sup>68</sup>. В восемь часов вечера — бал у какого-нибудь принца или министра. Хорошо, если там встретятся приятные собеседники и не придется скучать, — тогда вечер пролетит незаметно. Позднее возвращение домой и обязательный перевод нескольких страниц труда Гиббона, заказ на который пока еще не отменен...

Впрочем, пышным балам и светским беседам Мольтке по-прежнему предпочитал штабную работу. Первоначально он был направлен во второе, «срединное» отделение и занимался военно-топографическим описанием Тюрингии. В 1833 г. его перевели в первое, «восточное» отделение, под начало Леопольда фон Герлаха, прусского аристократа и консерватора, кото-

<sup>66</sup> *Herre F.* Op. cit. S. 58.

<sup>67</sup> *Moltke-Almanach.* Bd. 2. S. 61.

<sup>68</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen...* S. 48.

рый впоследствии сыграет не последнюю роль в назначении Мольтке главой генерального штаба.

На новом месте молодой офицер занялся изучением русской армии. Несмотря на то что его шеф был ярким приверженцем Священного союза, не представлявшим себе возможности конфликта с Россией, собирать информацию о вооруженных силах восточного соседа было необходимо. Мольтке весьма пригодились недавно приобретенные познания в русском языке. Кроме того, его весьма широко привлекали к работам, посвященным Скандинавии. В частности, в памятной записке «О военном деле в России и Англии» ему был поручен раздел, посвященный Дании и балтийским проливам. Для тщательного изучения и без того хорошо знакомых ему вооруженных сил Мольтке в 1834 г. был направлен в трехмесячную командировку в Копенгаген, во время которой успел увидеться и с родителями, и с подругой юности Марией Штемани, и с братом Вильгельмом, который вскоре после этого скончался, и с сестрой Лугустой, вышедшей замуж за вест-индского плантатора. Из Дании Мольтке направил в генеральный штаб два отчета, посвященных техническим характеристикам датского огнестрельного оружия, которое он считал превосходящим прусское. По возвращении он составил подробный отчет о датской армии, рассматривая ее не только с чисто военной стороны, но и в политическом и социальном контексте.

Мольтке считался в отделении главным экспертом по вопросам военно-морского флота<sup>69</sup>. Еще в 1833 г. он принимал участие в подготовке маневров, посвященных десантированию на морское побережье.

Именно в этот период Мольтке открывает в себе страсть к путешествиям. К счастью, на долю офицера генерального штаба выпадает много возможностей выехать в различные уголки и за пределы родной страны. Саксония и Лаузиц, Тюрингия и Силезия — в совершенно разных частях раздробленной Германии побывал он в начале 1830-х гг. Весной 1833 г. Мольтке был направлен в итальянские владения Австрии. Сразу же после завершения учебной поездки ему был предоставлен четырехмесячный отпуск. В течение этого срока Мольтке объездил всю Ломбардо-Венецианскую область, присутствовал на австрийских маневрах, осматривал оборонительные сооружения знаменитого «четырёхугольника крепостей». Он должен был проанализировать состояние австрийских войск, в том числе прояснить различные технические вопросы, связанные с их вооружением. Весной 1834 г. ему было поручено обработать отчеты прусской военной миссии, официально направленной на маневры в Милано.

В 1835 г. Мольтке принимал участие в масштабной работе, посвященной изучению российской армии. Ему предстояло анализировать информацию

<sup>69</sup> Kessel E. Op. cit. S. 95.

о кавалерии, артиллерии и военно-морском флоте. Кроме того, из-под его пера вышел текст, посвященный британскому военному законодательству — несмотря на то что Британия не входила в сферу деятельности его отделения.

Помимо изучения актуальных проблем, Мольтке, как и другие его коллеги, вне зависимости от их принадлежности к тому или иному отделению, широко привлекался к военно-историческим исследованиям. В стенах генерального штаба с 1820-х гг. велось исследование Семилетней войны, в первую очередь кампаний прусской армии. Мольтке принимал участие в подготовке материалов по кампании 1761 г., однако мы не знаем точных масштабов его участия. В 1834 г. он получил задание обработать материал по сражению при Кульме 1813 г. и представить его во время очередной учебной поездки генерального штаба. Вне всякого сомнения, эти занятия привнесли Мольтке большую пользу, причем важен был не столько результат, сколько сам процесс исследования.

Фундаментальные работы прерывались мелкими практическими заданиями. Так, летом 1835 г. Мольтке был назначен в комиссию по приему офицерских экзаменов. Кроме того, несколько недель он прослужил командиром роты в гвардейском гренадерском полку. С тех пор и до конца жизни ему уже ни разу не пришлось быть строевым офицером. В 1835 г. он принял участие в учебной поездке генерального штаба на пограничные с Саксонией территории, а затем в маневрах прусской армии в Силезии<sup>70</sup>.

В этот период довольно сложно говорить о каких-то оригинальных взглядах Мольтке в области военного искусства. Конечно, у него сформировались свои воззрения, однако в основе своей они были заимствованы у учителей из Всеобщей военной школы и наставников из генерального штаба. Несомненно, что Мольтке к 1835 г. был знаком со знаменитым трудом Клаузевица «О войне». Впрочем, по словам Э. Кесселя, «Мольтке настолько усвоил элементы своего образования, что даже там, где четко прослеживается совпадение с мнением и взглядами других, он кажется самостоятельным и оригинальным»<sup>71</sup>. Он отстаивал принцип концентрации войск, преимущество наступательного образа действий. Укрепленные пункты молодой офицер оценивал достаточно высоко, хотя и с некоторыми оговорками. Он ценил кадровую армию и не считал ландвер адекватной заменой линейных частей. Заметен интерес к техногенному фактору современной войны. Отсутствие полностью сформировавшихся взглядов имело свою положительную сторону — готовность воспринимать новое, критически оценивать и отбрасывать старое, если реалии поля боя диктовали такую необходимость.

<sup>70</sup> *Wilkinson S.* Op. cit. P. 13.

<sup>71</sup> *Kessel E.* Op. cit. S. 104.

Руководство было довольно деятельностью офицера. Первая характеристика нового сотрудника, данная ему в стенах генерального штаба, звучала так: «Весьма образован, особенно в вопросах, связанных с его профессией. Деятелен, прекрасно подходит для службы в генеральном штабе»<sup>72</sup>. С каждым годом характеристики становились все более лестными. Даже сам король Фридрих Вильгельм III, интересовавшийся военными вопросами, выделил молодого офицера из числа его сослуживцев, отметив его в специальном приказе. Впрочем, в те годы монарх не был отделен от своих подданных непроницаемой стеной, и доступ к нему для тех, в чьих жилах текла голубая кровь, был достаточно свободным.

Принц Генрих Прусский, магистр Королевского Прусского ордена иоаннитов, наградил Мольтке крестом св. Иоанна. Шеф генерального штаба Краузенэкк так отзывался о своем подчиненном: «В течение прошедших лет у него была возможность блестяще доказать свою полезность в качестве умелого референта во время поездок в Австрию, Италию и Данию. Он особенно хорошо приспособлен для выполнения заданий, требующих воображения, кругозора и умения легко распознать мельчайшие нюансы»<sup>73</sup>. 30 марта 1835 г. ему было присвоено звание капитана. Продвижение по службе происходило в весьма быстром темпе — как писал сам Мольтке, «видимо, я единственный капитан во всей армии, поступивший на службу в 1822 г. Таким образом, я нагнал четыре года, потерянные на датской службе»<sup>74</sup>. В 1835 г. его руководители подумывали даже о том, чтобы отправить его в качестве военного атташе в Париж. «Искусный исследователь, владевший пятью языками, прекрасно начитанный знаток истории, любитель музыки и театра, ценитель изящных искусств, вращавшийся в лучшем обществе, фаворит при дворе, настоящий профессионал — насколько это возможно в его возрасте» — так с некоторым преувеличением отзывались потом о свежеспеченном капитане его биографы<sup>75</sup>. А судьба Мольтке готовилась тем временем сделать новый крутой поворот...

<sup>72</sup> Ibid. S. 39.

<sup>73</sup> Herre F. Op. cit. S. 60.

<sup>74</sup> Moltke H.K.B.v. Aufzeichnungen... S. 50.

<sup>75</sup> Wilkinson S. Op. cit. P. 13.

## Глава 3. ВОСТОЧНАЯ МИССИЯ

*Поездка на Балканы — Стамбул — На службе у султана — Курдская кампания — Турецко-Египетская война — Возвращение домой*

Улучшение материального положения Мольтке в первой половине 1830-х гг. позволило ему реализовать свою страсть к путешествиям. В голове молодого офицера созрел план масштабной и длительной поездки, целью которой стала экзотическая для тогдашних европейцев Османская империя. Для большинства немцев того времени Турция была таинственной и сказочной страной, царством «Тысячи и одной ночи». На улицах Стамбула было трудно услышать европейскую речь, а на окраинах империи было немало уголков, куда вообще не ступала нога западного человека.

Мольтке планировал добраться до турецкой столицы через Балканы, а вернуться морем через Италию, которая продолжала манить молодого офицера своей красотой. Очевидно, начальство сочло подобный маршрут весьма полезным и для служебных интересов — 23 сентября 1835 г. Мольтке получил шестимесячный отпуск с сохранением половинного жалования.

\*\*\*

Османская империя в начале XIX в. переживала один из самых непростых периодов своей истории. Страна, некогда державшая в страхе европейские дворы, стремительно слабела, превращаясь в «больного человека Европы». Под давлением военных поражений и восстаний в далеких провинциях ее правители, султаны, начинали понимать, что Средневековые безвозвратно ушло в прошлое и необходима модернизация. В первую очередь нужно было реформировать армию — практически неуправляемый янычарский

корпус, который постепенно превращался в некое подобие римской преторианской гвардии. Здесь ситуация была двойственной. С одной стороны, «янычарская вольница» угрожала центральной власти и становилась все менее эффективной в сражениях, причем ее содержание стоило огромных денег. С другой стороны, иной серьезной военной силы у Османской империи попросту не было.

На первом этапе военной реформы — в конце XVIII в. — правительство попыталось улучшить боеспособность войск старого образца, янычар и sipахов. Когда ожидаемого результата не последовало, султан Селим III начал создавать армию нового, европейского строя — «низам-и-джедит». Однако янычары, усмотрев в этом угрозу для себя, подняли в 1807 г. мятеж. Новые войска были частью перебиты, частью разогнаны, Селим III был убит.

Его преемнику, Махмуду II, пришлось вести себя куда более осторожно. На первых порах он старался всячески ублажить янычар, используя их в борьбе с анатолийскими феодалами в 1808–1821 гг. Однако новый султан был убежденным реформатором. Постепенно он заручился поддержкой духовенства, корпуса артиллеристов, населения столицы. Только после этого 29 мая 1826 г. был опубликован указ о создании армии нового типа — «эш-кинджи». Личный состав формировался из столичных янычар, офицерами стали в основном египетские военные.

В принципе, формирование новой армии непосредственно не отменяло существование янычарского корпуса, но «старая гвардия» вновь, как и два десятилетия назад, не собиралась терпеть соперников. 12 июня новые войска приступили к учебе, а 15 июня взбунтовавшиеся янычары двинулись к домам великого визиря Селим-паши и собственного командира Хусейн-паши с вполне недвусмысленными намерениями. Однако оба успели предусмотрительно покинуть свои жилища.

На подавление мятежа были брошены артиллеристы и гарнизоны босфорских крепостей. Казармы янычар были окружены и в упор расстреляны из пушек. За короткое время погибло, по некоторым оценкам, свыше шести тысяч человек, после чего казни продолжались еще в течение двух дней.

Немедленно был опубликован указ о ликвидации янычарского корпуса, а 17 июня увидел свет закон «О победоносном войске», во многом скопированный с французского военного законодательства. Теперь все мусульманское мужское население в возрасте от 25 до 40 лет считалось военнообязанным. Армия комплектовалась на основе рекрутских наборов, срок службы составлял 15 лет<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Боджолян М.Т. Реформы 20–30-х гг. XIX в. в Османской империи. Ереван, 1984. С. 86.



Султан твердо решил реформировать ветшавшую Османскую империю. По словам Д. Розена, Махмуд «был самодержец в полном смысле слова, он видел в себе пастыря, в своем народе — бессловесное стадо, существующее только для его пользы, в чиновниках — безусловно ответственные жизнью и имуществом орудия для исполнения его воли, в целом государстве — предмет, сосредоточенный в одной его особе»<sup>2</sup>. Одновременно с военной реформой проводилась и административная — создавались министерства по европейскому образцу. К середине 1830-х гг. была окончательно ликвидирована военно-ленная система, а конники-сипахи преобразованы в регулярную кавалерию. Главной проблемой было отсутствие кадров для офицерского корпуса. Османское правительство приглашало иностранных инструкторов из Австрии, Франции и Пьемонта, однако результаты их деятельности скорее разочаровывали.

В середине 1830-х гг. Османская империя являлась обладательницей не слишком боеспособной армии численностью всего около 70 тыс. человек, что было явно недостаточно для обороны, но в то же время весьма обременительно для казны. Как пишет М.Т. Боджолан, «несмотря на некоторые успехи, военная реформа в целом проводилась неорганизованно и ее результаты не оправдали надежд правительства»<sup>3</sup>. Кроме того, население в большинстве своем не понимало и не принимало реформ, которые оставались поверхностными и неэффективными.

Проблема боеспособности армии обострялась сложной внешнеполитической обстановкой: Англия и Россия, Австрия и Франция боролись за влияние на Порту. «Восточный вопрос» становился одной из самых актуальных тем европейской дипломатии.

Слабость Османской империи продемонстрировали военные кампании рубежа 1820–1830-х гг. В первую очередь речь идет о греческом национально-освободительном движении, которое турки так и не сумели подавить. Плачевными были и итоги Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Одновременно до предела обострился египетский вопрос. Египет, формально входивший в состав империи, стал под руководством честолюбивого Мехмеда Али практически независимым государством. Здесь в начале века были также проведены реформы, оказавшиеся достаточно успешными. В 1831 г. египетская армия начала вторжение, в результате которого богатая ресурсами и важная с геополитической точки зрения Сирия и Киликия быстро перешли в руки египтян. Победоносное сражение у Конни 21 декабря 1832 г. открыло им дорогу на Стамбул. Власть Махмуда II находилась

<sup>2</sup> Розен Д.Г. История Турции от победы реформы в 1826 году до Парижского трактата в 1856 году. Ч. 1. СПб., 1872. С. 330.

<sup>3</sup> Боджолан М.Т. Указ. соч. С. 101.

на грани крушения, когда высадившиеся в 1833 г. на берегах Босфора русские части закрыли египтянам путь в османскую столицу.

Помощь извечного северного врага, неожиданно превратившегося в союзника, не спасла Турцию от необходимости заключать унижительный мир. Мехмед Али получал в ленное владение территорию Сирии. Естественно, подобный исход не смог удовлетворить ни одну из сторон — ни султана, лишившегося одной из богатейших провинций, ни Мехмеда Али, стремившегося сделать свою власть наследственной и еще более независимой от Порты. Поэтому вновь создаваемой турецкой армии предстояло в ближайшем будущем проявить себя в реальном бою.

\*\*\*

Мольтке удалось не только испросить отпуск, но и найти себе попутчика. Им стал его приятель барон фон Берг, секунд-лейтенант Первого гвардейского полка. 7 октября путешественники выехали из Бреслау и уже 10-го оказались в Вене.

Столица империи Габсбургов произвела на Мольтке приятное впечатление. Прусского капитана очаровали узкие кривые переулки Вены — ведь «нет ничего скучнее длинных прямых улиц»<sup>4</sup>. Оживленное движение подхватывает путешественника и влечет его в своем потоке — но заблудиться практически невозможно, поскольку с любого более или менее открытого места безошибочно виден ориентир — знаменитый собор святого Стефана. На каждом доме, помимо номера, помещен символический рисунок: «придворная дама», «белый волк» или «Орлеанская дева». Все это придавало австрийской столице особый, неповторимый шарм. Впрочем, Мольтке, как всегда, не ограничивался созерцанием архитектурных красот. В письмах родным он анализировал опасные для империи Габсбургов тенденции, важнейшей из которых был рост национальных противоречий<sup>5</sup>.

18 октября спутники покинули Вену. В Будапеште, который показался путешественникам своеобразным концом света, границей между двумя мирами, Мольтке и Берг сели на пароход и отплыли вниз по Дунаю. Крепость Новая Орсова, расположенная на одном из островов, стала первым клочком османской территории, куда ступила их нога. Впрочем, крепостью это сооружение можно было назвать с трудом. Так, из двенадцати казематов лишь в трех находились орудия, остальные были приспособлены под коровьи стойла. Дворец Османа Сулеймана-паши, полновластного хозяина острова, по воспоминаниям Мольтке, больше напоминал сарай, а его пестрая одежда — лоскутное одеяло.

<sup>4</sup> *Moltke H.K.V.d. Aufzeichnungen...* S. 53.

<sup>5</sup> *Moltke H.K.V.d. GS, Bd. 4. S. 83.*

Из Орсовы началась сухопутная дорога на Бухарест, столицу княжества Валахии, зависимую и от турок, и от русских. Попутчики хотели сначала плыть на корабле, но затем вскладчину с венгерским торговцем приобрели повозку и отправились дальше на ней. Бухарест, куда они прибыли 6 ноября, оказался городом контрастов, где дворцы соседствовали с хижинами и европейская пышность — с азиатской нищетой. «Азия и Европа соприкасаются в этом городе», — писал Мольтке<sup>6</sup>. Многие разрушения времен недавней войны были еще заметны. Постоянный дождь сильно ухудшал общее впечатление от страны и ее жителей. Впрочем, удивительное природное богатство земель не смогла скрыть от наблюдательного пруссака даже пелена ливня. В одном из своих писем домой он, описывая блеск и нищету здешнего края, выдвигает программу распространения германского влияния в Восточной Европе. «Как много наших земляков эмигрируют, чтобы в других частях света достичь лучшей доли, и сколь немногие пытаются черпать из источников этой богатой страны, где окупилась бы любая работа, если бы имелись гарантии личной и имущественной неприкосновенности»<sup>7</sup>, — с сожалением пишет Мольтке. Идея расширения германского влияния на восток будет сохранять для него свою актуальность и в дальнейшем.

Тем временем наступил ноябрь, и на Балканах выпал первый снег. Повозку пришлось сменить на сани. «Мы продолжили наше путешествие на санях, если это лестное название можно применить к транспортному средству, которое не представляет собой ничего большего, чем запряженную четырьмя лошадьми волокушу, настолько узкую и короткую, что ноги свешивались по краям и во время быстрой езды можно было удержаться на месте только благодаря исключительным усилиям. Мы еще не достигли первой почтовой станции, а наш почтальон уже единожды упал с повозки, а я проделал это целых два раза. Возница миниатюрных саней, казалось, совершенно не беспокоился по этому поводу; он неся дальше на своих маленьких лошадях, и необходимо было приложить огромные усилия, чтобы криками привлечь его внимание к тому, что он потерял значительную часть своего груза»<sup>8</sup>.

Именно так Мольтке и Берг добрались до Руцука, первого населенного пункта на собственно османской территории. Городок очень понравился путникам. Путешествие продолжали верхом, в непривычных татарских седлах, по полузаброшенным трактам. В Шумле пруссаки впервые посетили турецкую баню, которая произвела на них неизгладимое впечатление и, что гораздо более важно, позволила впервые за много дней по-настоящему

<sup>6</sup> Moltke H.K.v. *Unter dem Halbmond*. Berlin, 1988. S. 51.

<sup>7</sup> *Ibid.* S. 53.

<sup>8</sup> *Ibid.* S. 56.

согреться. Затем товарищи продолжили свой путь по практически дикой местности, в которой не замедлили заблудиться. Неизвестно, чем бы закончилась эта история, если бы им навстречу случайно не попался пастушок-болгарин. Правда, он ни в какую не желал понимать, что именно от него требуется, и поэтому проводникам Мольтке пришлось привязать мальчика к седлу и насильно заставить его показывать дорогу. Как только караван выбрался на верный путь, мальчик было немедленно отпущен и вознагражден деньгами. «Это было противоречивое чувство — наблюдать несправедливость, но мы не могли ни договориться, ни обойтись без помощи мальчика», — писал Мольтке<sup>9</sup>. Цель оправдывает средство — правило, которому он следовал и в дальнейшем.

23 ноября, на десятый день после выезда из Руцдука, путешественники вдалеке увидели Стамбул. Мольтке живо интересовался историей этого города, как и вообще любой незнакомой местности, справедливо считая, что без знания прошлого невозможно понять настоящее. Однако, увлекаясь прошлым Османской империи, он ни в коей мере не был равнодушен к ее сегодняшнему дню. Развитое чувство прекрасного и острый глаз наблюдателя позволяли ему замечать то, что оставалось скрытым от многих других путешественников. Стамбул — «лес минаретов, мачт и кипарисов»<sup>10</sup> — произвел на прусского капитана глубокое впечатление. Пестрые дома, бесчисленные купола мечетей, огромный султанский дворец — «город в городе» — все это удивляло и поражало путешественника. Взглядом профессионального военного он отметил важное стратегическое значение города.

В Стамбуле Мольтке планировал сделать достаточно продолжительную трехнедельную остановку, чтобы поближе познакомиться с обычаями экзотического Востока. О них он рассказывал родным в подробных письмах домой. Практически все, начиная с мелочей, было ново и необычно для него. Целыми днями Мольтке прогуливался по городу и катался на лодке по водной глади Босфора. Он наблюдал за молитвами правоверных, за уличным писцом, который исполнял заказы толпившихся вокруг него неграмотных людей, за посетителями кофейного домика, которые добрую половину суток проводили в одной и той же позе, неспешно покуривая трубку. Их ленивый досуг прерывал лишь профессиональный рассказчик, который заменял собой и газету, и театр. Он рассказывал собравшимся смешные и фантастические истории, одновременно изображая все происходившее в лицах.

Контрасты в Стамбуле были налицо: рядом с пышностью дворцов — убогие лачуги бедноты, рядом с европейскими одеждами — окостеневшие, ухажившие корнями в далекое прошлое Средневековые обычаи. Модернизация

<sup>9</sup> *Ibid.* S. 62.

<sup>10</sup> *Hier F. Op. cit.* S. 66.

последних лет слабо затронула основную массу населения. Турция жила во многом так же, как и несколько столетий назад. Коррупция принимала невиданные размеры на всех уровнях, о системе здравоохранения и образования в их европейском понимании не было и речи, угнетение женщины, рабство и телесные наказания были абсолютной нормой. Продажа должностей вела к местничеству и сепаратизму; отсутствие элементарных гарантий собственности мешало развитию производства и торговли. Армия, бюрократия и юстиция пребывали, на взгляд европейца, в совершенно диком состоянии. Внешне «мощное политическое образование», османское государство предстало перед прусским гостем «картиной распада, которая предвещает скорый конец»<sup>11</sup>, конгломератом независимых территорий, связанных лишь общей верой.

Именно эту веру — ислам — Мольтке считал основной причиной сначала быстрого возвышения, а потом постепенного упадка Османской империи. Именно на почве религии консервировались старые порядки и обычаи, отвергалось все новое и прогрессивное. «Внешние члены некогда могучего организма отмерли, вся жизнь сосредоточилась в сердце и восстание на улицах столицы может превратиться в похоронную процессию османской монархии. Будущее покажет, сумеет ли государство остановиться в середине своего падения и пережить органическое обновление, или магометано-византийской империи, как некогда христианско-византийской, уготована судьба пасть жертвой фискального управления», — писал Мольтке<sup>12</sup>.

Нужно отметить то обстоятельство, что прусский капитан стремился оценить окружающую его действительность Османской державы максимально объективно, насколько это было возможно. В тогдашней Европе отношение к исламскому Востоку по-прежнему было снисходительно-враждебным, что не могло не оказать влияние на заранее сформировавшиеся представления Мольтке. В дальнейшем он будет вынужден частично пересмотреть их.



Прусский посланник в Стамбуле граф Кенигсмарк представил Мольтке османским правителям. Вскоре офицер был удостоен аудиенции у султана Махмуда II в новом дворце на берегу Босфора, построенном в европейском стиле в качестве символа разрыва со старой традицией. Мольтке запомнилось «впечатление благожелательности и добродушия, которое производили все слова государя»<sup>13</sup>.

<sup>11</sup> Herre F. Op. cit. S. 70.

<sup>12</sup> Ibid. S. 72.

<sup>13</sup> Ibid. S. 74.

Подобное отношение к прусскому офицеру было далеко не случайным. Махмуд II отчаянно нуждался в специалистах для проведения военной реформы. Интерес именно к прусской армии созрел в правящих кругах задолго до приезда Мольтке. Практически все великие державы Европы — Франция, Англия, Австрия, Россия — вели активную политику в регионе, и приезд военных инструкторов со стороны одной из этих стран поставил бы Турцию в определенную нежелательную зависимость, да к тому же вызвал бы протесты других игроков политической арены. Лишь Пруссия, не имевшая никаких интересов на Востоке, могла стать «честным партнером», — справедливо рассуждали при дворе султана. Запрос о посылке военной миссии уже был направлен прусскому королю, но остался без ответа. И приезд офицера прусского генштаба рассматривался в Стамбуле почти как подарок судьбы.

Покровителем Мольтке стал Хозрев-паша, занимавший пост сераскира (главнокомандующего) и военного министра — второй после султана человек в государстве. «Почти 80-летний старик, который сохранил живость, подвижность и чувствительность юноши» — так описывал его Мольтке<sup>14</sup>. Искусный интриган, властолюбивый, накопивший огромное богатство, Хозрев уже в течение 35 лет занимал высшие государственные посты в империи и являлся сторонником реформ — не по убеждению, а поскольку видел в этом выгоду для себя. 15 декабря состоялась его первая встреча с прусским гостем. Впоследствии паша неоднократно приглашал Мольтке к себе, расспрашивал его о прусской ландверной системе, позволявшей содержать боеспособную армию с минимальными расходами (что было весьма актуально для Османской империи), выслушивал обстоятельные ответы и хвалил чужеземные порядки. Визиты капитана происходили не менее двух раз в неделю, и каждый раз ему выделялся весьма внушительный кортеж. Сераскир все более утверждался в мысли задержать молодого офицера на продолжительный срок.

В итоге, когда 22 декабря Мольтке и Берг собирались отправляться в Смирну, первого из них настигла просьба Хозрева, больше походившая на приказ: остаться в качестве военного советника. Перед Мольтке встал непростой выбор. Он мог спокойно продолжить свое путешествие и вернуться домой, к привычной работе в стенах генерального штаба. А мог остаться в чуждой стране с незнакомой культурой, среди множества опасностей, но зато открыть перед собой новые горизонты.

Мольтке не привык долго колебаться. Решающую роль сыграли, наверное, в последний раз в его жизни, финансовые соображения. Брешь, пробитая в бюджете продолжительным путешествием, могла заполниться в мгновение

<sup>14</sup> *Moltke H.K.V.*, Unter dem Halbmond. S. 73.

ока, прими он предложение всемогущего сераскира. В истре Берг отправился дальше, в Афины и Неаполь, в одиночестве. Правда, Мольтке не подозревал, насколько длительным окажется его пребывание в Турции — еще в мае он твердо рассчитывал вернуться в Берлин до конца года. Естественно, он не хотел быть отчисленным из рядов генерального штаба. Начались долгие и трудные переговоры — осторожный Фридрих Вильгельм III долго не хотел назначать Мольтке официальным инструктором, опасаясь негативной реакции великих держав. Однако ни Вена, ни Петербург не имели ничего против, к тому же с их представителями в Стамбуле у Мольтке сложились хорошие отношения. Настороженность проявил лишь Лондон, тем более что британский посланник в Турции искренне считал прусского офицера оплачиваемым русским агентом<sup>15</sup>.

Отпуск Мольтке был продлен с сохранением полного жалования. Лишь 8 июля он официально получил статус командированного в Турцию для «инструктирования и организации местных вооруженных сил»<sup>16</sup>. Теперь у него было особое положение, отличавшее его от всех европейских инструкторов, работавших ранее в османской армии. Его предшественники были в основном авантюристами-одиночками, которые в надежде скопить богатство отправлялись на Восток. Мольтке же являлся официально командированным представителем одной из ведущих европейских держав. Более того, вслед за первым прусским офицером должны были последовать другие; чтобы создать действительно боеспособную армию, необходимы были усилия монолитной группы квалифицированных советников.

Прусский капитан с рвением взялся за дело. Будучи военным советником самого султана, он обладал достаточно широкими полномочиями. Первой задачей, вставшей перед свеженепеченным инструктором, стала выработка рекомендаций по созданию «турецкого ландвера» — формированию обученного резерва, который с началом войны мог бы быть мгновенно призван под знамена.

Поселившись в доме личного переводчика сераскира, Мольтке приступил к созданию основополагающих документов, касавшихся предстоящей реформы. Он прекрасно понимал, что это потребует массу усилий. Не столько из-за бюрократических преград, за спиной Мольтке стояла весьма внушительная сила, сколько из-за менталитета населения. Между немцем и турком была в этом смысле гигантская разница, и ввести прусские учреждения в оригинальном виде не представлялось возможным. Итогом усилий предшественников Мольтке, пытавшихся внедрить европейские порядки в османской армии, стало войско «с русскими мундирами, французским

<sup>15</sup> Kessel E. Op. cit. S. 117.

<sup>16</sup> Herre F. Op. cit. S. 76.

уставом, бельгийскими ружьями, турецкими головными уборами, венгерскими седлами и английскими саблями», «где командиры напоминали рекрутов, а рекрутами были едва побежденные враги»<sup>17</sup>, находившееся под предводительством «гаремных генералов»<sup>18</sup>. «Нынешняя турецкая армия — это новая постройка на старом, полностью расшатанном фундаменте», — писал Мольтке родным<sup>19</sup>.

Некоторые исследователи считают поставленную перед немецким офицером задачу в принципе неразрешимой. В любом случае, Мольтке отчасти справился с ней — турецкий аналог ландвера был создан, хотя в последовавшей вскоре войне проявил себя не лучшим образом. Мольтке занимался составлением плана разбивки страны на военные округа, дислокации частей, ежегодных учений. Из-за отсутствия офицеров высшей тактической единицей он сделал батальон. Положив в основу прусскую ландверную систему, Мольтке был вынужден серьезно модифицировать ее. Он не строил себе иллюзий, понимая все несовершенство создаваемого при его участии механизма — армии без квалифицированных офицеров, где большинство солдат были насильно согнанными отпрысками беднейших семей. Для формирования настоящего ландвера необходимо было, по его мнению, перестраивать всю государственную и общественную систему, на что османские правители были явно не готовы идти.

Прусский офицер прекрасно видел слабость турецкого войска и рекомендовал оборонительную стратегию с использованием крепостей в качестве основных узлов обороны. «Крепости играют в Турции большую роль, чем в любом другом европейском государстве», — писал Мольтке<sup>20</sup>. Поэтому он в первую очередь занялся укрепленными районами в окрестностях столицы (на Проливах) и на Балканах. В этом вопросе Мольтке удалось достичь значительных успехов — прогресс османской фортификации был очевиден. Именно такого рода работу, посвященную частным улучшениям, он считал в сложившихся условиях наиболее эффективной.

Сначала прусский офицер лично обследовал Проливы. На берегах Дарданелл все еще размещались архаичные орудия, стрелявшие каменными ядрами. Мольтке настаивал на том, что только применение современной артиллерии, расположенной в необходимых пунктах, позволит оборонять пролив. Турки горячо спорили с ним, считая свое оружие эффективным, и даже провели учебные стрельбы, во время которых каменное ядро попало в небольшой челн и разнесло его в щепки; это полностью случайное

<sup>17</sup> Ibid.

<sup>18</sup> *Moltke H.K.V.a. Unter dem Halbmond*. S. 80.

<sup>19</sup> Ibid. S. 92.

<sup>20</sup> *Kessel E. Op. cit.* S. 122.



попадание немедленно сочли чудом снайперского искусства. Несколько лучше обстояло дело с Босфором — сильное течение затрудняло проход судов, а узкий фарватер позволял орудию с любого берега простреливать всю ширину пролива.

Мольтке уделял большое внимание осмотру исторических памятников, уцелевших в тех местах. Развалины древней Никеи, знаменитой своим церковным собором, место, где, как предполагалось в то время, находится воспетая Гомером Троя... Именно им посвящена львиная доля его писем домой. Мольтке постепенно узнавал обычаи восточных народов. В письмах родным он опровергал расхожие стереотипы, существовавшие в Европе относительно Османской империи. К примеру, положение рабов в Турции, которое разительно отличается от общепринятых представлений. В турецких семьях они находятся почти на положении домочадцев; нередко юношараб берет в жены дочь хозяина. «Если бы какая-либо иностранная держава смогла осуществить освобождение рабов на Востоке, они вряд ли были бы ей за это благодарны», — писал Мольтке<sup>21</sup>. О своей непосредственной работе он рассказывал довольно скупно.

Летом 1836 г. в Стамбул пришла чума. Мольтке старался поменьше писать об эпидемии домой, чтобы не тревожить родных, но его изумление турецкой манерой бороться с заразой волей-неволей прорывается наружу. Единственным санитарным мероприятием, которое проводили мусульмане, была молитва. Карантин, окуливание зараженных районов, строгая изоляция больных — все это, казалось, неизвестно местному населению. С изумлением, смешанным с ужасом, Мольтке наблюдал, как солдаты, похоронив своего умершего от чумы товарища, делили между собой снятую с мертвеца одежду и радовались неожиданному приобретению. На счастье, значительную часть лета он провел вне столицы, на Балканах, где осматривал крепости Варна и Шумла и составлял рекомендации по их дальнейшему развитию. Впрочем, к советам Мольтке прислушивались неохотно, хотя одновременно на словах высоко оценивали заслуги прусского офицера.

Чума закончилась, и Мольтке снова вышел на улицы турецкой столицы для проведения топографических съемок Стамбула и его окрестностей. Положение прусского капитана в этот момент было поставлено под угрозу: под предлогом наказания за неправильные действия во время эпидемии его покровитель, Хозрев-паша, был отстранен от всех должностей и отправлен в опалу. Теперь он в одиночестве коротал дни в своем прекрасном доме, покинутый всеми друзьями и сторонниками. Мольтке, однако, не забыл опального вельможу и в один прекрасный день навестил его. Удивление и радость Хозрева были безграничны. «Мне было безразлично, понравится это

<sup>21</sup> *Moltke H.K.V. Unter dem Halbmond.* S. 79.

новым властителям или нет, и поэтому я после его падения много раз навещал его», — писал Мольтке родным<sup>22</sup>. При этом он, впрочем, почти без всякого удивления, обнаружил, что, став частным лицом, ревностный реформатор полностью вернулся ко всем старотурецким обычаям.

Мольтке пользовался личным расположением султана и поэтому мог спокойно продолжать свою работу. С 1 октября 1836 г. по 22 февраля 1837 г. он осуществил топографическую съемку столицы и берегов Босфора. Прихватив инструмент, он методично проводил свою работу, преследуемый толпами любопытных, которых, впрочем, весьма эффективно отгоняли приданные инструктору турецкие солдаты. В среднем Мольтке работал по 9–10 часов в день. А затем прусский капитан отправлялся в путь. Все местные власти были обязаны оказывать ему содействие, более того, он мог посещать любой турецкий военный объект и брать оттуда необходимое число солдат.

К концу зимы топографические съемки были полностью завершены. Мольтке был удостоен аудиенции у самого султана, который проявил детальную осведомленность о работе чужестранца и с благодарностью говорил о помощи, которую Пруссия оказывает его стране посылкой военных инструкторов. В конце своей речи правитель не забыл выразить надежду на то, что Мольтке продолжит свою работу на турецкой земле. 22 января 1837 г. ему был пожалован турецкий орден.

В 1837 г. Мольтке предстояло новое путешествие. Теперь он должен был сопровождать султана в его поездке по балканским владениям. Меньше десяти лет назад здесь прокатилась Русско-турецкая война, и монарх хотел лично появиться перед своими подданными, чтобы продемонстрировать свою заботу и укрепить их лояльность османскому государству. Мольтке досталась другая, не менее важная задача — инспектировать балканские крепости и по возможности представить свои соображения по их модернизации.

24 апреля султан с многочисленной свитой погрузился на 68-пушечный фрегат «Нусретия» и отплыл на север. После Варны путешествие продолжилось сухим путем. Мольтке занимал достаточно почетное положение в свите правителя: на всех церемониях он занимал место среди пашей и военачальников, а однажды султан передал ему через капудан-пашу (адмирала), что стоит хорошая погода, — это считалось знаком особой милости. На прусском капитане лежала масса обязанностей; «...султан дает мне столько мелких поручений, что я с трудом понимаю, как успеть справиться со всеми», — писал он родным<sup>23</sup>.

<sup>22</sup> Ibid. S. 138.

<sup>23</sup> Ibid. S. 154.

Мольтке достаточно низко оценил обороноспособность Варны; укрепленный лагерь в следующей крупной цели их путешествия, Шумле, напротив, произвел на него благоприятное впечатление. Фактически на протяжении всего пути Мольтке старался опередить кортеж султана, чтобы к прибытию монарха уже осмотреть укрепления и иметь о них готовое мнение. Ему удалось побеседовать со многими турецкими офицерами, а в Шумле понаблюдать за маневрами батальона редифов — только что созданного турецкого аналога ландвера. В Силистрии Мольтке еще до прибытия султана не только осмотрел крепость, но и снял ее план. Впрочем, у него не было иллюзий относительно возможности защитить Добруджу от русского вторжения; еще римляне, говорил он, считали, что эту землю невозможно укрыть от варварских нашествий. Теперь же, когда вместо варварских племен в наступление пойдет мощная регулярная армия, это не удастся и подавно.

Мольтке особо отмечал весьма милостивое и щедрое обращение султана со своими подданными. Правитель должен внушать не только страх, но и любовь — таково было кредо Махмуда II. Местным жителям раздавались деньги, по отношению к ним не допускалось ни малейшей несправедливости. Из Силистрии кортеж султана отправился водным путем в Русук, а затем, через территорию Болгарии, в обратный путь.

Мольтке не требовалось больше осматривать крепости, и он ехал вместе со всем кортежем. «Поскольку я являюсь абсолютной аномалией среди свиты султана, было весьма нелегко найти в ней подходящее для меня место; в таком странном положении ты вообще значишь то слишком много, то слишком мало; поскольку повелитель постоянно приказывает позвать меня, я должен находиться поблизости от него», — писал Мольтке<sup>24</sup>.

Через Тырново, Казанлык и Адрианополь султан вернулся в Стамбул. Турецкое правительство, вдохновленное успешным началом, решило продолжить сотрудничество с Пруссией. Порта просила прислать 11 прусских офицеров и четырех угтер-офицеров сроком на три года. Хотя прусский король предварительно проконсультировался с французами и получил в целом положительный ответ, этим планам так и не суждено было исполниться в полном объеме. Австрийская дипломатия заблокировала проект создания турецкого военно-учебного заведения, для которого, собственно говоря, и запрашивались прусские офицеры. Вместо этого 11 турок были отправлены на обучение в Вену. Теперь у Берлина запросили трех офицеров генерального штаба и одного представителя инженерных войск.

Изначально Мольтке предполагал, что с прибытием прусской миссии он будет немедленно отправлен на родину. Он считал, что работа там окажется гораздо более плодотворной, чем в Турции. Однако судьба распорядилась

<sup>24</sup> *Moltke H.K.V.z. Unter dem Halbmond*. S. 160.

иначе. 28 августа 1837 г. в турецкую столицу прибыли капитаны Карл фон Винке, Фридрих Леопольд Фишер и Генрих фон Мюльбах. Мольтке от души радовался их приезду — после долгих месяцев он наконец-то встретился с соотечественниками. С Винке он был знаком очень давно, еще со времен Военной школы. В начале 1830-х гг. старые товарищи вместе оказались в генеральном штабе, причем способности Винке руководство оценивало порой даже выше, чем таланты Мольтке. Именно Винке взял на себя в 1837 г. руководство всей прусской военной миссией.

Ранее у Мольтке было не так уж много возможностей общаться с соотечественниками. Поступивший на турецкую службу прусский лейтенант Кёнке, видевший в нем опасного соперника, стал его заклятым врагом. Отношения с прусским послом в Стамбуле, графом Кёнигсмарком, не сложились, и они по возможности избегали общества друг друга. Больше Мольтке общался с капитаном Лауз, который приехал в османскую столицу в октябре 1836 г. Впрочем, и в только что прибывшей группе коллег уже возникли разногласия: Мюльбах, который был старше Винке и по возрасту, и по выслуге лет, держался несколько обособленно.

«Я неописуемо счастлив ввиду скорого прибытия офицеров, которых султан запросил у короля», — писал Гельмут родным<sup>25</sup>. — «Для меня было большим удовольствием стать их проводником по прекрасным окрестностям»<sup>26</sup>. Впрочем, товарищи Мольтке прибыли не для того, чтобы любоваться красотами Востока. В течение ближайших лет они тоже внесли серьезный вклад в реорганизацию турецкой армии: Винке выработал для нее устав, Лауз не покладая рук трудился над совершенствованием артиллерии, за полгода привел ее если не в хорошее, то, по крайней мере, в сносное состояние.

Сам Мольтке занимался проектом военной школы, а также участвовал в обсуждении противочумных мероприятий. Он к тому моменту был уже довольно скептически настроен относительно перспектив сотрудничества двух стран. Мольтке видел, что правительство султана старается обойтись, что называется, малой кровью и не желает идти на масштабные преобразования. Ни орден Нишан с бриллиантами, ни почетное имя Барон Бей, данное турками, не могли заставить прусского капитана закрыть глаза на главное: практически все его усилия пропадали даром. Обширные памятные записки и проекты преобразований, выходявшие из-под его пера, после долгих и громких похвал отправлялись в небытие архивов. Основная масса турецких военных относилась к чужеземцам холодно, враждебно и даже презрительно. Мольтке видел, что реформа заходит в тупик.

<sup>25</sup> Ibid. S. 173.

<sup>26</sup> Ibid. S. 178.

Тем не менее определенных успехов достичь все же удалось. Турецкая армия, представлявшая собой ранее скорее скопище вооруженных людей, стала более или менее походить на регулярное войско. Было налажено снабжение, освоены правила выполнения маршей и устройства лагерей, впервые прошли большие маневры. Но все эти изменения на поверку оказались поверхностными: «Войско напоминало клинок, выкованный по всем правилам искусства, но не из стали, а из свинца, и потому плавившийся при попытке закалить его в огне опыта», — писал Мольтке впоследствии<sup>27</sup>.

1837 год принес Мольтке много приятных впечатлений, он же стал одним из самых печальных лет в его жизни. Вдали от родины, на берегах Босфора, он узнал о смерти матери — одного из немногих действительно близких ему людей.

В ноябре прусские офицеры вновь отправились на Балканы. Здесь им предстояло опять заниматься крепостями; Мольтке, как специалисту по морским вопросам, поручили все гавани, кроме Варны. В конечном счете все согласились с его прежними выводами о высоком значении крепостей и необходимости унификации калибров орудий. К концу года после выполнения своей миссии офицеры вернулись в Стамбул. В декабре Мольтке и Винке провели подготовительную работу к большим весенним маневрам османской армии. Впрочем, вскоре прусскому капитану предстояло распрощаться с турецкой столицей, чтобы принять участие в первой в своей жизни настоящей военной кампании.



Курдская проблема, одна из наиболее болезненных в политической жизни современной Турции, была не менее острой и два столетия назад. В 1838 г. Порты решила направить воинские части в восточные районы страны, где местное население было покорено лишь номинально. Султан и его советники совершенно справедливо не хотели на пороге столкновения с египтянами оставлять в тылу непотушенный очаг мятежа.

28 февраля Мольтке и Мюльбах были отправлены в армию Хафиза-паша, концентрировавшуюся на Верхнем Евфрате (т. н. Таурусская армия).

Нужно сказать, что прусским офицерам повезло с военачальником; Хафиз-паша считался одним из самых просвещенных и ученых людей в турецкой армии. По крайней мере, он был грамотным и не смотрел на чужеземцев с презрением. Что, впрочем, отнюдь не мешало ему окружать себя множеством ясновидцев и предсказателей, которые фактически составляли его штаб. Сын черкесского вождя, в детстве проданный в Стамбул, он достаточно быстро возвысился благодаря своим способностям. Среднего роста,

<sup>27</sup> *Moltke H.K.v.d. Der türkisch-ägyptische Feldzug 1839.* Berlin, 1935. S. 14.

физически крепкий, прекрасный наездник и стрелок из лука, Хафиз был во многих отношениях образцовым воином. Как писал Д. Розен, он «отличался целесообразным применением правил военного искусства к существующим на Востоке отношениям»<sup>20</sup>. Мольтке стал у него кем-то вроде начальника штаба — высшая должность, о которой европейский офицер вообще мог мечтать в османской армии.

Для Мольтке было очевидно, что надвигается война. Скептически оценивая состояние турецких войск, он был не прочь поучаствовать в настоящих боевых действиях. Настроения прусского капитана были настолько очевидны, что Кёнигсмарк даже обвинил его в намеренном подталкивании турок к войне. Конечно, это было преувеличением, но «то, что война была чем-то таким, чему Мольтке, будучи солдатом, мог радоваться как очередной задаче, не подлежит сомнению»<sup>21</sup>. Ему представлялась возможность наконец-то попробовать себя на практике, применить все полученные за долгие годы службы знания в реальном бою. В остальном от воздерживался от любого вмешательства в политику.

Мольтке предстояло в первую очередь исследовать пути для передислокации армии Хафиза-паши в пограничную с владениями египтян область Сирии. 23 марта началось полное опасностей и приключений путешествие. Осмотрев верхний Евфрат, он пересек горы Тауруса и, спустившись вниз по течению великой реки, углубился в пустыню. Здесь Мольтке достаточно близко познакомился с арабами — еще одним народом, до конца не покорившимся центральному правительству и доставлявшим Порте немало головной боли. «Путешествия, совершенные мной в то время, имели тысячемильную протяженность и проходили большей частью в местностях, куда и тогда, и сейчас путешественник может отправиться только в сопровождении вооруженной свиты — в страну курдов, амшаров и в месопотамскую пустыню, — вспоминал Мольтке впоследствии. — В наблюдении прорыва Евфрата через курдские горы моим ближайшим предшественником, видимо, являлся Ксенофонт»<sup>22</sup>. Помимо военных задач, он не забывал о научных, и его наблюдения существенно обогатили познания европейских географов. У одного турецкого солдата он купил найденную в пещере сирийскую рукопись несторианского Нового Завета, которую затем привез в Берлин<sup>23</sup>.

Через Мараш, Румкале, Орфу и Диарбекир Мольтке путешествовал по Сирии. Плодородная страна очень понравилась ему, но удовольствие оказалось недолгим — поэтическое любование окружающими красотами не

<sup>20</sup> *Rosen D.G. Указ. соч. С. 290.*

<sup>21</sup> *Kessel E. Op. cit. S. 132.*

<sup>22</sup> *Moltke H.K.v. Aufzeichnungen... S. 52.*

<sup>23</sup> *Kessel E. Op. cit. S. 134.*

входило в его непосредственные задачи. Весьма опасным предприятием стало прикладное исследование судоходности Тигра в его верхнем течении. 15 апреля 1838 г. Мольтке, Мюльбах и несколько турок отправились на плоту из бревен и надутых овечьих шкур по опасной реке. Путешествие началось в весьма комфортабельной обстановке: обеспеченные едой, вином и чаем, расположившись на мягких подстилках, путешественники неслись по реке со скоростью экспресс-почты, не прикладывая к этому практически никаких усилий. Идиллию прервал жуткий дождь, моментально вымочивший всех до нитки и смывший часть багажа за борт. К счастью, скоро поблизости показался остров, на который путники высадились, чтобы просушить свою одежду. «Неподалеку от нас, на другой песчаной банке, сидела стая пеликанов, которые сушили свои белые перья, как будто передразнивая нас»<sup>30</sup>. Пока экипаж плота любовался птицами, само плавсредство чуть не унесло течением. В конечном счете на следующий день путники достигли Мосула. Главный вывод был сделан — Тигр в его верхнем течении может использоваться в качестве транспортной артерии для переброски войск.

Затем Мольтке вернулся на север, как раз вовремя для того, чтобы принять участие в экспедиции против курдов. Войну предстояло вести в горной местности. Прусский капитан присоединился к отряду, отправившемуся 3 мая к практически неприступному скальному замку одного из курдских князей, Саид-Бея. Штурм замка представлялся непростой задачей, и Мольтке пришлось приложить немало усилий для того, чтобы решить ее. Крепость находилась «на скале высотой около 1000 футов, которая с севера связана крутым непроходимым хребтом с еще покрытыми снегом вершинами основной горной цепи. С востока и запада она окружена глубокими ущельями, которые на юге соединяются в долине, в которой мы стоим лагерем; лишь одна узкая тропа извивается бесконечным зигзагами до стен и башен, и даже она перегороджена многочисленными пристройками. Дороги в долине находятся полностью под контролем обитателей замка, а по обе стороны ущелий поднимаются скалы на высоту крепости, которые, однако, настолько круты, что будет сложно расположить на них батарею»<sup>31</sup>.

Однако именно такое решение предложил Мольтке. Орудия с огромными трудностями доставили наверх, и 9 мая был открыт огонь. Впрочем, ущерб, нанесенный замку, казался на первый взгляд незначительным. В качестве следующего этапа были начаты работы по подведению мины под стены крепости, и в этот момент обороняющиеся предпочли капитулировать. Одним из факторов, повлиявших на решение осажденных, явилось присутствие европейца, которого они считали кем-то вроде колдуна. Справедливости ради

<sup>30</sup> *Moltke H.K.V. Unter dem Halbmond. S. 237.*

<sup>31</sup> *Ibid.*

нужно сказать, что и Мольтке многому научился у турецких офицеров, командовавших осаждающими войсками...

Затем последовал поход в горный район Карсани. Прусский офицер регулярно проводил рекогносцировки в авангарде наступающей армии Хафиза, неоднократно бывал под пулями. Штурм горной деревни Папур, проведенный по плану Мольтке, тоже добавил ему авторитета в глазах турок. Мольтке, попавший в необычный климат, подхватил лихорадку и не мог передвигаться пешком, но мужественно руководил битвой верхом на ослике. После боя ему пришлось стать свидетелем ужасных сцен — турки расправлялись с местным населением с невероятной жестокостью. Однако Мольтке считал, что это вполне оправданно, потому что заставит остальных курдов отказаться от сопротивления и сэкономит множество жизней с обеих сторон. «Как можно вести войну против народа в горах, не прибегая к жестокости?» — задавал он риторический вопрос<sup>34</sup>.

Предельно рациональное, реалистичное, даже циничное отношение к ужасам войны будет характерно для него и впоследствии. Война не представляет собой ничего хорошего, но раз уж она была неизбежна и началась, следует понимать, что невозможно сделать яичницу, не разбив яиц, считал Мольтке. Военачальник не должен приходить в ужас от тех жертв и разрушений, которые несет с собой война; иначе он недостоин своего звания. Более того, жестокость, способствующая скорейшему окончанию войны, позволяет избежать гораздо больших ужасов.



В результате курдского похода Мольтке стал счастливым обладателем боевого опыта и определенного признания со стороны турецких командиров. Теперь на очереди была кампания против египтян, в неизбежности которой не сомневался никто.

Еще в 1834 г. в Сирии вспыхнуло антиегипетское восстание, что дало Мехмеду Али повод держать на границе крупную армию во главе со своим приемным сыном Ибрагимом. Напротив нее стояла не менее мощная турецкая армия. Долго так продолжаться не могло: «сирийское стояние» стоило обоим государствам слишком дорого.

Немецкие офицеры, приданные турецким частям, не получили четких инструкций из Стамбула — они должны были выступать в роли советников и «помогать чем смогут». Первой задачей Мольтке стало исследование верхнего течения Евфрата. Как и в предыдущем случае, он вместе с несколькими спутниками отправился на плоту вниз по течению. Однако условия были совершенно другими. Быстрый поток вскоре обступили высокие скалы,

<sup>34</sup> Herre F. Op. cit. S. 85.



его течение пересекали пороги. Фактически Евфрат мчался по дну глубокого горного ущелья. Тем не менее путешественники успешно прибыли в Самсат, который являлся их целью. Действительно неприятные минуты им пришлось пережить на обратном пути посуху, когда Мольтке вместе с горсткой своих людей внезапно попал в курдский лагерь. К счастью, его обитатели отнеслись к незванным гостям вполне дружелюбно.

В конце лета Хафиз-паша начал концентрировать свои войска в Малатии. Состояние армии было ужасным — страшная жара вызывала повоальные болезни, которые в условиях почти полного отсутствия медицинского персонала приводили к весьма печальным последствиям. Смертность в отдельных подразделениях составляла от трети до половины личного состава. Росло и дезертирство, несмотря на то что солдат хорошо кормили и содержали во вполне приличных условиях. Дело было в том, что значительную часть контингента составляли недавно покоренные курды. Сам Мольтке страдал «от безделья, в котором все мы тут пребываем»<sup>35</sup>. Похоже, именно тут он впервые осознал все минусы преждевременной концентрации войск. Только в октябре ему представилась возможность совершить еще один вояж по Северной Сирии, находившейся под властью турок, — вновь для разведки коммуникаций. В остальное время прусские офицеры пытались привести османскую армию в более или менее боеспособное состояние. Они не стремились достичь идеала, максимально упрощали вводимые меры, делая упор на быстроту и эффективность. Тем не менее среди них часто возникали разногласия; окончательно испортились отношения между Мольтке и Мюльбахом, который чувствовал себя обойденным и слал жалобы Кёнигсмарку.

Тем временем тучи над Ближним Востоком сгущались. Заключенный Портой в 1838 г. торговый договор с Англией был фактически невыполним при нерешенном египетском вопросе, поскольку Мехмед Али наотрез отказался его признать. Сложившиеся обстоятельства толкали обе стороны конфликта навстречу вооруженной схватке. В конце 1838 г. султан принял окончательное решение начать боевые действия. Была дочиста выскоблена государственная казна, под знамена дополнительно призвано 12 тысяч человек. Благодаря чрезвычайным усилиям армию удалось обеспечить всем необходимым и даже создать некоторые запасы.

Испытывая сильную ностальгию, Мольтке тем не менее все больше привыкал к окружающей его действительности. Он перенимает ряд элементов турецкого образа жизни, с удовольствием посещает турецкую баню и кофейные дома, носит местную одежду, начинает свободно изъясняться на турец-

<sup>35</sup> *Moltke H.K.V.v. Unter dem Halbmond*. S. 277.

ком языке<sup>36</sup>. Здесь, на берегах Евфрата, он с трепетом разворачивал страницы «Аугсбургской всеобщей газеты» почти месячной давности, проделавшей путь через половину Европы и всю Малую Азию. Теперь ему даже Стамбул казался вполне европейским городом. В своих письмах Мольтке приходится по поводу германских либералов, критиковавших абсолютизм немецких монархов: «Если бы можно было каким-нибудь волшебством перемещать всех недовольных и фрондеров время от времени на пару недель в Малатию, как бы страстно возжелали они вернуться к тем институтам, на которые обрушиваются со всей остротой и горечью своей критики сейчас»<sup>37</sup>.

Сам он не удержался от того, чтобы связать воедино войну и политику. Мольтке считал, что завоевание Сирии абсолютно бессмысленно, если там не будут проведены необходимые реформы. Провозгласить масштабные преобразования еще до начала кампании означало, по его мнению, создать для турецких войск весьма благоприятную ситуацию, обеспечив поддержку местного населения. Кроме того, в дальнейшем преобразования, связанные с модернизацией и оживлением как политической, так и экономической жизни, можно будет распространить на всю страну.



С началом нового года 1839 г. дело сдвинулось с мертвой точки. Хафиз-паша начал готовить переброску войск из Малатии в Биреджик, укрепленный лагерь в излучине Евфрата. Место было выбрано при непосредственном участии Мольтке, который неоднократно бывал здесь в последние месяцы. Выдвижение войск дальше на юг, ближе к пограничной линии, абсолютно необходимо, считал прусский капитан. Он изначально полагал, что кампанию в Сирии можно вести только в наступательном духе.

Дело в том, что турецкая армия в тот момент была разделена на четыре корпуса, рассредоточенных на большом пространстве. Все вместе они превосходили численностью армию Ибрагима. Единное командование напрочь отсутствовало, единственным надежным связующим звеном являлись прусские инструкторы. Первоначально планировалось сконцентрировать до 64 тысяч человек в одном месте, но из-за распрей командиров это намерение так и не было осуществлено.

Наиболее сильным являлся корпус Хафиза. Мольтке рассчитывал, что в условиях, когда наступление противника неизбежно, «Сегодняшнее положение не может дольше продолжаться», — писал Гельмут 5 апреля<sup>38</sup>.

<sup>36</sup> *Kahlmeyer A.* „Den alten, etwas eingerosteten Krummsäbel alla franca anschleifen“. Die Militärmission Helmuth von Moltkes in der Türkei 1835–1839. Norderstedt, 2002. S. 39.

<sup>37</sup> *Ibid.* S. 298.

<sup>38</sup> *Moltke H.K.V.* Unter dem Halbmond. S. 307.

Хафиз должен отвлечь на себя египетскую армию, чтобы не дать Ибрагиму возможность использовать преимущества внутренней операционной линии на пути в Стамбул, прикрытый более слабыми отрядами. Занятие фланговой позиции у Биреджика как нельзя лучше отвечало этой цели. Впрочем, большую часть корпуса Мольтке предлагал сосредоточить у Караканка, чтобы не провоцировать египтян.

Долго скучать нашему герою действительно не пришлось. Вода в Евфрате поднялась, и прусского капитана (в который раз!) попросили проверить судоходность реки. Пожалуй, это была самая опасная из всех «речных прогулок» Мольтке. После сильных дождей река вздулась и несла свои воды с невиданной доселе быстротой. Плот с Мольтке и его товарищами за 6 часов преодолел расстояние, на которое при движении по суше потребовалось бы не менее суток. Впрочем, впечатления от подобного плавания оказались настолько сильными, что, когда группа высадилась на берег, чтобы посуху обойти водопад, часть спутников Мольтке отказалась продолжать плавание. Пожав плечами, пруссак силой и уговорами заставил нескольких человек отправиться с ним дальше.

«Как только мы оттолкнулись от берега, мы понеслись дальше со скоростью стрелы, — описывает свои впечатления сам Мольтке. — Я думаю, что нам потребовалось не больше 10 или 15 минут, чтобы преодолеть часовой отрезок пути — но как?! Мурад, который выше по течению имеет ширину 250 шагов, сузился до 100, 80 и даже меньшего числа. Вся огромная масса воды рвется сквозь эти теснины, перехлестывает через скалы, так что возникают огромные водовороты и волны, буруны размером до 5 метров поднимаются вертикально вверх, в то время как с двух сторон от них несутся потоки воды. Волны в буквальном смысле слова перехлестывали через наши головы, и плот временами оказывался полностью под водой. <...> О веслах нельзя было и думать. Два моих спутника упали за борт, и их спасло только то, что они были привязаны веревками. Среди остального экипажа господствовало полное отчаяние, и плот не меньше двадцати минут несся по воле волн, пока Аллах не направил его в водоворот, где прокрутил десяток раз, но зато снова немного привел всех в чувство. За весла теперь взялись изо всех сил, но некоторое время было неясно, сможем ли мы достичь берега или, подхваченные потоком, попадем в новый водопад. Толщина палок, из которых сложен плот, составляет полтора-два дюйма, три из них были сломаны посередине, кроме того, четыре шкуры лошугули, а две были увесены рекой»<sup>89</sup>.

Команда, в полном составе выбравшаяся на сушу, благодарила Аллаха за чудесное спасение. Ни за какие коврижки никто не захотел бы снова

<sup>89</sup> Moltke H.K.V. Unter dem Halbmond. S. 309.

оказаться на утлом плоту в окружении бушующих волн. На Мольтке, невозмутимо предлагавшего продолжить путь, смотрели как на сумасшедшего. Впрочем, прусский капитан вскоре тоже отказался от своего намерения — в конце концов, цель их экспедиции была достигнута: доказано, что Верхний Евфрат в данный момент несудоходен.

В том же месяце, несмотря на протесты прусских инструкторов, предлагавших дождаться потепления, турецкая армия двинулась на юг через все еще заснеженные горные перевалы. Переход дважды откладывался из-за погодных условий, но 13 апреля все же начался, поскольку на следующий день должен был наступить неблагоприятный для подобных начинаний месяц. В итоге при переходе через Таурус число умерших, больных и дезертиров приблизилось к шести тысячам человек. Уже на марше Хафиз принял решение перебросить к Биреджику все свои части.

Сильнейшие дожди и трудности с подвозом продовольствия серьезно затрудняли продвижение войск. К Биреджику его корпус подошел в весьма потрепанном состоянии, в виде разрозненных частей, которые еще предстояло заново концентрировать. Однако Ибрагим не воспользовался этим крайне благоприятным моментом: то ли он был не слишком хорошо осведомлен о турецких трудностях, то ли, что вероятнее, сам испытывал не меньшие.

Позиция у Биреджика с точки зрения классического европейского военного искусства была ниже всякой критики. Евфрат с трех сторон окружал укрепленный лагерь, лишая османских солдат пути к отступлению. Мольтке, прекрасно знавший специфику восточной армии, смотрел на это другими глазами. Войско Хафиза в значительной степени состояло из насильно согнанных под знамена курдов, только и ждавших благоприятного момента для того, чтобы разбежаться. Прижатые к реке, они вынуждены будут сражаться как львы. Мольтке словно следовал совету древнего китайского теоретика Сунь-Цзы: «Бросай своих солдат в такое место, откуда нет выхода, и тогда они умрут, но не побегут». Мюльбах, правда, настаивал на наведении мостов, но его точку зрения не приняли во внимание. К тому же Евфрат представлял собой идеальный путь для подвоза припасов. Мольтке правильно рассчитал, что Ибрагим не сможет миновать турецкий корпус, не вступив с ним в сражение, и предлагал выждать атаку на занятой позиции, подготовив укрепления и обеспечив себя в достатке всем необходимым. При этом прусский офицер не забывал восторгаться живописным положением лагеря и жалеть о том, что у него нет при себе дагерротипа, чтобы запечатлеть эту красоту.

Процесс концентрации войск продолжался. У Хафиза в этот момент насчитывалось около 30 тысяч человек (на бумаге гораздо больше) и 106 орудий; армия египтян несколько превосходила его численно. Дальше всего

пришлось ждать, пока подтянется артиллерия. Тем временем Мольтке вынужден был начать свою собственную войну — битву с многочисленными муллами и предсказателями за влияние на командующего.

«Муллы могут сказать тебе, справедлива ли война, — но умно ли она ведется, ты можешь решать только самостоятельно. Все положение дел, намерения властелина и европейских дворов, позиция и сила нашего и вражеского войска, вспомогательные средства страны, собранные запасы — все это необходимо учесть, чтобы давать совет по таким важным вопросам, и все эти вещи не знают ни мулла, ни я, ни вообще кто-либо кроме тебя. Вся честь и вся ответственность падают на тебя, и ты не должен ни от кого ждать совета», — убеждал прусский офицер Хафиза<sup>40</sup>. Уже тогда он отстаивал принцип единоначалия, который впоследствии стал одним из краеугольных камней его учения. Поражение в этой битве с муллами и печальный итог, к которому оно привело, еще более укрепили Мольтке в его убеждении.

В течение мая никаких значимых событий не происходило, если, конечно, не относить к таковым взрыв склада боеприпасов, при котором погибло около 200 человек. Однако уже в первых числах июня турецкая армия выдвинулась к Низибу, местечку в трех часах марша от Биреджика, и разбила там свой лагерь. Это была открытая провокация, против которой Мольтке энергично возражал. Но Хафиз желал как можно скорее увенчать себя лаврами победителя.

\*\*\*

Соотношение сил накануне решающей схватки не позволяло заранее назвать победителя. В турецких войсках насчитывалось реально около 70 тысяч человек, собранных с величайшим трудом, однако армия, как говорилось выше, была разделена на четыре практически не взаимодействовавших между собой корпуса. Мольтке считал это «кардинальной ошибкой»<sup>41</sup>, которая и отняла у Порты верную победу. Помимо этого, катастрофические масштабы принимала нехватка обученных офицеров. «Можно было считать, что с подобными военными вообще невозможно вести войны», — писал Мольтке<sup>42</sup>. С курдскими солдатами обращались как с пленными врагами; впрочем, совсем недавно в Европе Фридрих Великий тоже удивлялся, что может чувствовать себя в безопасности посреди лагеря собственной армии.

У Ибрагима были преимущества единого командования, а также более качественная артиллерия, но своих проблем тоже хватало. В отличие от Хафиза, раздававшего деньги пригоршнями, египетский военачальник не

<sup>40</sup> *Moltke H.K.V. Unter dem Halbmond*. S. 319.

<sup>41</sup> *Ibid.* S. 325.

<sup>42</sup> *Ibid.*

платил своим войскам уже полтора года; в итоге ежедневно к туркам переходило до полусотни его солдат. Всем им немедленно выплачивалось задержанное египтянами жалование, правда султанский фирман, широко объявлявший об этой мере, увидел свет слишком поздно. Впоследствии Мольтке говорил, что таким образом можно было сккупить всю египетскую армию. Большинство египетских солдат были слабо обучены, население Сирии в тылу ждало только сигнала для того, чтобы восстать.

Положение Ибрагима становилось хуже с каждым днем, в то время как Хафиз мог спокойно дожидаться уже шедших к нему подкреплений. В такой ситуации Мольтке рекомендовал терпеливое выжидание, но его голос остался гласом вопиющего в пустыне. Он страдал от дизентерии, но еще больше от того, что «многое случалось вопреки моим убеждениям и советам, что привело нас потом к печальной катастрофе»<sup>43</sup>. Чтобы сохранить свой авторитет, Мольтке приходилось участвовать в мероприятиях, против которых он сам деятельно выступал.

14 июня 1839 г. Хафиз был назначен сераскиром Востока и командующим всех войск в азиатской Турции, однако это назначение произошло слишком поздно. Искрой, которая воспламенила порох, оказалось восстание в Айнтабе — небольшой приграничной египетской крепости. Ее гарнизон в полном составе перешел на сторону турок в обмен на выплату задержанного жалования и попросил помощи Хафиза. Османский военачальник не смог отказать повстанцам. Война началась.

20 июня сорокатысячная армия Ибрагима, располагавшая 150 орудиями, прошла дефиле Мизара и, оттеснив турецкие передовые части, подошла к Низибу. Турки ждали немедленного удара, но египтяне остановили свое продвижение, ограничившись на следующий день разведкой боем. Как выяснилось позднее, французские офицеры, занимавшие должности военных советников Ибрагима, сочли турецкую позицию слишком сильной. Мольтке предлагал позволить войскам переночевать в палатках, но его, в который уже раз, не послушали, и солдаты провели всю ночь под ружьем.

Турецкая позиция действительно с виду являлась достаточно хорошей — ее фланги были защищены рельефом местности, войска могли выстроиться широким фронтом. Позиция была выбрана лично Мольтке, но прусский капитан видел слабость армии и настаивал на возвращении в Биреджик. Он говорил о том, что египтянам так или иначе придется атаковать Хафиза, и весь вопрос в том, на какой позиции это будет сделано. Мучимый дизентерией, он тем не менее энергично спорил с пашой и его приближенными.

22 июня 1839 г. на рассвете турецкие наблюдатели заметили движение в лагере противника. Сначала излишне оптимистичное руководство сочло,

<sup>43</sup> Ibid. S. 323.

что египтяне отходят, но потом стало ясно, что речь идет об обходном маневре. Предложенная немцами общая атака была урезана до «незначительной демонстрации нашей кавалерии, находившейся в печальном состоянии»<sup>46</sup>. Мольтке вновь яростно настаивал на отступлении в Биреджик, давал на отсечение свою правую руку, что египтяне не уйдут без боя. Наконец он заявил, что слагает с себя всякую ответственность за последствия. Хафиз, видя непреклонность пруссаков, в конце концов согласился с их доводами.

И здесь немецкие офицеры допустили фатальную ошибку: решив, что однажды принятое решение уже не будет изменено, они покинули шатер Хафиза и начали планировать отход. Одного часа хватило муллам для того, чтобы позиция турецкого военачальника вновь изменилась на 180 градусов. Корпус остается в Низибе — таково было новое решение Хафиза. Как выяснилось впоследствии, паша обладал секретной инструкцией от султана, предписывавшей ему искать сражения, и больше всего боялся, что египтяне отступят без боя.

Терпение Мольтке лопнуло окончательно. Человек, который от слабости едва держался на лошади, не мог дольше выносить зрелище того, как Хафиз роет могилу себе и всей Османской империи. Он отправился в свою палатку, объявив по дороге двум присоединившимся к походу господам из Лондонского географического общества, чтобы они на всякий случай паковали чемоданы.

Отдыха, который был ему крайне необходим, Мольтке не получил. Паша снова послал за ним, спрашивая совета, что делать дальше. Немецкие офицеры как заведенные повторяли одни и те же доводы; Хафиз возражал, что отход деморализует войска. Мольтке вся эта история надоела сверх всякой меры, и он в конечном итоге запросил своей отставки, уточнив, что будет принимать участие в сражении как простой солдат. Хафиз, разозленный упрямством прусского генштабиста, согласился.

Однако паша практически сразу же опять позвал Мольтке, попросив не бросать его на произвол судьбы в трудную минуту и помочь войскам занять наиболее выгодную позицию для битвы. Можно представить себе, что творилось в душе у прусского офицера, однако он невозмутимо взялся за работу.

День 23 июня прошел в полной пассивности с турецкой стороны и постоянных маневрах с египетской. В конечном счете армия Ибрахима описала полукруг и встала между Низибом и Биреджигом. Предстояло сражение перевернутым фронтом, во время которого не было ничего выбора, кроме как победить или погибнуть.

<sup>46</sup> *Moltke H.K.B.v. Unter dem Halbmond*. S. 329.

В ночь на 24 июня Мольтке предпринял смелую вылазку к вражеским позициям. Взяв пехотную бригаду и 12 гаубиц, он с близкого расстояния обстрелял египетский лагерь. Это не причинило противнику значительных потерь, но значительно подняло дух собственных войск.

Впоследствии Мольтке резко критиковали за то, что он не порекомендовал нанести ночной удар силами всей турецкой армии, как это советовал, в частности, Мюльбах. Однако на деле турецкий корпус, скорее всего, просто развалился бы из-за повального дезертирства, даже не дойдя до египетских позиций. Впрочем, не лучше обстояли дела и в египетской армии. Солнце, взошедшее над Низибом утром 24 июня, осветило довольно примечательную картину: две армии, изготовившиеся к схватке, в которой главной задачей было не нанести противнику максимальный ущерб, а сохранить собственную боеспособность как можно дольше. Вопрос заключался не в том, какая армия проиграет, а в том, какая развалится раньше. Предсказать это заранее было невозможно. «Решение висело на волоске», — писал впоследствии Мольтке<sup>43</sup>.

Самые надежные турецкие войска были поставлены в первой линии. Сражение началось с артиллерийской дуэли. Здесь явно показала свое превосходство артиллерия египтян, которая наносила серьезные потери туркам, сама оставаясь вне зоны действия их огня. Части Хафиза дрогнули. Смерть любимого солдатами командира Халид-паши еще более разрушительно повлияла на моральное состояние корпуса.

Египтяне начали атаку, выстроившись косым боевым порядком и атаковав сначала левый фланг турецкой армии. Турецкий военачальник задумал наступать своим правым крылом, но ситуация все больше выходила из-под его контроля. Солдаты поодиночке и целыми подразделениями покидали позиции. Были и обратные, но не менее печальные примеры: элитная кавалерийская часть без приказа бросилась в смелую атаку, но под огнем египтян быстро отступила и обратилась в бегство, смяв собственную пехоту. Хотя египетское наступление на некоторое время было остановлено огнем турок, последние уже были не в состоянии нанести эффективный контрудар. В конечном счете в рукопашный бой вступила лишь одна турецкая бригада.

Паша попытался лично возглавить атаку, искал смерти, но ни того ни другого у него не получилось. Распад войск принял всеобщий характер. Курдские новобранцы бросали оружие и с радостными песнями расходились по домам. Лучше всего держались артиллеристы, но сами по себе они были мало способны на что-то повлиять.

<sup>43</sup> Ibid. S. 338.



Увидев необратимость поражения, прусские офицеры встретились в центре позиции и договорились держаться вместе. О местонахождении пашин ничего не было известно, зато итог сражения был вполне очевиден. Им приходилось опасаться не столько противника, сколько остатков собственных войск. Поэтому они старались двигаться как можно быстрее и уже через два дня оказались в Мараше, бросив на поле боя все свои вещи.

Низиб стал поистине тотальным поражением. Несмотря на то что непосредственно в сражении было потеряно не более тысячи человек, Хафизу удалось собрать не более шестой части своей разбежавшейся армии. И это при том, что Ибрагиму не удалось организовать преследование — настолько плачевным было состояние победившей стороны. Особенно ненадежными показали себя редифы.

Прусские офицеры тем не менее попытались как-то повлиять на ход событий. Они присоединились к корпусу Иссета-паши, состоявшего из свежих войск. Здесь Лауз, Мюльбах и Мольтке встретили еще одного своего товарища — капитана Винке, не присутствовавшего при сражении. Пожитки счастливица были немедленно разделены на четыре части. Военную ситуацию еще можно было исправить, если бы Иссет послушался разумного совета и сконцентрировал все имеющиеся силы. Вместо этого он бросил свой корпус в утомительные марши по трудным дорогам и без всякого столкновения с противником привел его в абсолютно небоеспособное состояние.

Дальнейшее пребывание прусских офицеров при турецкой армии не имело смысла, тем более что и армии как таковой практически уже не существовало. 4 июля 1839 г. они попросили у Иссета отпуск, который и был им предоставлен. Война не затянулась надолго — вмешавшиеся англичане и австрийцы охладили пыл египтян, и мирный договор оказался вполне сносным для Порты. Впрочем, турки были довольны сражением: как говорили многие офицеры, никогда ранее османской армии не удавалось так долго продержаться против превосходящих сил противника.

Мольтке и товарищи сначала направились в Малатию, где собирались остатки разгромленной армии. Довелось им пообщаться и с Хафизом, которого теперь ждала весьма печальная участь. 23 июля 1839 г. он был отстранен от командования и получил приказ прибыть в Стамбул. Туда же, хотя и отдельно от него, направили свои стопы и пруссаки, которые узнали о смерти султана и одновременном прекращении их командировки.

Бешеная скачка до черноморского порта Самсуна увенчалась успехом: товарищам удалось успеть на австрийский пароход, шедший в Стамбул. «Один шаг с набережной на пароход привел нас из азиатского варварства в европейскую утонченность. Мы первым делом заказали картофель, отсутствие которого было наиболее болезненным для нас в течение последних полутора

лет, а также бутылку шампанского, и подняли бокал за здоровье нашего короля, день рождения которого мы отмечаем на волнах Черного моря»<sup>46</sup>.

4 августа на горизонте показался Босфор. Пруссаков в Стамбуле встречали со всеми почестями. Дело в том, что политическая ситуация в стране в очередной раз проделала резкий разворот. Махмуд II умер 1 июля, так и не узнав о поражении при Низибе. На престол взошел 16-летний Абдул Меджид, о самостоятельном правлении которого не могло быть и речи. Делами заправляла его мать, при помощи вернувшегося к власти еще в марте 1838 г. старого сераскира Хозрев-паши.

Виновником поражения при Низибе, как и предполагалось, власти решили сделать Хафиза. Прусским военным предложили написать отчеты о сражении; Мольтке постарался восстановить справедливость, честно написав обо всех ошибках разбитого полководца, но опровергнув ту напраслину, которая возводилась на него со всех сторон. Нужно сказать, что Хафиз отплатил благородством за благородство — он с самого начала заявлял, что немецкие инструкторы абсолютно невиновны в произошедшем. Лично Мольтке он выдал специальную грамоту, гласившую: «Это письмо свидетельствует, что прусский офицер Барон-Бей, талантливый человек, приданный мне османским правительством, находился при мне во время войны сначала против курдов, а затем в Низибе. Он исполнял свой долг храброго и верного человека с самого начала пребывания и до настоящего момента и решал все поставленные задачи наилучшим образом. Я постоянно был свидетелем того, как этот офицер давал доказательства своих смелости и мужества и верно служил Османскому правительству, не щадя своей жизни»<sup>47</sup>.

Вопрос о виновности пруссаков в поражении встал с новой остротой, когда Мюльбах в своих отчетах начал писать о многочисленных ошибках Мольтке. Последний, впрочем, достаточно жестко отклонил упреки, заявив о готовности объяснить любое свое действие. Этим он снижал у турок уважение, все претензии были сняты. На аудиенции юный султан щедро одарил офицеров, заявив, что всецело удовлетворен их действиями. Для Мольтке и его товарищей это было исключительно важно — существовала вероятность того, что на родине, не разобравшись, на них навесят ярлык «потерпевших поражение».

Итак, срок командировки прусских офицеров истек и большие не продлевался. 9 сентября 1839 г. Мольтке вместе с Винке навсегда покинул Турцию. «слабую, как дитя, и дряхлую, как старец»<sup>48</sup>. Наконец-то его путь лежал домой...

<sup>46</sup> *Moltke H.K.V.d.* Unter dem Halbmond. 342.

<sup>47</sup> *Ibid.* S. 46.

<sup>48</sup> *Ibid.* S. 353.

Если говорить о последствиях турецкой командировки Мольтке, то их трудно оценить однозначно. Для Османской империи они были более чем противоречивыми. Несмотря на все усилия прусских офицеров, их деятельность по объективным причинам не принесла заметных плодов. Однако Порта оценила первый опыт взаимодействия весьма положительно, и Мольтке фактически стал родоначальником военного сотрудничества двух стран, венцом которого станет вступление Турции в Первую мировую войну на стороне Германии.

Для самого Мольтке период пребывания в Турции оказался исключительно плодотворным. Пусть его сочинения оставались бумажным грузом в турецких архивах, работа над ними позволяла ему стремительно развиваться. Именно в Османской империи Мольтке принял участие в первой в своей жизни настоящей кампании, став одним из немногих прусских офицеров младшего, посленаполеоновского поколения, имевших боевой опыт. Кроме того, высокий оклад позволил капитану значительно улучшить свое материальное положение. Времена нужды окончательно остались позади.

Многие авторы называют турецкий период жизни Мольтке «годами учения»<sup>49</sup>, после которых он достиг зрелости. Это не совсем так — в Турции Мольтке действовал как вполне сложившийся зрелый человек, а учиться он продолжал всю свою сознательную жизнь. Однако в том, что этот период наложил неизгладимый отпечаток на его последующую биографию, сомневаться не приходится.

<sup>49</sup> Müller-Bohn H. Graf Moltke. S. 28.

## Глава 4. МАРИЯ

*Итоги турецкой командировки — Помолвка и брак —  
Адъютант принца Карла в Риме — Служба на Рейне*

Не отличавшийся крепостью организм Мольтке, который работал с огромным напряжением четыре года, в итоге все же не выдержал. На обратном пути в Берлин Мольтке подкосила лихорадка, сопряженная с расстройством пищеварительных органов. «Внезапное перемещение из сирийского лета в позднюю немецкую осень, в высшей степени нездоровое пребывание в карантине в Орсове, а также последствия серьезного напряжения привели к весьма сильной скрытой лихорадке. Я вынужден был 3 недели оставаться в Пеште и лишь с трудом добрался до Вены, где началось серьезное лечение. Сейчас я уже могу вставать, даже немного гуляю, ем с аппетитом, но выздоровления придется ждать как минимум до середины декабря»<sup>1</sup>, — писал он родным из Вены 23 ноября 1839 г. В Берлин Мольтке прибыл в самом конце 1839 г., остановившись сначала у Бальхорнов, с которыми и встретил Рождество. С собой он привез множество сувениров и маленькую арабскую лошадь по кличке Низиб, сопровождавшую его в памятном сражении.

Однако телесные страдания были не единственной проблемой. Мольтке стал жертвой одной из первых в его жизни интриг. В берлинских кругах стали распространяться слухи о том, что капитан плохо выполнил свой долг. Прикованный к постели больной с трудом мог защитить себя от наветов, о которых узнал из «Аугсбургской всеобщей газеты», которую получил еще в Будапеште.

<sup>1</sup> *Moltke H.K.V.z. Aufzeichnungen...* S. 107.

Тайные враги, скрывавшиеся за газетными псевдонимами, довольно быстро были установлены. Первым из них являлся один из товарищей Мольтке, Мюльбах. Он выдвинул свою версию битвы при Низибе, которую подхватил и стал распространять прусский посланник в Стамбуле Кёнигсмарк. Последний позаботился о том, чтобы версия Мюльбаха получила максимальную огласку, и представил того к одному из самых почетных прусских орденов «За заслуги».

В ответ Мольтке пишет оправдательное письмо Краузенэку. Эта история стала сильным ударом для прусского капитана, однако в его защиту выступил Винке: «Мольтке во всех ситуациях вел себя как рыцарь без страха и упрека. Невзирая на болезнь, дававшая ему полное право оставаться в постели, он никогда не пользовался этим правом, когда в его услугах нуждались. Он всегда был в первых рядах, лихой и отважный. Турки смотрели на него как на легендарного героя»<sup>2</sup>. Кроме того, возмущенный попыткой опорочить доброе имя его подчиненного, сам шеф Генерального штаба немедленно вступился за Мольтке и представил его к ордену «За заслуги». Помимо этого, каждый год службы в Турции засчитывается ему за два. В итоге репутация Мольтке была восстановлена.

Неприятности на этом закончились — положительный эффект от турецкой командировки оказался в итоге гораздо значительнее. Четыре года в Османской империи послужили своеобразным трамплином для последующей карьеры Мольтке, который вернулся в Большой генеральный штаб с уникальным боевым опытом, в том числе самостоятельной деятельности.

В течение нескольких лет одно за другим выходят в печати произведения, связанные с поездкой на Восток. После ряда служебных отчетов весной 1841 г. увидели свет «Письма о жизни и событиях в Турции 1835–1839 гг.». В основе этой книги, которая до сих пор переиздается большими тиражами и считается одним из наиболее знаменитых в своем жанре произведений немецкой литературы первой половины XIX в., лежат письма Мольтке родственникам. Кроме того, при подготовке к публикации в текст были добавлены материалы служебных отчетов и личные впечатления, ранее не зафиксированные на бумаге. В своем произведении Мольтке с присущей ему наблюдательностью рассказывал об экзотической для тогдашнего европейца Турции, о населяющих ее людях, их обычаях и традициях. Помимо обычных «путевых заметок», книга содержит массу исторической, географической и этнографической информации. Фактически читатель получал исчерпывающую картину жизни Османской империи. При этом «Письма...» отличаются великолепным литературным стилем — завораживающие

<sup>2</sup> Цит. по: Wilkinson S. The early life of Moltke. P. 22

описания природы, людей, городских и сельских пейзажей составляют весьма сильную сторону этой книги.

«Высокие вековые кипарисы склоняют к земле под грузом снега свои зеленые ветви, бесчисленные могильные камни словно инкрустированы инеем. С того места, где дорога выходит из кипарисовой рощи, открывается вид на величественный Босфор. Внизу виднеется Бешик-таш, замок повелителя, навсегда покинувшего старый Серай, с которым у него связаны кровавые воспоминания. С другой стороны возвышаются покрытые снегом горы Азии, перед ними — пригород Скутари со стотысячным населением, а посередине из воды поднимается Леандрова башня»<sup>3</sup>. Таким описаниям книга во многом обязана своей популярностью.

Предисловие к «Письмам...» написал один из учителей Мольтке, знаменитый географ Карл Риттер. Вне всякого сомнения, он имел основание гордиться своим учеником. Как писал Риттер, страны, о которых говорится на страницах книги, относятся «к малоизвестным, частью и вовсе неизвестным, и поскольку путешествие по ним было связано с рекогносцировками и топографическими съемками для планов и карт, географическая наука остается в значительном выигрыше»<sup>4</sup>.

Если говорить о самих планах, то они тоже один за другим выходили в свет. К сожалению, часть бесценных карт была утеряна при бегстве из Низибы — потеря, которую Мольтке переживал больше всех остальных, — но львиная их доля, включая результаты топографических съемок Стамбула, осталась в руках автора. В середине 1840-х гг. в печати появляется едва ли не первый в Западной Европе точный план османской столицы.

Сведения, собранные Мольтке во время его путешествий по Балканам, легли в основу еще одной книги — «История русско-турецкой войны 1828–1829 гг. в европейской Турции», опубликованной в 1843 г. Автор лично беседовал с турецкими военачальниками и осматривал места всех крупных сражений, поэтому его изложение отличается большой точностью и вниманием к мелочам.

Достаточно характерная для всех произведений Мольтке черта — его беспристрастность; он не становится открыто ни на чью сторону, и лишь по маленьким, едва заметным следам читатель может догадаться, кому в данном случае симпатизирует автор. В «Истории русско-турецкой войны...» он не является сторонником ни одной из воюющих держав; он прекрасно видел все недостатки османского правления на Балканах и в то же время считал вредным распространение там русского влияния. Австрия как форпост «натиска на восток», как острие германской колонизации этих богатых земель — вот

<sup>3</sup> *Moltke H.K.V. Unter dem Halbmond*, S. 70.

<sup>4</sup> *Herre F. Op. cit.* S. 92.

картина, которая вновь и вновь вставала перед его внутренним взором и которую он не устал пропагандировать в своих статьях. Саму Австрию он считал немецким государством, составной частью большой Германии.

К примеру, в заметке «Устье Дуная» в «Аугсбургской всеобщей газете» Мольтке выражал надежду на то, что «Австрия позаботится о правах и будущем дунайских стран, и Германия наконец-то сумеет освободить устья обеих своих великих рек». Имеются в виду, конечно же, Рейн и Дунай. При этом на Балканах речь должна идти не столько о политической, сколько об экономической и культурной колонизации; в целом же народам этого региона следует предоставить право на самоопределение<sup>5</sup>. Что касается Рейна, то здесь необходимо упомянуть долгое время приписывавшуюся Мольтке статью «Вопрос о западной границе»<sup>6</sup>. Хотя сегодня уже доказано, что ее автором является писатель Вольфганг Менцель, она достаточно близка мировоззрению нашего героя. В статье рассматривается история захвата Францией немецких земель на протяжении последних столетий и делается вывод о «вечной вражде» двух стран. Германия должна опасаться Франции, должна стремиться вернуть все утраченные земли, «не вкладывать меч в ножны до тех пор, пока не восстановим все права, пока Франция не выплатит нам до конца все, что задолжала»<sup>7</sup>. Сам Мольтке уже в те годы считал необходимым объединение Германии и рассматривал Францию как основного противника.

Тогда же, в 1841 г., в «Аугсбургской всеобщей газете» появляется статья «Германия и ее германские соседи», в которой Мольтке ратует за включение Дании в Германский союз<sup>8</sup>. Велик соблазн увидеть в этом проект территориальной экспансии; но не будем забывать, что Германский союз был весьма аморфным образованием, а датский король как владелец Шлезвигта и Гольштейна и так считался его членом. Мысль Мольтке была направлена на поиск выхода Германии из бессильного состояния. Кроме того, в этой статье он высказывает явные антифранцузские идеи, заявляя, что Рейн объединяет тех, кто живет по обе его стороны, горная цепь Вогезов, наоборот, разделяет.

Однако в эти годы Мольтке все же больше занимался восточным вопросом, нежели западным. В 1841 г. появилась его статья «Германия и Палестина». В ней он прямо пишет о том, что любая модернизация Османской империи по западному образцу обречена на провал. Став игрушкой в руках европейских

<sup>5</sup> *Moltke H.K.V. v. GS. Bd. 2. S. 317.*

<sup>6</sup> Эта статья была даже опубликована в собрании сочинений Мольтке. См.: *Moltke H.K.V. d. GS. Bd. 2. S. 171–228.*

<sup>7</sup> *Moltke H.K.V. v. Aufzeichnungen... S. 117.*

<sup>8</sup> *Moltke H.K.V. v. Leben und Werk in Selbstzeugnissen. Leipzig, s.a. S. 100.*

держав, Турция семимильными шагами идет навстречу развалу, который угрожает похоронить под собой европейский мир. «Если регенерация турецкого государства вообще возможна, то она может произойти только благодаря поколению, которому еще предстоит взрасти, и только на мусульманской основе»<sup>9</sup>. Возвращенную благодаря вмешательству европейских держав Сирию Османская империя все равно не сможет удержать в своих руках, не сможет распорядиться этим богатейшим краем.

Автор спрашивает: не следует ли в данном случае реагировать превентивными мерами, предотвратить гангрену ампутацией? Мольтке анализирует перспективы создания в Палестине независимого государства под покровительством европейских держав. Если такая конструкция и возможна, то она должна представлять собой достаточно крупную территориальную единицу. Во главе этого государства должен встать на правах абсолютно монарха представитель какой-либо германской династии. При этом во внутренней политике страны должен действовать исключительно мягкий и просвещенный режим, который привлечет сюда колонистов со всего света. Именно немцы могли бы занять среди них первое место. Такое же главенствующее положение они могли бы занять и в южнославянских землях, которые должны образовать единое государство, находящееся в тесном союзе с Австрией. Район Мраморного моря можно передать вновь образованной греко-византийской империи.

Здесь же, в этой статье, Мольтке впервые высказывает свое мнение о войне и мире. «Войны будут происходить все реже<sup>10</sup>, — считает будущий фельдмаршал, — именно по такому пути движется прогресс человечества. В конце концов, преимущества мирного развития по сравнению с кровавыми завоеваниями очевидны. Миллиарды золотых монет и немислимое количество человеческих сил, которые тратятся на поддержание могучих армий, могли бы найти себе лучшее применение». Впоследствии эти строки неоднократно приводились как доказательство миролюбия, чуть ли не пацифизма их автора. Как мы увидим ниже, в дальнейшем Мольтке если и не отбросил полностью, то во всяком случае в значительной степени пересмотрел свои взгляды.

\*\*\*

Даже будучи зрелым человеком, Мольтке продолжал учиться. Русский язык, танцы, курсы по изучению французской литературы и творчества Гете — список далеко не полон. Одновременно он пытается делать стихотворные переводы Байрона, впрочем не слишком удачные. Подорванное на

<sup>9</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen*, S. 120.

<sup>10</sup> *Ibid.* S. 124.



Востоке здоровье постоянно напоминало о себе; за полученный опыт приходилось платить дорогой ценой. Назначенный 18 апреля 1840 г. в штаб IV армейского корпуса, находившийся в Берлине, он уже осенью вынужден был испросить отпуск, чтобы отправиться на курорт в Ильменау. Небольшая поездка переросла в достаточно продолжительное путешествие, когда Мольтке решил заодно посетить и Южную Италию, до которой так и не добрался пять лет назад.

Италия произвела на него огромное впечатление, а ее климат оказался весьма благоприятным для его организма. После вояжа по небольшим южногерманским государствам и перевала через Альпы он оказался в царстве тепла и зелени. Прибыв 11 ноября в Неаполь на корабле, Мольтке со своей обычной энергией осматривал все окрестности, и еще в начале декабря совершал полноценные морские купания. Конечно же, будучи историком в глубине души, он не мог не осмотреть развалины Помпей, где недавно начались раскопки.

Затем были две недели в «вечном городе», Риме, показавшемся Мольтке гораздо более привлекательным, чем его «восточный собрат» Стамбул. 23 января 1841 г. Мольтке возвратился в Берлин, привезя с собой, помимо красочных впечатлений, материалы об армии Неаполитанского королевства и австрийских вооруженных силах в Северной Италии, а также ювелирное украшение, предназначенное будущей супруге. Правда, личность избранницы пока что была неясна самому Мольтке.

\*\*\*

Пока Мольтке был в Турции, его письмами зачитывалась вся родня — послания с Востока передавались в семейном кругу из рук в руки. Рано или поздно они попадали в семью его любимой младшей сестры Аугусты.

Аугуста нашла свое счастье в 1832 г., выйдя замуж за англичанина Джона Хейлиджера Бурта, владевшего плантацией в Вест-Индии, но жившего в северогерманском Итцехоэ. Брак оказался счастливым. В свое время Аугуста обратилась к брату за советом: имеет ли смысл выходить замуж за человека, который страстно любит ее, но к которому она сама не питает глубоких чувств? Мольтке, считавший брак по расчету наиболее разумным, ответил «да». Аугуста не только родила Джону детей, но и достаточно быстро сдружилась с его отпрысками от предыдущего брака, в том числе с Марией, появившейся на свет в 1826 г. Бойкая, энергичная девочка, которую в семье за большие карие глаза называли «кофейным зернышком», была всеобщей любимцей.

Несмотря на то что ее падчерица была на четверть века младше брата, Аугуста начала задумываться о том, не соединить ли вместе эти две судьбы.

Нужно сказать, что холостяцкая жизнь Мольтке постепенно стала предметом тревоги и заботы у женской половины его семьи, в первую очередь у матери, не желавшей видеть сына старым холостяком. Очевидно, этими взглядами она делилась и с дочерью.

Мольтке впервые увидел Марию в 1834 г., когда девочке не исполнилось и девяти, и, естественно, не обратил на нее внимания. Однако по возвращении из Турции он снова оказался в окружении семейства Бурт. Относительно того, что произошло потом, есть разные версии. Согласно одной из них, Аугуста упорно и целенаправленно воплощала в жизнь идею брака с Марией. Настойчиво, но по возможности избегая прямых действий, она внушала мысль о возможном союзе будущим жениху, невесте и тестю и, в конечном счете, добилась успеха. Согласно другой версии, решение относительно Марии принял сам Мольтке, и для ее мачехи оно стало такой же неожиданностью, как и для всех остальных. И те и другие ссылаются на полусушительную фразу из его письма Аугусте: «Если я когда-нибудь женюсь, то хотел бы выбрать девушку, которую воспитал ты»<sup>11</sup>.

Бесспорным является тот факт, что Аугуста весьма благосклонно смотрела на свадьбу своего брата и падчерицы. Даже если сама идея и показалась ей неожиданной, она довольно быстро стала ее активной сторонницей. А вот реакция отца Марии, Джона Хейлиджера, была как минимум осторожной. Будущий тесть не говорил твердого «нет», но старался если не предотвратить, то, по крайней мере, отсрочить момент венчания. Видимо, Мольтке казался ему слишком старым и недостаточно перспективным кандидатом.

Сложнее обстоят дела с главными персонажами этой истории. В сознании Марии дядя, очевидно, выглядел неким сказочным героем. Романтический образ сформировался благодаря письмам из Турции — блестящие описания чужих стран и народов звучали волшебной сказкой для ушей девочки. Именно этот сказочный герой и предлагал ей теперь руку и сердце. В то же время перспектива брака с мужчиной, гораздо старше ее по возрасту, не могла не пугать Марию. Видимо, лишь благодаря мягкому давлению мачехи и весьма аккуратным действиям самого претендента на ее руку она все же согласилась.

Что касается самого Мольтке, то в его случае речь вряд ли шла о глубокой любви с первого взгляда. Перспектива остаться холостяком, видимо, не слишком страшилась капитана, однако, зная любовь Мольтке к истории собственного семейства и гордость, которую он испытывал за своих предков, можно предположить в нем и желание продолжить свой род. Рассматривая перспективы брака с девушкой, которая была младше его на четверть века, он серьезно обдумывал все доводы «за» и «против». С одной стороны,

<sup>11</sup> Цит. по: *Here F. Op. cit. S. 97.*

между молодыми могло легко возникнуть отчуждение, основанное на разнице в возрасте и интересах. С другой — видимое превосходство давало ему возможность формировать характер и взгляды жены в нужном направлении. Поэтому Мольтке предстояло на основании весьма поверхностного знания характера Марии определить, по какому варианту с большей вероятностью будут развиваться события, — задача, достойная штабного офицера. В конечном счете он (не без помощи сестры) пришел к выводу, что вероятнее все же второй сценарий. К тому же жена по своему социальному статусу была ему ровней — еще один аргумент в пользу брака.

Однако мы несколько забежали вперед. Основные события развернулись весной 1841 г., после возвращения Мольтке из Италии. Первый, к кому он обратился со своим предложением, была Аугуста. Именно она взяла в свои руки ведение всей кампании на начальном этапе и 2 мая впервые поведала дочери о намерениях брата. Мария пришла в изумление и попросила время на размышление. Предложение дяди стало для нее настоящим шоком, и она некоторое время не могла собраться с мыслями и принять решение. Пауза, однако, продлилась недолго — уже 9 мая она ответила согласием. Джон Хейлиджер, как уже упоминалось выше, настоял на отсрочке свадьбы. Невесте должно было, по крайней мере, исполниться 16 лет! В течение следующего года жених и невеста виделись лишь эпизодически. Основным средством общения для помолвленных стали письма.

Нельзя сказать, что это было большим минусом для Мольтке, — в конце концов, эпистолярным жанром он владел мастерски. В письмах, адресованных Марии, он предстает перед нами в образе ласкового и заботливого «жениха-отца», который относится к своей нареченной с нежной предупредительностью. «Я боюсь, что ты сначала будешь чувствовать себя одинокой, поскольку тебе придется полностью расстаться с привычным кругом, в котором ты выросла и где все так любят тебя. Я бы хотел иметь возможность возместить тебе все потери, которые ты понесешь из-за меня. Да, дорогая Мария, я молю Бога о том, чтобы он лучше призвал меня к себе, если я не смогу сделать тебя счастливой», «Ты должна стать моим добрым ангелом, и я сам хочу стать лучше, чтобы быть достойным тебя»<sup>12</sup> — эти строки, совершенно в духе литературного романтизма, писал сорокалетний капитан 27 мая 1841 г. В другом письме Мольтке говорит о незримой связи, установившейся между помолвленными, о том, что он чувствует на расстоянии ее мысли, состояние ее души<sup>13</sup>.

«Как стремлюсь я, дорогая Мария, снова получить от тебя весточку, — пишет он 3 июля. — Быть может, письмо уже в пути, но я не хочу его дожидаться,

<sup>12</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen...* S. 126.

<sup>13</sup> *Ibid.* S. 134.

а немного поболтаю с тобой прямо сейчас. Полная луна сверкает напротив моего окна, наверняка ты тоже любишь ее. Ах, если бы она была зеркалом и я мог бы увидеть в ней твои любимые, прекрасные черты, твои карие глаза и мягкую улыбку! Рядом с луной — большая звезда, о которой я уже писал тебе. Часто, когда после долгой скачки по азиатским стенам на меня опускалась ночь прежде, чем я достигал места своего ночлега, или когда на крыше своего дома я расстилал ковры для сна, она выступала с южной яркостью на фоне вечерней зари и светила так нежно, как будто хотела сказать: скажи спокойно и позабудь все заботы, ты еще найдешь любящее тебя сердце. И я нашел тебя, драгоценная Мария; но звезды нашей судьбы живут в нашей груди, и каждый счастлив настолько, насколько он этого заслуживает. Если мне не суждено стать счастливым с тобой, то лишь потому, что я не так чист и прекрасен, как ты»<sup>14</sup>. Какая девушка смогла бы устоять перед подобными словами? В том же письме он заверяет Марию, что не собирается лишаться ее радостей юности, светских развлечений, балов и концертов, — лишь бы она всегда с радостью возвращалась из сверкающих зал в скромную комнатку к своему «старому медведю», который любит ее больше, чем кто бы то ни было на целом свете.

Мольтке выступал в новом для себя амплуа с завидным искусством. Свою основную цель — стать более понятным, родным и близким для собственной невесты — он успешно выполнил. Одновременно он старался оказывать мягкое влияние на ее характер, постепенно превращая в ту «идеальную супругу», о которой мечтал. Он советует Марии практиковаться в танцах, изучать цветоводство. «Я хочу, чтобы твой нрав был спокойным и дружелюбным, пусть даже несколько горячим. Уступчивость в мелочах, порядок в хозяйстве, опрятность в одежде и — в первую очередь — любовь ко мне. Конечно, ты вступаешь в новое окружение в очень юном возрасте, но твой ум и прекрасное чутье помогут тебе быстро найти нужный тон в общении с людьми»<sup>15</sup>, — пишет Мольтке невесте 13 февраля 1842 г.

В строках некоторых писем явно сквозит нетерпение, в общем-то несвойственное Мольтке. Почему бы будущему тестю не разрешить сыграть свадьбу на несколько месяцев раньше, под Новый год? Еще одна одинокая зима в Берлине, вдали от любимой — это свыше его сил!<sup>16</sup> «Чем ближе то время, когда я вновь увижу тебя, тем меньше у меня остается сил писать письма»<sup>17</sup>, — утверждает он незадолго до свадьбы. Он рисовал перед невестой идиллические картины будущей семейной жизни. «Для меня будет большим

<sup>14</sup> Ibid. S. 127.

<sup>15</sup> Ibid. S. 139.

<sup>16</sup> Ibid. S. 128.

<sup>17</sup> Ibid. S. 142.

удовольствием руководить твоим обучением»<sup>18</sup>, — сбивается Мольтке на покровительственные потки, которые, впрочем, смягчает нежность, наполняющая строки его писем. «Я не хочу лучшей доли, чем находиться под твоим маленьким каблучком, и твоей задачей станет добиться этого мягкостью, уступчивостью и добротой»<sup>19</sup>, — говорит он в другом письме. В послания искусно вплетены воспоминания о проведенных в Турции годах: говоря о себе в самом скромном тоне, Мольтке тем не менее умело создает образ романтического героя.

Одновременно жених все лучше узнавал свою будущую супругу. Мария относилась к роли невесты, а впоследствии жены со всей серьезностью. Однажды приняв решение, она стремилась стать как можно лучшей супругой, сделать так, чтобы ее муж никогда не имел повода сожалеть о своем выборе. «Конечно же, ты больше всех других мужчин заслуживаешь счастья, и я понимаю, сколь высок и священен данный мне Богом долг быть спутницей твоей жизни»<sup>20</sup>, — пишет она жениху. Мария даже несколько расстраивалась, замечая четко просматривавшуюся разницу между их письмами, обусловленную возрастом и жизненным опытом. «Я очень беспокоюсь о том, что не смогу стать тебе хорошей женой, ведь я еще так молода и неопытна, — пишет Мария жениху в одном из своих писем. — Поэтому я хотела бы, чтобы ты руководил мною во всем»<sup>21</sup>.

«Это правда, дорогая Мария, что у тебя гораздо лучше получается выражать свои мысли в письмах, нежели устно, — успокаивает Мольтке невесту в письме 8 сентября 1841 г. — Но причину этого я вижу не только в тебе, но и во мне, в той сдержанности, которая стала плодом моей юности, прошедшей во враждебных условиях, и которая невольно вызывает сдержанность в других. Ты просишь меня сказать, что мне не нравится в тебе, чтобы ты могла это изменить. И я хочу сказать тебе правду — сколько бы я ни ломал голову, мне нравится в тебе все, но многое не нравится в себе. Ты должна лишь развиваться в том же русле, и обязательно становишь замечательной, в высшей степени прекрасной дамой. <...> Обычно, когда мы бываем вместе, нам было трудно найти тему для беседы. Но причина этого — лишь в том, что ты пока еще мало видела, читала, испытала, и мы можем сказать друг другу лишь одно, только то, что знаем уже давно и чувствуем без всяких слов. Но даже если считать юность ошибкой, то нужно сказать, что ты становишься лучше с каждым днем, и когда мы начнем вместе разделять наши радости и горести, темы для общения не заставят себя долго

<sup>18</sup> Moltke H.K.V. d. Aufzeichnungen... S. 129.

<sup>19</sup> Ibid. S. 143.

<sup>20</sup> Ibid.

<sup>21</sup> Ibid.

ждать»<sup>22</sup>. «Мы все еще живем в разных сферах и находим путь друг к другу лишь благодаря взаимной склонности, — признает жених 13 марта 1842 г. — Я знаю твой мир, но ты мой — еще нет»<sup>23</sup>. Мольтке не сомневается, что это дисбаланс удастся вскоре преодолеть.

Летом 1841 г. будущим супругам удалось провести вместе несколько дней во время поездки на Гельголанд. До нас дошло любопытное описание Мольтке, оставленное известным в то время писателем Адольфом Штаром, который случайно встретил его во время этой поездки. «Это был высокий, худой человек, с резкими чертами узкого загорелого лица, чьи узкие губы и молчаливая серьезность, казалось, ни в коей мере не соответствовали молодецкой горячности, юмору и красноречию его произведения». Он еще не совсем оправился от потрясений 1839 г. и выглядел лет на десять старше своего возраста<sup>24</sup>.

20 апреля 1842 г. в церкви св. Лаврентия в Итцехоэ Гельмут и Мария сочтались браком.

\*\*\*

Тем временем служба шла своим чередом. Накануне свадьбы, 12 апреля 1842 г., Мольтке был произведен в майоры. Его деятельность в штабе корпуса не требовала большого напряжения — в основном речь шла о присутствии на больших маневрах и периодическом инспектировании частей. Естественно, он не терял связи с Большим генеральным штабом, принимая участие в мероприятиях последнего. Он изучил пути сообщения в Гарце, написал памятную записку о состоянии датской армии. В 1845 г. из-под его пера вышло сравнительно большое исследование, посвященное стратегическому значению Эльбы.

Одновременно Мольтке проявил себя в ипостаси делового человека. За время пребывания в Турции он сумел скопить капитал в 10 тыс. талеров. Встал вопрос о том, как его использовать. В итоге Мольтке вложил деньги в одно из самых перспективных и многообещающих предприятий — строительство железных дорог.

Военное и экономическое значение железных дорог в тот момент понимали многие немецкие мыслители. Но одно дело — речи интеллектуалов и совсем другое — конкретные решения политической и экономической верхушки. Прусские военные уделяли железным дорогам определенное внимание, но считали их скорее вспомогательным средством для переброски войск. Мольтке, вошедший в историю как первый великий полководец

<sup>22</sup> Ibid. S. 131.

<sup>23</sup> Ibid. S. 142.

<sup>24</sup> *Moltke H.K.V.d. Gespräche*. S. 17.

«железнодорожной эпохи», стал одним из первых предпринимателей, вложивших свой капитал в новый транспорт.

В июне 1841 г. капитан стал членом правления в совете директоров железной дороги Берлин–Гамбург. «Это дело очень интересует меня», — пишет он Марии 16 июня<sup>25</sup>. Конечно же, речь шла не только о том, чтобы «стричь купоны», — участие в делах компании потребовало от Мольтке достаточно напряженной работы. Он лично инспектировал ход строительства, участвовал в выборе места для вокзала. Кроме того, необходимо было улаживать вопросы концессии с германскими государствами, через которые должны была пройти линия. Строительство дороги, которая достаточно быстро стала одной из наиболее востребованных в Германии, было завершено в 1846 г. Мольтке рассматривал железнодорожную ветку как часть великого торгового пути из Западной Европы на Ближний Восток. В 1843 г. из-под его пера выходит статья «Какие соображения следует принимать во внимание при выборе направления железных дорог?». Для самого Мольтке ответ был предельно ясен: должны учитываться как экономические, так и военные требования.

Помимо всего перечисленного, заслуживает упоминания еще один результат «турецкого периода», сыгравший в судьбе Мольтке огромную роль. Будучи прекрасным рассказчиком, он почти сразу по возвращении стал достопримечательностью светских салонов столицы. Его с удовольствием приглашали на балы и вечера — перспектива послушать человека, вернувшегося из четырехлетнего путешествия в царство «Тысячи и одной ночи», привлекала многих. «Весьма любезный человек с притягательным талантом собеседника», — характеризовала его в эти годы принцесса Марианна<sup>26</sup>. Обращает на себя внимание контраст со сложившейся позднее репутацией «великого молчаливника». Именно в этот период времени Мольтке завязывает множество полезных знакомств в придворных кругах, чему во многом был обязан принцу Карлу, командиру IV армейского корпуса. Не найдя штабному офицеру лучшего применения, тот использовал Мольтке в качестве своего адъютанта. Мольтке был представлен королю Фридриху Вильгельму IV, а во время столетнего юбилея Берлинской оперы в декабре 1841 г. сидел вместе с 50 другими персонами в королевской ложе. В придворное общество попала и Мария, которую шутливо называли «маленькой турчанкой».

Параллельно с возможностями росли и потребности. Мольтке, еще недавно не знавший, как оплатить счета у портного, теперь мечтал о собственном поместье. Узнав в 1844 г. о продаже имения Найнштедт в Гарце, он писал: «Я бы поселился здесь, если бы имел счастье располагать 15–20 тысячами

<sup>25</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen...* S. 129.

<sup>26</sup> *Moltke H.K.V. Gespräche.* S. 6.

талеров»<sup>27</sup>. Этих денег пока не было. Поместье оставалось одним из «мечтаний, которые все время откладываются, пока внезапно не приходит конец. Поток событий несет нас с собой, мы считаем, что движемся, — а на самом деле он движет нас»<sup>28</sup>.

Для подобных грустных раздумий была еще одна причина — осенью 1845 г. после длительной и тяжелой болезни умер его отец. Как писал Мольтке брату Людвигу, «после всех предшествующих известий она [смерть. — *Н.В.*] становилась предсказуемой и с учетом тяжелых страданий даже желательной»<sup>29</sup>.

\*\*\*

В это же самое время Мольтке перевернул новую страницу своей биографии. Причуда принца Карла не прошла для него даром. В тогдашней Пруссии карьера адъютанта считалась одним из лучших вариантов для интеллектуально одаренных офицеров. Весной 1845 г. умер адъютант жившего в Риме принца Генриха Прусского, и уже 30 мая 1845 г. Мольтке в одном из писем сообщил о возможности своего назначения на вакантную должность<sup>30</sup>. Место считалось весьма теплым, притом не только из-за южного климата: высокое жалование сочеталось с весьма необременительными должностными обязанностями. Принц Вильгельм Прусский проницательно высказывался о «леггионах жаждущих в Рим»<sup>31</sup>. Впрочем, дело затянулось — назначение состоялось лишь 18 октября. Столь долгий срок объясняется колебаниями принца, внимательно изучавшего предложенную ему кандидатуру. Решающую роль, похоже, сыграла рекомендация принца Карла.

Принц Генрих считался в королевской семье чудачком. Отличившийся в годы Освободительных войн, он вскоре обособился от семьи, а в 1819 г. переехал в Рим. Свою роль сыграли напряженные отношения с королем<sup>32</sup>. Ходили упорные слухи, что принц перешел в католическую веру, — дело неслыханное для представителя монаршего рода крупнейшего из германских протестантских государств. В настоящее время он лежал, прикованный к постели неизлечимой болезнью.

Предстоящее свидание с Римом очень радовало Мольтке. Несмотря на немецкий патриотизм, его всю жизнь тянуло в теплую солнечную Италию, подальше от балтийских туманов и дождливых берлинских вечеров. 14 ноября

<sup>27</sup> *Herre F.* Op. cit. S. 108.

<sup>28</sup> *Ibid.*

<sup>29</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen...* S. 151.

<sup>30</sup> *Moltke H.K.V. Leben und Werk...* S. 123.

<sup>31</sup> *Kessel E.* Moltke. S. 181.

<sup>32</sup> *Brix M.* Marie von Moltke. Stuttgart, 1942. S. 67.



он вместе с женой и присоединившимся к ним братом Людвигом начал свое путешествие, причем значительную часть пути впервые в жизни проделал в собственном, а не наемном экипаже.

18 декабря семейство прибыло в Рим. «Вечный город», однако, предпочел повернуться к гостям спиной: их встретили дождь, грязь на улицах, бесконечные попрошайки («Здесь нищенством занимаются все, даже слуги послов»<sup>33</sup>). Временами Мольтке сожалел, что покинул Берлин. Найти приличную квартиру удалось с огромным трудом и с помощью немецких дипломатов.

Адъютант отправился к своему принцу. Комната обилием всевозможных книг, картин, чертежей, газет, приборов и инструментов напомнила Мольтке обиталище доктора Фауста. Обобщенное впечатление, впрочем, оказалось вполне благоприятным. Мольтке с удивлением убедился, что, несмотря на слухи, принц пребывает в здравом уме, твердой памяти и превосходном настроении. Несмотря на свою болезнь, он постоянно был в курсе всех происходивших новостей, поддерживал переписку с Берлином и был тесно связан с папским двором. Принц назвал Мольтке «благовоспитанным, талантливым и образованным молодым человеком»<sup>34</sup>, которого не стал обременять лишними делами. Свеженспекенный адъютант мог посвящать своим прямым обязанностям не более одного-двух часов в день, сидя у постели принца и рассказывая новости, а остальное время употреблять по своему усмотрению. «Моя служба у принца предоставляла мне много досуга», — вспоминал Мольтке<sup>35</sup>. Более того, Генрих оплачивал многие расходы своего адъютанта, в том числе предоставил ему в распоряжение свой экипаж и ложе в трех театрах.

Мольтке с радостью отказался от светской жизни, от посещения балов и приемов в немецкой колонии Рима. Конечно, порой супружеской паре приходилось волей-неволей выбираться в свет, чтобы не настроить против себя местное общество. Все свое свободное время Мольтке посвящал прогулкам по «вечному городу» и его окрестностям. «Странно, что больше всего не хватает времени тогда, когда ничего не делаешь»<sup>36</sup>, — писал он. С некоторым кокетством, потому что бездельем его времяпрепровождение могло показаться только светским львам. Во время своих прогулок Мольтке занимался исторической географией — с книгой по римской истории в руках он осматривал местность, где происходили события, и устанавливал места древних сражений. Рано или поздно это натолкнуло его на мысль о создании

<sup>33</sup> *Moltke H.K.V. Leben und Werk...* S. 128.

<sup>34</sup> *Herre F.* Op. cit. S. 111.

<sup>35</sup> *Moltke H.K.V. Gespräche.* S. 92.

<sup>36</sup> *Herre F.* Op. cit. S. 111.

точной карты Рима и его окрестностей, а также специального исторического путеводителя.

Топографические работы велись в достаточно сложных условиях. Несмотря на то что ему удалось заинтересовать своей инициативой местных ученых, никто не давал прусскому офицеру карт-бланш и военный эскорт, как это было в турецкой столице. Хотя военное министерство проявило интерес к его изысканиям, но этим дело и ограничилось<sup>37</sup>. Множество частных владений затрудняли работу. Тем не менее энтузиазм преодолевал все преграды. «Для того, кто обладает классическим образованием и занимается римскими институтами, Рим представляет собой одно из интереснейших мест в мире», — писал он брату Адольфу<sup>38</sup>. «Труд автора с лихвой вознаграждается радостью, которую он ему приносит, — утверждал он в другом месте. — Это чудесное чувство, ехать свежим утром через еще спящий город, из тесноты садовых оград — в просторную долину, и там начинать свой ежедневный труд. <...> Ты возвращаешься домой в испорченной одежде и с израненными ногами, голодный и усталый; но зато ты обнаружил гробницу или надпись, колонну или кусок лавы, которые не указаны ни на одном плане или путеводителе, и эта добыча наполняет тебя гордостью»<sup>39</sup>. К концу июня 1852 г. большая часть работ оказалась выполненной. Карта Рима в масштабе 1:25 000, высоко оцененная знаменитым Александром фон Гумбольдтом и изданная при финансовой поддержке самого короля, увидела свет в 1852 г. в Берлине.

Менее успешным оказалось второе его начинание — «Путеводитель по Кампанье», для которого были созданы лишь небольшие фрагменты. Цепь неудач преследовала эту книгу с самого начала: отправившийся на родину в начале 1846 г. Людвиг отказался быть ее соавтором, Гумбольдт терял передаваемые ему на рецензирование куски рукописи, да и более важные дела в конце концов нашлись. Однако в предисловии к работе мы можем найти немало важных и интересных мыслей, прекрасно характеризующих автора.

Мольтке планировал свою работу в качестве крупного историко-географического исследования. «История и география, — писал он, — дополняют друг друга так же, как понятия пространства и времени»<sup>40</sup>. Местность, на которой разворачивались некогда исторические события, подобна открытой книге, по которой грамотный исследователь может восстановить многие черты минувшей эпохи. Знание географии позволяет существенно уточнить наши представления об истории. Мольтке ставил перед собой

<sup>37</sup> Müller-Bohn H. Graf Moltke. S. 194.

<sup>38</sup> Moltke H.K.V.d. Aufzeichnungen... S. 153.

<sup>39</sup> Ibid. S. 162.

<sup>40</sup> Ibid. S. 156.

задачу совместить рассказы древних и новых авторов с реальным пейзажем римских окрестностей; читатель должен был мысленно совершать вместе с автором прогулку по Кампанье, погружаясь в прошлое этих мест, где на небольшом пятачке земли совершилось невероятное количество крупных исторических событий.

«Пустынная Кампанья ди Рома обладает неопишуемой привлекательностью, — писал Мольтке. — Она — родина противоречий между богатством прошлого и глубочайшим спокойствием настоящего. Замок Гаэтани стоит на могиле Метелла, и купол Микеланджело возвышается над цирком Нерона. Могилы христиан находятся между колумбариями язычников, современные шоссе проходят под арками античных акведуков. С тех холмов, где стоял лагерь Пирр, на нас смотрит разбитый молнией дуб Тассо. Пароходы пересекают гладь светлого Тибра, и скоро поезда побегут через те поля, где некогда проезжала колесница триумфатора. Прошлое этого клочка земли так огромно, что оно заслоняет настоящее»<sup>41</sup>.

В сохранившихся отрывках мы достаточно четко видим позицию Мольтке по отношению к светскому государству римского папы, столицей которого являлся Рим. Именно давлением теократии наш герой объясняет запустение и стагнацию некогда плодородных и оживленных областей. Несмотря на определенную симпатию к католицизму, которую он питал еще с юности (в частности, заботу о душах верующих в Римской церкви он считал на порядок более высокой, чем в лютеранской), Мольтке не признавал никаких претензий церкви на светскую власть.

Римская идиллия прервалась в ночь с 11 на 12 июля 1846 г., когда Мольтке был разбужен криком одного из итальянских слуг Генриха, доложившего ему о смерти принца. На адъютанта сразу же свалилась куча обязанностей. Позабывшись о бальзамировании тела, Мольтке ринулся в Потсдам, чтобы доложить королю о случившемся. Путь, который он меньше года назад не спеша проделал за месяц, теперь был преодолен за неделю. Фридрих Вильгельм IV, выслушав печальную новость, приказал адъютанту сопровождать тело принца на военном корвете «Амазонка» в Германию.

Отправив Марию к ее кузине, графине Брокдорфф, в Неаполь, и ударными темпами завершив свои топографические работы, Мольтке вместе с телом принца погрузился 19 сентября в Чивитавеккьи на борт корвета. Средиземное море не радовало прекрасной погодой: 16 дней до Гибралтара корабль находился в зоне штормов. Мольтке, который никогда не отличался отменным здоровьем, жестоко страдал от морской болезни. «Я решил высадиться, поскольку полностью вышел из строя, — писал он жене 6 октября. — Это решение далось мне тяжело, и возможно, я в нем еще расскажу;

<sup>41</sup> *Moltke H.K.V.d. Aufzeichnungen...* S. 161.

но я сдал настолько, как будто перенес тяжкую болезнь. Море противостоит моей природе»<sup>42</sup>. В Кадисе Мольтке сошел на берег, как утверждалось впоследствии, по настоянию капитана, не желавшего доставить на родину два трупа вместо одного, и продолжил свой путь посуху.

Поступок Мольтке граничил с нарушением воинского долга. Адьютант не имел права покидать тело принца. Зная его любовь к путешествиям, невольно закрадывается вопрос: была ли морская болезнь опытного путешественника действительно настолько сильной? Не захотел ли он под благовидным предлогом осмотреть новую для себя страну, Испанию? Не случайно автор официальной биографии, вышедшей еще при жизни Мольтке, назвал в числе причин, побудивших его героя сойти на берег, «любовь к путешествиям и тягу к странствиям, интерес к жизни чужих народов»<sup>43</sup>.

Как бы то ни было, представившуюся возможность познакомиться с Испанией Мольтке использовал. Пересев в Кадисе на пароход «Теодорих», он добрался до устья Гвадалквивира и поднялся вверх по этой знаменитой реке. Посетив крупнейшие города Испании и осмотрев их достопримечательности, он 14 октября прибыл в Мадрид. Не обошлось, конечно же, без посещения корриды — впрочем, Мольтке не увидел в ней ничего, кроме бессмысленного избивания животных. Однако красота Испании завораживала его, и ускорять путь заставляло лишь опасение опоздать к прибытию «Амазонки» в Германию. Испанцы произвели на Мольтке благоприятное впечатление: «По сравнению с итальянцами испанцы были мне намного милее, — писал он в одном из своих писем. — Ни разу у меня не просили милостыни, для этого самый беднейший слишком горд. <...> Даже самый незначительный из испанцев ожидает уважительного отношения к себе»<sup>44</sup>.

Довелось Мольтке проехать и через немецкую колонию, где поселенцы уже почти забыли родной язык. Это натолкнуло его на грустные размышления: «Наши земляки становятся всюду, куда бы они ни приехали, лучшими поселенцами, спокойнейшими подданными, прилежнейшими работниками, но они перестают быть немцами. Они становятся французами в Эльзасе, русскими в Курляндии, американцами на Миссисипи и испанцами в Сьерра-Морена. Да, они стыдятся своей разорванной, бессильной родины»<sup>45</sup>.

Потом Мольтке пересек Францию и на поезде 26 октября добрался до Гамбурга. Далее его путь лежал в Куксхауен, куда должна была прибыть «Амазонка». В ожидании корабля Мольтке успел навестить родственников

<sup>42</sup> Ibid. S. 166.

<sup>43</sup> Müller-Bohn H. Op. cit. S. 208.

<sup>44</sup> Moltke H.K.B.v. Aufzeichnungen... S. 170.

<sup>45</sup> Müller-Bohn H. Op. cit. S. 215.

жены и посетить могилу отца. 4 ноября корабль вошел в порт. На пароходе «Принц Карл» тело покойного было отправлено в Берлин.

На этом мучения Мольтке не закончились. Ему предстояло играть одну из главных ролей на похоронах принца 7 ноября 1846 г. В соборе было так душно, а мундир так неудобен, что адъютант едва не потерял сознание. «Я не знаю, что было тому виною, — писал он жене. — Напряженное ли путешествие, неудобный ли костюм, крепкий ли кофе или еще что-то, но у меня началось настолько сильное сердцебиение, что я уже не надеялся удержаться на ногах»<sup>46</sup>. Самым трудным моментом была часть церемонии, когда адъютант вместе с гробом плавно опускается в склеп. Выбравшись на свежий воздух, Мольтке испытал огромное облегчение: любой инцидент во время похорон мог бы серьезно осложнить его и без того незавидное положение. Дело в том, что высадка в Кадисе могла и не остаться безнаказанной. Капитану «Амазонки» Яну Шредеру пришлось долго и горячо доказывать невиновность своего пассажира. В конечном счете Мольтке удалось отделаться легким испугом.

После недолгой паузы (шли споры о том, продвигать его дальше по адъютантской или по штабной линии) 24 декабря он был назначен в штаб VIII армейского корпуса в Кобленце. В конце 1846 г. Мольтке, забрав жену из Неаполя, отправился на Рейн. Ветер перемен подхватил его, не оставив времени на осмысление и обработку римского опыта. Задуманный путеводитель так и остался незавершенным.

Место назначения понравилось чете Мольтке. Кроме того, здесь они нашли новых друзей — капитана Тюмплинга, также служившего в штабе корпуса, и его супругу. Рейнская провинция, полученная Пруссией в соответствии с решениями Венского конгресса 1815 г., имела свой индивидуальный характер. Отделенные от метрополии чередой мелких германских государств, ее жители обладали более либеральными и прогрессивными взглядами и исповедовали католицизм. Кроме того, в сознании многих немцев Кобленц являлся своеобразным форпостом против Франции.

Разработка оборонительных мероприятий на случай военного конфликта стала основной задачей Мольтке. Согласно его концепции, сильный укрепленный лагерь для двух рейнских корпусов должен был представлять собой фланговую позицию на пути неприятеля, которую было достаточно трудно взять и в которой корпуса избежали бы угрозы окружения. Его шеф, начальник штаба VIII корпуса, подполковник фон Хёпфиер, придерживался иного мнения, считая, что предложенный Мольтке вариант приведет к быстрому разгрому рейнских корпусов.

<sup>46</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen...* S. 172.

Хёпфнер даже хлопотал об отзыве подчиненного «из-за его неспособности»<sup>47</sup>. Командир корпуса генерал фон Тиле вполне разделял это мнение, не считая Мольтке особенно выдающимся офицером, который, кроме того, был недостаточно благочестив. «Его религиозные воззрения, на мой взгляд, не содержат ничего, кроме безразличия», — писал генерал<sup>48</sup>. Однако у Мольтке в тот момент были достаточно могущественные друзья в Берлине, в первую очередь — стареющий Краузенэкс, и обоим недоброжелателям пришлось умерить свой пыл. Однако самому Мольтке подобное отношение, естественно, настроения не поднимало, и он начал потихоньку подумывать об отставке, называя в качестве вершины своей карьеры должность начальника штаба корпуса. Амбиции Марии, правда, простирались немного дальше, и она с удовольствием видела бы себя в роли жены командира корпуса<sup>49</sup>. Мольтке была сохранена весьма весомая адъютантская прибавка к жалованью, так что с материальной точки зрения он был обеспечен хорошо. «Мое служебное положение весьма приятно и предполагает дальнейшее продвижение, — писал он брату Адольфу 30 октября 1847 г. — Однажды я стану шефом штаба корпуса, и это произойдет в ближайшем будущем, и, скорее всего, потребует переселения. Подниматься выше я не хочу и подам в отставку»<sup>50</sup>.

Для спокойных расчетов времени оставалось совсем немного. Неумолимо приближалась пора потрясений...

---

<sup>47</sup> Herre F. Op. cit. S. 118.

<sup>48</sup> Moltke H.K.B.v. Gespräche. S. 7.

<sup>49</sup> Kessel E. Op. cit. S. 191.

<sup>50</sup> Moltke H.K.B.v. Aufzeichnungen... S. 176.

## Глава 5. НАВСТРЕЧУ СТАРОСТИ?

*Молитке в период революции 1848–1849 гг. — Служба в первой половине 1850-х гг. — Адъютант Фридриха Вильгельма — Поездки в Россию и Францию*

1840-е годы в Германии начались весьма спокойно. В Пруссии они стали временем несбывшихся надежд. После смерти Фридриха Вильгельма III на престол в 1840 г. взошел его сын и тезка, имевший репутацию либерала. Однако на деле Фридрих Вильгельм IV жестко отменил все надежды на введение конституционных порядков. Либеральные надежды угасли, и на первый план выступили социальные конфликты.

Резко обострился немецкий национализм, начали бурно развиваться спортивно-патриотические союзы. Либеральные и национальные ценности соединились в один комплекс, все большее число людей воспринимали старую политическую систему как препятствие на пути германского единства. В 1844 г. произошло знаменитое восстание силезских ткачей. За ним в 1845–1846 гг. последовал страшный неурожай на всем Европейском континенте, повлекший за собой нехватку хлеба и картофеля. Цены на элементарные продукты питания выросли во много раз. Весна 1847 г. стала временем восстаний — так называемых «картофельных бунтов», прокатившихся по всему прусскому государству. В дополнение ко всему в 1847 г. разразился торгово-промышленный кризис.

Финансовое положение королевства было далеко не лучшим. Для получения внутренних и внешних займов требовалось, чтобы их одобрило хоть какое-нибудь народное представительство, в противном случае крупные финансисты, многие из которых придерживались либеральных воззрений,

не соглашались давать деньги. Конечно, о полноценном парламенте речь не шла. Открывшийся в апреле 1847 г. Соединенный ландтаг обладал минимумом прав и полномочий и был составлен из депутатов восьми провинциальных ландтагов — палат, избиравшихся на сословной основе и решавших локальные вопросы. В своей тронной речи король сразу же заявил, что не потерпит никаких конституционных помыслов: «Никогда, никогда я не позволю, чтобы между Господом на небесах и моей страной встал исписанный клочок бумаги»<sup>1</sup>. Тем не менее либералы, составлявшие в палате большинство, потребовали превращения ландтага в периодически собирающийся орган. Когда король с негодованием отверг это требование, в займах было отказано. Фридрих Вильгельм в ответ распустил Соединенный ландтаг.

Это могло остаться эпизодом в небогатой политической жизни тогдашней Пруссии, если бы не революционная волна, поднимавшаяся в Европе. В конце февраля 1848 г. всю Германию всколыхнуло пришедшее с запада известие — во Франции произошло восстание, король свергнут! Немецкие либералы и демократы увидели возможность осуществить свои мечты. В первых числах марта начались волнения в Кобленце, а 18–19-го произошло восстание в Берлине. Консервативные силы потерпели поражение: король вынужден был вывести из города войска, обнажить голову перед телами погибших повстанцев, отменить цензуру и привести к власти либеральное министерство. Был обещан созыв народного представительства и быстрейшее принятие конституции. 2 апреля открылся новый Соединенный ландтаг, а затем прошли выборы в прусское и общегерманское Национальные собрания. На повестку дня встали вопросы германского единства и конституционной монархии.

Мольтке, находившийся в Рейнской области, буквально с первых же дней оказался в эпицентре событий. Сначала предполагалась возможность военной кампании против революционной Франции, и даже начался призыв резервистов; однако вскоре, когда движение перекинулось на германские государства, об этом пришлось забыть. В создавшейся ситуации Мольтке не мог отнестись с полной симпатией ни к одной из сторон: консерватор по своим политическим взглядам, он не принимал революцию, но не мог закрыть глаза на ее объективные причины. «Здесь, в Кобленце, мы сидим на пороховой бочке, — писал он своей золовке Жанетте. — В целом, конечно же, вполне естественно, что народ, который менял своих духовных князей по паре раз каждое десятилетие, не питает большой любви к династии»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Чубинский В. В. Бисмарк. М., 1988. С. 24.

<sup>2</sup> Moltke H. K. V. d. Aufzeichnungen... S. 177.



Однако революцию как таковую он полностью отвергал, называя не иначе как «ослеплением» и «моральной холерой, идущей по Европе»<sup>3</sup>.

Вскоре Мольтке целиком и полностью встал на сторону противников восставших, что диктовал ему и служебный долг: военные были широко задействованы в подавлении мятежей. Впрочем, даже прусская армия, традиционный оплот монархии, заколебалась: когда по заранее разработанному плану войска должны были выдвинуться на французскую границу, одна из частей 29-го пехотного полка, укомплектованная местными резервистами, отказалась выполнять приказы. В этом ее горячо поддержали жители Кобленца<sup>4</sup>.

В первую очередь Мольтке тревожился за судьбу жены. «Если здесь начнется бунт, тогда я должен буду моментально идти на место сбора. Тогда Мария останется без всякой помощи», — писал он Жанетте<sup>5</sup>. Решением стал отъезд Марии в аристократический курортный город Эмс, находившийся в полутора часах езды от Кобленца. Здесь все было спокойно.

«Речь идет больше не о монархии или республике, — писал Мольтке в письме от 29 марта 1848 г., — а о законе или анархии. Какая ответственность для тех, кто вызвал к жизни нынешнюю ситуацию! Боже, прости им то, что они причинили бедной, несчастливой стране. Где давление обстоятельств было столь велико, кто был настолько ущемлен в своих правах, чья свобода была столь ограничена, что могло показаться справедливым прокладывать новый путь, о котором никто не знает, куда он заведет?»<sup>6</sup>

16 мая Мольтке был отозван из бурлящей Рейнской области в Берлин, на должность начальника одного из отделений Большого генерального штаба. Назначение носило откровенно временный характер. Кадры прусской армии лихорадило, на ряде командных должностей началась откровенная чехарда. Ничего отрадного для себя майор не увидел и в столице. Повсюду были расположены посты «гражданского ополчения», офицеры предпочитали ходить в штатском, повстанцы чувствовали себя хозяевами города. «Вчера я в первый раз присутствовал на заседании Национального собрания, — язвительно писал Мольтке 2 июля. — Печальное зрелище! Там читают проповеди, а не говорят, звучит много слов с минимумом смысла. Во время голосования значительная часть депутатов не способна решить, выступить им "за" или "против"; они встают, озираются, садятся — короче, совершенно ясно, что эти люди не знают, о чем идет речь. И это — наши законодатели!»<sup>7</sup>

<sup>3</sup> Moltke H.K.B.v. Aufzeichnungen... S. 178.

<sup>4</sup> Herre F. Moltke. S. 123.

<sup>5</sup> Moltke H.K.B.v. Aufzeichnungen... S. 177.

<sup>6</sup> Ibid. S. 5.

<sup>7</sup> Ibid. S. 179.

Мольтке относился весьма неодобрительно даже к тем идеям либералов, которые в принципе были ему близки, таким, например, как объединение страны. Да, парламент во Франкфурте выступает за национальное единство, но основанное на решениях кучки не нашедших себя в реальной жизни интеллектуалов. «Жаль, что на трехцветном знамени налипло столько грязи», — напишет он в одном из своих писем<sup>8</sup>. Единство страны, считал Мольтке, может достигнуто лишь волей монархов. Революционные события лишь отдалают момент объединения, ведут к слабости и разобщенности. «Внутреннее состояние Германии никогда не было так смутно, как в то время, когда единство ее было возведено громкими словами во Франкфурте», — напишет Мольтке впоследствии<sup>9</sup>. Единство Германии, считал он, может быть достигнуто лишь под эгидой Пруссии: «Без Пруссии ничто невозможно превратить в жизнь», — писал он Адольфу 3 августа<sup>10</sup>. Мольтке считал благом даже возможное внешнее вторжение, которое, по его мнению, наконец-то заставит немцев сплотиться вокруг традиционной власти. Войну с Францией он считал весьма вероятной.

«Пусть восторжествует авторитет, каким он был всегда! — выходили из-под пера Мольтке все новые и новые филиппики против революции. — Довольно господства адвокатов, литераторов и уволенных лейтенантов, которые ведут Германию навстречу разделу наподобие польского. Если бы дело в стране обстояло так, как пишут газеты, все было бы потеряно!»<sup>11</sup> Демократию он называл «опаснейшим из всех врагов»<sup>12</sup>. В письмах периода 1848 г. ясно видно политическое кредо Мольтке — недаром составители одного из изданий документов фельдмаршала вынесли их в самое начало сборника в виде своеобразного эпиграфа. Он был консерватором, пусть просвещенным, но консерватором; либерализм был ему чужд, любая революционность — враждебна.

В то же время, в отличие от многих коллег, Мольтке не считал панацеей реставрацию старых порядков, понимая, что революция вызвана вполне объективными причинами. Он полагал, что Пруссия должна воспользоваться ситуацией и проводить активную политику в Германии. Именно установление прусской гегемонии поможет предотвратить дальнейшие революционные взрывы. С этих позиций высказывался он в дискуссиях с коллегами по генеральному штабу.



<sup>8</sup> *Moltke H.K.V. Leben und Werk...* S. 167.

<sup>9</sup> *Мольтке Г. Первая датская кампания (1848–1849 гг.)*. СПб., 1898. С. 267.

<sup>10</sup> *Moltke H.K.V. Leben und Werk...* S. 167.

<sup>11</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen...* S. 5.

<sup>12</sup> *Ibid.* S. 186.

Одним из испытаний для провозглашенного, но не воплощенного в реальности германского единства стал шлезвиг-гольштейнский вопрос. Принадлежавшие Дании на основе личной унии герцогства Шлезвиг и Гольштейн, самые северные из немецких территорий, являлись членами Германского союза. В марте, воспользовавшись событиями в Германии, датчане решили полностью включить одно из двух герцогств — Шлезвиг — в состав своей страны. Немецкое население немедленно восстало и заявило о своей независимости. Франкфуртское национальное собрание горячо поддержало стремление северных братьев к вхождению в состав нового единого германского государства. Оно санкционировало посылку в герцогства немецких (фактически — прусских) войск под командованием генерала Врангеля. Совместно с восставшими последний быстро отбросил датские войска в глубь Ютландии.

Мольтке изначально рассчитывал на примирение враждующих сторон на основе статус-кво. В идеале он мечтал даже о тесной связи между Данией и Германией, переходящей в создание единого государства<sup>13</sup>. Шлезвиг и Гольштейн были близки ему по личным причинам. «По поводу вас — шлезвиг-гольштейнцев — я могу только радоваться. Датчане не смогут вас заполучить», — писал он свояченице Жанетте<sup>14</sup>. Кстати, после начала военной кампании в армейских верхах обсуждалась мысль о назначении Мольтке начальником генерального штаба или даже главнокомандующим поворожденной шлезвиг-гольштейнской армии.

Однако война продлилась недолго. Великие европейские державы, в первую очередь Британия и Россия, весьма настороженно относились к событиям в Германии и после первых успехов прусских войск потребовали прекратить конфликт. Не желая ссориться со своими соседями, Фридрих Вильгельм счел за благо уступить. 26 августа было подписано перемирие в Мальмё, которое фактически сохраняло герцогства под властью Дании. Несмотря на то что переговорный процесс длился еще несколько лет и военные действия возобновились в следующем 1849 г., итогом стало лишь незначительное изменение довоенного положения герцогств: шлезвиг-гольштейнская проблема осталась неурегулированной. Мольтке, естественно, сваливал всю вину на немецких революционеров: «Германия должна была убедиться: чтобы заставить мир признать себя объединенной державой, надо было употребить другие средства, чем народные решения в церкви Павла во Франкфурте»<sup>15</sup>; «с успехом начатая, веленная вяло и оконченная бесславно, эта война позволила третьестепенной державе выйти из борьбы

<sup>13</sup> Moltke H.K.B.v. *Deutsche Kriegsführung*. Leipzig, 1941. S. 7.

<sup>14</sup> Moltke H.K.B.v. *Aufzeichnungen...* S. 178.

<sup>15</sup> Moltke G. *Первая датская кампания*. С. 163.

равноправным противником мнимо объединенной Германии»<sup>16</sup>, — напишет он позднее в своем труде «Первая датская кампания». Негативно оценивал Мольтке и уровень военного искусства немецкой стороны. «Я думаю, следует признать, что руководство союзными войсками в Ютландии было весьма жалким», — писал он Адольфу 13 июля 1849 г.<sup>17</sup>

С лета 1848 г. Мольтке начинает снова задумываться об отставке. Он не видит перспектив прославить себя на поле брани, опасается, что победа революции будет иметь для армии самые печальные последствия. В то же время падение цен на земельные владения, казалось бы, предоставляло ему шанс воплотить в жизнь свою давнюю мечту. «Мое заветное желание — собрать нас всех в каком-нибудь поместье, куда каждый внес бы столько капитала и сил, сколько есть у него в наличии», — мечтал он в письме Адольфу 9 июля<sup>18</sup>. А если дела в родном отечестве пойдут совсем плохо — что ж, он готов эмигрировать даже в Австралию! Правда, Мольтке боялся, что Мария не одобрит подобных смелых планов.

Однако намерения руководства в отношении стареющего майора были совершенно иными. 22 августа его назначили начальником штаба IV армейского корпуса, и Мольтке отправился к новому месту службы — в Магдебург. Это считалось повышением по отношению к должности начальника отделения в Большом генеральном штабе. Мольтке все еще делял надежду на то, что разразится война, в результате которой Пруссия «либо погибнет, либо встанет во главе Германии, на свое законное место»<sup>19</sup>.

Революция в Германии тем временем пошла на спад. Франкфуртское Национальное собрание теряло всякую тень реальной власти, проводя дни в решении вопросов, касавшихся будущего Германии. В Пруссии одно правительство сменялось другим, с каждым разом все менее либеральным, пока осенью к власти не пришло откровенно реакционное министерство Бранденбурга–Мантойфеля. «Пусть Господь сохранит нам наше министерство Бранденбурга; только никаких больше слабых умников», — пишет Мольтке год спустя<sup>20</sup>. 10 ноября в Берлин вступили войска генерала Врангеля, гражданское ополчение было разогнано по домам, введено осадное положение. 5 декабря 1848 г. прусское Национальное собрание было распущено, а на следующий день король даровал своим подданным конституцию, закрепившую некоторые преобразования в стране. Вводились гражданские свободы, ответственность министров, учреждался двухпалатный

<sup>16</sup> Там же.

<sup>17</sup> *Moltke H.K.B.v. AW. Bd. 3. S. 363.*

<sup>18</sup> *Moltke H.K.B.v. Aufzeichnungen... S. 180.*

<sup>19</sup> *Ibid.*

<sup>20</sup> *Moltke H.K.B.v. AW. Bd. 3. S. 365.*

парламент, в котором нижняя палата избиралась на основе прямого и равного избирательного права. Конституции был уготован короткий век — до более или менее реального воплощения всех этих принципов Германии оставалось семь с лишним десятилетий.

«У меня ощущение, что дела понемногу улучшаются, — писал Мольтке. — Маятник революции, как мне кажется, завершил свое движение, он возвращается обратно к стабильности. Качнется ли он в противоположную сторону? Природный закон гравитации это позволяет. Но сначала должен вернуться порядок, и этого можно только желать, потому что, как правильно отмечалось, свобода выростала из порядка, но никогда наоборот»<sup>21</sup>. Консервативные силы медленно, но верно восстанавливали контроль над происходящим. Главной их опорой являлась армия — лозунг «Против демократов помогают лишь солдаты» надолго стал крылатой фразой в правых политических кругах германских государств. Мольтке не без удовольствия наблюдал за этими процессами и лично участвовал в них. Вмешательство армии он считал решающим фактором, который поможет восстановить порядок в стране, а затем и произвести объединение Германии на легитимных, консервативных и монархических началах. Именно так, сначала порядок, потом объединение, он представлял себе будущее. «У меня полно дел, поскольку у нас тоже шевелится демократия, — писал он брату Адольфу из Магдебурга 21 сентября. — Но мы с нашими прекрасными солдатами уверенно вмешиваемся. Мятежные города усмиряются мобильными колоннами, гражданские ополчения и стрелковые союзы разоружаются, зачинщики беспорядков арестовываются, и всем бунтарям показывается, что здесь все еще правит закон»<sup>22</sup>. Успокоению страстей способствовала и разразившаяся эпидемия холеры. Мария посреди всей этой суеты сохраняла спокойствие и хорошее расположение духа.

Разработанная и принятая в конце марта 1849 г. Франкфуртским национальным собранием общегерманская конституция была в сложившейся ситуации не более чем клочком бумаги. Скорее жестом отчаяния со стороны парламентариев стало предложение императорской короны прусскому королю Фридриху Вильгельму IV, которое он высокомерно отверг, заявив, что с удовольствием принял бы корону из рук германских монархов, а не смутьянов. Мольтке был согласен с этим шагом, но выступал за более активную политику в германском вопросе. По его мнению, в данный момент монархия Гогенцоллернов вполне могла закрепить за собой гегемонию, по крайней мере, в северной части страны. «Энергичное правительство — и Пруссия

<sup>21</sup> *Moltke H. K. V. Aufzeichnungen...*, S. 6.

<sup>22</sup> *Ibid.*, S. 181.

сможет осуществить объединение Германии», — писал он<sup>23</sup>. Австрия уже не является германским государством, и ей нечего делать в новой, объединенной стране. Пруссия, однако, не должна раствориться в Германии и перестать быть самой собой; скорее Германии следует стать расширившейся Пруссией, считал Мольтке.

Такие идеи витали в воздухе. В мае 1849 г. прусский король выступил с предложением о создании новой Германской унии, которая была бы гораздо более консолидированной, нежели прежний Германский союз, не включала бы в себя Австрию и стала бы крупным шагом вперед на пути к единому немецкому государству. Изначально в новое объединение вошли Саксония и Ганновер, а затем — еще 28 малых и средних германских государств<sup>24</sup>. Быть может, годом раньше эта затея и могла иметь некоторый успех. Теперь же против нее выступила Австрия, которая с помощью России восстановила внутренний мир и была вновь способна защищать свои международные позиции. В марте 1850 г. по инициативе Пруссии собрался учредительный парламент унии в Эрфурте, а в апреле во Франкфурте-на-Майне австрийцы созвали представителей германских государств, принявших решение о восстановлении старого Германского союза. Антагонизм нарастал.

Мольтке остро переживал все происходившее в Германии. «Пруссия должна признать, что у нее во всей Европе не осталось друзей и она представлена самой себе. <...> Пруссию ненавидят демократы всех наций, поскольку она — сильнейшая опора порядка, однако в глазах петербургского и венского кабинетов она революционна, и вообще в семье государств ее рассматривают как парвеню», — писал он 17 февраля 1850 г. Адольфу<sup>25</sup>. Австрийскую империю Мольтке считал весьма слабой в военном отношении державой, которая не сможет вооруженным путем помешать объединению страны. С другой стороны, он полагал самоубийственно опасным любой конфликт с монархией Габсбургов. «Если бы Австрия и Пруссия смогли договориться, все было бы легко», — писал Мольтке<sup>26</sup>. Он считал, что в интересах обеих великих германских держав — сохранять мир, а для Австрии было бы намного выгоднее уйти из Германии и направить свое внимание на Балканы.

В сентябре 1850 г. Пруссия объявила мобилизацию. Принц Вильгельм Прусский возглавил выдвинувшуюся к саксонской границе армию, в состав которой входил и IV армейский корпус. Настроение в войсках было

<sup>23</sup> Kessel E. Moltke. S. 197.

<sup>24</sup> Юлхан И. С. Создание Германской империи 1815–1871. М., 1986. С. 83.

<sup>25</sup> Moltke H.K.V.d. Aufzeichnungen... S. 186.

<sup>26</sup> Moltke H.K.V.d. AW. Bd. 3. S. 368.

боевым; значительная часть солдат рвалась в бой. Неизвестно, чем бы завершилось вооруженное столкновение, однако, ему не суждено было состояться — вмешался Николай I, назвавший действия пруссаков противозаконными. 29 ноября в Ольмюце было подписано соглашение, по которому Пруссия отказывалась от всех своих военных проектов. Старый Германский союз восстанавливался в прежнем виде.

Большинство пруссаков — в их числе и Мольтке — рассматривали Ольмюцское соглашение как позор. Однако у Берлина в этот момент не было альтернативы. Мольтке прекрасно понимал это — еще в начале ноября он писал о том, что «нам остается выбор между унижением и войной в тяжелейших условиях. <...> Счастливы сегодня тот, кому нужно не принимать решения, а просто повиноваться. <...> Как выйти из сегодняшней ситуации, сохранив хоть толику чести, я не вижу»<sup>27</sup>. «Болезненным временем» называл он 1850 г.<sup>28</sup>; «Старый Барбаросса крепко спит на горе Киффхойзер»<sup>29</sup>, «Неизменно победители на поле боя и неизменно проигравшие на дипломатическом поприще», — с горечью характеризовал Мольтке пруссаков<sup>30</sup>. Тем не менее, он не терял надежды на то, что когда-нибудь, возможно, уже в ближайшем будущем, его мечта все-таки исполнится.

«Недостойная роль, которую нас заставили играть, не может долго продолжаться, — писал он Адольфу 25 февраля 1851 г. — Я не верил в возможность войны, но теперь считаю, что в течение года она все-таки начнется. Позорный мир никогда еще не был длительным. Что за войско имели мы в своем распоряжении! Мог ли сам Фридрих Великий похвастаться такими солдатами? 30 миллионов потрачены на демонстрацию, только для того, чтобы принять все до единого условия! Но даже худшее правительство не сможет погубить этот народ. Пруссия еще встанет во главе Германии. Но нужно сказать — более жалкой нации, чем немцы, нет на земле...»<sup>31</sup> Если победа над демократией приводит к таким последствиям, он почти готов способствовать ее воскрешению, пишет Мольтке. Впрочем, он считал, что болезненное возвращение к дореволюционному положению было неизбежным. «То, что наша политика была на ложном пути, кажется мне несомненным, поскольку с каждым шагом мы все глубже увязали в болоте. Я думаю, теперь мы должны вернуться в исходную точку, а это не проходит безболезненно и без потерь», — писал он начальнику штаба гвардейского корпуса 13 февраля 1851 г.<sup>32</sup>

<sup>27</sup> Moltke H.K.V.d. Aufzeichnungen... S. 187.

<sup>28</sup> Moltke H.K.V.d. AW. Bd. 3. S. 372.

<sup>29</sup> Ibid. S. 373.

<sup>30</sup> Ibid.

<sup>31</sup> Moltke H.K.V.d. Aufzeichnungen... S. 190.

<sup>32</sup> Moltke H.K.V.d. AW. Bd. 3. S. 375.

Осенью 1850 г. Мольтке стал подполковником. Правда, трехмесячный отпуск, который планировалось всецело посвятить лечению на водах в Германии и на море во Франции, пришлось прервать из-за мобилизации. Мольтке так и не смог реализовать часть своих планов и посетить Британию. Врач, к которому он обратился по приезду, положительно оценил итоги лечения и посоветовал ему поменьше нервничать. Мольтке действительно старался следовать этому принципу — по крайней мере внешне. Именно таким, спокойным, безмятежным, уверенным в себе, предстает он на портрете, написанном Рихардом Лаухертом по случаю его 50-летия. Перед нами подтянутый стройный офицер со светлыми волосами, усами и легкой бородкой. Руки опираются на эфес шпаги, на груди — многочисленные ордена. Но главное, что привлекает внимание, — это глаза, полные ума и в то же время какой-то скрытой печали, тревоги, меланхолии. Именно так, спокойно, с достоинством и в то же время с тревогой, смотрел Мольтке в будущее.

В семейной жизни были свои проблемы. К этому моменту окончательно выяснилось, что Мария не сможет иметь детей. Для Мольтке такой поворот событий был, очевидно, серьезным ударом. Не менее тяжело переживала это и Мария. К тому же ей было откровенно скучно в небольшом прусском городке, каким являлся Магдебург. Оба супруга тосковали по оживленному Кобленцу, часто ездили к родственникам в Гольштейн, при этом Мария старалась провести там как можно больше времени<sup>33</sup>. Одним из немногих друзей Мольтке стал в этот период полковник Глисчински, также назначенный в Магдебург; знакомы два офицера были с 1823 г.

Впрочем, говорить о серьезных конфликтах между супругами не приходилось. Период притирки двух разных по возрасту, жизненному опыту и уровню образования людей давно остался позади. Мария стремилась разделять интересы своего мужа, по возможности помогать ему в работе. В дни мобилизации 1850 г., когда у Мольтке не было времени даже на то, чтобы написать родственникам, она фактически стала его личным секретарем. Тогда же она писала своему леверю Ллольфу, что, если бы разразилась война, «я с таким удовольствием пошла бы за Гельмутом в качестве рекрута (без всяких шуток), но это, конечно же, и невозможно, и неразумно»<sup>34</sup>.

Атмосфера в семье улучшилась, когда к своему дяде приехал тринадцатилетний Генри Бурт, сын Аугусты. Бурты в тот момент испытывали серьезные материальные трудности, поэтому забота о племяннике стала для Мольтке посильной помощью сестре и тестю. Бездетная чета Мольтке начала

<sup>33</sup> *Brix M. Marie von Moltke. S. 125.*

<sup>34</sup> *Ibid. S. 129.*



относиться к Генри как к собственному ребенку, а тот увидел в подполковнике своего второго отца. Особенно четко это проявилось, когда мальчик неожиданно заболел тифом: именно забота родственников помогла ему выжить. Связь между дядей и племянником была достаточно тесной и не прерывалась до конца жизни Мольтке — Генри на долгие годы стал его личным адъютантом.

Война не началась, и дни Мольтке заполняла по преимуществу канцелярская работа. Отношения с начальством снова складывались непросто — командир корпуса Лугуст фон Хедемани отличался исключительным педантизмом, что было весьма не по душе его энергичному подчиненному, стремившемуся справляться с делами как можно скорее<sup>35</sup>. Доклады затягивались на долгие часы, Мольтке безуспешно пытался уменьшить масштабы документооборота. Не слишком приятной новостью стало и назначение в 1848 г. на пост начальника Большого генерального штаба Карла фон Рейера, взамен Краузенэка, который давно знал и ценил Мольтке. Новый начальник был «лично скромный человек, производящий впечатление робкого, почти боязливого, но с исключительно ясным умом и весьма требовательный к своим подчиненным»<sup>36</sup>. Отнюдь не лишенный дарований (ряд историков полагает, что только его относительно ранняя смерть позволила Мольтке впоследствии выйти на первый план), Рейер первоначально отнесся к своему подчиненному с некоторым предубеждением. Мольтке, произведенного 2 декабря 1851 г. в полковники, он сначала презрительно назвал «приближающимся к инвалидности»<sup>37</sup> и хотя впоследствии признал его незаурядные качества как штабного работника, но все еще сомневался в том, что в случае назначения, к примеру, командиром бригады ему удастся утвердить свой авторитет у подчиненных.

Мольтке принимал участие в крупных осенних маневрах 1853 г., где, к слову сказать, произвел на начальство весьма благоприятное впечатление<sup>38</sup>, а также в учебных поездках генерального штаба. Осенью 1854 г. ему доверили даже руководство одной такой экспедиции, правда в присутствии Рейера, который контролировал своего подчиненного и наблюдал за тем, насколько успешно тот справляется с задачей. Для самого Мольтке несколько недель, проведенных в кругу коллег в Лаузице, были напряженными, но в то же время весьма радостными. Он с головой окунулся в любимую работу и вынырнул на поверхность освеженным и помолодевшим. «Да, в такой поездке полно дел, — писал он жене, — и работа должна быть сделана

<sup>35</sup> *Herre F.* Op. cit. S. 140.

<sup>36</sup> *Kessel E.* Op. cit. S. 195.

<sup>37</sup> *Herre F.* Op. cit. S. 209.

<sup>38</sup> *Ibid.* S. 141.

в кратчайший срок, потому что без этого другие офицеры не смогут начать. Итак, все ждут, седлают лошадей, и, как только поступает приказ, несутся вперед. Потом начинают поступать доклады, которые нужно точно проанализировать. Здесь мне никто не может помочь, в дополнение к этому я должен сам посмотреть местность. За этим следуют долгие обсуждения у шефа и в последнее время особенно длинные обеды и чаепития, так что для работы приходится использовать часть ночного времени. Это несколько утомляет, но работа очень интересна»<sup>39</sup>.

По итогам этой поездки Рейер ввел корпусные штабные учения, которые проводились ежегодно в каждом корпусе и повторяли в миниатюре учебные поездки Большого генерального штаба. В 1855 г. Мольтке руководил такими учениями в районе Гарца. В числе участников был его непосредственный подчиненный Блументаль, впоследствии один из ближайших сподвижников полководца. Во время учений Мольтке придавал особое значение точному расчету расстояний и продолжительности маршей воинских частей, а также вопросам организации тыла. Рассматривались вопросы концентрического наступления, причем будущий фельдмаршал, признавая все выгоды последнего, в то же время указывал на сложность нанесения одновременных ударов по фронту и на флангах противника<sup>40</sup>.

Мольтке по-прежнему много читал, в первую очередь политическую и историческую литературу. Хотя он заявляет о своей полной незаинтересованности в политических делах, судьба Германии, конечно же, не перестает его беспокоить. Прочитать «Историю прусской политики» Иоганна Густава Дройзена, пропагандировавшую объединение Германии под прусским господством, он настоятельно рекомендует брату Людвигу<sup>41</sup>. Он расширяет свои знакомства, завязывая отношения со многими будущими сподвижниками и оппонентами в период войн с Австрией и Пруссией: Г. фон Штиле, Г. фон Альвенслебен, А.К. фон Гебен, К.Ф. фон Штайнмецем и другими.

Мольтке внимательно следит за событиями на международной арене, в частности, за начавшейся в 1853 г. Крымской войной, которая грозила перерасти в европейскую, втянув в свою орбиту и Пруссию. Он откровенно высказывался в пользу турок и порицал пророссийскую политику прусских верхов. «Мне кажется, немецкие державы играют печальную роль, — писал он Адольфу 25 января 1854 г. — Очевидно, что опаснее всего для них новое усиление России, и все же они предоставляют западным державам таскать каштаны из огня. Этого нам не забудут, наш авторитет в Европе на такой

<sup>39</sup> Moltke H.K.B.v. Aufzeichnungen... S. 191.

<sup>40</sup> Kessel E. Op. cit. S. 209.

<sup>41</sup> Moltke H.K.B.v. Leben und Werk... S. 204.

основе вырасти не сможет»<sup>42</sup>. «Я, по меньшей мере, желаю честным мусульманам успеха в борьбе против москалей», — писал он полковнику Фишеру 12 декабря того же года<sup>43</sup>. Возможное втягивание Пруссии в войну добавило Мольтке работы — составлялся новый мобилизационный план. Одно время планировалось отправить полковника в качестве наблюдателя в русскую главную квартиру, однако сам он решительно выступил против<sup>44</sup>.

Антирусскую позицию Мольтке разделяли очень многие в тогдашней Европе. Имидж державы Романовых как гигантской, темной, полуварварской, консервативной массы, стремящейся к новым и новым захватам, был весьма устойчив. Война против Османской империи рассматривалась как ничем не спровоцированная агрессия, имеющая своей целью захват как можно более обширных территорий. Мольтке говорил о необходимости сотрудничества Австрии и Пруссии, которые своей объединенной мощью могут предотвратить пожар европейской войны, который неизбежно приведет к новым революциям. «Пусть Господь позаботится о надежном сотрудничестве всех германских держав, — писал он Адольфу 4 июля 1855 г. — 500 тысяч человек, готовых развернуться как против запада, так и против востока, являются той массой, которая может предотвратить сползание во всеобщую европейскую войну»<sup>45</sup>.

Политика прусского правительства была намного более реалистичной. Находясь под сильнейшим давлением западных держав, оно тем не менее смогло провести последовательный курс на нейтралитет. Даже развертывание армии на востоке страны было осуществлено таким образом, что ударный кулак мог с одинаковой легкостью развернуться как против России, так и против Австрии. Эта политика достаточно быстро принесла свои дивиденды.



Середина 1850-х гг. ознаменовалась новыми изменениями в судьбе Мольтке. 1 сентября 1855 г. полковник генерального штаба был назначен первым личным адъютантом 24-летнего принца Фридриха Вильгельма — племянника короля и старшего сына принца Вильгельма Прусского. Фридрих Вильгельм считается одной из самых сложных и спорных личностей в германской истории XIX в. Его отец был человеком с довольно ограниченным кругозором, убежденным консерватором, солдатом по духу. В период революции Вильгельм Прусский попытался решительно действовать против

<sup>42</sup> *Moltke H.K.V.d. AW. Bd. 3. S. 379.*

<sup>43</sup> *Ibid. S. 380.*

<sup>44</sup> *Kessel E. Op. cit. S. 205.*

<sup>45</sup> *Moltke H.K.V.d. Aufzeichnungen... S. 196.*

восставших, однако в итоге получил прозвище «карточный принц» и вынужден был несколько месяцев скрываться в Англии. Человеком другого склада была его супруга Аугуста. Урожденная принцесса Саксонии-Веймара, она была воспитана на идеалах Просвещения и постаралась привить их своему сыну. Принц действительно с молодых лет пользовался репутацией либерала, что привело к достаточно серьезному конфликту с отцом-консерватором; впоследствии они далеко не всегда могли найти общий язык.

Мольтке познакомился с принцем в 1854 г., во время уже упоминавшейся штабной поездки в Лаузиц. Фридрих Вильгельм произвел на него весьма благоприятное впечатление своими простыми и дружелюбными манерами. Достаточно сложен вопрос о том, почему именно Мольтке был избран в качестве адъютанта принца. По мнению Ф. Херре, решающее влияние оказал король Пруссии, который видел в принце своего преемника. Будучи в глубине души либералом, он якобы считал, «что будущий король должен быть не укорененным в пруссачестве, а чувствовать себя причастным к германскому духу и европейской сущности. Именно в этом смысле на него должен был влиять его первый адъютант»<sup>46</sup>. Частично вывести принца из-под влияния его ультраконсервативного Вильгельма — таково было намерение монарха. Однако либерализм Фридриха Вильгельма IV не следует переоценивать. С тем же успехом можно предположить, что Мольтке, известный своими консервативными убеждениями, был направлен к принцу для того, чтобы корректировать его развитие именно в эту сторону.

Надо сказать, что у назначения Мольтке было немало противников в придворных и военных кругах. Одни напирали на то, что он является иностранцем, который не обладает должной приверженностью прусским ценностям, другие порицали его сдержанность и молчаливость, которые будут мешать ему исполнять необходимые обязанности.

Однако у Мольтке за плечами уже был достаточно успешный опыт службы в качестве адъютанта и положительные отзывы принца Генриха. К тому же он заслуженно считался весьма талантливым и образованным человеком, способным стать если не наставником, то, по крайней мере, достойным спутником молодого принца. Генерал Радзивилл хвалил Мольтке за его педагогические способности, большую роль сыграл положительный отзыв Рейера. Впрочем, неясно, хотел ли последний помочь своему подчиненному или попросту избавиться от него. Свое слово в пользу Мольтке сказал и Герлах — один из самых влиятельных людей в окружении короля. Да и сам монарх был высокого мнения о нем.

«Полковник весьма спокоен и малообщителен, — описывал Мольтке еще один человек, которого попросили дать ему характеристику, его бывший

<sup>46</sup> *Herre F. Op. cit. S. 147.*

подчиненный капитан фон Штранц. — Он говорит очень, очень мало. Тем более удивительно, что он может быть очень приятным собеседником и рассказчиком. У него прекрасное всеобщее и военное образование, и редко случается вести с ним разговор, из которого не почерпнешь ничего нового и интересного. Но его нужно разговаривать, поскольку он, как уже упоминалось, малообщителен. Полковник понимает и любит юмор и может в веселом обществе быть очень приятным и много шутить, пусть это и случается редко»<sup>47</sup>.

Стиль общения Мольтке, о котором впоследствии будут ходить легенды, к этому моменту действительно уже полностью сложился. Он не был болтлив, даже скорее неразговорчив, и поэтому у многих, особенно при первом знакомстве, создавалось представление о нем как о молчуне. Так, при первой встрече в 1856 г. он произвел на знаменитого в свое время публициста В. Берихарди впечатление человека «замкнутого и молчаливого»<sup>48</sup>. На самом деле, Мольтке никогда не стремился первым завести разговор, навязать собеседнику свое мнение, не погружался в продолжительные бесплодные споры. Было несколько тем, которые он старательно обходил вплоть до резкого прекращения беседы; к таковым относились его личные переживания, политические взгляды и религиозные убеждения. В то же время Мольтке мог быть весьма приятным собеседником, особенно в импонирующей ему компании. «Сдержанный, но ни в коем случае не молчаливый» — такую точную характеристику даст ему впоследствии один из его подчиненных, генерал Э. фон Францетски<sup>49</sup>.

28 мая 1855 г. Мольтке было приказано сопровождать принца по провинциям Западной и Восточной Пруссии. Эта поездка стала своеобразным «испытательным сроком». Предварительно он был принят королем, который долго рассказывал ему о предстоящей миссии, не скрыв, что согласие родителей принца на его назначение еще не получено. Принц Вильгельм Прусский, который в будущем, во многом благодаря Мольтке, станет императором Германии и будет испытывать глубокую, почти дружескую привязанность к своему полководцу, первоначально относился к нему достаточно прохладно. Его кандидат на должность адъютанта сына, Густав фон Альвенслебен, не был одобрен королем. Поэтому Вильгельм и Аугуста с подозрением относились к полковнику: не станет ли он агентом придворной камарильи? Тем более что король обязал Мольтке докладывать о ходе своей службы у принца лично ему.

<sup>47</sup> *Moltke H.K.V. Gespräche*. S. 7.

<sup>48</sup> *Ibid.* S. 19.

<sup>49</sup> *Ibid.* S. 5.

Совместная поездка оказалась успешной, однако впереди были беседы с родителями принца. Мольтке, попавшему в центр придворных интриг, пришлось непросто. Он был вынужден долго оправдываться и лавировать, заявляя, что он не является ни консерватором, ни либералом в полном смысле этого слова и вообще старается держаться подальше от политических тонкостей. Аугусту он долго убеждал, что не станет ее врагом, не искал для себя «теплого местечка» и не собирается оказывать на молодого принца какого-то особенного влияния. 23 сентября он писал жене: «Лучшей политикой будет выступать совершенно прямо и открыто, а если этого не хватит — тогда отказаться»<sup>30</sup>.

В конечном счете усилия увенчались успехом. Мольтке переехал из Магдебурга в Берлин, что не могло не понравиться его супруге. Гораздо меньше Мария была довольна тем, что ее муж очень мало времени проводил дома, — служба требовала от него почти постоянного присутствия рядом с принцем. Пришлось супругам расстаться и с юным Генри, который отправился к своему дяде Фрицу во Фленсбург.

Отношения между двумя полковниками (именно в таком звании были и Мольтке, и Фридрих Вильгельм) сложились достаточно спокойные, не слишком близкие, но без негативных эмоций. Адьютант считал, что военные таланты принца весьма умеренны (как полководца Мольтке гораздо выше оценивал его кузена, принца Фридриха Карла), упорную и серьезную работу он не любил, в своих взглядах и убеждениях обычно колебался. Но принц был неплохим и обаятельным человеком. В письме своему брату Адольфу Мольтке назвал его «в высшей степени любезным, подающим надежды господином»<sup>31</sup>. Именно этим он и объяснял свое согласие «вступить на придворный паркет». С другой стороны, Фридрих Вильгельм, изначально отнесшийся весьма сдержанно к человеку, годившемуся ему в отцы, быстро оценил ум адъютанта и его способность не становиться навязчивым. Именно поэтому принц просил Мольтке сопровождать его в некоторых заграничных вояжах даже после того, как тот был назначен главой генерального штаба. Определенные черты Мольтке, без сомнения, вызывали у принца отрицательные эмоции. К примеру, Фридрих Вильгельм жаловался, что с его адъютантом абсолютно невозможно вести непринужденный разговор; когда второй адъютант принца, майор фон Хайнц, мягко намекнул об этом Мольтке, то услышал в ответ: «Но он же может задавать мне вопросы!»<sup>32</sup>

\*\*\*

<sup>30</sup> Kessel E. Op. cit. S. 214.

<sup>31</sup> Moltke H.K.B.v. Aufzeichnungen... S. 202.

<sup>32</sup> Moltke H.K.B.v. Gespräche. S. 6.

Официальное назначение состоялось 1 сентября 1855 г., и уже в том же месяце Мольтке отправился вместе с принцем в Британию. Гогенцоллернам предстоял достаточно удачный династический брак, Фридрих Вильгельм должен был взять в жены принцессу Викторию, дочь английской королевы Виктории. Этот брак впоследствии оказал большое влияние на политические воззрения принца — супруга воздействовала на него в духе британского либерализма, усугубив тем самым конфликт поколений в доме Гогенцоллернов (сын Фридриха Вильгельма и Виктории, будущий император Вильгельм II, резко противопоставит себя родителям, демонстрируя приверженность прусским консервативным ценностям). Но все это впереди, а пока принц вместе со своим адъютантом отправился в Балморал к невесте, которой не исполнилось и пятнадцати лет.

Путешественники прибыли в Кале, который показался Мольтке самым отвратительным городом из всех, которые он видел в своей жизни. Потом последовало путешествие на колесном пароходе по бурному морю. Странно, но никакой морской болезни Мольтке в этот раз не испытывал. Чтобы попасть в Балморал, пруссакам пришлось пересечь практически всю страну, посетить прекрасные уголки Шотландии, еще не тронутые индустриализацией. «Я, словно губка, впитывал в себя впечатления», — писал Мольтке жене 28 сентября<sup>33</sup>. Лондон, Йорк, Ньюкасл, Эдинбург... Города мелькают в путевых заметках Мольтке, архитектурные достопримечательности и красоты природы сменяют друг друга. Но «весь Нортумберленд и Дархем затянуты дымом, портящим все окрестности. Море выглядит как серая каша»<sup>34</sup>. Промышленный переворот явственно давал о себе знать — новые индустриальные районы стремительно наступали на живую природу.

Королевский двор поразил Мольтке своей скромностью. «Удивительно, что английское королевское семейство обитает на этом безлюдном, холодном, пустынном горном хребте, и почти невероятно, что могущественнейшая монархия может до такой степени отказаться от двора. Здесь — чисто семейная жизнь. <...> Нет ни портье, ни армии лакеев, ни одного стражника»<sup>35</sup>. В самом замке пруссака встретили протяжные звуки волынки. Обитатели резиденции произвели на него весьма благоприятное впечатление, возможно потому, что королевская чета бегло говорила по-немецки. Смотрины прошли успешно, и 29 сентября 1855 г. состоялась помолвка.

На обратном пути Мольтке снова получил массу новых впечатлений. Он осматривал исторические достопримечательности и гигантские металлические корабли, открывавшие новую эпоху в судостроении, приготовления

<sup>33</sup> *Moltke H.K.V., Aufzeichnungen...* S. 198.

<sup>34</sup> *Ibid.* S. 199.

<sup>35</sup> *Ibid.* S. 200.

к прокладке телеграфного кабеля по дну Атлантики. «Мастерская мира», как называли в ту пору Англию, произвела на него гигантское впечатление. Со свойственной ему наблюдательностью он точно подметил и сильные, и слабые ее стороны. Он особо оценил британскую аристократию, старавшуюся шагать в ногу со временем, в отличие от той же немецкой, явившейся, по выражению Мольтке, попросту ничтожной.

Придворная жизнь, которую он называл «золотой клеткой», все же утомляла его. В письмах домой он говорит о том, как скучает без жены, как стремится вернуться на родину и обрести наконец тихую гавань. В значительной степени такие фразы диктовались стремлением сделать приятное Марии, но содержалась в них и доля правды. Зимой 1855–1856 г. супруги снова были вместе, поскольку принц проходил практику государственного управления в берлинских министерствах; вместе с ним на заседаниях совета министров присутствовал и Мольтке. Кроме того, он преподавал принцу военную историю и вел с ним беседы о литературе.

За первой поездкой в Англию последовала вторая — в мае–июне 1856 г. Основным «пунктом назначения» стал Лондон. Смотр английских войск, прибывших из-под Севастополя, произвел на Мольтке удручающее впечатление: «...много рекрутов, мало военной выправки, оборванные, в большинстве своем без шейных повязок, частью без сабель»<sup>56</sup>. Немало позабавила его находка в местном книжном магазине — на витрине он обнаружил перевод своего труда, посвященного турецко-египетской войне 1838–1839 гг., чьим автором, как утверждалось в предисловии, является майор Мольтке, ныне покойный...

Большое впечатление на прусского полковника произвела резиденция английских королей, Виндзорский замок. «Виндзор — это прекраснейшая часть Англии из всех, которые я повидал», — писал он жене 11 июня<sup>57</sup>. Мольтке вынужден был наблюдать происходящее вокруг как представитель двора, и это существенно ограничивало его возможности. Именно поэтому при чтении писем той эпохи бросается в глаза некая поверхностность, не свойственная его более ранним путевым заметкам.

\*\*\*

Не менее интересным, чем поездка в самую западную из великих держав Европы, стало путешествие в самую восточную из них — в Россию, только что пережившую Крымскую войну. Поводом для визита стала коронация Александра II, намеченная на сентябрь 1856 г.

<sup>56</sup> Ibid. S. 203.

<sup>57</sup> Ibid. S. 207.



«Особые отношения» между Россией и Пруссией продолжали крепнуть и развиваться. Это тревожило британское правительство, которое задерживало свадьбу прусского принца с английской принцессой. Однако связь с восточным соседом была для Пруссии намного важнее контактов с туманным Альбионом.

В морском путешествии в Петербург к принцу присоединилась его родственница — в прошлом прусская принцесса Фредерика, а ныне вдовствующая императрица — мать Александра, воссоздававшая с одного из германских курортов. Поэтому плавание проходило на русском корвете «Гремящий». Суровая Балтика заставила путешественников немало пострадать от морской болезни: «Я был не в состоянии выпить даже чашечку кофе», — писал Мольтке<sup>38</sup>. Впрочем, вскоре он смог наслаждаться всеми прелестями морского путешествия.

После салюта, данного батареями Кронштадта, корабль причалил к берегу Финского залива напротив роскошного петергофского дворца. Вдалеке, в туманной дымке, блестел на солнце купол Исаакиевского собора. Мольтке разместили в одном из парковых павильонов, откуда он мог прекрасно видеть знаменитые на весь мир фонтаны. Особенно сильное впечатление произвели на прусского гостя каскады — Шахматная и Львиная горка. «Все в целом производит ошеломляющее впечатление», — писал Мольтке домой<sup>39</sup>. Но первый приз его симпатий получил небольшой ручей, совершенно в немецком стиле, протекавший под зелеными сводами парка.

Каждый день принцу и его адъютанту пришлось совершать множество визитов. Здесь же Мольтке был представлен русскому императору, который «произвел на него весьма благоприятное впечатление. У него нет ни стати, ни мраморной строгости его отца, но он впечатляюще хорошо сложенный мужчина с величественной осанкой»<sup>40</sup>. Прусский полковник впервые в своей жизни присутствовал на православном богослужении; ему особенно понравилось церковное пение.

20 августа 1856 г. прусские гости перебрались в имперскую столицу, Петербург, встретивший их не слишком приветливо, — столбик термометра практически не поднимался выше +10 градусов, шли постоянные дожди. Может быть, именно поэтому Мольтке считал, что русские монархи поступили бы более разумно, разместив столицу где-нибудь на месте Севастополя?<sup>41</sup> Гости поселились во «Французском дворе» — бывшей посольской гостинице, расположенной на берегу Невы напротив Петропавловской крепости. Нева,

<sup>38</sup> *Moltke H.K.V. Briefe aus Russland*. Berlin, 1877. S. 4.

<sup>39</sup> *Ibid.* S. 15.

<sup>40</sup> *Ibid.* S. 19.

<sup>41</sup> *Ibid.* S. 109.

«могучий, величественный, медленно текущий поток»<sup>62</sup> с чистой прозрачной водой, произвела на Мольтке большое впечатление. Из архитектурных достопримечательностей ему больше всего приглянулся Исаакиевский собор, однако в целом Петербург пришелся ему не по душе. Он отмечал огромные размеры улиц и площадей, в сравнении с которыми невысокие дома просто теряются, «казарменный стиль», который преобладает в архитектуре города<sup>63</sup>, болотистую почву, на которой построена столица и которая создает ее жителям неизмеримые сложности: «Город, развивавшийся исторически, никогда не возник бы на столь беззащитном месте. Но железный царь захотел этого, и все последующие поколения должны были принимать его условия»<sup>64</sup>. Мольтке уважительно относился к Петру Великому, но еще с большим почтением — к недавно почившему Николаю I, которого считал весьма масштабной фигурой.

25 августа состоялся переезд из Петербурга в Москву. Древняя столица России произвела на Мольтке гораздо более сильное впечатление, нежели новая. Именно ее он считал сердцем страны. «Петербург — гордость русского человека, но Москва ближе его сердцу», — писал Мольтке жене 28 августа<sup>65</sup>. «Если бы мне пришлось выбирать, я бы лучше поселился в Москве, нежели в Петербурге»<sup>66</sup>.

«Я все так же гуляю здесь с тихим изумлением, — писал он в другом послании. — Я пытаюсь привести в порядок свои мысли и сравнить то, что я вижу сейчас, с чем-либо из того, что я видел раньше <...>. Но здесь все иначе, и центр этого мира, Кремль, вообще уникален»<sup>67</sup>. В Кремль Мольтке ходил ежедневно. Москва смутно напоминала Стамбул — но лишь отдельными своими элементами; в конечном счете он назвал стиль древней столицы «византийско-мавританским», но все равно не считал это определение особенно удачным<sup>68</sup>. Больше всего поразила прусского гостя собор Василия Блаженного.

Парад русских войск, когда в течение двух часов не смолкало громовое «ура» императору и солдаты, вчерашние крестьяне, были искренне и неподдельно рады видеть царя, тоже стал для него поводом к глубоким размышлениям. «В России, — писал он, — семья является моделью государства. Вся власть покоится на отцовском авторитете. Все теории представительного правления в России являются бессмысленными — как могут заседания

<sup>62</sup> Ibid. S. 51.

<sup>63</sup> Ibid. S. 42.

<sup>64</sup> Ibid. S. 54.

<sup>65</sup> *Moltke H.K.V.d. Leben und Werk...* S. 215.

<sup>66</sup> *Moltke H.K.V.d. Briefe aus Russland.* S. 108.

<sup>67</sup> Ibid. S. 81.

<sup>68</sup> Ibid. S. 93.

людей ограничить данную Богом отцовскую власть? — спросит русский. Неограниченная власть в руках императора — необходимость и благо в стране, где ничего не происходит без специального на то приказа»<sup>69</sup>.

«Если вдуматься в то, что ядро нации, великороссы — 36 миллионов человек одного происхождения, одной веры, одного языка — составляют крупнейшую гомогенную расу мира, трудно усомниться в том, что у России большое будущее», — писал Мольтке. Громадная страна не распадется никогда, ведь «ни одна часть империи не может существовать без другой, лесистый север без хлебобобового юга, индустриальный центр — без них обоих, глубинка — без побережья, все вместе — без огромной судоходной водной дороги четырехсотмильной Волги. Но более всего удерживает вместе отдаленнейшие части чувство принадлежности к общему целому»<sup>70</sup>.

Русские, писал Мольтке, по природе своей — люди добродушные и мирные. В армии офицер заменяет солдату отца, без него рядовой не знает, что ему делать в бою. Основная беда русского государства — это коррупция и некомпетентность чиновников. К ней прибавляются паразитизм дворянства, отсутствие сильного буржуазного сословия, огромная пропасть, разделяющая образованные слои и основную массу простого народа. Русские еще долго не смогут шагнуть в ногу с современной цивилизацией без помощи иностранцев, в первую очередь — немцев<sup>71</sup>. Прусский гость отмечал, что западное влияние не проникло глубоко в массы народа, полностью сохранившего свое национальное своеобразие. Это вызывает «резкие контрасты без каких-то промежуточных положений»<sup>72</sup>. В его письмах перед нами предстает картина «двух миров» — европеизированного мира столиц и патриархального, старорусского мира провинции.

Высоко оценивал Мольтке общинную систему, благодаря которой «социализм и коммунизм реализованы на практике» и «есть бедные общины, но не бедные индивидуумы»<sup>73</sup>. Система, при которой каждый получает свой кусок земли и прирост семьи считается счастливым событием, могла, по мнению прусского гостя, существовать еще долго и имела большой потенциал для развития. Однако эта же система препятствует частной инициативе, отмечал он.

Мольтке обратил внимание и на крепостное право, которое в глазах многих западных наблюдателей того времени было одним из важнейших признаков «русского варварства». Его отношение к этому явлению было

<sup>69</sup> *Moltke H.K.V. Briefe aus Russland*. S. 90.

<sup>70</sup> *Ibid.* S. 95.

<sup>71</sup> *Moltke H.K.V. Leben und Werk...* S. 229.

<sup>72</sup> *Moltke H.K.V. Briefe aus Russland*. S. 177.

<sup>73</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen...* S. 210.

иним: он полагал крепостное право вполне разумной в российских условиях системой. «Он считает его прекрасно подходящим там; речь должна идти лишь о том, чтобы устранить злоупотребления», — рассказывал впоследствии один из собеседников Мольтке, присутствовавший на обеде у принца Фридриха-Вильгельма 8 августа 1857 г.<sup>74</sup> Мольтке реалистично оценивал те сложности, с которыми столкнется страна на пути реформирования своего социально-экономического уклада. «Каждый чувствует, что крепостное право, находящееся в противоречии с цивилизацией, не может дольше существовать, но большая сложность заключается в том, как его отменить?»<sup>75</sup> Мольтке писал о необходимости просвещать народ; первую скрипку в этом, по его мнению, должно играть духовенство.

Не прошла мимо его внимания и обратная сторона российской действительности. Однажды, на набережной Москвы-реки, его остановил израненный под Севастополем солдат, просивший милостыню. Он не был нужен ни своему прежнему владельцу-«барину», ни общине. За долгие годы солдатской службы он стал чужим у себя на родине. «И теперь милостыню просил человек, который несколько месяцев назад проливал кровь за свою родину, рядом с Кремлем, который стал великим, существует и будет существовать именно благодаря своим верным, богобоязненным, смелым и готовым к любым лишениям солдатам»<sup>76</sup>.

Торжественная церемония венчания на царство состоялась 7 сентября. Ее пышность и блеск впечатлили Мольтке. «Ни один смертный не обладает большей властью, чем неограниченный повелитель десятой части всего населения Земли, чей скипетр простирается над четырьмя частями мира. <...> Как можно не просить Бога о том, чтобы он одарил своей милостью этого человека! <...> Пусть ему сопутствует успех во многочисленных завоеваниях, которые ему предстоит сделать, в первую очередь внутри своей страны, и пусть он всегда остается прочной опорой законного порядка!»<sup>77</sup>

12 сентября пруссаки пустились в обратный путь. Для Мольтке поездка в Россию имела еще одно немаловажное последствие. 15 октября 1856 г. он стал генерал-майором. Позднее это назначение дало недоброжелателям повод называть его «придворным генералом». В определенной степени это было верно — именно близостью Мольтке к придворным кругам объясняются многие его карьерные успехи. Однако считать его исключительно выдвигенцем двора нет никаких оснований. Характерно, что Мольтке даже в это

<sup>74</sup> *Moltke H.K.B.v. Gespräche.* S. 28.

<sup>75</sup> *Moltke H.K.B.v. Briefe aus Russland.* S. 170.

<sup>76</sup> *Moltke H.K.B.v. Aufzeichnungen...* S. 210.

<sup>77</sup> *Ibid.* S. 211.

время не терял связи с Большим генеральным штабом — в частности, 26 сентября он направляет туда работу о состоянии русской армии<sup>78</sup>.

\*\*\*

Судьба распорядилась так, что в течение считанных месяцев прусскому принцу и его адъютанту удалось посетить практически все великие европейские державы. На обратном пути из Великобритании (Фридрих Вильгельм присутствовал на дне рождения своей невесты) в декабре 1856 г. они оказались во Франции, недавно прошедшей сквозь революционные бури и наслаждавшейся относительным покоем под скипетром Наполеона III.

Пожалуй, мало в истории Франции найдется монархов, которые вызвали бы столько же споров, сколько этот Бонапарт. С легкой руки Виктора Гюго он вошел в историю как «Наполеон Малый». Племянник великого императора, он полностью идентифицировал себя с традициями дяди и на этом строил свой имидж. Весьма сильный ход — бонапартистские настроения, особенно среди крестьянства, были весьма сильны. Именно благодаря им Наполеон после революции 1848 г. становится сначала президентом, а затем — императором Франции.

Вторая империя, которой суждено было просуществовать менее двух десятилетий, обладала достаточно архаичной и близкой к абсолютизму политической системой. Наполеон III стремился к славе, а для этого нужно было проводить активную внешнюю политику и утвердить гегемонию Франции на континенте. Отсюда со всей логичностью вытекало, что Франция не потерпит образования единой сильной Германии и будет претендовать на левый берег Рейна. Политики и общество германских государств это прекрасно понимали, и образ Франции как «наследственного врага» окончательно утвердился в умах большинства немцев.

Мольке не был исключением. Наполеона III он изначально оценивал критически и в начале 1850-х гг. предсказывал Бонапарту довольно быстрый конец политической карьеры, называя его «авантюристом, который скоро поймет, что быть императором сложнее, чем стать им»<sup>79</sup>. «Его империя все в большей степени приобретает характер большой толкучки», — писал Мольке в январе 1853 г. брату Адольфу<sup>80</sup>. Однако в ходе визита отношение понемногу изменилось. Он высоко оценил способность Наполеона сохранять спокойствие в сложных ситуациях: «...не апатия, а результат духовного превосходства и твердой воли»<sup>81</sup>. Однако в то же время Мольке

<sup>78</sup> Kessel E. Op. cit. S. 217.

<sup>79</sup> Herre F. Op. cit. S. 165.

<sup>80</sup> Moltke H.K. В.в. Aufzeichnungen... S. 190.

<sup>81</sup> Ibid. S. 211.

отмечал, что в его лице «мало наполеоновских черт» и «он император, но не король»<sup>82</sup>.

Еще более сильное впечатление произвела на прусского гостя супруга Бонапарта, императрица Евгения. «Потрясающее явление. Она красива и элегантна. <...> Шея и руки — непревзойденной красоты, фигура стройна, туалет тщательно подобран, отличается вкусом и богат, но не чрезмерно. <...> Она говорит много и оживленно и демонстрирует большую живость, чем это обычно происходит у столь высоких особ»<sup>83</sup>. Редко приходилось слышать такие характеристики из уст обычно весьма сдержанного Мольтке. Уже на обратном пути из Франции, в Кобленце, он в беседе с супругой местного чиновника восторгался талантами и манерами Евгении<sup>84</sup>. Прусский офицер тоже запомнил императрице. «Сопровождающий принца генерал Мольтке (или вроде того), — рассказывала она, — скупой на слова господин, но ни в какой мере не мечтатель; он все время в напряжении и очень интересен, поскольку в любой момент может ошеломить весьма кстати сказанной фразой»<sup>85</sup>.

Гораздо меньшее впечатление на Мольтке произвела французская армия. После парада и посещения знаменитого офицерского училища Сен-Сир он счел ее недостаточно хорошо выученной и в целом отстающей от требований времени.

22 декабря прусские гости покинули Париж. На обратном пути, проезжая через Эльзас, провинцию, находившуюся под властью Франции, но еще сравнительно недавно являвшуюся немецкой, Мольтке позволил себе грустные замечания: «Было печально слышать немецкую речь местных жителей и сознавать, что они — добрые французы. Мы, конечно же, бросили их в беде!»<sup>86</sup> Принц и его адъютант вернулись в Силезию, где Фридрих Вильгельм был назначен командующим 11-м пехотным полком. Шедрое разнообразие в армейскую службу вносили всевозможные развлечения. Адъютант не слишком одобрял их, но, как всегда в подобных случаях, держал свое мнение при себе. Радовали его лишь выезды на охоту. Во время одного из них Мольтке подстрелил оленя, о чем с затаенной гордостью рассказывал жене в одном из писем. Кроме того, он обзавелся новыми знакомыми и увиделся с некоторыми старыми друзьями (в частности, с Винке, который еще в 1841 г. оставил службу и с тех пор вел жизнь обычного помещика). Именно Винке познакомил Мольтке с Теодором фон Берихарди, дружба с которым сохранилась у нашего героя до конца жизни.

<sup>82</sup> Ibid.

<sup>83</sup> Ibid. S. 212.

<sup>84</sup> *Moltke H.K.V.v. Gespräche*, S. 23.

<sup>85</sup> *Herre F.* Op. cit. S. 165.

<sup>86</sup> *Müller-Bohn H.* Op. cit. S. 252.

## Глава 6. ШЕФ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

*Назначение шефом Большого генерального штаба — Первые шаги на новой должности — Кризис 1859 г. — Военная реформа в Пруссии — Деятельность Мольтке в начале 1860-х гг.*

6 октября 1857 г. у Фридриха Вильгельма IV, который и раньше не отличался крепким здоровьем, случился удар. Король остался жив, но уже не мог полноценно править страной. Местоблюстителем престола, а затем регентом, с перспективой в ближайшие годы надеть королевскую корону, стал принц Вильгельм Прусский.

Принц Фридрих Вильгельм в этот период по-прежнему находился на должности командира 11-го пехотного полка. Вскоре силезская эпопея должна была завершиться в связи с женитьбой принца; одновременно должно было закончиться адъютантство Мольтке. Что будет дальше, последний не представлял себе даже смутно.

На следующий день после «выхода из строя» прусского короля умер Рейер. Незамедлительно встал вопрос о том, кто станет его преемником. В числе первых было названо имя Мольтке, который в итоге и получил заветную должность. Вопрос, почему выбор пал именно на него, достаточно сложен. Многие апологеты Мольтке делали акцент на его таланте и незаурядных способностях. Однако известно, что эти факторы в реальности далеко не всегда играют главную роль.

На деле выбор был обусловлен целым рядом обстоятельств, не последним из которых стала близость генерала ко двору (некоторые коллеги даже называли его за глаза «придворным танцором»). Письма Мольтке этого периода показывают действительно глубокую осведомленность их автора

обо всех тонкостях придворной жизни<sup>1</sup>. Ближайшее окружение Фридриха Вильгельма IV, так называемая «камарилья», рассматривало его как своего ставленника. Глава этой группировки Леопольд фон Герлах писал в те дни: «Снова нужно занять кем-то важный пост; лучшая кандидатура — Мольтке»<sup>2</sup>. С другой стороны, в последнее время генерал стал пользоваться определенным доверием Вильгельма Прусского, который выходил теперь на первый план. Контакты с обеими сторонами делали Мольтке идеальной компромиссной фигурой. В конечном счете и сам Рейер незадолго до своей смерти, по достоверным сведениям, говорил о нем как о своем вероятном преемнике<sup>3</sup>.

Кандидатуру Мольтке поддерживал также Эдвин фон Мантойфель — руководитель военного кабинета короля. Этот небольшой орган, формально ведавший лишь армейскими кадровыми вопросами, играл тем не менее огромную роль в политике. Мантойфель являлся одним из ближайших сподвижников Вильгельма и одним из самых влиятельных людей в Пруссии. Противник всех либеральных идей, он рассматривал себя в качестве прусского лорда Страффорда, миссия которого заключалась в том, чтобы помогать своему монарху твердо держаться консервативного образа правления.

Военный кабинет короля находился в постоянном соперничестве с военным министерством. Обе стороны были заинтересованы в том, чтобы во главе генерального штаба встал человек, склонный к бумажной кабинетной работе, а не к активному участию в политике. Мольтке казался идеальной фигурой. «Немногословность, сдержанность, абсолютная надежность, собранный за рубежом опыт, военно-научные познания»<sup>4</sup> — именно эти черты сделали его кандидатуру наиболее привлекательной. Способности, конечно, тоже сыграли весомую роль; ни один из его соперников, принадлежавших к консервативной остальбской элите, не обладал необходимыми познаниями и опытом.

29 октября 1857 г. увидел свет приказ о назначении Мольтке исполняющим обязанности начальника генерального штаба армии. «Вы должны видеть в этом доказательство моего личного доверия к Вам, и я ожидаю, что Вы полностью оправдаете последнее и будете исполнять возложенные на Вас важнейшие обязанности в интересах армии», — значилось в приказе Вильгельма<sup>5</sup>. Как писал А.С. Ерусалимский, «когда назначение состоялось,

<sup>1</sup> См., напр., письмо жене от 9 октября 1857 г.: *Moltke H.K.V.v. Leben und Werk...* S. 240.

<sup>2</sup> *Herre F. Moltke*. S. 171.

<sup>3</sup> *Kessel E. Moltke*. S. 222.

<sup>4</sup> *Helmert H. Kriegspolitik und Strategie*. S. 34.

<sup>5</sup> *Herre F. Op. cit.* S. 172.



сведущие люди усмотрели в этом просто личное благоволение прусского короля к одному из своих царедворцев»<sup>6</sup>.

Мольтке воспринял новое назначение с радостью. Трудно сказать, стало ли оно для него большой неожиданностью; сам он писал, что ожидал избрания в качестве преемника Рейера генерала Райценштайна, прусского военного атташе при франкфуртском бундестаге, также имевшего репутацию способного штабиста. Помимо всего прочего, Мольтке совсем недавно был произведен в генерал-майоры, а должность шефа генерального штаба считалась в тогдашней негласной военной иерархии равной должности командира дивизии, до которой он еще не дорос. Именно поэтому его назначили лишь исполняющим обязанности.



Должность шефа генерального штаба не считалась в прусской армии ни особенно почетной, ни перспективной. Многие представители офицерского корпуса рассматривали ее как своеобразный карьерный тупик, предпочитая должность командира корпуса или даже дивизии.

Такое отношение имело под собой основания. Генеральный штаб в середине 1850-х гг. играл далеко не первостепенную роль в системе военных институтов Пруссии. Военный министр являлся главным советником короля в своей области; начальник генерального штаба был не более чем его помощником, которого, в принципе, могли и не привлекать к планированию и уж тем более проведению военных операций. При Рейере генеральный штаб занимался в первую очередь подготовкой высших офицерских кадров, военно-теоретическими и военно-историческими исследованиями. Военное планирование осуществлялось лишь по прямому указанию короля или военного министра. Во время мобилизации 1850 г. Большой генеральный штаб не играл вообще практически никакой роли<sup>7</sup>.

Как уже упоминалось выше, военное министерство в этот период находилось в постоянной борьбе с военным кабинетом короля. Сферы компетенции двух институтов не были четко очерчены, вследствие чего между ними часто вспыхивали конфликты. Единственным лицом, которому подчинялись оба органа, являлся прусский король. Местоблюстителем принц Вильгельм, который в октябре 1858 г. стал регентом, а в 1861 г. — королем Пруссии Вильгельмом I, неизменно поддерживал военный кабинет. Причина была проста — военное министерство входило в систему гражданских органов исполнительной власти, и его деятельность была сравнительно открыта

<sup>6</sup> *Ерусалимский А.С.* Бисмарк: дипломатия и милитаризм. М., 1968. С. 49.

<sup>7</sup> *Messerschmidt M.* The Prussian Army from Reform to War / On the Road to Total War. Cambridge, 1999. P. 271.

для парламента и общественности. Военный же кабинет находился всецело в распоряжении монарха и был надежно укрыт от внешнего влияния. Вильгельм весьма неодобрительно относился к парламентаризму и считал армию своим личным доменом, «войском короля».

Это создавало предпосылки для усиления генерального штаба, полномочия которого были весьма скромными. Никакого влияния на обучение или организация войск он не оказывал. «Генеральный штаб в те годы носил характер некоей академии или высшей школы военных наук», — напишет позже один из исследователей<sup>8</sup>. По словам другого историка, «поскольку на протяжении длительного мирного периода у него было мало возможностей доказать свою эффективность, ему не доставалось никаких почестей»<sup>9</sup>. Несмотря на то что офицеры генерального штаба занимались созданием планов кампаний, они не имели в этом вопросе монополии; такие планы разрабатывались и еще рядом военных инстанций, между которыми существовала, выражаясь словами Э. Кесселя, «свободная конкуренция»<sup>10</sup>. Необходимость заблаговременного профессионального планирования не была осознана военным руководством, составить план кампании считалось делом не особенно сложным и не требующим большого времени и усилий.

О роли генерального штаба в то время достаточно красноречиво говорит его численность. Всего в нем по штатному расписанию состояло 64 человека, из которых 45 входили в Войсковой генеральный штаб. При этом они находились в двойном подчинении: шефу генерального штаба и командиру своего соединения. В Большом генеральном штабе в Берлине по штату числилось лишь 19 офицеров. Правда, имелись и прикомандированные из различных воинских частей, однако их тоже было немного (как правило, около 30 человек). Невнимание к генеральному штабу имело, как это ни парадоксально, и свою положительную сторону; никто не воспринимал этот орган как возможного соперника, и Мольтке на первых порах был совершенно избавлен от интриг.

Большой генеральный штаб располагался в небольшом, но очень красивом особняке, построенном в конце XVIII в. в стиле раннего классицизма. Здесь, на Беренштрассе, 66, находилась и служебная квартира Мольтке. Весьма удобно для работы, однако новое положение обязывало устраивать светские приемы, которые происходили каждый четверг и воспринимались генералом скорее как досадная помеха. Марии, напротив, они доставляли удовольствие. Муж предоставил ей лучшие комнаты в просторной квартире, оставив себе небольшой рабочий кабинет.

<sup>8</sup> *Moltke H.K.v. Leben und Werk...* S. X.

<sup>9</sup> *Ortiz G. Die preussisch-deutsche Armee.* S. 217.

<sup>10</sup> *Kessel E. Op. cit.* S. 236.

В новой квартире окна были обращены на юг, в сторону солнца. Мольтке не выносил холода. «Я всегда приветствую наступление лета, — напишет он в одном из своих писем. — Потому что живешь, собственно говоря, только летом и только теми вечерами, когда катаешься верхом. Я ненавижу холод, особенно в помещениях»<sup>11</sup>.

Именно в это время появляется знаменитая привычка Мольтке — ежевечерняя игра в вист. По его словам, это помогало снять накопившееся за день напряжение. В качестве партнера обычно выступала жена. Мольтке не любил проигрывать, и те, кто знал об этой его особенности, старались незаметно ему поддаваться. Другим способом релаксации служили регулярные конные прогулки. Берлин, постепенно превращавшийся в крупный промышленный город, все еще сохранял в своих границах достаточно уголков живой природы, предоставлявших тишину и уединение. Часто Мария читала ему вслух, чтобы поберечь его глаза, которые быстро уставали и начинали болеть.

Летом супруги совершили путешествие в Зальцбургские Альпы. «Не считая того, что мы чуть не сломали себе шею, все было великолепно», — писал Мольтке брату Людвигу<sup>12</sup>. Почти каждое лето он отправлялся на курорт, чтобы поправить свое здоровье, по-прежнему оставлявшее желать лучшего. Как правило, он выбирал знаменитый Гаштайн. Кроме того, Мольтке старался как можно больше двигаться и дышать свежим воздухом.

В эти годы он постепенно начинает играть роль неформального главы семейства. Он заботится об овдовевшей Аугусте, а также о своей сестре Лене, муж которой, по его мнению, слишком вольно обращался с имуществом супруги. В 1859 г. к нему вновь приезжает Генри, готовящийся к офицерскому экзамену; визиты родственников, которых Мольтке охотно принимает в своем доме, становятся частым явлением.



Первое время деятельность Большого генерального штаба продолжалась в старом русле. Подготовка штабных офицеров, топографические работы, ежегодные учебные посадки, участие в больших маневрах. Осенью 1858 г. маневры состоялись в Силезии, в них принимали участие V и VI армейские корпуса. Мольтке играл роль посредника, и по завершении маневров, 18 сентября, был окончательно назначен начальником генерального штаба. 31 мая 1859 г. ему было присвоено звание генерал-лейтенанта.

В наследство от Рейера ему достался неплохой фундамент, на котором можно было успешно строить дальше. Предшественник Мольтке уделял большое внимание кадровым вопросам, проблемам оперативного

<sup>11</sup> *Moltke H.K. В.в. Aufzeichnungen...* S. 224.

<sup>12</sup> *Ibid.* S. 221.

планирования. Кроме того, он очень внимательно следил за техническим прогрессом и теми изменениями, которые последний вносил в военное дело. Теперь эту работу предстояло продолжить. Однако с первых же дней пребывания Мольтке на посту в деятельности генерального штаба появились и новые черты.

Во-первых, резко активизировались военно-исторические исследования, в которых шеф сам принимал деятельное участие. Мольтке считал, что изучение опыта недавних войн является лучшим средством для воспитания офицеров, в большинстве своем не нюхавших пороха. 20 мая 1859 г. он подал прошение об учреждении военно-научного отделения в рамках генерального штаба, но военный министр ответил отказом.

Во-вторых, Мольтке стремился постепенно увеличивать значение генерального штаба, выступая с различными инициативами. В своих памятных записках, адресованных военному министру, он выступал за более активную политику в германском вопросе. Пруссия должна выполнить свою германскую миссию — эта идея красной нитью, пронизывала его работы с первых дней пребывания в новой должности<sup>13</sup>. При этом все предложения политического характера давались под маской чисто стратегических соображений — способ, которому он сохранил верность и в дальнейшем. Мольтке даже прибегал к аллегориям: описывая ситуацию в Италии, также стремившейся к национальному объединению, шеф генерального штаба проводил четкие параллели с Пруссией. Как и ранее, в 1857–1858 гг. планы кампаний официально создавались лишь по запросам вышестоящих инстанций; однако, оставаясь в рамках прежних разработок, Мольтке все в большей степени делал упор на подготовку войны с Францией — главным, как он был уверен, противником Пруссии. В принципе, он считал своей задачей иметь готовые планы на любой случай и, несмотря на то что его слабо информировали о внешнеполитических коллизиях, обеспечивать высокую степень актуальности своих разработок. Он прекрасно видел противоречия, имеющиеся у его страны с Австрией, однако считал, что перед лицом общего врага все трения немецких держав должны отступить на второй план: «... только их единство может предотвратить возобновление Рейнского союза»<sup>14</sup>. Россию Мольтке рассматривал как латентного противника; единственным безусловным союзником в его глазах могла быть Англия. Коалиция Британии, Австрии и Пруссии могла бы, считал шеф генерального штаба, стать опорой европейского порядка.

Стремясь сохранить сложившуюся легенду об аполитичности генерального штаба, Мольтке старательно и довольно успешно следил за тем, чтобы

<sup>13</sup> Helmert H. Op. cit. S. 16.

<sup>14</sup> Kessel E. Op. cit. S. 258.

информация о политических пристрастиях его сотрудников не выходила за пределы их рабочих кабинетов. Впрочем, на убеждения генштабистов мало кто обращал внимание, равно как и на их выводы касательно характера современных войн. Ряд памятных записок, касавшихся военно-технических и тактических вопросов, были представлены Вильгельму и одобрены последним, но остались практически неизвестными в армии. Мольтке уже в это время говорил о том, что стратегическое наступление гораздо выгоднее стратегической обороны, однако речь не должна идти об атаках любой ценой. Целью операции должно являться уничтожение вражеских вооруженных сил; когда это невозможно, необходимо ограничиться локальным успехом и предоставить дипломатам закреплять его.

То, что современные условия войны требуют создания специального органа по планированию и подготовке кампании уже в мирное время, облеченного достаточными полномочиями, Мольтке прекрасно понимал. Понимал он и то, что Вильгельм в случае войны уже не сможет самостоятельно управлять армией; отсюда проистекала необходимость заранее, еще в мирное время, готовиться к возможному руководству войсками. «Если ранее Большой генеральный штаб играл роль учебного заведения для военачальников, то теперь Мольтке решительно начал превращать его в работоспособный мозговой и нервный центр армии»<sup>15</sup>.

На тот момент в рамках Большого генерального штаба по-прежнему насчитывалось три отделения, разделенные по географическому принципу: отделение по изучению восточных соседей; отделение для изучения армий германских государств и железных дорог; отделение для изучения армий западных соседей. В каждом из них насчитывалось лишь по 3–4 штатных сотрудника, которые к тому же должны были читать лекции в Военной академии. Мольтке постарался провести определенные преобразования: так, гораздо больше внимания стало уделяться вопросам железных дорог. В 1859 г. в генеральном штабе была создана специальная железнодорожная секция, тогда же увидело свет первое расписание движения поездов на случай мобилизации. Рациональность в работе, четкое разграничение обязанностей между различными отделениями при их постоянном взаимодействии — эти принципы Мольтке положил в основу работы своих подчиненных<sup>16</sup>.

В 1862 г. Мольтке явочным порядком приступил к созданию военно-научного отделения; большое внимание уделялось анализу технических новинок в военной области. Еще в 1858 г. он подготовил докладную записку «Изменения в тактике вследствие улучшения пехотного оружия», в

<sup>15</sup> Helmert H. Op. cit. S. 56.

<sup>16</sup> Ibid. S. 55.

которой писал о том перевесе, которое в последнее время получила обороняющаяся сторона, о необходимости мощной артиллерийской подготовки и о падении роли кавалерии как ударной силы на поле боя. Тактику прусской армии необходимо менять, считал Мольтке; конница должна использоваться для разведки и охранения, концентрировать ее можно лишь в день сражения. Новое стрелковое оружие делает невозможным лобовые удары по неприятелю через открытые участки местности, тактическая оборона становится очень сильной; любая атака должна быть подготовлена артиллерийским обстрелом.

С конца 1850-х гг. Мольтке настойчиво воплощал в жизнь идею Грольмана об отправке военных атташе в столицы крупнейших европейских держав. До этого таковой имелся лишь в Вене, если не принимать во внимание военного уполномоченного в Петербурге, подчинявшегося лично королю. Уже в 1859 г. прусский атташе появился в Париже; правда, окончательно институт военных атташе оформился лишь девятью годами позже.

Важной составной частью деятельности генерального штаба оставались ежегодные учебные поездки. Именно они давали сотрудникам Мольтке определенный практический опыт. Э. Кессель называет эти поездки «центром его обучающей деятельности»<sup>17</sup>. В 1858 г. Мольтке разработал основные положения, по которым должны были проводиться учения. В них он особо подчеркнул два момента: во-первых, приказы должны быть как можно более немногочисленными и лаконичными и, во-вторых, реалистичными. Кроме того, новый шеф генерального штаба призывал обращать особое внимание на скорость передвижения и развертывания войск. Он предостерегал от преждевременной концентрации всех сил в одной точке и от скупивания их на одной дороге. Армию, считал Мольтке, следует для маршей разбивать на максимально возможное число колонн, которые, однако, движутся параллельно на ограниченном пространстве и всегда готовы прийти на помощь друг другу. Фактически этим уже была заложена основа знаменитой теории «Маршировать отдельно — сражаться вместе». «Концентрация крупных воинских частей может иметь место лишь в том случае, если дело идет к сражению», — сказал он во время учебной поездки в Силезию в 1858 г.<sup>18</sup>

Кадровая политика Мольтке была направлена на привлечение лучших из лучших. Учитывая, что возглавляемый им коллектив в те времена еще не пользовался репутацией элиты, «полубогов», это было не так просто, однако дело постепенно продвигалось вперед. Основным критерием для отбора служило наличие специального образования, меньше внимания уделялось общему кругозору. Сотрудник генерального штаба должен был быть

<sup>17</sup> Kessel E. Op. cit. S. 250.

<sup>18</sup> Ibid. S. 247.

безоговорочно лоялен своему шефу, но в то же время обладать достаточной степенью самостоятельности и инициативы. Кроме того, по-прежнему практиковалась постоянная ротация — отслуживший определенное число лет генштабист получал назначение в штаб одной из воинских частей. Однако Мольтке сознательно ограничил «текучку», чтобы избежать ее негативного влияния на состояние дел. Наиболее ценных сотрудников он вообще не позволял забирать в войска. В то же время он установил внутреннюю ротацию, при которой шефы отделений периодически сменяли друг друга, чтобы владеть всей полнотой информации.

\*\*\*

В 1859 г. Пруссия вновь оказалась на грани войны. Причиной стал итальянский конфликт, в котором приняли непосредственное участие Австрия с одной и Франция и Пьемонт с другой стороны. В верхах прусского государства образовались две партии. Одна, более влиятельная и многочисленная, считала необходимым «защитить По на Рейне» и ударить по Франции в союзе с Австрией. Вступление в войну умерит пыл Наполеона III, позволит укрепить авторитет Пруссии в Германии, улучшить отношения с империей Габсбургов и в конечном счете — объединить страну. Такую точку зрения поддерживала практически вся «придворная камарилья» во главе с братьями Герлахами<sup>19</sup>. Кроме того, такие идеи были популярны в обществе. Противники этой партии считали необходимым придерживаться политики нейтралитета. Спор Австрии с Францией не касается Пруссии, обе эти державы стоят на пути объединения Германии, и в этом между ними нет существенной разницы, полагали они. К этой партии принадлежал и посланник в Петербурге Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк-Шенхаузен, будущий «железный канцлер» Германской империи. Он призывал, воспользовавшись ситуацией, бросить всю армию на юг, прихватив в солдатских ранцах прусские пограничные столбы и вкопав их вновь на берегах Боденского озера.

Мольтке придерживался точки зрения первой группировки. Он считал главным противником Пруссии Францию, враждебное отношение к ней было «определяющим принципом его мировоззрения»<sup>20</sup>. Франция напала не на Австрию, а на весь Германский союз, на большое немецкое отечество. «Это была именно та военная угроза, которой Мольтке после своего вступления в должность занимался как наиболее актуальной»<sup>21</sup>, — пишет Кессель. В лице итальянцев Наполеон III поддержал революцию и тем самым создал угрозу монархическому принципу. Единственный шанс для

<sup>19</sup> Deutsche Geschichte in 12 Bd. Bd. 4. Berlin, 1984. S. 428.

<sup>20</sup> Прусско-германский генеральный штаб. С. 38.

<sup>21</sup> Kessel E. Op. cit. S. 261.

Пруссии сыграть достойную роль — это встать на сторону Австрии в начавшейся войне. Тогда малые германские государства вынуждены будут тоже принять участие в кампании — естественно, под руководством Пруссии. Австрийское руководство увидит, что его лучший друг — прусский регент, и не станет чинить препятствий усилению своего давнего союзника-соперника. «Мы должны непременно ударить по Франции и не должны ставить свое участие в борьбе в зависимость от определенных условий, требований или случайностей»<sup>22</sup>, — считал Мольтке. «Если Пруссия сейчас примет решение в пользу войны, то это произойдет не ввиду непосредственно грозящей опасности, а ради предотвращения будущих угроз, в интересах Германии, не за, а вместе с Австрией», — писал он в феврале 1859 г.<sup>23</sup> Здесь же фигурирует идея отторжения от Франции Эльзаса и Лотарингии, реализованная в 1871 г. «Сотрудничество обеих немецких великих держав — лучшая гарантия европейского мира», — несколько наивно считал Мольтке<sup>24</sup>.

Шеф генерального штаба был настолько увлечен своей идеей, что обратился напрямую к регенту через голову военного министра. Он рекомендовал наступление через Рейн с целью разгрома французской армии. Углубляться во французскую территорию Мольтке не рекомендовал; это могло привести к непредсказуемым последствиям. Необходимо только выиграть битву, получить решающий перевес, осадить и взять Мец — но не вмешиваться во внутренние дела Франции, «вулкана, которому надо дать выкипеть»<sup>25</sup>. Целью кампании должна была стать аннексия Эльзаса и Лотарингии. Для наступления, по планам Мольтке, следовало сконцентрировать две армии: одну на нижнем Рейне, вторую — в нижнем течении Майна. Кроме того, необходимо было оставить сильный заслон на востоке против возможных действий России. Одним словом, шеф генерального штаба считал необходимым учесть все вероятные варианты развития событий и не оставлять места неожиданностям. Впрочем, главные силы он полагал возможным сконцентрировать именно на западе, поскольку считал, что ни Дания, ни Россия не перейдут к активным наступательным действиям. В этом вопросе он расходился с военным министром, который оценивал ситуацию гораздо осторожнее. Прусская армия, впрочем, в любом случае должна была обладать определенным численным превосходством.

27 февраля 1859 г. Мольтке принял участие в заседании коронного совета, посвященного итальянской проблеме. В первый раз за всю историю генерального штаба его шеф участвовал в совещании столь высокого

<sup>22</sup> Moltke H.K.B.v. Gespräche. S. 30.

<sup>23</sup> Kolb E. Helmuth von Moltke in seiner Zeit. S. 11.

<sup>24</sup> Moltke H.K.B.v. AW. Bd. 3. S. 13.

<sup>25</sup> Moltke H.K.B.v. Gespräche. S. 29.



уровня, да и этот случай был скорее исключением, нежели новым правилом. Тем не менее, Мольтке уже в этот период считал себя главным советником Вильгельма в оперативных вопросах и порой рисковал обращаться к принцу-регенту напрямую. Военный министр Бонин смотрел на это сквозь пальцы. Однако положение шефа генерального штаба оставалось достаточно непрочным: согласование плана перевозок при мобилизации с министерством торговли, отвечавшим за железные дороги, происходило с большими трудностями, к тому же различные чины из военного министерства (в том числе шеф всеобщего военного департамента генерал Войтс-Рец) пытались внести изменения в планы Мольтке.

На совете обсуждались прошлогодние разработки Мольтке, касавшиеся войны с Францией. Сам генерал настаивал на том, чтобы объявить мобилизацию сразу же после вступления французских войск в Пьемонт и нанести удар одновременно с вторжением французов в австрийские владения. Признавая на словах приоритет политических решений, шеф генерального штаба выдвигал на первый план стратегические соображения. Однако в этот раз его рекомендации не были приняты.

Вильгельм, которому, собственно говоря, и предстояло сказать решающее слово, колебался. Как и всегда, когда ему приходилось чувствовать на себе весь груз ответственности, он не мог принять четкого и однозначного решения. В середине мая он предложил австрийскому императору Францу Иосифу «вооруженное посредничество» при условии верховного командования всеми неавстрийскими войсками Германского союза. Мольтке же настаивал на том, что вопрос о верховном командовании вторичен — присоединившись к войне против Франции, Пруссия автоматически станет гегемоном в Германии. Через войну лежит путь к объединению страны: открыв боевые действия, пруссаки смогли бы одновременно защитить Австрию и вытеснить ее из Германии, нанеся к тому же поражение извечному врагу, т. е. одним махом прикончить нескольких зайцев. К шефу генерального штаба прислушивались, его часто вызывал к себе Вильгельм; Мольтке, как и прежде, старался не выходить за рамки чисто военных соображений, что не мешало ему вкладывать в них политический подтекст. В июне 1859 г. он по поручению Вильгельма руководил прусской делегацией на переговорах военных уполномоченных государств Германского союза во Франкфурте. Переговоры проходили весьма успешно, благодаря чему авторитет Мольтке и генерального штаба ощутимо вырос.

Неизвестно, чем бы это закончилось, но события развивались слишком быстро. 4 июня при Мадженто австрийская армия была разбита франко-итальянскими войсками. 24 июня последовало аналогичное по своим результатам сражение при Сольферино. 14 июня пруссаки мобилизовали

шесть армейских корпусов, затем всю армию и в начале июля двинули ее на Рейн. Одновременно в бундестаг было внесено предложение о создании союзной обсервационной армии из контингентов южногерманских государств.

Но было уже поздно. Активного вмешательства Пруссии не хотел никто — ни французы, ни австрийцы. Против войны выступал и прусский министр иностранных дел Шляйниц. 8 июля на коронном совете, на котором также присутствовал Мольтке, вновь разгорелись горячие споры. Они оказались беспредметными: в тот же день было подписано перемирие в Виллафранке, по которому Австрия отказывалась от Ломбардии. Пруссия вновь оказалась не у дел: затратив большие средства на мобилизацию, не оправдав надежд немецких патриотов, не использовала положение в своих интересах.

Для Мольтке эта ситуация была малоприятной. Он критиковал всех — Австрию, не пожелавшую принять помощь, Пруссию, снова ударившую лицом в грязь... «Австрия лучше отдаст Ломбардию, чем согласится видеть Пруссию во главе Германии. В действительности Германия была очень близка к тому, чтобы создать опасный прецедент настоящего единства. <...> Германия, несчастная Германия, вновь показала миру жалкий спектакль, смысл которого — в том, что частные интересы перевешивают даже мощно пробудившееся национальное чувство. <...> Если бы Австрия хотела видеть нас союзниками, она уже давно добилась бы этого. Но она хотела видеть нас в качестве вассалов, без условий, без шагов навстречу; без малейшей гарантии, что она не заключит мир в тот же день, когда мы объявим войну», — с горечью писал он Адольфу<sup>26</sup>. Чтобы поправить здоровье, Мольтке отправился на курорт Гаштайн. По возвращении он продолжил заниматься своими обычными делами.

Хотя война завершилась без всякого участия Пруссии, это не помешало извлечь из нее ценный опыт. Практически сразу после завершения кампании началась работа над трудом «Итальянский поход 1859 г.» (закончен в 1860 г. и увидел свет в 1862 г.), в котором критически рассматривался ход боевых действий. «На войне опасно любое действие, но бездействие опаснее всего» — это знаменитое изречение Мольтке увидело свет именно здесь<sup>27</sup>. Анализируя ход кампании, шеф генерального штаба выделил характерные черты нового поколения войн, когда на поля сражений выступила индустриальная эпоха. Время наполеоновского военного искусства безвозвратно уходило в прошлое. Влияние железных дорог сказывается все сильнее, масштабы и продолжительность сражений увеличиваются.

<sup>26</sup> *Moltke H.K.v. Aufzeichnungen...* S. 221.

<sup>27</sup> *Kessel E. Op. cit.* S. 284.

Усилившаяся мощь стрелкового и артиллерийского вооружения сделала необходимой разработку новых тактических принципов — классические лобовые атаки оказывались все более и более кровопролитными. Огневой бой пехоты в его прежнем виде чреват огромными потерями, однако удававшиеся французам в битвах с австрийцами штыковые атаки неизбежно захлебнутся перед лицом более решительного противника. Следовательно, тактическое наступление должно принимать иные формы. Кавалерию необходимо сделать как можно более легкой и мобильной. В апреле 1861 г. Мольтке пишет памятную записку на имя короля, в которой вновь говорит о необходимости изменения тактики и широкого применения рассыпного строя. «Наступление и в дальнейшем сохранит свое значение на войне, речь идет лишь о том, чтобы использовать его в нужное время, не атаковать слишком поспешно», — писал он<sup>28</sup>. И вновь его записка не принесла результата.

«Не нужно соперничать с французами там, где они — виртуозы, — писал Мольтке в 1860 г. — Поскольку они на поле боя постоянно атакуют, нам вовсе не нужно делать то же самое. Мы должны противопоставить им противоположный способ действий. У нас лучше ружья, и мы лучше стреляем. Это — преимущества обороны, и столь существенное превосходство не должно оставаться неиспользованным. Сначала необходимо отразить атаку, и лишь затем перейти в контрнаступление»<sup>29</sup>. Шеф генерального штаба задумывается о преимуществах фланговых ударов. Кроме того, он замечает, что сражение теперь начинается без предварительной подготовки, с ходу, все больше сливаясь с предшествующими ему передвижениями в единую операцию.

Мольтке нашел в истории итальянской кампании подтверждение многих своих идей. Речь идет, в частности, о единоначалии: полководец не должен окружать себя сонмом советчиков, дающих противоречивые рекомендации; чем талантливее эти люди, тем хуже окажется конечный результат. У него должен быть лишь один военный советник — начальник генерального штаба. Впрочем, правильность этой идеи еще предстояло долго и мучительно доказывать на практике.

Особенно тщательно Мольтке изучал передвижения французских войск. Он считал, что именно они, а вовсе не сражения, ни одно из которых не стало решающим, и привели армии Наполеона III к победе. Быстрота, натиск, способность к нестандартным решениям — вот что помогло французам одержать верх в Италии.

<sup>28</sup> Kessel E. Op. cit. S. 282.

<sup>29</sup> Friedjung H. Der Kampf um die Vorherrschaft in Deutschland. Bd. I. Stuttgart; Berlin, 1916. S. 375.

Подготовка к возможной войне стала своеобразными учениями, максимально приближенными к реальности и позволившими проверить, как будет действовать военный организм в том случае, если возникнет угроза вооруженного столкновения с кем-либо из соседей. Именно в это время военный министр фон Бонин предоставил шефу генерального штаба право непосредственно докладывать ему о текущих делах, в то время как ранее эта процедура проходила при посредничестве всеобщего военного департамента. С 1859 г. генеральный штаб начал разработку собственных планов железнодорожных перевозок.

Тем временем в Пруссии назревали серьезные потрясения, в центре которых оказались вооруженные силы.



1850-е гг. стали для Пруссии временем застоя в политике и динамичного развития в экономике. Конституция 1848 г. была заменена куда менее либеральной конституцией 1850 г., в стране наступили спокойствие и стабильность — неперемное условие для экономического роста, который не заставил себя ждать. По данным А.И. Галкина, объем промышленной продукции в Германии вырос более чем вдвое, активно осуществлялся промышленный переворот, закладывался фундамент для создания собственной крупной индустрии<sup>30</sup>. Усиливались позиции новой экономической элиты — в том числе и в парламенте, ландтаге, где в конце десятилетия господствовали либералы.

В 1860 г. в палату депутатов был внесен законопроект о реорганизации армии, предусматривавший ряд коренных преобразований. Этому решительному шагу, повлекшему за собой целую цепь событий, не последние места в которой занимают приход к власти Отто фон Бисмарка (1862 г.) и объединение Германии (1871 г.), предшествовала достаточно длительная и тщательная подготовка.

Как уже говорилось выше, военное законодательство, принятое в Пруссии в период «Освободительных войн» (1813–1814 гг.) и просуществовавшее до конца 1850-х гг., предусматривало комплектование армии на основе всеобщей воинской повинности, которая, однако, охватывала в реальности далеко не всех призывников. Параллельно с линейными войсками существовало ополчение — ландвер, образовывавший в случае войны собственные формирования. К рубежу 1850–1860-х гг. эта система явно устарела. Рост населения Пруссии (более чем в полтора раза за 40 лет<sup>31</sup>) не повлек за собой соответствующего увеличения призывного контингента,

<sup>30</sup> Галкин И.С. Создание Германской империи 1815–1871. С. 78.

<sup>31</sup> Bühler J. Deutsche Geschichte. Bd. 5, Berlin, 1954. S. 340.

и все большее число молодых людей (около 75% в конце 1850-х гг.) оставались вне армейской службы, размывая тем самым основу системы всеобщей воинской повинности. К тому же ландвер со своими собственными формированиями являлся анахронизмом с военной точки зрения и содержал в себе множество отрицательных черт как для боеспособности армии, так и для экономики страны. Современные авторы называют его «пережитком эпохи реформ и Войны за освобождение»<sup>32</sup>. Наличие «наследственного врага», бонапартистской Франции, не позволяло прусской армии отставать в своем развитии.

Это прекрасно понимали как военная элита, так и принц-регент Вильгельм. Идеи военной реформы возникли непосредственно после революции 1848–1849 гг.<sup>33</sup>, а первые проработки проекта относятся к 1857 г. В июле следующего, 1858 г. генерал Альбрехт фон Роон по поручению Вильгельма представил ему памятную записку, озаглавленную «Замечания и проекты к отечественной военной организации». Основной идеей Роона было удвоение мирного состава армии с одновременным исключением ландвера из числа действующих войск. Отныне ландвер должен был использоваться исключительно для пополнения резерва и комплектования гарнизонов внутри страны.

Однако не только чисто военными потребностями обосновывал Роон необходимость радикальной реформы. Ландвер, по его мнению, разделявшемуся и самим Вильгельмом, являлся «политически неправильным институтом», абсолютно ненадежным «в случае намерения предстоящих нам политических смут и неурядиц»<sup>34</sup> и представляющим угрозу сильной монархической власти. Помимо чисто военной, будущая реформа преследовала еще и четко обозначенную внутривластную цель. Войско должно было превратиться в послушный инструмент своего командования, стать в определенном смысле личным инструментом монарха. Как заявил Вильгельм 8 ноября 1858 г., «прусская армия должна быть могучей и уважаемой, чтобы в случае необходимости лечь на чашу весов в качестве значительной политической силы»<sup>35</sup>. Обеспечение независимости войска от народа и парламента являлось одной из важнейших задач законопроекта.

В соответствии с разработанным Рооном при личном участии Вильгельма военным законопроектом, ежегодный набор рекрутов увеличивался до 63 тыс. человек. Срок службы в действующей армии сохранялся — три года (четыре в кавалерии). В связи с увеличением численности мирного

<sup>32</sup> Grundkurs deutsche Militärgeschichte. Bd. 1. S. 318.

<sup>33</sup> *Canis K. Politische Taktik preußischer Militärs 1858–1866 // Diplomatie und Kriegspolitik vor und nach der Reichsgründung. Berlin, 1971. S. 54.*

<sup>34</sup> *Ibid.* S. 53.

<sup>35</sup> *Bühler J. Op. cit. S. 340.*

состава армии с 150 тыс. до 220 тыс. солдат формировались почти 40 пехотных и 10 кавалерийских полков. Соответственно, требовались и дополнительные расходы.

Несмотря на то что проведенная в 1859 г. в связи с Итальянской войной всеобщая мобилизация прусской армии наглядно продемонстрировала все недостатки существующей системы, военному законопроекту решительно воспротивилось либеральное министерство. Впрочем, военный министр фон Бонин был вынужден вскоре выйти в отставку (29 ноября 1859 г. его место занял Роон), а его коллеги, уstraшенные угрозой Вильгельма покинуть свой пост, скрепя сердце согласились с предстоящей реформой. Однако в палате депутатов ландтага все пошло далеко не так гладко.

Новый законопроект о воинской повинности был внесен в нижнюю палату прусского парламента 10 февраля 1860 г. Парламентарии решительно отвергли предложенный правительством проект военной реформы. Дело было не в том, что либералы, составлявшие большинство в палате, являлись пацифистами или не видели недостатков существовавшей системы. Для них был неприемлем откровенно реакционный характер законопроекта, стремившегося превратить войско в полностью послушное королю орудие. Проблема заключалась в том, какие силы в прусском государстве будут оказывать господствующее влияние на армию, проще говоря, будет ли последняя «королевской» или «парламентской».

Переговоры с вождями либерального большинства палаты не привели к каким-либо результатам — Вильгельм и его правительство не хотели идти ни на активизацию внешней политики (что являлось одним из главных требований либералов и в чем с ними был совершенно солидарен Мольтке), ни на уступки в области внутренней политики. Но на данном этапе ни правительство, ни парламент не желали серьезной конфронтации. В этой ситуации исполнительная власть в мае 1860 г. предложила своеобразное перемирие, отозвав законопроект, но попросив взамен одобрить дополнительные ассигнования в размере 9 млн талеров на 14 месяцев. 15 мая палата проголосовала за этот вариант, в основном для того, чтобы избавить себя от необходимости принимать четкое решение.

Вильгельм и его сподвижники поняли решение палаты как готовность к безоговорочной капитуляции. Принц-регент начал военную реформу явочным порядком. Указом он упразднил 36 полков ландвера, одновременно создав на их месте предусмотренное законопроектом число линейных полков. Одновременно в армии происходил еще целый ряд важных преобразований, к примеру перевооружение (к 1866 г. все прусские солдаты были вооружены игольчатыми ружьями) и принятие нового, современного «Полевого устава» (1861 г.). Еще в 1859 г. командующие генералы

(командиры корпусов) перешли в непосредственное подчинение королю, а в 1861 г. все указы о назначениях в армии могли выпускаться как приказы монарха без контрассигнатуры военного министра. Тем самым снижалась зависимость армии от военного министерства и парламента. В то же время благодаря реорганизации боеспособность армии существенно повысилась, и прусская корона получила достаточно мощный и надежный инструмент для проведения активной внешней политики.

На выборах в ноябре–декабре 1861 г. левые либералы (прогрессисты), в число программных требований которых входили сохранение ландвера и сокращение военных расходов, одержали убедительную победу, значительно потеснив своих более умеренных конкурентов. «Я не предоставляю Вам почивать на розах, мой дорогой военный министр фон Роон, — заявил король своему сподвижнику, — у нас впереди тяжелые бои, бои, в которых мы должны победить, если не хотим исчезнуть»<sup>36</sup>. Борьба правительства с парламентом вспыхнула с новой силой. Прения в палате быстро обнажили истинную подоплеку конфликта, гораздо более глубокую, чем простой вопрос о численности армии и военных расходов. Кто обладает властью в стране — король или парламент? Кому должна быть верна армия — монарху или народу? Вопрос о военной реформе перерос свои рамки и стал принципиальной политической проблемой власти в королевстве, «военный» конфликт превратился в «конституционный». 16 сентября 1862 г. палата вычеркнула из бюджета расходы на реорганизацию армии. В правящих кругах усиливались колебания: Роон настаивал на уступках, король упирался и твердил об отречении. Одновременно командующим корпусами были отправлены запечатанные приказы об оккупации Берлина на случай гражданских беспорядков<sup>37</sup>.

На гребне кризиса, нараставшего подобно приливной волне, министром-президентом Пруссии стал Отто фон Бисмарк. Назначение главой правительства человека, имевшего репутацию ярого консерватора, стало явной демонстрацией отказа короля от любого компромисса и грозило лишь углубить кризис. После кратковременных усилий, направленных на примирение с палатой, Бисмарк начал следовать линии жесткой конфронтации. 30 сентября на заседании бюджетной комиссии новоиспеченный министр-президент произнес свою первую речь, содержащую знаменитую фразу о «железе и крови». Умело используя пробелы в прусской конституции, он оспорил право палаты утверждать бюджет, объявив о намерении ввести его в действие без одобрения ландтагом. Правительство, заявил 13 октября на последнем заседании палаты министр-президент, «считает себя вынужденным ввести бюджет в действие без предусматриваемой конституцией

<sup>36</sup> Soldatisches Führertum. Teil 10. Hamburg, 1937. S. 231.

<sup>37</sup> Grundkurs deutsche Militärgeschichte. Bd. 1. S. 318.

опоры»<sup>38</sup>, т. е. без утверждения ландтагом. Начался период безбюджетного правления. Сформированное Бисмарком министерство получило название «министерства конфликта». Реформа армии была проведена явочным порядком.



Все эти события сыграют огромную роль в судьбе Мольтке, при том, что к процессам, связанным с военной реформой, он не имел непосредственного отношения. Конечно же, он с большим вниманием следил за всеми перипетиями политической борьбы, однако подготовка и осуществление преобразований происходили практически без его участия. Этот факт достаточно красноречиво иллюстрирует то положение, в котором находился на рубеже 1850–1860-х гг. генеральный штаб.

Мольтке не считал абсолютно необходимым сохранение трехлетнего срока службы и не был ярким противником ландвера, хотя и признавал, что линейные части на порядок лучше по всем параметрам. Он постоянно подчеркивал необходимость повышения профессионального уровня военных, в первую очередь важность инициативы каждого солдата<sup>39</sup>. Вмешательство парламента в дела армии он, как и подавляющее большинство его коллег, считал недопустимым. Симпатии Мольтке были всецело на стороне короля, к парламентской оппозиции он относился весьма неодобрительно, говоря о «людях, от которых "народ" ждет, что они будут управлять страной лучше короля»<sup>40</sup>. Сама постановка слова «народ» в кавычки говорит о том, что Мольтке не считал депутатов выразителями истинно народной воли. «Итог наших выборов оказался очень плохим», — писал он своему брату Адольфу 19 декабря 1861 г., после впечатляющей победы прогрессистов<sup>41</sup>.

По мнению немецких биографов Мольтке, военный конфликт укрепил в нем консервативные убеждения и заставил отказаться от любых симпатий к либерализму. Действительно, поведение парламента он, как и большинство прусских офицеров, рассматривал как прямое посягательство на права монарха. К прогрессистам он не испытывал никакой симпатии, несмотря на то что одним из их лидеров являлся его старый друг Винке. Однако к концу 1850-х гг. политические убеждения Мольтке сформировались вполне четко, поэтому говорить о каком-либо его «поправении» трудно, тем более что он так никогда и не примкнул к ярким реакционерам вроде Мантойфеля и Герлаха.

<sup>38</sup> Чубитский В.В. Бисмарк. С. 118.

<sup>39</sup> Müller-Bohn H. Op. cit. S. 276.

<sup>40</sup> Mołtke H.K.V. Aufzeichnungen... S. 224.

<sup>41</sup> Mołtke H.K.V. AW. Bd. 3. S. 385.



К Бисмарку Мольтке поначалу относился весьма сдержанно. Как и большинство современников, он рассматривал главу правительства как сторонника крайней реакции и поэтому опасался, что Бисмарк не заинтересуется активным решением германского вопроса. К тому же ему не нравился принятый министром-президентом курс на добрососедские отношения с Францией. Кроме того, влияние генерального штаба с приходом Бисмарка вновь несколько упало. Однако несколько лет спустя Мольтке сказал, что Бисмарку стоило бы поставить памятник за то, что он указал парламенту его место<sup>42</sup>.

Шефу генерального штаба не нравился сам факт конфликта, который разделил парламент и монарха. Но постепенно он смирился с этим, особенно когда ожидавшийся кризис так и не разразился: правительство показало, что оно способно править без бюджета. «Если французы нападут, у нас тут же появятся деньги!» — говорил он Берихарди в начале 1865 г.<sup>43</sup>

В памятных записках рубежа 1850–1860-х гг. Мольтке делает упор в первую очередь на стратегическую оборону против Франции, предусматривая наступление лишь при самых благоприятных условиях. Однако затем на первый план начали выходить наступательные замыслы. В 1861 г. он предлагал уже решительное наступление — не на Париж, а на Эльзас и Лотарингию.

В том же году он подготовил и провел большие маневры на Рейне, которые отняли у него много сил, но принесли много удовольствия. Кроме того, он обнаружил много устаревших черт в тактике прусских войск.

Мольтке считал весьма вероятным, что в новой войне примут участие Голландия и Бельгия. Он разработал план, в соответствии с которым прусские войска могли нанести удар на Париж через бельгийскую территорию. Как писал В. Герлиц, этим самым «он предвосхитил план, впоследствии разработанный Шлиффеном»<sup>44</sup>. Мольтке намеревался использовать территорию Бельгии только с ее согласия или в том случае, если она выступит на стороне Франции.

Учитывая ненадежность южногерманских государств, которые вполне могут оставить Пруссию сражаться с французами в одиночестве, Мольтке предлагал сконцентрировать основную армию на нижнем Майне, что позволяло ей действовать как в северном, так и в южном направлении. Меньшую часть прусских войск он предлагал оставить в нижнем течении Рейна на случай, если французы все-таки нарушат нейтралитет Бельгии. Если этого не произойдет, рейнской армии надлежало выдвинуться на Мозель и войти в соприкосновение с главными силами на Майне. Именно в этом районе предполагалось

<sup>42</sup> Kessel E. Op. cit. S. 349.

<sup>43</sup> Ibid. S. 350.

<sup>44</sup> Герлиц В. Германский генеральный штаб. С. 86.

дать наступающим французам генеральное сражение. Больше всего шеф генерального штаба опасался, что французы без существенных усилий пройдут через южногерманские монархии, которые немедленно встанут на их сторону, и перережут коммуникации между Пруссией и Австрией. При этом, считал Мольтке, они могут пойти даже на нарушение нейтралитета Швейцарии. Поэтому еще весной 1858 г. он отправил в республику эмиссара, который должен был оценить волю и способность швейцарских правителей к вооруженной защите своей территории<sup>45</sup>. Учитывал Мольтке и фактор железных дорог, который давал Франции неоспоримое преимущество.

В 1860 г. государствами Германского союза обсуждался вопрос о совместной обороне северного побережья. Мольтке, назначенный 18 августа 1859 г. главой прусской комиссии по береговой обороне, должен был инспектировать имеющуюся систему и нашел ее (особенно на побережье Северного моря) в неудовлетворительном состоянии. Настоятельно необходимым он считал учреждение немецкого флота, который станет «существенной частью внешнего представительства всей Германии, многократно и настоятельно требуемого, и обеспечит уважение к немецким флагам вплоть до самых дальних морей»<sup>46</sup>. В случае необходимости средства на создание флота можно взять даже из армейского бюджета, полагал Мольтке. При этом он особо настаивал на едином и централизованном прусском руководстве флотом и береговой обороной. В январе 1860 г. он начал переговоры с представителями других прибрежных государств. Однако дело закончилось ничем. «Проекты и планы, детально разработанные офицерами флота и инженерных войск, были предложены бундестагу с просьбой рассмотреть в кратчайшие сроки ввиду того, что дело не терпит отлагательства. Через три года в Гамбурге собралась союзная комиссия, с которой я еще раз объехал прусское побережье, но которая, как вполне можно было предполагать, в большинстве своем проголосовала против практически всех предложений, в особенности против проекта общего флота под прусским руководством. Все осталось по-старому», — с сарказмом писал впоследствии Мольтке в своей «Краткой автобиографии»<sup>47</sup>.

Несколько более успешно продвигалась работа комиссии по железным дорогам, которая начала свою работу в 1861 г. Прусским представителем в нее был назначен, не без влияния Мольтке, один из его ключевых сотрудников Людвиг фон Вартенслебен. В течение короткого времени комиссия подробно обследовала состояние железных дорог Германского союза и ряда сопредельных государств. В дальнейшем полученные материалы были широко использованы прусским генштабом в процессе военного планирования.

<sup>45</sup> Kessel E. Op. cit. S. 260.

<sup>46</sup> Moltke H.K.B.v. AW. Bd. 3. S. 437.

<sup>47</sup> Moltke H.K.B.v. Aufzeichnungen... S. 224.

Большое внимание уделял Мольтке и вопросам крепостей. Он считал, что последние в современной войне могут выступать лишь в роли опорных пунктов для полевой армии, а также для того, чтобы образовывать оборонительные линии с использованием естественных преград, в первую очередь рек. Идею укрепленного лагеря он полностью отвергал, единственным исключением мог быть Кёнигсберг в Восточной Пруссии, удержание которого представлялось важным по политическим причинам. В 1860 г. был включен в состав постоянно действующей Инженерной комиссии, переименованной впоследствии в Комиссию по обороне страны. Здесь он выступал против закладки новых крепостей и за сокращение числа существующих. Железные дороги Мольтке, напротив, считал весьма важным фактором и прилагал все усилия для их развития. В частности, оборону побережий, думал он, необходимо обеспечить не отдельными прибрежными крепостями, а идущими параллельно берегу железными дорогами, обеспечивающими оперативную переброску войск. Именно последние, в сочетании с флотом из паровых канонерок, обеспечат, по мнению шефа генерального штаба, защиту от неприятельских десантов.

В 1860 г. очередная учебная поездка генерального штаба была посвящена возможной оборонительной войне против Австрии. Планировалось сконцентрировать войска в Верхней Силезии и оттуда начать наступление на Вену: план, существовавший со времен Фридриха Великого. Если противник начнет собственное наступление из Богемии, позиция в Силезии превратится во фланговую, мимо которой австрийцы не смогут пройти.

Мольтке вынужден был принимать во внимание возможность австро-пруссского конфликта, хотя она глубоко претила его убеждениям. Разрыв между двумя крупнейшими германскими государствами он считал нежелательным, поскольку в эту войну мгновенно вмешаются другие великие державы Европы и постараются использовать ее в своих интересах. Конечно, эта борьба может послужить прологом германского единства, однако соседи не замедлят потребовать немалых компенсаций. «Война между Австрией и Пруссией затронет все державы Европы, поскольку крупный успех одной из сторон покончит с нынешней раздробленностью Германии, подчинит малые государства победителю и создаст в центре Европы единое государство, которое будет равно или даже превзойдет своих соседей по мощи и влиянию», — писал Мольтке в памятной записке весной 1860 г.<sup>48</sup> При этом на стороне Австрии может активно вмешаться Франция, но тогда союзником Пруссии окажется Россия. Впрочем, у последней, как со своеобразным юмором писал Мольтке, есть два недостатка: ее помощь приходит слишком поздно и оказывается слишком масштабной.

<sup>48</sup> *Moltke H.K.v. AW. Bd. 3. S. 27.*

Одно из важнейших отличий Мольтке от его предшественников заключалось в том, он заранее просчитывал различные варианты не дожидаясь команды, и в итоге на случай практически любой неожиданности имел заранее разработанный план. «Предшественники Мольтке ограничивались тем, что по требованию короля или военного министра представляли изложенный в меморандумах план операций. Мольтке же самостоятельно изучал ход политического развития и делал из него военно-политические и стратегические выводы», — пишут немецкие военные историки<sup>49</sup>. В числе этих вариантов находился и тот, при котором Австрия и Пруссия выступят-таки единым фронтом против Франции, тем более что такая возможность обсуждалась монархами двух держав на Теплицкой встрече в июле 1860 г. В соответствии с договоренностью монархов, в начале января 1861 г. в Берлине начались военные переговоры. Со стороны Пруссии их вел Мольтке. Это послужило поводом для серьезного конфликта с министром иностранных дел Шляйницем, который считал проведение подобных мероприятий своей прерогативой. Военные вела с ним на рубеже 1860–1861 гг. ожесточенную дискуссию, в результате которой им все-таки пришлось признать за гражданским чиновником право на определение *casus belli*. Шляйниц также серьезно переделал инструкции для прусской делегации, выработанные в военном министерстве.

Переговоры протекали не слишком успешно. Проблема, очевидно, заключалась в том, что каждая из сторон стремилась отстаивать собственные интересы и вместо сотрудничества на первый план выходило соперничество. Мольтке настаивал на том, что в случае совместной войны против Франции не только северо-, но и южногерманские контингенты должны перейти под прусское командование. Взамен он обещал безоговорочную поддержку в случае нового австро-французского вооруженного конфликта. По мнению ряда историков, Мольтке фактически толкал австрийцев к новой войне, рассчитывая как можно быстрее видеть реализованными свои планы в мечтах о германском единстве<sup>50</sup>.

Здесь, наверное в первый раз за время пребывания Мольтке на посту руководителя генерального штаба, вышел на первый план конфликт военного и политического начала в государственном механизме Пруссии. Знаменитая фраза Клаузевица о том, что война — это продолжение политики иными средствами, казалось бы, устанавливала соотношение этих двух начал. Однако для Мольтке, хотя он и считал Клаузевица одним из своих учителей, такое утверждение было далеко не бесспорно. Вопросы внешней и военной политики тесно переплетались между собой во многих узловых

<sup>49</sup> Прусско-германский генеральный штаб 1640–1965. С. 37.

<sup>50</sup> Helmert H. *Op. cit.* S. 41.

точках. Мольтке, верный своей теории «одного советника», считал, что дело военных — выиграть войну, и за это могут нести ответственность лишь они одни. Соответственно, их влияние во всех военных вопросах должно быть преобладающим. Гражданские чиновники не могли вмешиваться в работу специалистов. В процессе переговоров Мольтке делал личный доклад королю, не считая нужным информировать о нем министра иностранных дел. «Отделение политики от стратегических соображений невозможно», — писал он Вильгельму<sup>51</sup>.

Подобные взгляды разделяло большинство представителей военной верхушки. В данном случае, однако, Вильгельм вынес решение в пользу министра иностранных дел; Мольтке, выступавший за сотрудничество с Австрией, вынужден был отступить и пунктуально придерживаться выданных ему инструкций. Когда в конце января 1861 г. наметилась возможность не только военных, но и политических переговоров, Мольтке должен был терпеливо дожидаться исхода последних. В декабре 1860 г. он подготовил очередную памятную записку, в которой заявил, что в случае новой австро-французской войны из-за итальянского вопроса (в руках империи Габсбургов все еще оставалась Венеция) Пруссии необходимо встать на сторону Австрии. «Пока существует Австрия, глубочайший собственный интерес Германии заключается в том, чтобы оказывать ей в борьбе за Венецию любую моральную и материальную поддержку»<sup>52</sup>.

С 1860 г. ходили слухи о возможном назначении самого Мольтке прусским министром иностранных дел. В первую очередь его продвигало на это место либеральное окружение кронпринца<sup>53</sup>. «Господь упаси» — такова была реакция самого Мольтке; он считал, что не справится с этой ролью, поскольку не имеет равным счетом никакого опыта дипломатической работы<sup>54</sup>. Действительно, мысль о том, чтобы вести долгие дискуссии, спорить, переубеждать, была ему не слишком приятна; он предпочитал высказывать свою точку зрения, свои аргументы и, если собеседник не смог воспринять их с первого раза, больше не тратить силы на пустую болтовню.

Военные переговоры с Австрией прервались в середине февраля 1861 г. — слишком различными были интересы сторон. «Если бы все военно-политические вопросы были переданы на урегулирование немногим способным, надежным офицерам, без участия дипломатов, все решилось бы вскоре к общему удовольствию», — писал Мольтке<sup>55</sup>. Этой же точки зрения он

<sup>51</sup> Kessel E. Op. cit. S. 319.

<sup>52</sup> Moltke H.K.B.v. AW. Bd. 3. S. 35.

<sup>53</sup> Kolb E. Helmuth von Moltke in seiner Zeit. S. 8.

<sup>54</sup> Moltke H.K.B.v. Gespräche. S. 35.

<sup>55</sup> Helmert H. Op. cit. S. 44.

придерживался и в дальнейшем. Впрочем, неуступчивость австрийцев была столь велика, что вне зависимости от того, чья линия бы победила, Мольтке или Шляйница, переговоры окончились бы ничем: отказываться от прусских интересов не собирался ни один из них.

В итоге отношения двух великих немецких держав только ухудшились. В ноябре 1861 г. Мольтке назвал любую войну против Австрии «тяжелой политической ошибкой»<sup>36</sup>, однако вскоре ему пришлось изменить свое мнение. В 1862 г. в отношениях двух держав разразился кризис. Поводом для него стал Кургессенский конфликт, в результате которого Пруссия оказалась на грани войны. «Обязанность Пруссии — стать господином Малой Германии, — писал Мольтке. — Отступление в этом вопросе было бы для нас опаснее проигранных битв, оно явилось бы политической смертью. Любой половинчатый путь ведет к гибели, и только безоговорочное наступление — к цели»<sup>37</sup>. Мольтке не страшился войны против Германского союза во имя объединения Германии. В ее ходе следует действовать с использованием внутренних операционных линий, обрушиваясь со всей своей мощью то на одного, то на другого противника.

Мольтке формулирует ее основные идеи: для быстрого и эффективного ведения кампании необходимо, прежде всего, упредить противника в развертывании и сосредоточении. Армия должна быть готова к наступлению сразу после переброски ее к границам. Выбор направления удара должен осуществляться в первую очередь с учетом транспортной инфраструктуры — железных дорог. Так рождалась реализованная в 1866 г. концепция молниеносной войны против нескольких противников.

Впрочем, основные черты этой концепции видны еще в памятной записке от декабря 1859 г., где речь шла о возможной войне против Франции и России. «Останется единственный вариант, — писал Мольтке, — оставить против одной из сторон как можно меньше сил, быстро и мощно провести кампанию против второй и затем вернуть себе то, что за это время будет потеряно на первом направлении»<sup>38</sup>. Причем первый удар, по мысли Мольтке, следует нанести по России. Это могло показаться странным: большие расстояния и печальная судьба Наполеона I становились прекрасными аргументами в пользу того, чтобы начать кампанию с разгрома западного соседа (именно на этой предпосылке был построен впоследствии план Шлиффена). На самом деле, Мольтке учитывал слабость России после Крымской войны и уроки этой недавней кампании в целом. Западные державы сумели одержать победу, даже не приближаясь к жизненным

<sup>36</sup> Kessel E. Op. cit. S. 323.

<sup>37</sup> Прусско-германский генеральный штаб. С. 37.

<sup>38</sup> Moltke H.K.V.d. AW. Bd. 3. S. 20.

центрам страны. Шеф генерального штаба принимал во внимание и медленную по европейским меркам скорость сосредоточения армии, рассеянной на огромном пространстве. Согласно его плану, 200-тысячная прусская армия должна была вторгнуться в Польшу, при этом полякам следует пообещать создание независимого государства, связанного с Пруссией личной унией. Принималась во внимание и невыгодная для обороны конфигурация российско-прусской границы. «Лучшая оборона против России заключается в наступлении», — писал Мольтке<sup>79</sup>.

Сосредоточение всех сил на одном направлении в случае войны на два фронта сам Мольтке не считал гениальной идеей; для него это было глубоко вынужденное решение, продиктованное лишь военной слабостью Пруссии относительно коалиции великих держав Европы.

Летом 1863 г. в очередной раз ухудшились отношения с Францией. В связи с польским восстанием Россия и Пруссия подписали конвенцию Альвенслебена о совместных действиях против повстанцев. Франция традиционно симпатизировала полякам, и в Париже вновь заговорили о возможности вооруженного вмешательства. Мольтке умело использовал это обстоятельство, в очередной раз подчеркнув в своих памятных записках неизбежность войны с западным соседом. «Война против России за восстановление Польши есть то же самое, что и война с Пруссией для завоевания Рейна», — писал он<sup>80</sup>. По его мнению, сил Германского союза хватит, чтобы разгромить Францию, однако лишь при условии, если будет обеспечено единое руководство кампанией. Мольтке рассчитывал, что в случае войны южногерманские государства сами обратятся к Пруссии с просьбами о помощи. С 1864 г. в планах Мольтке, посвященных войне против Франции, начинают однозначно преобладать наступательные замыслы. Вовлеченность западного соседа в мексиканскую авантюру, колониальные войны в Африке и Индокитае существенно уменьшали численность французской действующей армии. Против нее будет возможно выставить на Рейне три немецкие армии, каждая из которых не должна превышать 150–200 тыс. человек (численность, которую Мольтке считал максимальной для армейского формирования). Были детально проработаны различные варианты как развертывания, так и начальной фазы операции (и оборонительные, и наступательные варианты). Один из них — действия на внутренней операционной линии между группировками противника в Страсбурге и Меце — является прямым родоначальником плана кампании 1870 г.

Кроме актуального военного планирования, шеф генерального штаба занимался и военно-историческими исследованиями. В частности, историей

<sup>79</sup> *Moltke H.K.v. AW. Bd. 3. S. 22.*

<sup>80</sup> *Kessel E. Op. cit. S. 354.*

кампании 1809 г. в Баварии — единственная работа Мольтке, посвященная Наполеоновским войнам. Шеф генерального штаба изучал опыт французского императора; однако, в отличие от многих своих современников, он был весьма далек от того, чтобы этот опыт догматизировать. Бонапарта он считал одним из крупных полководцев в мировой истории, но уж, во всяком случае, не более значимым, нежели Фридрих Великий.

\*\*\*

Личные отношения Мольтке с королем все больше укреплялись. На осенних маневрах 1861 г., в которых Вильгельм принимал самое деятельное участие, Мольтке постоянно находился в его свите. Начальник генерального штаба получил орден Красного орла и был приглашен на коронацию в Кёнигсберг. Большую роль в этом играла королева Августа, благоволившая ему, в отличие от Бисмарка, с которым у нее сложились весьма враждебные отношения.

Вместе с укреплением позиций Мольтке постепенно, хотя пока еще незаметно для постороннего глаза, росло и влияние генерального штаба. Помимо личного расположения короля, на это была вторая, не менее важная причина: военное министерство и военный кабинет монарха вновь вступили в борьбу за полномочия. Вильгельм находился на стороне второго, и поэтому военное министерство, несмотря на колоритную фигуру Роона, понемногу сдавало позиции. В образовавшийся «разрыв» естественным образом вписывался генеральный штаб, поскольку военный кабинет не имел возможности заниматься стратегическими и оперативными вопросами. Мольтке благоразумно сохранял нейтралитет и за счет этого оказывался в выигрыше.

Сам он считал рост роли генерального штаба безусловно положительным фактором и отнюдь не в силу карьерных амбиций. В генеральном штабе он видел институт, единственно компетентный в вопросах оперативной подготовки войны, развертывания и руководства операциями. Возможность доказать это убеждение на практике представилась ему совсем скоро...



## Глава 7. ДАТСКАЯ КАМПАНИЯ

*Шлезвиг-Гольштейнский вопрос — Начало кампании — Роль Мольтке — Переломные. Прибытие Мольтке на театр военных действий — Завершающая фаза войны — Итоги кампании*

В 1862 г. начались события, которые коренным образом изменили положение как генерального штаба, так и самого Мольтке. Именно в это время с новой остротой встала проблема «северных территорий» — герцогств Шлезвиг и Гольштейн. Датское правительство по-прежнему стремилось присоединить герцогства. Германские, и в первую очередь прусские, правящие круги смотрели на это с неодобрением.

30 марта 1863 г. король Фредерик VII подписал указ о том, что с нового 1864 г. Шлезвиг полностью присоединяется к Дании, а для Гольштейна вводится самостоятельное управление. Это постановление нарушало сразу два принципа, зафиксированных Лондонским протоколом 1852 г. — автономии и нераздельности герцогств. Отчаянный шаг объяснялся просто — король был бездетен, и с его смертью обрывалась личная уния немецких герцогств с Данией. Терять столь значительную часть своих владений датская корона не хотела.

Протест Германского союза не замедлил себя ждать. Союзный сейм даже пригрозил Дании — вводом войск на территорию герцогств. 15 ноября Фредерик VII отошел в лучший мир, и на престол вступил Христиан IX из династии Глюксбургов. Три дня спустя свежениспеченный монарх подписал конституцию, в соответствии с которой Шлезвиг присоединялся к Дании. Однако в тот же день у него появился серьезный соперник — герцог Фридрих из рода Лугустенбургов, имевший наследственные права на герцогства. 34-летнего

герцога, немедленно провозгласившего себя Фридрихом VIII, поддержало немецкое общественное мнение, в первую очередь либеральные круги.

Прусское правительство в лице Бисмарка в этот период не особенно заботилось о том, чтобы прислушиваться к мнению общественности. Появление еще одного немецкого государя только ослабило бы позиции Пруссии, справедливо считал министр-президент. Поэтому к Аугустенбургу он отнесся весьма прохладно, чего не скажешь о планах военной экзекуции, которые Бисмарк поддерживал всей душой. Глава прусского правительства постарался заручиться поддержкой Австрии, что ему в полной мере удалось. 7 декабря Союзный сейм под давлением двух великих германских держав принял решение приступить к операции. В «первом эшелоне» шли саксонские и ганноверские войска, немедленно вступившие в Гольштейн.

Однако на этом Бисмарк не успокоился. По его настоянию 14 января в Союзный сейм было внесено новое австро-прусское предложение — предъявить Дании ультиматум с требованием не распространять новую конституцию на Шлезвиг. После того как германские государства отклонили этот проект, ультиматум был предъявлен от имени двух держав, заявивших, что вынуждены взять на себя защиту прав Германии в Шлезвиге. 16 января Австрия и Пруссия подписали соглашение об оккупации Шлезвига. 18 января датчане ответили на ультиматум отказом. Австро-пруссские войска приступили к боевым действиям.



Еще 26 ноября 1862 г. Бисмарк обратился к Роону с просьбой узнать мнение шефа генерального штаба по вопросу возможной войны с Данией — первый случай, когда министр-президент поинтересовался мнением Мольтке. Его основными консультантами по военным вопросам оставались, впрочем, Роон и Альвенслебен.

Для Мольтке война с Данией не могла стать сугубо технической задачей. В конце концов, речь шла о его второй родине, стране, где он провел детство и юность, получил образование, сделал первые шаги на военной службе. Его братья, Фридрих, Адольф и Людвиг, были датскими чиновниками; сам Мольтке сохранил еще достаточно симпатий к маленькой северной стране и ее народу. Датский генерал Кай фон Хетермани-Линденкрене, друг его детства, встретился с ним в ноябре 1863 г. и описывал свои впечатления следующим образом: «Я нашел его весьма дружелюбным, но заметил, что нечто давит на него тяжелым грузом»<sup>1</sup>. В конце беседы Мольтке спросил своего гостя, не повлияет ли на их дружбу возможный конфликт между их странами, и был обрадован отрицательным ответом.

<sup>1</sup> *Herre F. Moltke*. S. 203.

В идеале он хотел бы сохранения статус-кво, зафиксированного Лондонским протоколом. Нарушение соглашения датскими властями вызвало у Мольтке весьма негативную реакцию, ведь его симпатии принадлежали в гораздо большей степени Шлезвигу и Гольштейну, чем собственно Дании. «Немцы в герцогствах могут долго и счастливо жить под скипетром датского короля, но они не смогут подчиняться постановлениям большинства датского парламента», — писал шеф генерального штаба<sup>3</sup>. Конфликт по вопросу о герцогствах превращался в его глазах в конфликт между монархическим принципом и ненавистным парламентаризмом, «демократическим деспотизмом».

Еще в конце 1862 г. Мольтке сочинил две памятные записки о возможной кампании против Дании. В них он делал упор на то, что датчане располагают превосходящим флотом, следовательно, переправа войск в островную часть страны практически невозможна. Войну будет легко начать, но сложно закончить. Отсюда вытекают два варианта ведения кампании. Если датчане решат оборонять Шлезвиг, то нужно окружить и уничтожить их армию. Если же противник предпочтет отойти к укреплениям Дюппеля и Фридерисни, то следует оккупировать территорию Ютландии, обойдя эти сильные позиции. Объектом операции должна стать сухопутная армия датчан, которую надо не только разбить, но и полностью уничтожить до того, как она успеет переправиться на острова. Кампанию следует завершить молниеносно, пока не успели вмешаться другие европейские державы, в которых Мольтке видел главную угрозу. Кроме того, предпочтительно зимнее время, когда море около берегов будет сковано льдом. После войны герцогства не останутся во владении датчан, кроме разве что Северного Шлезвига, где датское население составляет большинство.

Офицеры генерального штаба под руководством своего шефа взялись за изучение датской кампании 1848–1849 гг. Оно преследовало в первую очередь чисто практические задачи: необходимо было понять особенности театра военных действий и проанализировать ошибки, которые привели к неудаче полтора десятка лет назад. Распространение экзекуции только на Гольштейн казалось ему непродуктивным — это еще больше отдалило бы герцогства друг от друга и сыграло бы на руку датскому правительству; речь должна идти о полноценных военных действиях. Проведение операции сравнительно малыми силами было не в состоянии решить проблему, зато начисто исключало фактор внезапности. 30 июня 1863 г. Мольтке написал памятную записку соответствующего содержания Роону, который передал ее королю; в результате было принято решение заранее подготовить войска на тот случай, если потребуется полномасштабная кампания. Сам Мольтке отправился в

<sup>3</sup> *Here F. Op. cit. S. 204.*

июле–августе на курорт Гаштайн, а затем присутствовал на больших осенних маневрах. В октябре состоялась инспекционная поездка на Рейн, которая заменила в этом году обычные штабные учения. Мольтке почти постоянно отсутствовал в столице, что, впрочем, совершенно не мешало ему быть готовым к войне — вернуться в Берлин, на свое рабочее место он мог в любой момент. Хуже было состояние его здоровья, которое вновь оставляло желать лучшего.

В ноябре 1863 г. Мольтке отправился во Франкфурт-на-Майне, чтобы принять участие в военном совещании по вопросам экзекуции. «Здесь удалось в считанные дни достичь единения, которое, впрочем, из-за различия целей вскоре оказалось потерянным», — вспоминал он впоследствии<sup>3</sup>. Конференция прошла быстро и без особых трений, и 5 декабря шеф генерального штаба вернулся в Берлин.

Мольтке от души приветствовал австро-прусскую инициативу в январе 1864 г. и решение обоих государств совместно выступить против Дании. Помимо всего прочего, это было актом сотрудничества двух великих германских держав, сторонником которого Мольтке по-прежнему являлся. «Немецкие дела напоминают сумасшедший дом. Но сотрудничество Австрии и Пруссии не только в датском вопросе, но и в других делах устранило главную опасность», — писал он 20 января<sup>4</sup>. 29 января он проинформировал Адольфа о предстоящей кампании, о том, что она, возможно, выльется в европейскую войну, а также о больших надеждах, возлагаемых на немецкое оружие: «Я надеюсь, победа улучшит многое как во внутренних, так и во внешних делах»<sup>5</sup>. Мольтке надеялся в первую очередь, что война усилит влияние Пруссии в Германском союзе. Аугустенбурга он рассматривал как вывеску, за которой скрываются сторонники ненавидимой им «демократии». Как и Бисмарк, он ни в коем случае не хотел признавать сомнительные права принца на престол.



Численность изготовившихся к наступлению союзных войск составляла на конец января 1864 г. более 56 тыс. человек при 158 орудиях. Прусский контингент состоял из сводного армейского корпуса под командованием принца Фридриха Карла (20 тыс. пехоты, 3,75 тыс. кавалерии, 1,2 тыс. инженерных войск при 96 орудиях) и сводной гвардейской пехотной дивизии (9,6 тыс. пехоты, 500 кавалеристов, 14 орудий). Противостоявшая им датская армия насчитывала 37 тыс. человек при 104 орудиях.

Датские пехотинцы в массе своей были оснащены дульнозарядными нарезными ружьями системы Минье. Примерно таким же было вооружение

<sup>3</sup> *Moltke H.K.v. Aufzeichnungen...* S. 225.

<sup>4</sup> *Kessel E. Moltke.* S. 376.

<sup>5</sup> *Moltke H.K.v. Leben und Werk...* S. 257.

австрийцев; прусская пехота, в отличие от них, располагала более совершенным стрелковым оружием — знаменитыми игольчатыми винтовками системы Дрейзе. Переснащение прусской армии этим разработанным еще в 1835 г. оружием началось в 1841 г. в обстановке строгой секретности. «Изюминкой» винтовки Дрейзе было то, что заряжалась она не с дула, как большинство ружей того времени, а с казенной части. В ней отсутствовала система выброса гильзы, поэтому последняя изготавливалась из бумаги. Капсюль крепился на пыжке прямо под пулей, и, чтобы воспламенить его, необходимо было сначала пробить находившийся в гильзе слой пороха. Именно для этого использовалась длинная «игла» на ударнике.

Винтовка Дрейзе перестала быть секретной довольно быстро — в 1848 г. при штурме Берлинского арсенала множество экземпляров попали в руки восставших. Подобные системы были разработаны еще рядом оружейных фирм. Однако принимать их на вооружение европейские армии не спешили. Игольчатые винтовки требовали очень бережного отношения. В особенности это касалось бумажного патрона и хрупкой иглы, которая имела свойство довольно часто ломаться (именно поэтому в комплект снаряжения прусского пехотинца входили еще три запасных). Столь же часто ломалась и спиральная пружина. После небольшого числа выстрелов в игольной трубке накапливался пороховой нагар, мешавший игле свободно двигаться, а от постоянной чистки дульце игольной трубки постепенно расширялось. В итоге происходили частые осечки<sup>6</sup>. Начальная скорость пули была невысока и не превышала 300 м/с.

Тем не менее у игольчатой винтовки была одна особенность, перед которой все эти недостатки меркли. Если скорострельность дульнозарядной винтовки составляла в среднем 2,5 выстрела в минуту на стрельбище и не более 1,5 — в реальных боевых условиях, то ружье Дрейзе перекрывало эти показатели в три раза! Увеличилась и эффективная дальность стрельбы: теперь она составляла около 400 шагов, при этом по сомкнутым строям огонь мог вестись уже с 600, а по батальонным и эскадронным колоннам — с 800 шагов<sup>7</sup>. К слову сказать, эти преимущества игольчатой винтовки показались многим авторитетным специалистам ее слабыми местами: по их мнению, пехотинец слишком быстро израсходует свои патроны, к тому же на дистанции, на которой они мало кому принесут вред. «Несовершенство игольчатой системы очевидно всякому знающему дело артиллеристу и оружейнику» — таково было распространенное мнение<sup>8</sup>.

<sup>6</sup> Воробьев С. Новое ручное огнестрельное оружие европейских армий. СПб., 1864. С. 157.

<sup>7</sup> Иссерсон Г. Военное искусство эпохи национальных войн... С. 41.

<sup>8</sup> Игольчатые ли ружья игольчатыми? Пруссакам камшаник? СПб., 1866. С. 3.

Тем выше нужно оценить смелость прусских военных, принявших на вооружение тип винтовки, от которого отказались остальные европейские армии. Правда, новое оружие вводилось в оборот медленно и лишь к началу 1860-х гг. полностью вытеснило дульнозарядные винтовки. Совершенно незамеченным остался тот факт, что оно привело с собой настоящий переворот в военном деле, требуя новой пехотной тактики. Игольчатое ружье станет настоящей сенсацией лишь после кампании 1866 г., когда оно явно продемонстрирует свои преимущества даже закоренелым скептикам.

Несмотря на меньшую численность, датская армия располагала определенными козырями в борьбе с союзной армией. В первую очередь это — география Ютландии, полуострова, соединенного с материком узким перешейком. Ширина последнего еще более сокращалась из-за регулярных наводнений и составляла в некоторых районах не более 15 километров. В одном из таких районов находилась сильная укрепленная позиция Даневверке: 33 защитных сооружения со 180 орудиями. Разветвленная сеть путей сообщения покрывала лишь восточную часть полуострова, где располагались укрепления Дюппеля и Фредерисни, в тылу которых находились, соответственно, острова Альт и Фюн.

Что касается флота, то здесь превосходство датчан было очевидным. Прусская эскадра насчитывала 23 паровых судна с 117 орудиями, 22 гребных судна с 40 орудиями и три парусника. Этого могло хватить лишь на защиту флангов наступающей армии и прикрытие собственного побережья. Прибытие австрийского флота, способного в определенной степени уравнять силы, ожидалось не ранее мая. Датский флот состоял из 31 парового корабля с 387 орудиями (в состоянии боевой готовности — 26 и 363 соответственно), 10 парусников и 50 гребных судов<sup>9</sup>. Такое соотношение сил делало практически недоступными для десанта острова, составляющие значительную часть территории Дании.

Идея Мольтке была ориентирована на быстрый, в течение буквально 3–4 дней, разгром датской армии. «При имеющемся превосходстве сил вести войну было несложно, сложно ее завершить», — напишет он впоследствии<sup>10</sup>. При этом командующему союзными силами должна быть предоставлена максимальная свобода действий. Войскам противника нельзя дать эвакуироваться на острова, поскольку для десантной операции у союзников не было необходимых средств. А любое затягивание кампании привело бы, как и в 1848–1849 гг., к вмешательству великих европейских держав. Это ставило перед командующим сложную задачу, учитывая, что ни о какой внезапности не могло быть и речи. Поэтому, считал Мольтке, необходимо

<sup>9</sup> Helmert H., Uszeck H. Preußisch-deutsche Kriege von 1864 bis 1871. Berlin, 1968. S. 53–55.

<sup>10</sup> Moltke H.K.v. AW. Bd. 2. S. 12.

вместо фронтальных ударов применять фланговые обходы, что позволит окружить противника на укрепленной позиции Даневверке в южной части Шлезвига и завершить решающую часть кампании в считанные дни. «Речь идет о том, чтобы отрезать датчанам путь отхода на расположенную на расстоянии всего лишь трех маршей укрепленную позицию у Дюппеля, сделать это необходимо у Фленсбурга»<sup>11</sup>. Так гласила памятная записка, сочиненная Мольтке в начале января. Король, ознакомившись, одобрил ее.

20 января 1864 г. на заседании коронного совета обсуждался план кампании против датчан. В основу разработки, подготовленной военными, легли идеи Мольтке. Однако они натолкнулись на сопротивление Бисмарка: операции, считал глава правительства, необходимо ограничить герцогствами, не вторгаясь на территорию собственно Дании, поскольку это может вызвать негативную реакцию австрийцев. В конечном счете план кампании был доработан в духе пожеланий Бисмарка; в связи с этим быстрое окружение и разгром датской армии приобретало еще большее значение.

1 февраля 1864 г. австро-пруссские войска пересекли реку Эйдер — естественную границу между Гольштейном и Шлезвигом. Соединенными силами командовал фельдмаршал граф Фридрих Врангель, перешагнувший 80-летний рубеж, участвовавший еще в Наполеоновских войнах и игравший одну из первых ролей в датской кампании 1848–1849 гг. Выбор объяснялся просто — более молодых фельдмаршалов в прусской армии не было, а австрийцы с самого начала заявили, что не будут передавать свои части под командование офицера менее высокого звания. Неудивительно, что Врангель стремился вести войну «по старинке», не особенно оглядываясь на генеральный штаб и разработанные им инструкции. Еще в меньшей степени он склонен был оглядываться на указания политического руководства. Будучи человеком весьма эксцентричным, Врангель превращал в кошмар жизнь собственного штаба, делал невыносимым пребывание при главной квартире иностранных дипломатов и открыто высказывал пренебрежение и недоверие к Бисмарку.

На правом фланге наступающей армии находился I прусский корпус, на левом — III прусский, в центре — австрийцы под командованием генерала Габленца. План Мольтке остался нереализованным. «Мольтке считается человеком весьма талантливым, но немного фантазером. Его планы приобретают грандиозный размах, который находится в противоречии с реальным положением дел», — так воспринимали шефа генерального штаба многие его сослуживцы<sup>12</sup>. Его влияние на ход событий было «равно нулю»<sup>13</sup>; все указания ведущим боевые действия частям поступали из военного министерства.

<sup>11</sup> Müller-Böhm H. Graf Moltke. S. 293.

<sup>12</sup> Beumelburg W. Bismarck gründet das Reich. Oldenburg, 1932, S. 220.

<sup>13</sup> Craig G. Op. cit. S. 218.

Мольтке остался в Берлине и мог получать необходимую ему информацию только из частной переписки с Л. фон Блументалем, руководителем штаба I прусского корпуса, находившегося под командованием принца Фридриха Карла. По мнению Х. Хельмерта, ни Врангель, ни Фридрих Карл просто «не поняли» плана Мольтке, равно как и глава штаба союзных сил Фогель фон Фалькенштайн<sup>14</sup>. Последний вообще был в весьма прохладных отношениях с шефом Большого генерального штаба, а доверенное лицо Мольтке в штабе Врангеля, майор фон Штиле, не имел нужного влияния<sup>15</sup>. Фланговый обход не получился, поскольку был предпринят в явно недостаточном размере. Сражение у Миссунды 2 февраля фактически закончилось поражением пруссаков, и Врангель лишь после долгих колебаний позволил предпринять более глубокий маневр через Арнис и Капшельн.

Командующий датской армией генерал-лейтенант де Меза распознал замысел пруссаков и сделал ставку на быстрый отход. В ночь на 6 февраля датчане снялись со своих позиций и начали отступление на Фленсбург<sup>16</sup>. Преследование велось весьма вяло. Врангель сделал то, чего так опасался Мольтке: допустил отход датчан из Даневерке к мощным укреплениям Дюппеля — фланговой позиции, прикрывавшей путь в Ютландию. В открытом поле удалось разбить лишь небольшой арьергард. Многие исследователи считают, что, претворив в жизнь план Мольтке, Врангель смог бы реализовать настоящий блицкриг, уничтожив датскую армию в приграничном сражении<sup>17</sup>. «Плохое руководство операциями со стороны явно неспособного Врангеля, ошибочное применение сил и преувеличенная осторожность при преследовании провалили операционный план. Датская армия, несмотря на свой отход, сохранила боеспособность», — пишут немецкие военные историки<sup>18</sup>.

Интересно, что отход был предпринят де Мезой без согласования с правительством, находившимся под сильным влиянием парламента и общественного мнения, мало что понимающего в военных вопросах. Поэтому неудивительно, что за спасение армии он был снят со своего поста. Мольтке увидел в этом лишнее доказательство справедливости своего негативного отношения к парламентаризму.

Секретное австро-прусское соглашение предусматривало ограничение театра военных действий территорией Шлезвига. 11 февраля Мольтке был направлен в главную квартиру действующей армии. Не посвященный

<sup>14</sup> Helmert H. Op. cit. S. 47.

<sup>15</sup> Kessel E. Op. cit. S. 386.

<sup>16</sup> Helmert H., Uszeck H. Op. cit. S. 59.

<sup>17</sup> См. напр.: Brandenburg E. Die Reichsgründung. Bd. 2. Leipzig, 1916. S. 100.

<sup>18</sup> Helmert H., Uszeck H. Op. cit. S. 59.



в суть дипломатических соглашений, он настаивал на выдвижении против Дюпеля сильного заслона и продолжении наступления в глубь Ютландии (в частности, об этом он писал в послании королю 22 февраля)<sup>19</sup>. Только если продвижение в Ютландию станет невозможным по политическим соображениям, Мольке допускал штурм укреплений. «Наступление на Дюпель будет стоить нам денег, времени и людей, и даже в случае успеха результат можно рассматривать скорее как негативный, — писал он Блументалу 28 февраля. — А занятие Ютландии может вынудить датчан капитулировать»<sup>20</sup>. Сомневавшийся Врангель отправил 14 февраля запрос королю, который, однако, строго запретил любой переход границы собственно Дании. Мольке 18 февраля отправился обратно, не добившись ровным счетом ничего.

В Берлине он практически убедил в своей правоте Вильгельма и Роона, однако Бисмарк был непреклонен: дипломатические соглашения должны соблюдаться. Положение Мольке в тот момент было незавидным. Из всех сил пытаясь оказать влияние на происходившее, он словно бежал на месте; к нему не только не прислушивались, его часто не считали нужным даже информировать о ходе боевых действий. Даже Мария, трудившаяся в лазарете, приносила, казалось, больше пользы прусским войскам, чем шеф их генерального штаба.

Мольке, как всегда, старался мыслить на пару шагов вперед и разрабатывал планы на случай перерастания войны в общеевропейскую. В качестве основного противника в них фигурирует, конечно же, Франция, которая может найти себе союзников среди средних и малых германских государств. Впрочем, судьба таких союзников в случае войны окажется незавидной — прусские армии попросту раздавят их войска. Если же на помощь французам придет Англия, то это вызовет к жизни прусско-австро-русский союз, одолеть который будет практически невозможно<sup>21</sup>.



Следующий ход сделали передовые части пруссаков, которые, как и шеф генерального штаба, не были должным образом проинформированы. 18 февраля 1864 г. они пересекли границу и заняли Кольдинг. «Дипломатические заботы были рассеяны продвижением одного подразделения гусар»<sup>22</sup>. В соответствии с соглашениями, их следовало отозвать, но тут уж воспротивился Врангель: покрывать позор отступления свои седины он не собирался. Войска остались в Кольдинге до 6 марта, когда австрийцы и пруссаки

<sup>19</sup> Moltke H.K.V.d. Deutsche Kriegsführung, S. 16.

<sup>20</sup> Moltke H.K.V.d. AW. Bd. 2. S. 14.

<sup>21</sup> Ibid. Bd. 3. S. 47–49.

<sup>22</sup> Ibid. Bd. 3. S. 6.

накопец-то договорились о дальнейшем продвижении на датскую территорию. Это соглашение не могло в полной мере удовлетворить Мольтке, поскольку определяло в качестве главной задачи штурм Дюппеля, а оккупацию Ютландии рассматривало лишь как побочную операцию. 8 марта началось наступление союзных частей, которое развивалось очень вяло, так что слабые силы противника могли спокойно отступить на острова. Основная цель оккупации — давление на датское правительство — не была достигнута.

В Ютландию устремились в первую очередь австрийские войска, пруссаки в большинстве своем остались блокировать Дюппель. Но Вильгельму и Врангелю нужна была громкая победа — и они повели штурмовать мощные укрепления в лоб. После неудачи ютландской операции они рассчитывали, что взятие Дюппеля сломит волю датчан к сопротивлению. Мольтке горячо возражал против этого: взятие укреплений вызовет, возможно, моральный подъем на родине, но ничего не даст для победы, писал он Блюменталю 12 апреля<sup>23</sup>. На нескольких личных докладах королю он отстаивал эту же точку зрения. «С противником боролись там, где он сильнее всего», — напишет Мольтке впоследствии<sup>24</sup>. Правда, на тот момент Мольтке и Блументалю поддерживал и командующий прусскими войсками у Дюппеля принц Фридрих Карл. Однако король, Роон и Мантойфель оказывали на принца давление, понуждая его как можно быстрее приступить к штурму. Доводы Мольтке о том, что штурм необходимо хорошо подготовить, поскольку провал недопустим, возымели лишь ограниченное действие.

В качестве альтернативной операции был еще в начале марта запланирован десант на остров Альс, находившийся в тылу позиции у Дюппеля. Идея пришла в голову Блументалю и была горячо поддержана Мольтке. Занятие Альса означало бы, по сути дела, окружение защитников Дюппеля и делало бы ненужным штурм укреплений. Главную сложность представляло противодействие датского флота, которому прусская эскадра значительно уступала в силах. Поскольку Альс считался главным районом дислокации датских кораблей, в качестве альтернативы был предложен Фюн. Однако риск, по мнению шефа генерального штаба, был вполне оправданным — удачная переправа, считал он, стоит потери всех прусских канонерок<sup>25</sup>.

В конце марта приготовления вступили в решающую стадию. Высадка была назначена на 2 апреля, но срок перенесли из-за разыгравшегося шторма. Пока пруссаки ждали у моря погоды в самом буквальном смысле слова, момент внезапности был утрачен, и датчане начали активно готовиться к отражению десанта. В связи с этим был вновь реанимирован план штурма

<sup>23</sup> Moltke H.K.B.v. *Deutsche Kriegsführung*, S. 17.

<sup>24</sup> Moltke H.K.B.v. *AW*, Bd. 2, S. 6.

<sup>25</sup> Kessel E. *Op. cit.* S. 398.

Дюппеля. На нем настаивали в первую очередь Бисмарк и Роон, которые считали его необходимым по политическим соображениям: после удачного штурма угроза вмешательства великих держав в конфликт становилась значительно меньше. По данным Х. Фридьонга, в этот момент Мольтке все же признал его необходимость исходя из соображений престижа прусского оружия<sup>26</sup>. В любом случае он горячо предостерегал против слишком поспешных действий, настаивая на тщательной подготовке штурма, в первую очередь длительном артиллерийском обстреле<sup>27</sup>. Фридрих Карл же до последнего дня настаивал на бессмысленности операции.

Прусские войска подошли к Дюппелю еще 11–12 февраля 1864 г., а в двадцатых числах провели разведку боем. Она подтвердила, что датская позиция весьма сильна. Главную оборонительную линию образовывали 10 укреплений, которые были прикрыты всевозможными искусственными препятствиями. Защищали позицию более 26 тыс. человек, огневую поддержку которым могли оказать в общей сложности около 170 орудий<sup>28</sup>. 7 апреля началась интенсивная артиллерийская и инженерная подготовка; особенно эффективным был огонь прусских батарей, поскольку датские укрепления имели весьма низкую степень защиты от снарядов.

Штурм Дюппеля начался 18 апреля в 10 часов утра. С тактической точки зрения он оказался успешным. Шестичасовая артподготовка заставила основную часть обороняющихся отойти в тыл, поэтому передовые укрепления были взяты пруссаками практически с ходу. Благодаря поддержке корабельной артиллерии датчанам удалось несколько снизить темп наступления противника, но вскоре и вторая линия укреплений пала. Сыграли свою роль тщательная подготовка, концентрация сил, быстрота натиска — все то, на чем настаивал Мольтке, заочно участвовавший в подготовке. Пруссаки организовали военный парад, долгие десятилетия историки прославляли взятие Дюппеля как одну из крупнейших побед германского оружия. На самом деле последствия этого кровопролитного (потери прусской армии составили 1 188, датской — почти 5 тыс. человек) сражения в стратегическом плане были ничтожны — датчане в полном порядке отступили на расположенный за проливом остров Альс, разрушив за собой мосты.

«Датское сопротивление еще далеко не сломлено», — считал Мольтке<sup>29</sup>. Несмотря на отсутствие официальных каналов информации, ему удалось выстроить достаточно эффективную связь с действующей армией, основанную на личных отношениях. Благодаря этому он первым в Берлине узнал

<sup>26</sup> *Friedjung H.* Der Kampf um die Vorherrschaft in Deutschland. Bd. 1. S. 89.

<sup>27</sup> *Moltke H.K.V.d.* AW. Bd. 2. S. 19.

<sup>28</sup> *Helmer H., Uszeck H.* Op. cit. S. 64.

<sup>29</sup> *Moltke H.K.V.d.* Leben und Werk.. S. 264.

подробности штурма Дюппеля и, не желая пренебрегать этим преимуществом, тут же отослал королю развернутый доклад. «Для прусского оружия это было блестящим деянием, но в материальном плане были отвоеваны лишь несколько гектаров шлезвигской земли, и мы стояли перед преградой более серьезной, чем та, которую только что преодолели ценой ощутимых потерь» — так оценивал Мольтке сражение впоследствии<sup>30</sup>.

Австрийцы тем временем оказались в схожей ситуации: заняв южную и центральную Ютландию, они не смогли разгромить датскую армию. В руках датчан, кроме того, оставалась сильная крепость Фредерисия, прикрывавшая переправу на остров Фюн; даже в случае ее взятия союзные войска оказались бы в том же положении, что и пруссаки после штурма Дюппеля. До Зеландии же, на которой находилась датская столица — Копенгаген, — немецким войскам ввиду господства на море неприятельского флота вообще было далеко как до луны. «Датская армия осталась боеспособной, сковывала крупные силы прусской армии и могла быть легко переброшена морским путем в любую другую точку», — пишут немецкие исследователи<sup>31</sup>.

\*\*\*

Мольтке страстно желал оказаться поближе к театру боевых действий, но еще больше он хотел реализовать свои планы. «Я не хочу быть там простым зрителем», — писал он племяннику, сражавшемуся в рядах прусской армии<sup>32</sup>. Штурм Фредерисии абсолютно бесполезен, необходима высадка на острова, говорил Мольтке всем, кто был готов его слушать.

Мольтке разработал план высадки на один из островов, отделенных от материка узким проливом (о. Фюн), с которым, уже не надеясь на официальные каналы, обратился к одному из своих покровителей, шефу военного комитета Мантойфелю. Захват был призван развеять миф о неуязвимости датских островов и в то же время сократить большие потери, неизбежные в случае, если объектом штурма станет остров Альс, где были сосредоточены датские войска. «Большие и кровавые жертвы во имя Альса приносить не стоит»<sup>33</sup>.

Мантойфелю план понравился. В еще больший восторг привела его возможность уязвить своих соперников в высшем военном руководстве. Мольтке выбрал для своего шага исключительно удачный момент — в связи с пробуксовыванием операций конфликт между военным министром и шефом военного кабинета вспыхнул с особой остротой. На определенное время

<sup>30</sup> *Moltke H.K.B.v. AW. Bd. 2. S. 7.*

<sup>31</sup> *Helmert H., Uszeck H. Op. cit. S. 72.*

<sup>32</sup> *Moltke H.K.B.v. Leben und Werk... S. 264.*

<sup>33</sup> *Kessel E. Op. cit. S. 401.*

роль начальника генштаба резко возросла; правильно воспользовавшись моментом, он мог существенно усилить свои позиции.

Мантойфель немедленно устроил аудиенцию Мольтке у короля. Король, поколебавшись и спросив мнение Врангеля, план одобрил. Это вызвало бурную реакцию у Фалькенштайна, который считал себя обиденным. 30 апреля на Мольтке были временно возложены обязанности начальника штаба союзных войск. Так неудачи прусского командования проложили ему дорогу к славе и успеху. 2 мая 1864 г., спустя три месяца после начала войны, Мольтке оказался в главной квартире в Вайле, облеченный всеми необходимыми правами. Все дела в Берлине были оставлены на шефа одного из отделений, генерал-майора фон Хессе. Впрочем, даже теперь Мольтке не получил того положения, к которому стремился, — единственного военного советника короля. Военный министр находил возможность ненавязчиво напомнить Мольтке, что тот все еще является его подчиненным, — чего стоит, хотя бы полученное шефом генерального штаба разрешение присутствовать в качестве слушателя(1) на докладах военного министра королю<sup>34</sup>.

В Вайле, однако, ему был обеспечен теплый прием — и Врангель, чувствовавший, что его дни на посту командующего сочтены, и кронпринц отнеслись к новому начальнику штаба как к старому боевому товарищу. Мольтке наконец-то задыхался полной грудью — целый день проводил в седле, демонстрировал завидный аппетит, курил одну сигару за другой... Казалось, его мечты осуществились. Первую неделю в новой должности он занимался рекогносцировками и планированием операций. Мольтке был готов продолжать кампанию до победы — 6 мая он пишет Блументалю, что, если копенгагенское правительство не сдастся, следует «продолжать войну до его уничтожения»<sup>35</sup>.

Однако судьба, казалось, решила сыграть над ним еще одну злую шутку. 25 апреля в Лондоне началась мирная конференция. 12 мая было заключено перемирие. «Мне абсолютно непонятно, — делился Мольтке с Марией 17 мая, — как дипломаты выпутаются из создавшейся ситуации»<sup>36</sup>.

Шефу генерального штаба оставалось лишь заниматься планированием. По-прежнему он считал высадку на один из островов ключом к завершению кампании. Сам он предпочел бы Фюн, однако политики сочли более целесообразным штурм Альса. В своей краткой автобиографии, написанной в 1866 г. Мольтке называет австрийцев главными виновниками того, что высадка на Фюн была отвергнута. «Потеря Альса не вынудит датчан к миру, — писал он еще 21 марта. — Занятие Фюна — несравнимо более эффективное средство»<sup>37</sup>.

<sup>34</sup> *Moltke H.K.V.d. Leben und Werk...* S. VIII.

<sup>35</sup> *Kessel E.* Op. cit. S. 404.

<sup>36</sup> *Moltke H.K.V.d. AW, Bd. 2.* S. 44.

<sup>37</sup> *Ibid.* S. 25.

Впрочем, оптимальным вариантом Мольтке считал одновременную высадку на обоих островах; 5 мая он обсудил этот план с кронпринцем, но тот, опасаясь распыления сил, выступил против<sup>38</sup>.

В главной квартире была произведена рокировка: 18 мая 1864 г. на место Врангеля, с почетом отправленного в отставку, пришел более молодой и энергичный принц Фридрих Карл. Он тут же направился в Берлин, предоставив ведение дел на время перемирия главе своего штаба. Мольтке тем временем попытался робко вмешаться в переговорный процесс: 7 июня он пишет письмо Бисмарку, в котором настаивает на передаче Альса Германии<sup>39</sup>. Шеф генерального штаба считал необходимым как можно быстрее привести переговоры к любому финалу: «Опасно, по большому счету, лишь пассивное выжидание в то время, когда могут произойти крупные европейские потрясения»<sup>40</sup>. Как и принц Фридрих Карл, он считал, что немедленно после окончания перемирия необходимо нанести по врагу мощный удар, и принимал соответствующие меры.

Датчане в это время также перегруппировали свои войска. Еще 26 апреля они покинули Фредерисно. Утрата Дюппеля заставила их отказаться от любых активных действий на материке и сконцентрировать свои силы на защите Фюна, оставив на Альсе сравнительно небольшой гарнизон. На обоих островах были развернуты масштабные фортификационные работы.

Притоговления оказались не напрасными: переговоры завершились безрезультатно. Высадка на Альс вновь стала актуальной. Мольтке понимал, что датчане будут отчаянно сражаться: «На Альсе будет серьезная борьба, поскольку датчане борются за свое существование и не могут отступить»<sup>41</sup>.

29 июня в 2 часа ночи авангард сил вторжения на 160 лодках и понтонах пересек узкий пролив. Погода благоприятствовала пруссакам. Датчане открыли огонь слишком поздно, и он был слишком беспорядочным. К тому же на него немедленно ответили прусские батареи, заодно помешавшие войти в пролив датскому броненосцу «Рольф Краке» — мощному кораблю, способному в иных условиях сорвать десантную операцию.

Мольтке наблюдал за всем происходящим с берега пролива. Он напряженно всматривался в темную береговую линию Альса, на которой вела бой первая волна десанта. Удастся ли датчанам сбросить в воду пруссаков, до подхода подкрепления полагававшихся лишь на собственные силы? Ответ на этот вопрос определял не просто успех или неудачу частной операции, но, по большому счету, и репутацию Мольтке как военного специалиста.

<sup>38</sup> Moltke H.K.B.v. Gespräche. S. 42.

<sup>39</sup> Moltke H.K.B.v. Deutsche Kriegsführung. S. 22.

<sup>40</sup> Moltke H.K.B.v. AW, Bd. 2. S. 41.

<sup>41</sup> Ibid. S. 29.

Не случайно в письме Марии он назовет эти минуты «временем, когда все затаили дыхание»<sup>42</sup>. Но цепочка ружейных выстрелов упрямо двигалась на восток. Датские батареи одна за другой переходили в руки неудержимо наступающих пруссаков. По воде непрерывно перебрасывалось подкрепление; отступление датчан стало всеобщим. Значительное число их солдат сдавалось в плен. Последним оплотом датской обороны к 8 часам утра остался полуостров Кекенис, располагавший достаточно хорошими фортификационными укреплениями. Отсюда датчане могли спокойно эвакуироваться на Фюн. Понеся сравнительно небольшие потери (374 человека убитыми и ранеными против 674 убитыми и ранеными и почти 2500 пленными у противника)<sup>43</sup>, пруссаки к 10 часам утра овладели Альсом.

Заняв остров, прусские войска начали немедленно готовиться к переправе на Фюн. Однако эти меры оказались излишними. Датское правительство осознало, что водные преграды не являются непреодолимыми для союзных немецких армий. К тому же господство датского флота стало иллюзорным — в Северное море прибыла из Средиземного мощная австрийская эскадра. 20 июля было заключено перемирие, 1 августа подписан предварительный мир, а 30 октября в Вене заключен окончательный мирный договор. Согласно его условиям, король Дании полностью отказывался от своих прав на герцогства в пользу Пруссии и Австрии.



Прусские офицеры, в том числе и Мольке, вернулись к мирным занятиям. Главным событием августа стали раскопки древнего захоронения, в которых принимал деятельное участие весь состав главной квартиры. Видя всеобщий азиятаж, Мольке решил подшутить над археологами-любителями, подложив в захоронение дощечку с написанным руническим шрифтом именем руководителя раскопок — адъютанта принца Фридриха-Карла майора Бернута.

22 августа шеф генерального штаба почти одновременно получил два ордена — прусский (орден короны 1-го класса с мечами) и австрийский (большой крест ордена Леопольда). Вместе с ними пришло личное послание Вильгельма: «Посылая Вас в действующую армию, я не мог предсказать, насколько длительным станет Ваше пребывание здесь и найдете ли Вы возможность реализовать свой талант полководца. Но с того момента, как Вы заняли свою нынешнюю должность, Вы полностью оправдали мое доверие и мои ожидания»<sup>44</sup>. От командования штабом экспедиционной армии он был освобожден лишь 18 декабря.

<sup>42</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen...* S. 229.

<sup>43</sup> *Müller-Bohn H. Op.cit.* S. 316.

<sup>44</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen...* S. 236.

Появление Мольтке на театре военных действий накануне реняющего успеха, и главное, несомненный вклад в этот успех были оценены по достоинству. Как напишет потом Ф. Меринг, «он появился как раз вовремя для того, чтобы вытащить телегу из болота»<sup>45</sup>, по словам немецких военных историков, «руководящая роль генерального штаба в ведении войны была доказана»<sup>46</sup>. Теперь авторитет Мольтке в глазах короля был исключительно высок; Вильгельм проникся доверием к нему и был готов передать в его руки судьбу следующей кампании. Именно этот момент следует считать одним из поворотных в карьере Мольтке. Все предпосылки для того, чтобы реализовать свой талант, были ему созданы; оставалось ждать подходящего случая.

Дальнейшее пребывание при армии Мольтке считал бессмысленным — дела ждали его в Берлине. Он даже отказался от ежегодной поездки на курорт, заявив, что успешная кампания и так существенно улучшила состояние его здоровья. Однако ему пришлось задержаться в герцогствах. Это время не пропало даром — он повидался со многими родственниками, в том числе братьями, тяжело переживавшими поражение Дании.

Теперь, когда кампания была закончена, Мольтке мог дать волю своим симпатиям к датчанам. Еще в письме своему брату Людвигу 23 апреля он высоко оценивал мужество и стойкость датских солдат<sup>47</sup>. Маленький народ, героически боровшийся против двух великих держав, писал он, заслуживает того, чтобы отдать ему дань уважения. Но это совершенно не относится к парламентскому строю, который, собственно говоря, принес королевству гораздо больше бед, чем все противники, вместе взятые, считал Мольтке. «Пусть и в Дании консервативные элементы освободятся из-под гнета господствующей демократии»<sup>48</sup>. «Бедная Дания, бедный король! — писал Мольтке Адольфу 1 августа. — Основатель новой династии, начинающей свое правление с того, что уступает половину государства! <—> Можно усомниться в том, сумеет ли эта страна сохранить свою самостоятельность»<sup>49</sup>. Теперь, когда яблоко раздора наконец съедено, Дания может стать естественным союзником Германии, писал он и тут же задавался вопросом: но какой Германии? «Армия покорил прекрасную страну. Но для кого? Этого мы не знаем»<sup>50</sup>.

<sup>45</sup> *Mehring F. Krieg und Politik. Bd. 1. Berlin, 1959. S. 122.*

<sup>46</sup> *Пруско-германской генеральной штаб. С. 41.*

<sup>47</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen... S. 226.*

<sup>48</sup> *Herre F. Op. cit. S. 212.*

<sup>49</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen... S. 234.*

<sup>50</sup> *Herre F. Op. cit. S. 212.*



## Глава 8. БОГЕМСКИЙ БЛИЦКРИГ

*Рост австро-прусского антагонизма — Начало войны — Военное планирование — Мобилизация и развертывание прусской армии — Первые сражения — Битва при Садовой — Завершение кампании*

Обработка опыта кампании началась в Большом генеральном штабе сразу после завершения военных действий. В особенности Мольтке интересовала начальная фаза войны, в которой он не смог лично принять участие. В оперативно-тактической области кампания не принесла никаких новых открытий, скорее подтвердила уже сформировавшиеся у него взгляды. Хотя ограниченные масштабы не позволяли сделать достаточно надежные выводы, война продемонстрировала, что тактическая оборона получила решающее преимущество.

После датской кампании личное влияние Мольтке серьезно увеличилось, но положение генерального штаба практически не изменилось. Генерал сумел доказать свои способности, но отнюдь не потенциал возглавляемого им органа. Теперь предстояло сделать большой и важный шаг: внедрить понимание того, что задача шефа генерального штаба — не помогать командующему руководить войсками на поле сражения, как это делали начальники штабов прусских армий эпохи Наполеоновских войн, а тщательно готовить кампанию еще в мирное время, опираясь на слаженный труд своих подчиненных. Мольтке нужно было доказать, что перо в тиши кабинета в современных условиях не менее необходимое оружие победы, чем сабля на поле сражения.

Однако будет ли у него такая возможность? На какое-то время казалось, что дни Мольтке в его должности сочтены. В прусской военной иерархии

командир корпуса стоял выше, чем шеф Большого генерального штаба. Поскольку Мольтке на деле доказал свои способности и мог рассчитывать на повышение, оставить его в должности значило бы обойти по службе; в конце 1864 г. его всерьез прочили в командиры сначала VII, а затем и VIII армейского корпуса. Сам он не считал себя в состоянии руководить соединением действующей армии, должность корпусного командира не представляла для него никакого интереса. «Я не смогу принять командование корпусом, и для меня наверняка будет лучше закончить свою карьеру этим походом», — писал он жене<sup>1</sup>. После окончания датской кампании Мольтке в очередной раз собрался в отставку, чтобы наслаждаться заслуженным отдыхом или, в крайнем случае, поехать в Рим в качестве посланника при папском дворе — мечта о солнечной Италии не оставляла его. Отставка была назначена на весну 1865 г., «если не наступят новые потрясения»<sup>2</sup>.

Неясно, насколько серьезно можно расценивать подобные заявления. Будучи уже немолодым человеком, Мольтке мог в определенные моменты мечтать об отдыхе. Однако начатое им дело было еще далеко от завершения, и уйти сейчас — значило поставить на нем крест. В итоге мечты так и остались мечтами. На горизонте стала вырисовываться война с Австрией, не менее неприятная для Мольтке, чем конфликт с Данией. На тот момент державе Габсбургов симпатизировала значительная часть прусского офицерского корпуса, видевшая, как и Мольтке, своего главного врага в бонапартистской Франции.

Предлогом для начала конфликта стал вопрос с северными герцогствами. Бисмарк был категорически против того, чтобы превращать их в независимое государство в рамках Германского союза, справедливо считая, что оно вряд ли станет верным союзником монархии Гогенцоллернов. Гораздо ближе была ему идея присоединения герцогств к Пруссии. Той же точки зрения придерживался и Мольтке. Австрии следовало при таком раскладе выделить соответствующую компенсацию, к примеру графство Глац, располагавшееся на юге Пруссии. Однако Вильгельм решительно воспротивился уступке хотя бы вершка своей земли. Предложение выплатить Австрии финансовую компенсацию, в свою очередь, было отвергнуто Францем Иосифом. Герцогства оставались в совместном владении двух великих немецких держав — ситуация, которая могла рассматриваться только как временная. Между тем Пруссия начала активно ставить на повестку дня вопрос об оборонительных сооружениях и защите побережья герцогств. С самого начала к обсуждению данных вопросов был привлечен Мольтке, как человек, уже

<sup>1</sup> *Here F. Moltke*. S. 213.

<sup>2</sup> *Ibid.*

имевший опыт разработки планов обороны побережья. 14 октября 1865 г. он был назначен главой комиссии по военным гаваням<sup>3</sup>.

Переговоры между Австрией и Пруссией продолжались. 22 февраля 1865 г. Бисмарк дал свое согласие на образование независимого Шлезвиг-Гольштейна при условии заключения вечного и нерасторжимого оборонительного и наступательного союза с Пруссией<sup>4</sup>. Условия союза практически превращали герцогства в прусский протекторат, с чем Австрия не могла согласиться. Отношения между Австрией и Пруссией начинали стремительно ухудшаться, и на повестку дня, пока еще не слишком явно, встал вопрос о войне. В марте 1865 г. в Киле, на территории Гольштейна, была создана прусская военно-морская станция — откровенно провокационный акт. Его всецело поддержал Мольтке, считавший, что Киль должен стать главной военно-морской базой Пруссии<sup>5</sup>. Несмотря на то что прусский флот играл по сравнению с армией второстепенную роль, шеф генерального штаба отстаивал его самостоятельность и говорил о перспективности морских вооружений.

Свободу действий Австрии существенно сужали непрерывные финансовые трудности и тревожное положение в Венгрии. Еще в январе 1865 г. Мольтке вместе с принцем Фридрихом Карлом нанес визит в Вену, чтобы получить аудиенцию у императора Франца Иосифа и доложить ему об успешном завершении кампании. Это стало последним актом «боевого братства» двух стран. Гостей приняли с огромной помпой, Мольтке поселили в императорском дворце, роскошь которого потрясала воображение. Обилие золота, драгоценных камней, дорогих тканей произвело на Мольтке сильное впечатление, тем более что он прекрасно знал о реальном состоянии финансов империи<sup>6</sup>. В гораздо большей степени занимало его мысли состояние австрийской армии. Он собирал сведения о ее численности, уровне подготовки, вооружении. Особенно ценной была для него информация о начавшемся перевооружении на казнозарядные ружья.

Уже в начале 1865 г. Мольтке занял весьма недвусмысленную позицию по шлезвиг-гольштейнскому вопросу. Герцогства должны быть прусскими, говорил он Берихарди в феврале. Простой союзный договор еще не обеспечивает необходимого сближения. Бисмарк и Роон запрашивали у Мольтке данные об австрийской армии, и шеф генерального штаба понимал, что министрами движет отнюдь не чистая любознательность. Вскоре после этой беседы в III отделе генерального штаба было создано Центральное

<sup>3</sup> Kessel E. Moltke. S. 404.

<sup>4</sup> Чубитский В.В. Бисмарк. С. 176.

<sup>5</sup> Moltke H.K.V. d. AW. Bd. 1. Berlin, 1925. S. 439.

<sup>6</sup> Moltke H.K.V. d. Aufzeichnungen... S. 237.

разведывательное бюро, основной функцией которого стал сбор данных об австрийских вооруженных силах.

Эволюция взглядов генерала происходила постепенно. Весной 1865 г. Мольтке все еще являлся противником войны с Австрией. Боеспособность ее армии он оценивал очень высоко. В памятной записке, направленной Роону, шеф генерального штаба говорит о необходимости для обеих великих немецких держав действовать сообща на политической арене<sup>7</sup>. Однако Мольтке, при всех его симпатиях к империи Габсбургов, был прусским патриотом и ставил на первое место интересы своей страны. Как писал К. Канис, «в вопросах соперничества за гегемонию в Германии Мольтке был всецело на стороне Пруссии, в вопросах отношений с остальной Европой он стоял скорее на великогерманских позициях»<sup>8</sup>.

Важной вехой стал коронный совет 29 мая 1865 г. Мольтке в первый раз с 1859 г. присутствовал на совещании столь высокого уровня — явный знак доверия к нему со стороны монарха. Во многом он был обязан этим и новому главе военного кабинета короля, генералу фон Трескову, пришедшему в 1865 г. на смену Мантойфелю и высоко ценившему Мольтке. Состав коронного совета не был постоянным; в любом случае, в него входили король, наследник престола и глава правительства. Другие лица привлекались в зависимости от повестки дня. На сей раз обсуждать предстояло проблему герцогств и австро-пруссские отношения.

Практически все участники совета выступали за аннексию герцогств. Единственным исключением стал кронпринц, рискнувший поддержать Аугустенбурга. Его главным оппонентом выступил Бисмарк, доказывавший, что реальных альтернатив аннексии не существует и «война с Австрией станет все же рано или поздно неизбежной, коль скоро венское правительство снова возобновило политику подавления Пруссии»<sup>9</sup>. Мольтке в целом поддержал министра-президента, заявив, что «выигрыш столь велик, что стоит войны»<sup>10</sup>, однако добавил, что пути примирения с Австрией необходимо держать открытыми.

В своих письмах Мольтке говорил о том, что «вопрос с герцогствами находится в состоянии кризиса, в отношении которого неясно, куда он может привести. Мне понятно одно — исходя из соображений внутренней и внешней политики Пруссия не может отказаться от этих владений». «Я все еще надеюсь на соглашение, которое повлечет за собой истинное примирение обеих

<sup>7</sup> Helmert H. Op. cit. S. 48.

<sup>8</sup> Canis K. *Militärführung und Grundfragen der Außenpolitik in Deutschland 1860 bis 1890 // Das Militär und der Aufbruch in die Moderne 1860–1890.* München, 2003. S. 10.

<sup>9</sup> Чубинский В.В. Указ. соч. С. 178.

<sup>10</sup> Пруско-германский генеральный штаб. С. 42.

немецких держав», — писал он брату Адольфу 24 июня<sup>11</sup>. Действительно, вскоре обстановка несколько разрядилась. По словам немецких исследователей, «обе стороны чувствовали себя в этот момент по различным причинам недостаточно сильными для вооруженного конфликта»<sup>12</sup>. После жесткого дипломатического наступления прусское правительство согласилось на предложенные австрийской стороной прямые переговоры. Итогом их стала Гаштайнская конвенция, подписанная 14 августа. В соответствии с ней, управление герцогствами оставалось в руках двух держав; однако Пруссия брала под свое управление Шлезвиг, а Австрия — Гольштейн. Кроме того, пруссаки получили возможность устроить в Киле свою военно-морскую базу и включили оба герцогства в Таможенный союз, находившийся под эгидой монархии Гогенцоллернов и охватывавший почти все германские государства, кроме Австрии.

Соглашение было исключительно выгодным для Пруссии, более того, оно стало важным шагом на пути к окончательному присоединению герцогств. Австрия отказывалась от надежд на создание независимого государства, санкционировала переход Шлезвига под власть Пруссии и, таким образом, раздел герцогств. Управлять Гольштейном, находившимся на другом конце Германии, империи Габсбургов было трудно; уже в силу чисто географических причин оставалось считать время до того момента, когда и это герцогство достанется пруссакам. Авторитету Австрии был нанесен громадный ущерб. Гаштайнская конвенция вызвала бурю возмущения как в Германии, так и за ее пределами. Французское правительство откликнулось на него резкой нотой. Из великих держав лишь Россия поддержала Пруссию.

Все стороны понимали, что заключенное соглашение может носить лишь временный характер. Поэтому австро-пруссские отношения начиная с осени 1865 г. продолжали стремительно ухудшаться. Мольтке также прекрасно сознавал, что Гаштайнская конвенция — не более чем передышка. Прусские власти в Шлезвиге во главе с губернатором генералом Э. фон Мантойфелем установили достаточно жесткий режим, подавляя любые проявления оппозиции. Это резко контрастировало с положением, сложившимся в Гольштейне, где генерал Габленц вел себя весьма либерально, что послужило поводом к многочисленным упрекам и претензиям с прусской стороны. Контраст не мог не сказаться на общественном мнении, которое становилось все более враждебным Пруссии.

\*\*\*

<sup>11</sup> *Moltke H.K. В.в. AW. Bd. 3. S. 50.*

<sup>12</sup> *Helmert H., Uszeck H. Op. cit. S. 87.*

28 февраля 1866 г. состоялось еще одно важное заседание коронного совета, посвященное проблемам внешней политики. Мольтке опять оказался в числе приглашенных. Основным докладчиком стал Бисмарк, который обвинил Австрию в приготовлениях к войне и заявил о неизбежности военного конфликта. Кронпринц, как и в прошлый раз, возразил, однако большинство присутствующих, в том числе и Мольтке, поддержали министра-президента.

Курс на войну с Австрией проводился Бисмарком вполне сознательно. Эта схватка должна была решить целый ряд проблем: укрепить Пруссию, вывести ее на лидирующие позиции в Германии, разрешить продолжавшийся внутривластительский кризис, сломить оппозицию в ландтаге. Именно поэтому министр-президент старался всеми возможными способами обострять отношения с империей Габсбургов.

Мольтке почти смирился с неизбежностью конфликта и приступил к решению сугубо практических задач. Еще осенью 1865 г. он написал сочинение «О маршевых порядках», которое было направлено на подготовку кампании против Австрии. Имея данные по глубине маршевых колонн и состоянию дорог, писал шеф генерального штаба, можно достаточно точно оценить быстроту передвижения как своих войск, так и войск противника. Армия, состоящая из нескольких корпусов, должна двигаться по нескольким различным дорогам, чтобы не утратить подвижность и быть в любой момент готовой к сражению. Любая преждевременная концентрация приводит к утрате подвижности, поэтому ее следует избегать. Лишь непосредственно перед сражением можно сосредоточить все войска в одном районе. Концепция «маршировать раздельно — сражаться вместе» позволяла освободиться от догматов о внутренних и внешних операционных линиях, поскольку создавала широкий фронт наступления, которое могло приобретать концентрический характер.

На штабных учениях 1865 г. идеи Мольтке прошли апробацию. Корпус был разделен на несколько частей, двигавшихся параллельно; вопреки устоявшимся воззрениям, противник не мог разгромить их по частям, поскольку, атаковав одну колонну, немедленно получал удары с флангов и с тыла от остальных. Дело шло к окончательному отказу от наполеоновского принципа концентрации сил еще до сражения. Любопытно, что двенадцатью годами ранее на аналогичных учениях Мольтке выступил с критикой идеи концентрического наступления, считая последнее трудноосуществимым. Теперь он изменил свою точку зрения<sup>15</sup>.

Первые, созданные зимой 1865–1866 гг. планы новой кампании (основой для них послужил план 1860 г.) предусматривали неожиданный удар по

<sup>15</sup> Deutsche Militärgeschichte... Bd. 6, S. 381.

противнику в стиле Фридриха II. Мобилизация должна была проводиться с максимальной быстротой, и уже в первый ее день нужно было объявить войну и начать боевые действия. Мощным ударом по Саксонии и Богемии следовало уничтожить войска противника до того, как они завершат свое сосредоточение. Шеф генерального штаба прекрасно отдавал себе отчет в том, что подобные действия являются, по сути, откровенной агрессией, однако считал, что найти достойный повод для вторжения — задача дипломатов<sup>14</sup>. Быстрое решение кампании позволило бы избежать вмешательства третьих сил. При этом Мольтке учитывал все сложности, которые существовали у империи Габсбургов: в первую очередь нерешенный национальный вопрос, напоминавший мину замедленного действия.

Изначально он предполагал, что противник сконцентрирует свои силы в Северной Богемии, чтобы начать наступление на Берлин. Поэтому шеф генерального штаба предложил разделить войска на три армии, две из которых сконцентрировать между Дрезденом и Герлицем, а третью сформировать в Силезии. Позиции Саксонии не придавалось большого значения: ей будет позволено остаться нейтральной лишь в том случае, если она согласится безоговорочно пропустить через свою территорию прусские войска. Две армии в районе Лаузица должны будут действовать совместно, их разделение необходимо только для улучшения оперативного руководства. Если пруссакам удастся упредить противника в разворачивании, необходимо нанести удар по Богемии, чтобы разгромить находящиеся там главные силы австрийцев.

Было неясно, в какой мере можно рассчитывать на малые и средние германские государства; уверенности в том, что пруссаки не окажутся в положении слабейших, не было. Шеф генерального штаба в своих планах достаточно точно обрисовал расстановку сил: против Пруссии выступят южногерманские государства, часть северогерманских, Саксония и, возможно, Дания<sup>15</sup>. Это не слишком тревожило его: главное, чего он требовал от дипломатов, — обеспечить нейтралитет России и Франции, поскольку для успешного удара потребуются все силы прусской армии. Кроме того, Мольтке настаивал на военном союзе с Италией, который поставил бы Австрию между двух огней и заставил разделить свои силы.

Почва для такого союза имелась. Война 1859 г. далеко не полностью удовлетворила итальянские территориальные претензии — Венеция, древний город дождей, оставалась в руках Габсбургов. Молодое итальянское королевство в конце февраля откликнулось на прусскую инициативу. Ряд ведущих итальянских государственных деятелей, в том числе премьер Ла Маромора,

<sup>14</sup> *Friedjung H.* Op. cit. Bd. 1. S. 157–158.

<sup>15</sup> *Moltke H.K.V.d. AW.* Bd. 3. S. 51.

предпочитали бы получить Венецию мирным путем, учитывая не лучшее финансовое положение Италии и непредсказуемость прусской политики. Однако сначала Франц Иосиф исходя из соображений престижа не мог пойти на подобный шаг, а впоследствии, когда он согласился при посредничестве Франции передать территории, было уже поздно.

В середине марта в Берлин прибыл итальянский эмиссар генерал Говоне, с которым у Бисмарка состоялись недолгие, но довольно трудные переговоры. Итогом их стал тайный союзный договор 8 апреля 1866 г., носивший весьма необычный характер. В соответствии с текстом этого документа, в случае, если в течение ближайших трех месяцев начнется австро-прусская война, итальянцы обязуются выступить на стороне Пруссии. Обе стороны обязались не заключать перемирия или мира без обоюдного согласия. После победы Италии предстояло получить Венецию, Пруссии — равнозначную австрийскую территорию. Пруссия должна была выплатить своей союзнице для подготовки к войне дотацию в размере 120 миллионов франков.

Почему итальянцы согласились со столь неравноправным договором? Дело в том, что его заключение санкционировала Франция, с которой Итальянское королевство было по-прежнему тесно связано. Наполеон III, стремясь воскресить лучшие времена правления своего пресловутого дяди, мечтал о новых территориальных приобретениях. И очень кстати здесь пришлось прусская инициатива тесного сотрудничества между двумя государствами, с которой Бисмарк выступил в конце февраля. Глава прусского правительства заигрывал с французским императором, туманно намекая на возможные территориальные компенсации. Война между центральноевропейскими державами давала возможность половить рыбку в мутной воде, и Наполеон волей-неволей стал сообщником Бисмарка. «Было ясно, что император выступил на стороне Пруссии, — пишут современные западные исследователи. — Наполеон III даже надеялся в период между апрелем и июнем 1866 г. заключить собственный союз с Пруссией»<sup>16</sup>. Этим надеждам не суждено было сбыться.

Как писал Г. Кауфман, договор с Италией «как раз подходил под удивительно запутанное положение дел. Его значение заключалось, прежде всего, в том, что он самого короля Вильгельма толкнул дальше по избранному им пути»<sup>17</sup>. Бисмарк и Мольтке тесно сотрудничали в выработке условий договора, причем шеф генерального штаба признавал однозначное превосходство главы правительства во всех вопросах, связанных с дипломатией, хотя и настаивал на более справедливой версии договора, в которой были бы закреплены встречные обязательства Пруссии или, по крайней мере, точный

<sup>16</sup> *Peidevin R., Bariety J.* Frankreich und Deutschland. München, 1982. S. 95.

<sup>17</sup> *Кауфман Г.* Политическая история Германии в XIX веке. С. 563.



момент начала войны. Одновременно Мольтке вел с Говоне переговоры, касавшиеся чисто военных вопросов. Первоначально планировалось командировать его во Флоренцию, чему он, вероятно, был бы только рад, но затем в качестве места переговоров был назначен Берлин. «Мы должны нанести Австрии один сильный удар, — пересказывал итальянский генерал впоследствии слова Мольтке, — тогда Германия будет лежать у наших ног. Что касается Франции, то это мы уладим потом». «Его слова наполнили меня уверенностью», — вспоминал Говоне<sup>18</sup>. Шеф прусского генерального штаба дал итальянцам немало ценных советов, отнесся к планированию действий их армий так же серьезно, как и прусской. Более того, он развернул перед гостями манящую картину территориальных приобретений за счет Австрии, включая территории на Адриатике.

Обеспечение флангов было другой важной задачей. Россия в данный момент находилась на стороне Пруссии. Сложнее была ситуация с Францией: Наполеон III, казалось, вполне благосклонно относился к действиям прусского руководства, однако его позиция могла в любой момент измениться. В марте Мольтке запросил военного атташе в Париже фон Лёв, насколько французская армия готова к войне. Последовал ответ: «На мой взгляд, Франция не в состоянии выступить в данный момент со значительными силами; на Рейне будет достаточно умеренных контингентов». Шеф генерального штаба удовлетворенно кивнул: дислоцированные в Рейнской провинции VII и VIII армейские корпуса были позарез нужны ему против Австрии<sup>19</sup>. И действительно, как писал А.А. Свечин, в тот момент «французская армия находилась в запущенном виде и была ослаблена предпринятой Наполеоном III мексиканской экспедицией»<sup>20</sup>.

Теперь на повестке дня стоял вопрос о непосредственной провокации военного столкновения. Бисмарк собирался придать войне с Австрией черты национальной борьбы за германское единство и поэтому выдвинул план преобразования Германского союза. Предложение Пруссии заключалось в том, чтобы созвать избранный на основе всеобщего и равного избирательного права общегерманский парламент для обсуждения проектов реформ. «Белый революционер» сделал еще один смелый шаг, оказавший на многих современников впечатление разорвавшейся бомбы, — человек, имевший репутацию оплота консерватизма, озвучил самые сокровенные мечты германских либералов! Предложение было внесено в Союзный сейм 9 апреля 1866 г., на следующий день после заключения договора с Италией. Это была заранее рассчитанная провокация, горящая спичка, брошенная в стог

<sup>18</sup> Herre F. Op. cit. S. 220.

<sup>19</sup> Moltke H.K.V.v. Gespräche. S. 50.

<sup>20</sup> Свечин А.А. Указ. соч. С. 236.

сухого сена. Она всколыхнула всю Германию. Значительная часть общественности выступала за мирное решение конфликта, против войны, которую считали братоубийственной. 7 мая на Бисмарка было совершено неудачное покушение. Но это не могло остановить все быстрее раскручивавшийся маховик кризиса.

Апрель прошел в обмене нотами между Пруссией и Австрией. Обе стороны обвиняли друг друга в агрессивных намерениях и предлагали покончить дело миром. Однако дело неотвратимо шло к войне. Если 17 апреля Мольтке еще писал, что ни одна из сторон не желает войны, но обе могут в нее «соскользнуть», то в письме брату Адольфу 20 мая он уже беспелляционно утверждает: «Война неизбежна. Я не думаю, что предотвратить ее — в человеческих силах»<sup>21</sup>. «Борьба будет ужасной. Австрия вооружена как никогда прежде, мы тоже выставляем в поле всю свою армию. <...> 50 лет мира показали, что из-за непрактичного, ориентированного лишь на громкую фразу немецкого разума объединение не сможет осуществиться мирным путем. <...> У нас в Германии нет друзей. Союз стал австрийским институтом <...> У нас никто не хотел войны, но мы принимаем ее со спокойной уверенностью, и пусть Господь дарует нам победу, потому что вместе с Пруссией падет Германия», — оценивал общую ситуацию шеф генерального штаба<sup>22</sup>. Монархия Гогенцоллернов сражается за германское дело, за единство страны. «Пруссия должна теперь выполнить свою немецкую миссию»<sup>23</sup>.

Мольтке понимал, что столкновение между двумя великими немецкими державами назрело, что германский вопрос должен быть решен. По словам Э. Кольба, все высказывания шефа генерального штаба в эти месяцы пронизаны фатализмом<sup>24</sup>. Предстоящая война — не братоубийственная гражданская, а типичная кабинетная, в которой речь идет о доминировании в Германии. «Война 1866 г. возникла не как борьба за собственное существование, не благодаря общественному мнению или гласу народа, — напишет он впоследствии. — Это была борьба, сочтенная необходимой в кабинете, давно задуманная и хорошо подготовленная. Борьба не за территориальные приобретения или материальный выигрыш, а за бесплотную ценность — за державную роль»<sup>25</sup>. И теперь он стремился вложить все свои силы в то, чтобы ускорить ход событий: Пруссия, армия которой могла быть отобилизована и сосредоточена быстрее, чем австрийская (по расчетам генерального

<sup>21</sup> Moltke H.K.V. Aufzeichnungen... S. 238.

<sup>22</sup> Ibid. S. 239.

<sup>23</sup> Moltke H.K.V. Deutsche Kriegsführung. S. 32.

<sup>24</sup> Kolb E. Umbrüche deutscher Geschichte. S. 27.

<sup>25</sup> Moltke H.K.V. Op. cit. S. 65.

штаба, 25 дней против 45)<sup>26</sup>, должна была воспользоваться этим преимуществом. По его расчетам, австрийцы смогут подготовиться к наступлению к 6 июня, и их следует упредить.



Уже в конце марта были приняты первые меры, направленные на непосредственную подготовку к войне. Нетерпение Мольтке подхлестывали известия о начавшейся переброске австрийских частей в Богемию, граничащую с Пруссией область империи Габсбургов. Выступая на совете министров 28 марта, шеф генерального штаба сознательно обрисовал военные приготовления Австрии в наиболее мрачных тонах, чтобы подтолкнуть собравшихся к активным действиям. Как писал Г. Фридьонг, «Мольтке охотно верил тревожным сообщениям из Бреслау и эффективно пускал их в ход»<sup>27</sup>. В том ему помогал Бисмарк, который немедленно подхватывал преувеличенную информацию о передвижениях австрийских войск в направлении прусской границы и через правительственную прессу сообщал ее всем и каждому. «Чтобы не ставить под угрозу безопасность государства, мобилизацию можно отложить разве что на несколько часов», — писал Мольтке Мантойфелю 2 мая<sup>28</sup>. При этом шеф генерального штаба считал, что, как только начнется мобилизация, дипломатические переговоры уже не должны становиться помехой для развертывания армии. Мольтке был против легкомысленного вступления в войну, но когда все риски были просчитаны и решение принято, он не считал возможным оттягивать его реализацию.

В апреле король вновь заколебался. Рост антивоенного общественного мнения и риск, сопряженный с конфликтом, заставили его быть осторожнее. К тому же австрийцы вели свои военные приготовления очень медленно, не давая оппоненту хорошего повода для начала мобилизации. Вильгельму вообще с трудом давались смелые решения, и он в очередной раз продемонстрировал это, ломая все планы и сроки. Бисмарк и Мольтке сообща начали уговаривать короля. 14 апреля 1866 г. шеф генерального штаба пишет своему монарху: «Теперь, если уж мы решим объявлять мобилизацию, нам ни к чему бояться упреков в агрессии. Любое промедление решительно ухудшает наше положение»<sup>29</sup>. Давление Мольтке, как всегда, носило весьма мягкий характер; именно за это Вильгельм ценил начальника генерального штаба. «Никто не вправе убеждать короля начать такую войну, — писал генерал военному министру. — Но нужно облегчить ему принятие решения

<sup>26</sup> Helmert H. *Deutsche Kriegsführung*. S. 32.

<sup>27</sup> Friedjung H. *Op. cit.* Bd. 1. S. 184.

<sup>28</sup> Moltke H.K.V.d. *AW*. Bd. 3. S. 51.

<sup>29</sup> Herre F. *Op. cit.* S. 228.

путем представления правильной и ясной картины существующего положения»<sup>30</sup>.

Мольтке вынужден был раз за разом совершенствовать свои планы, подгоняя их под складывающуюся ситуацию. Две главные армейские группы, согласно его расчетам, должны были наступать на Богемию; их сосредоточение следовало осуществить еще на прусской территории. Силезская группировка должна была в зависимости от обстановки нанести вспомогательный удар в тыл вражеской армии или соединиться со своими главными силами. В апреле шеф генерального штаба решил бросить все силы против Австрии, включая VIII армейский корпус, который ранее предназначался для действий в Западной и Южной Германии. Однако уже в середине апреля эти планы пришлось менять — оставалось слишком мало времени. «Подготовка к войне и мобилизация проходили в виде ряда мер, которые нужно было раз за разом вырывать у противившегося им короля и которые потому растянулись на многие месяцы», — писал Э. Кессель<sup>31</sup>. Центр тяжести планировавшегося наступления был перенесен в Силезию. В течение апреля Мольтке буквально осыпал Вильгельма памятными записками, в которых на разные лады звучала мысль о необходимости скорейшего развертывания армии.

В итоге в первых числах мая король согласился начать мобилизацию сперва части, а потом и всех армейских корпусов и подписал соответствующие указы. Большую роль сыграло военное окружение монарха: как воскликнул в сердцах сам Вильгельм, не осталось никого из высших офицеров, кто не обвинил бы его в измене в случае дальнейших проволочек с мобилизацией. По словам К. Бернаера, «никогда между Бисмарком, его министрами и генералами не существовало столь совершенного согласия, как в эти дни»<sup>32</sup>. На решение Вильгельма повлияли и действия Австрии, постепенно наращивавшей военные приготовления: за призывом 85 тыс. рекрутов и созданием добровольческого корпуса последовали мобилизация 26 апреля Южной (итальянское правительство ответило в тот же день указом о всеобщей мобилизации) и в период с 27 апреля по 7 мая Северной армии.

Пруссия 3 мая начала мобилизацию пяти армейских корпусов, при этом Мольтке концентрировал их таким образом, чтобы сделать практически неизбежной мобилизацию и остальной части армии. 5 мая началась мобилизация двух рейнских корпусов. Одновременно шло формирование армейских штабов; влияние Мольтке на этот процесс следует признать довольно ограниченным. Мобилизация всей армии пришлось на 12 мая, а два дня спустя

<sup>30</sup> *Friedjung H.* Op. cit. Bd. 1, S. 212.

<sup>31</sup> *Kessel E.* Op. cit. S. 444.

<sup>32</sup> *Bärner K.H.* Wilhelm I. Berlin, 1984. S. 183.

переводить свои контингенты на военное положение начали практически все средние германские государства.

Чтобы ускорить ход военных приготовлений, Мольтке не устал подчеркивать австрийскую угрозу. 14 мая он заявил королю, что в ближайшем будущем следует ожидать концентрации сильной армейской группировки противника в Богемии. При этом двумя днями ранее он сказал одному из своих коллег, что ядро возможной ударной армии австрийцев еще не сформировалось. Шеф генерального штаба искажал истину в тех случаях, когда ему представлялось целесообразным сделать это — разумеется, не в личных интересах, а в интересах дела. Отстаивая меры, которые он считал необходимыми, он и в дальнейшем не гнушался подобных методов.

Подготовка к войне со стороны Пруссии, ходом которой непосредственно руководило военное министерство, была проведена почти образцово. По словам Г. Иссерсона, это был «первый в истории пример планомерной и систематической подготовки мобилизации и развертывания»<sup>33</sup>. Весьма велика в этом была роль генерального штаба. Со своей задачей прусское военное руководство справилось достаточно хорошо, учтя все ошибки 1850 и 1859 гг., и тем самым обеспечило себе существенное преимущество по сравнению с Австрией, которой требовалось в три с половиной раза больше времени для завершения всех подготовительных мероприятий.

Морального подъема приближавшаяся война не вызвала — многие, в том числе и офицеры, считали ее бессмысленной братоубийственной бойней. Как гласит официальная прусская история кампании, «резервы и ландвер являлись на службу без воодушевления, потому что не понимали поводов к войне, но с повинновением и спокойной решимостью»<sup>34</sup>. О. Фон-Сотен с некоторым преувеличением писал даже о том, что «народ относился с ненавистью к братоубийственной войне»<sup>35</sup>. Со всех концов страны приходили адреса с просьбой сохранить мир, и Бисмарку пришлось немало потрудиться, чтобы ограничить влияние противников войны при дворе.



25 мая состоялось очередное заседание королевского военного совета, инициированное Мольтке, который собирался представить свой план кампании. Шеф генерального штаба тщательно готовился к этому дню, даже свою речь написал заранее и читал по бумаге.

Перед Мольтке стояла достаточно сложная задача. Было ясно, что многие малые и средние немецкие государства выступят на стороне Австрии.

<sup>33</sup> Иссерсон Г. Военное искусство эпохи национальных войн... С. 68.

<sup>34</sup> История войны 1866 года в Германии. С. 14.

<sup>35</sup> Фон-Сотен О. Как вели войну Наполеон и Мольтке. С. 62.

В то же время с географической точки зрения Пруссия была весьма уязвима: Рейнская область практически полностью отделена от основной территории, естественные рубежи отсутствуют, расстояние от австрийской границы до Берлина гораздо меньше, чем до Вены, сама граница весьма протяженна. Таким образом, пруссакам предстояло сражаться с превосходящими силами противника на двух направлениях — западном и южном. Чтобы добиться победы, Мольтке прибегает к решению, ставшему классическим для немецкой военной мысли последующего столетия. Практически все силы он концентрирует против одного из противников, которого следует разбить как можно скорее, после чего развернуть войска против второго. Конечно, если это потребует, ведь «с ее [Австрии] поражением союз всех прочих противников развалится»<sup>36</sup>. Победа в кампании на два фронта могла быть достигнута лишь за счет стратегии блицкрига, молниеносной войны — такова основная мысль Мольтке. Быстрая победа необходима и из внешнеполитических соображений — только в этом случае третьи державы (в первую очередь Франция) будут избавлены от соблазна вмешаться и с позиции силы продиктовать условия мира.

В своих выкладках Мольтке отныне ориентировался лишь на наступление. Его толкал к этому сам театр военных действий: пассивно прикрывать собственную границу значило растянуть войска в тонкую линию и тем самым обречь себя на поражение. Зная Бенедекка по опыту Итальянской кампании 1859 г., Мольтке не сомневался, что тот не станет в свою очередь пассивно ожидать вражеского удара; опередить австрийского командующего — вот в чем Мольтке видел задачу первого этапа войны.

Чтобы выиграть время, необходимо отказаться от планировавшегося ранее развертывания всей армии в одном районе. Туда ведет лишь одна железнодорожная ветка, и переброска войск будет длиться слишком долго. Гораздо лучше задействовать все пять веток, ведущих к австрийской и саксонской границам, и осуществить стратегическое развертывание уже в ходе наступления на вражеской территории. Принцип «Маршировать раздельно, сражаться вместе» теперь распространялся на действия всей прусской армии. «Быстрота развертывания должна стать высшим правилом», — докладывал шеф генерального штаба королю<sup>37</sup>. В ходе концентрического наступления появится возможность окружить и разгромить австрийскую армию, сконцентрированную в Богемии. Согласно плану Мольтке, прусские войска на южном театре военных действий разделялись на три армии: Эльбскую, во главе с генералом Хервартом фон Биттенфельд (район дислокации — Торгау); I, во главе с принцем Фридрихом Карлом (Лауниц); и меньшую

<sup>36</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen...* S. 240.

<sup>37</sup> *Friedjung H.* Op. cit. Bd. 1, S. 248.

по численности II, во главе с кронпринцем (Силезия). Предпосылкой для успешного наступления на Богемию станет занятие Саксонии, причем армию последней лучше всего захватить врасплох и разоружить. Мольтке рассчитывал убить двух зайцев — создать предпосылки для успешного наступления и одновременно прикрыть и Берлин, и Бреслау.

Для того времени это были весьма смелые планы. Господствовавшая в умах подавляющего большинства военных специалистов наполеоновская стратегия требовала соединения всей армии в один ударный кулак. Распыление сил считалось верной дорогой к поражению, а ведь фронт предлагавшегося Мольтке развертывания образовывал дугу длиной в 420 км, которая только постепенно должна была сократиться до 250 км. Новизна этого решения была такова, что изначально оно рассматривалось всеми, включая его автора, как вынужденная мера, неизбежное зло.

Мольтке понимал, что за последние полвека реалии боя серьезно изменились. Совершенно новую главу открыл железнодорожный транспорт, значительно ускоривший переброску войск; теперь район и скорость сосредоточения диктовались не в последнюю очередь направлением и пропускной способностью железнодорожных линий. Размер обоза значительно вырос, в состав корпуса входило гораздо больше лошадей и орудий, нежели полвека назад, изменилась и его организация. Глубина боевого порядка корпуса выросла с 4 км при Наполеоне до 28 км<sup>38</sup>. Сгрудившись в одном месте, армия превратилась бы в неповоротливую массу, неспособную к быстрому и эффективному наступлению.

Было бы нелепостью представлять дело так, будто Мольтке уже накануне своих знаменитых кампаний имел полностью сформировавшуюся концепцию современной стратегии и тактики; нет, он учился вместе со всеми, но учился быстрее и плодотворнее, чем его коллеги. Истинная его заслуга заключается в том, что он, в отличие от большинства своих коллег, не закрывал глаза на реалии сегодняшнего дня и, несмотря на свой преклонный возраст, был готов отказаться от устаревших догм и прислушиваться к требованиям времени. Именно в этом и заключался его талант. «Мольтке шел, несомненно, ощупью, — писал Г. Иссерсон. — Важно, однако, то, что он неизбежности этих новых форм ждал и немедленное использование их опыта считал одной из своих основных задач. <...> То новое, отличное от наполеоновского военного искусства, что Мольтке положил в основу развертывания и плана операции прусской армии в 1866 году, было определено целым рядом объективных условий, которые Мольтке верно учел и из которых он сделал правильные практические выводы»<sup>39</sup>.

<sup>38</sup> Иссерсон Г. Указ. соч. С. 84.

<sup>39</sup> Там же. С. 66, 85.

Сам шеф генерального штаба вначале долго колебался с направлением главного удара, выбирая между Богемией и Моравией? Однако рисунок развертывания властно диктовал первый вариант. В качестве срока начала кампании Мольтке указывал 6 июня.

Предложенное Мольтке развертывание против Австрии было весьма похоже на то, которое произвел прусский король Фридрих II перед началом «картофельной войны» 1788 г. Однако это совпадение, скорее всего, можно с чистой совестью назвать случайным — слишком разные мотивы двигали двумя полководцами, разделенными почти веком истории. Иными были условия, армии, даже цели кампаний. Правда, неизменным остался географический фактор. Как говорил Мольтке спустя более чем 20 лет известному историку Фридьонгу, «мы не могли изменить географическую конфигурацию Богемии, которая глубоко вдается в Северную Германию, и были вынуждены выступить на широком фронте. Находясь на севере Богемии, Бенедек имел бы в распоряжении внутренние операционные линии. Отсюда следовал вывод — не ожидать нападения, а вторгнуться в Богемию и объединить свои силы на вражеской территории»<sup>40</sup>. «Не было бы ничего более ошибочного, — напишет потом Х. Фридьонг в своей классической работе, — чем представлять дело так, как будто Мольтке с самого начала с непогрешимой точностью решил взять австрийцев в клещи»<sup>41</sup>. Это решение созрело у начальника генерального штаба по мере развития событий, в значительной степени продиктованное объективными обстоятельствами. В начале кампании он еще собирался объединить силы двух армий до генерального сражения; план битвы при Кениггреце возник несколько позже, под влиянием опыта первых боев.

План Мольтке сразу же наткнулся на резкую критику. Ее озвучил на совете 25 мая генерал К. фон Войтс-Рец, начальник штаба I армии. В прошлом сотрудник военного министерства, он с недовольством наблюдал за усилением позиций генерального штаба и недолго любил лично Мольтке, которого считал кабинетной крысой, ни разу не шохавшей порошу. План, заявил он, чреват распылением сил. Необходимо сконцентрировать всю армию у Лаузица, закрыв противнику дорогу на Берлин. Войтс-Реца поддержали адъютант короля фон Альвенслебен и сам военный министр Роон. Один из корпусных командиров, генерал Штайнмец, в это же время направил Мольтке письмо, критикуя его за распыление армии; похожие соображения высказывал и Говоне. Даже полвека спустя Р. Хессен писал о том, что «было в высшей степени опасно производить развертывания подобным образом, и все это <...> могло закончиться весьма печально», считая, что, если

<sup>40</sup> *Moltke H.K.B.v. Gespräche*. S. 213–214.

<sup>41</sup> *Friedjung H.* Op. cit. Bd. 1. S. 246.



бы пруссаки имели перед собой Наполеона I, он, словно тигр, разметал бы их армии<sup>42</sup>. Русский военный историк А.А. Строков называл прусское развертывание «стратегической ошибкой»<sup>43</sup>. А 90-летний Жомини, наиболее авторитетный хранитель наполеоновского наследия в военном искусстве, настойчиво рекомендовал в 1866 г. концентрацию всей армии в Верхней Силезии с последующим наступлением в Моравию, с тем чтобы дать генеральное сражение австрийцам в районе Ольмюца.

Мольтке прекрасно понимал угрозу разгрома прусских армий по частям, но считал, что «предотвратить подобную опасность помогут инициатива и быстрота»<sup>44</sup>. Последующий ход событий показал, что усовершенствование огнестрельного оружия сделало подразделения более стойкими в бою, и разбить их поодиночке в скоротечных сражениях стало значительно труднее. Как писал А.А. Свечин, «если бы австрийцы и попытались с имевшимися силами броситься на одну из частей растянутого на 420 км прусского развертывания, то их встретил бы не безжизненный кордон XVIII века, а упругий, растягивающийся в мешок фронт, где одни корпуса уклоняются от непосредственно направленного на них удара, а другие выходят во фланг и тыл противника и затягивают петлю окружения»<sup>45</sup>. Никакой Наполеон I со всеми своими маршалами не был бы в силах изменить эту объективно сложившуюся ситуацию. Впрочем, тогда эти соображения еще не были так очевидны, как сейчас, и план Мольтке обнаруживал смелость, граничащую с авантюрой.

«Мы будем искать сражения в обоих местах», — скажет Мольтке чуть позже<sup>46</sup>. Ему стоило большого труда убедить короля, Бисмарка и Роона в необходимости бросить все силы против Австрии, оставив другие направления практически полностью оголенными. Помимо всего прочего, это решение объективно приближало войну и страховало Мольтке от новых колебаний монарха.

Кронпринц, командовавший дислоцированной в Силезии II армией, и его начальник штаба Блументаль высказали еще одно соображение: если противник сконцентрируется не в Богемии, как ожидалось, а в Моравии, Верхняя Силезия окажется не прикрыта. Необходимо оттянуть армию дальше на восток, а это еще сильнее увеличит район сосредоточения сил.

Всех превзошел Вильгельм, заявивший, что вопрос следует ставить не «Как мы поведем войну?», а «Как мы сохраним мир?». Кроме того, король

<sup>42</sup> *Hessen R. Deutsche Männer. Stuttgart, 1912. S. 316.*

<sup>43</sup> *Строков А.А. История военного искусства. Т. 4. С. 535.*

<sup>44</sup> *Moltke H.K.V.d. AW. Bd. 2. S. 54.*

<sup>45</sup> *Свечин А.А. Указ. соч. С. 247.*

<sup>46</sup> *Helmert H. Op. cit. S. 73.*

не хотел оголять Рейнскую провинцию, перебрасывая дислоцированные там войска на юго-восток. По некоторым данным, Мольтке ответил на это так: «Я хотел бы спросить Ваше Величество, хотите Вы разбить австрийцев или нет?» «Ну конечно же, да», — изумленно ответил король. «А тогда мы должны направить всю армию против Австрии. Два корпуса на Рейне не удержат французов, два дополнительных корпуса в Богемии сыграют решающую роль»<sup>47</sup>.

Еще одну связанную с рейнскими корпусами неприятность для Мольтке подготовил Бисмарк: уже когда мобилизация шла полным ходом, он, не уведомив шефа генерального штаба, потребовал остановить переброску VIII армейского корпуса для отражения возможной французской угрозы. К счастью, Мольтке удалось вовремя вмешаться и предотвратить новое распыление сил, но обида на Бисмарка, несомненно, осталась. Отношение главы правительства к шефу генерального штаба на тот момент все еще базировалось на старых представлениях. Очевидно, что Бисмарк рассматривал его в качестве своеобразного военного консультанта. Впрочем, по основному вопросу — скорейшему началу войны с Австрией — они находились в полном согласии, поддерживая друг друга.

В итоге Мольтке пришлось пойти на определенные уступки: к примеру, усилить II армию кронпринца Фридриха Вильгельма, дислоцированную в Силезии. Впоследствии это решение будет резко критиковать А. фон Шлиффен, писавший, что «если вообще что-нибудь могло поставить Силезию в опасность, то это как раз те мероприятия, которые принимались для ее обеспечения»<sup>48</sup>. Однако, несмотря на изменения, в целом план был принят. Как писал Ф. Меринг, он родился «при дрожащем короле и причитаниях всех его генерал-адъютантов»<sup>49</sup>. При этом «лишь шеф прусского генерального штаба был уверен в победе»<sup>50</sup>, остальные военные считали исход кампании непредсказуемым. В таких условиях колебания Вильгельма вполне понятны. Стремление большинства высших офицеров при любых обстоятельствах концентрировать все силы в одной точке, содержащее в себе зерно истины в начале XIX века, но абсолютно губительное во второй его половине, будет играть самую негативную роль в ходе кампании.

\*\*\*

Переброска войск к границе, осуществленная в соответствии с планами генерального штаба, прошла достаточно гладко, а главное, в рекордно

<sup>47</sup> Moltke H.K.v. Gespräche. S. 67.

<sup>48</sup> Шлиффен А. Камп. С. 50.

<sup>49</sup> Mehring F. Op. cit. S. 122.

<sup>50</sup> Deutsche Militärgeschichte. . 1648-1939. Bd. 2, Teil 1. S. 36.

короткие сроки. Почти 200 тыс. человек, 55 тыс. лошадей, более 5 тыс. транспортных средств были переброшены на расстояние от 200 до 650 км всего лишь за три недели (с 16 мая по 5 июня 1866 г.)<sup>31</sup>. «Как первый опыт крупных массовых перевозок, прусские железные дороги показали образцовую работу», — писал Г. Иссерсон<sup>32</sup>.

Однако затем начались маневры, грозившие свести на нет весь выигрыш времени. Главные силы пруссаков — I и Эльбская армии — начали движение вдоль границы на восток, сближаясь со II армией кронпринца. Марш производился по плохим дорогам в горной лесистой местности. Расстояние между двумя группировками уменьшалось до тех пор, пока не возникло подозрение, что австрийцы могут вторгнуться в юго-восточную часть Силезии. Корпуса кронпринца начали продвижение вдоль границы на юго-восток, к реке Нейсе. Движение влево с 12 по 18 июня в конечном итоге не привело к существенному сокращению длины дуги, по которой размещались прусские части. С 19 июня II армии пришлось возвращаться на прежние позиции, когда стало ясно, что Силезии не угрожает непосредственная опасность. При этом численность армии кронпринца за счет присоединения двух корпусов была увеличена вдвое. Благодаря этому ее роль изменялась: если раньше она должна была наносить вспомогательный удар, то теперь явно переросла эту задачу.

В общей сложности в трех прусских армиях насчитывалось 254 тыс. человек (в том числе 205 тыс. пехоты и почти 25 тыс. кавалерии) при 796 орудиях. Самой слабой была Эльбская армия, перед которой была поставлена задача вторгнуться в Саксонию. Она состояла из VIII армейского корпуса и 14-й пехотной дивизии (46 тыс. человек). В I армию входили II, III, IV и кавалерийский корпуса, всего 93 тыс. человек. II армия (115 тыс. человек) состояла из Гвардейского, I, V, VI армейских корпусов и отдельной кавалерийской дивизии.

В противоположность этим силам, на западном театре военных действий пруссаки располагали лишь 50 тыс. человек при 121 орудии. Этой группировке, во главе которой был поставлен генерал Фогель фон Фалькенштайн, предстояло в первую очередь разгромить Ганновер до того, как его армия соединится с войсками южногерманских государств.

Австрийская полевая армия насчитывала в этот момент более 400 тыс. человек. Однако необходимость сражаться на два фронта заставила разредить силы. В состав Северной армии, предназначенной для действий против Пруссии, входила 271 тыс. человек при 744 орудиях. Вопреки ожиданиям Мольтке, который считал правилом предполагать наиболее разумные

<sup>31</sup> Helmet H., Usczeck H. Op. cit. S. 97.

<sup>32</sup> Иссерсон Г. Указ. соч. С. 80.

шаги со стороны противника, она концентрировалась не в Северной Богемии, а в Моравии, в районе Ольмюца. Таким образом, действующие друг против друга армии 35-миллионной Австрии и 18-миллионной Пруссии были приблизительно равны.

Командующим Северной армией был против своей воли назначен фельдцейхмейстер Бенедек. Он неплохо проявил себя в ходе Итальянской войны 1859 г., однако новое его назначение практически все исследователи считают одной из фатальных ошибок австрийского руководства. «Храбрый во-яка, который доказал свое мужество, стоя во главе отдельных корпусов, но совершенно не подготовленный к тому, чтобы командовать целой армией», — так характеризовал его Г. Кауфман<sup>53</sup>. Совершенно не знакомый с условиями богемского театра военных действий, Бенедек во всем положился на начальника оперативной канцелярии штаба Крисманича, которого военные историки в большинстве своем считают «злым гением» кампании 1866 г. Специалист по истории Семилетней войны, Крисманич мыслил категориями столетней давности. Считая, что вся прусская армия неким волшебством будет переброшена в Силезию и начнет оттуда наступление на Вену, он разработал сугубо оборонительный план военных действий.

Однако не следует сводить все недостатки австрийской армии к личностям двух высших офицеров. Сам Мольтке относился к своему противнику весьма уважительно и называл его «сильным полководцем»<sup>54</sup>. Кстати, в свою очередь, большинство австрийских офицеров явно недооценивали руководителя прусского генерального штаба, называя его «теоретиком-доктринером»<sup>55</sup>. Бенедеку пришлось столкнуться со множеством проблем самого различного характера. Финансовые сложности, непрерывно преследовавшие Австрию в течение последних десятилетий, привели к нехватке в армии самого необходимого, в первую очередь обуви. Вооружение тоже оставляло желать лучшего — имперские войска безнадежно уступали пруссакам в области стрелкового оружия. Дульножарные ружья системы Лоренца не шли ни в какое сравнение с игольчатыми винтовками, уступая им по скорострельности в три раза. Обучение солдат тоже было неудовлетворительным. Сознывая это, Бенедек приказал в случае столкновения с прусскими войсками избегать затяжного огневого боя и применять ударную тактику — мощные штыковые атаки. Основа боевого порядка австрийцев — батальонная колонна, на тот момент уже устарела; впрочем, не лучше обстояли дела у пруссаков. Как писал Г. Иссерсон, «военная техника в середине XIX в.

<sup>53</sup> Кауфман Г. Указ. соч. С. 577.

<sup>54</sup> Moltke H.K.V.d. AW. Bd. 2. S. 66.

<sup>55</sup> Allmayer-Beck J.C. Die Gedankenwelt Moltkes und Erzherzog Albrechts von Oesterreich // Generalfeldmarschall von Moltke... S. 120.

явно обогнала тактические формы, которые были, в сущности, без изменения унаследованы от наполеоновской эпохи»<sup>56</sup>. Немало сторонников ударной тактики было и в прусской армии, и Мольтке приходилось тратить немало сил на борьбу с ними.

Единственным родом войск, где ситуация была достаточно благоприятной для австрийцев, являлась артиллерия. В прусской артиллерии только 60% материальной части составляли казнозарядные стальные орудия; наиболее современной считалась 80-миллиметровая пушка Крупна образца 1864 г. Почти половину парка составляли дульнозарядные бронзовые гладкоствольные пушки образца 1842 г. Причиной этого был консерватизм прусских военных — заказ на нарезные казнозарядные орудия армия выдала только в 1859 г. в результате личного вмешательства Вильгельма<sup>57</sup>. В австрийской армии нарезные орудия составляли более 95%, но все они были дульнозарядными. Конница с обеих сторон использовалась неудовлетворительно: в основном она находилась в резерве и практически не применялась для войсковой разведки. «С трудом собранные конные массы двигались как предмет роскоши, с обозами и транспортами»<sup>58</sup>.

Еще до того, как Бенедекку удалось привести армию в относительно боеспособное состояние, от императора поступил приказ немедленно начать выдвижение в Богемию. Таким образом, австрийские войска должны были сами прийти в ту ловушку, которую им подстроил Мольтке.

Главное, на чем по-прежнему настаивал в этот момент шеф прусского генерального штаба — скорейшее начало кампании, поскольку в противном случае пруссаки лишатся всех преимуществ быстрой мобилизации. «Очевидно, что они [австрийцы] становятся сильнее с каждым упущенным нами днем», — писал он в конце мая<sup>59</sup>. Прусское наступление, говорил он, должно начаться не позднее 5–6 июня. «Самое лучшее, что можно было бы сейчас сделать, — взять инициативу в свои руки», — писал Мольтке одному из наиболее влиятельных прусских аристократов графу Бетузи-Хуку 29 мая<sup>60</sup>. Однако еще 4 июня на очередном военном совете король всерьез рассматривал возможность посредничества со стороны великих держав. «Весьма влиятельные голоса предупреждали, что в войне немцев против немцев Пруссия не должна стрелять первой», — напишет впоследствии Мольтке в своих воспоминаниях<sup>61</sup>. Он прекрасно понимал, что, помимо военных соображений, на начало кампании влияют и другие, порой более важные.

<sup>56</sup> Исчерсон Г. Указ. соч. С. 47.

<sup>57</sup> Grundkurs deutsche Militärgeschichte. Bd. 1. S. 340.

<sup>58</sup> Шауфен А. Указ. соч. С. 67.

<sup>59</sup> Friedjung H. Op. cit. Bd. 1. S. 299.

<sup>60</sup> Moltke H.K.Vz. Deutsche Kriegsführung. S. 31.

<sup>61</sup> Moltke H.K.Vz. Aufzeichnungen... S. 240.

Однако события шли своим чередом. 2 июня Мольтке получил послание короля, гласившее: «Я направляю Вам копию Моего сегодняшнего приказа военному министру, в соответствии с которым Мои распоряжения относительно оперативных передвижений армии и ее составных частей будут передаваться командным инстанциям через шефа генерального штаба. Тем не менее, Вы должны без промедления ставить военное министерство в известность относительно хода дел»<sup>62</sup>. Фактически это означало, что Мольтке становился главным военным советником короля на театре военных действий. Положение, к которому он стремился и которое считал оптимальным для пользы дела, наконец было установлено. Подчинение генерального штаба военному министерству *de facto* ликвидировалось. 8 июня Мольтке, одновременно с Рооном, был произведен в генералы от инфантерии.

И без того сложные личные отношения начальника генерального штаба с военным министром претерпели существенное охлаждение. Объяснялось это еще и политическими расхождениями. Оба признавали формулу Клаузевица о том, что «война есть продолжение политики другими средствами». Однако Роон считал, что политика даже во время боевых действий имеет приоритет и дипломаты обладают определенным правом на вмешательство в военные вопросы. Мольтке же стремился четко разграничить сферы деятельности политиков и военных, при этом первые, считал он, ни в коем случае не должны вмешиваться в дела вторых<sup>63</sup>. Дипломаты действуют до начала кампании и после ее завершения; как только объявлена мобилизация, они должны оставаться не более чем сторонними наблюдателями. Эта точка зрения стала в дальнейшем источником серьезных конфликтов в германском руководстве.

Назначение Мольтке фактическим главнокомандующим породило волну скептических откликов. Многие коллеги относились к нему с откровенным недоверием. Генерал-адъютант короля Германн фон Бойен рисовал мрачную картину: «Во главе — король на семидесятом году жизни, рядом с ним — Мольтке, отживший свой век. Что из всего этого может выйти?»<sup>64</sup>



1 июня 1866 г. Австрия вынесла вопрос о северных герцогствах на рассмотрение Германского союза, одновременно объявив о намерении созвать 11 июня гольштейнские сословия. Прусская сторона немедленно объявила это нарушением Гаштайнской конвенции и приступила к оккупации Гольштейна. 10 июня прусский министр-президент направил германским

<sup>62</sup> Herre F. Op. cit. S. 229.

<sup>63</sup> Craig G. Op. cit. S. 219.

<sup>64</sup> Herre F. Op. cit. S. 229.

правительствам проект нового союзного договора, исключавшего Австрию из состава обновленного Германского союза. Подобную пощечину не смог бы вытерпеть и святой. 12 июня монархия Габсбургов разорвала дипломатические отношения с Пруссией. 14 июня Союзный сейм во Франкфурте принял по предложению Австрии решение о мобилизации германской армии без прусского контингента. Бисмарк в тот же день охарактеризовал этот акт как грубейшее нарушение конституции, означающее фактическую ликвидацию союза и объявление войны. Саксонии, Кургессену и Ганноверу было в ультимативном порядке предложено примкнуть к Пруссии. После отказа всех трех государств прусские войска пришли в движение.

Вечером 14 июня Бисмарк пригласил к себе Мольтке и спросил его, возможно ли начать наступление уже через два дня. Шеф генерального штаба оказался в новой ситуации: если раньше политики всячески сдерживали его, то теперь, наоборот, начали торопить изо всех сил. Тем не менее Мольтке ответил утвердительно, правда не упустив случая пошутить над Бисмарком. «Вы уже знаете, что саксонцы взорвали дрезденский мост через Эльбу?», — спросил он с серьезным выражением лица. И, выдержав трагическую паузу, добавил: «Водой, из-за пыли» (непереводимая игра слов; в немецком языке слово *sprengen* имеет два значения — «взрывать» и «поливать», — *Н.В.*). «Склонность к подобным безобидным шуткам очень редко проявлялась у него в таких деловых беседах, как наша», — вспоминал впоследствии Бисмарк<sup>65</sup>.

Наконец-то свершилось то, на чем Мольтке так долго настаивал, — начались активные военные действия. «Если бы переход саксонской границы был отодвинут на 14 дней, — напишет он впоследствии, — думаю, нам пришлось бы искать поля сражений этой войны на карте Силезии»<sup>66</sup>. Мольтке готовился к тому, чего, по сути дела, ждал всю свою жизнь — к руководству крупной армией. Стиль командования был избран им еще до начала кампании: он намеревался давать лишь самые общие указания, оставляя конкретные детали на усмотрение командиров частей. Об этом он писал 9 июня Блументалу, заявляя, что рассылаемые им директивы обязательны к исполнению, но предусматривают большую свободу действий командующих армиями и их штабов<sup>67</sup>. «В руководстве посредством директив не было ничего нового; новым было то, что такое руководство стало принципом», — писали впоследствии немецкие исследователи<sup>68</sup>. Система директив гораздо больше подходила современной действительности, нежели система

<sup>65</sup> Herre F. Op. cit. S. 231.

<sup>66</sup> Moltke H.K.V. Aufzeichnungen... S. 241.

<sup>67</sup> Moltke H.K.V. AW. Bd. 2. S. 64.

<sup>68</sup> Deutsche Militärgeschichte... Bd. 6. S. 384.

централизованного приказа; в конечном счете она полностью оправдала себя, хотя высшие офицеры порой пользовались своей свободой совсем не так, как хотел бы Мольтке. Конфликт между шефом генерального штаба и «боевыми» генералами, пусть и в скрытой форме, сохранялся, тем более что последние в большинстве своем талантами не блистали<sup>69</sup>.

16 июня 1866 г. с вторжения прусских войск в примкнувшие к Австрии малые государства начались военные действия. В тот же день Франц Иосиф приказал Бенедекку поторопиться с выступлением в Богемию. На следующий день командующий Северной армией издал приказ о начале движения в направлении на Йозефштадт-Кенигсхоф. Таким образом он рассчитывал оказаться между двумя прусскими группировками и разбить противника по частям. Заодно планировалось соединиться с передовыми частями, действовавшими совместно с саксонской армией. Как и Мольтке, Бенедек собирался дать бой в Богемии. Зная о наличии двух прусских группировок, он был введен в заблуждение относительно их численности, считая армию кронпринца примерно в два раза меньше, чем она была на самом деле, и потому не рассматривая ее в качестве серьезной угрозы.

Саксонская армия без боя отступила из своей страны — численное превосходство войск Херварта было слишком очевидным, а урок Семилетней войны — слишком памятным. В Богемии она соединилась с выдвинутым вперед 1-м австрийским корпусом. К 18 июня Эльбская армия установила связь с I прусской армией и перешла в ее оперативное подчинение, оставаясь, однако, самостоятельным соединением.

Австрия объявила Пруссии войну 17 июня. А 22 июня Мольтке от имени короля приказал сконцентрированным на австрийской границе армиям начать вторжение в Богемию в направлении на Гичин. «Конечно, это не должно означать, что данный пункт должен быть достигнут при любых условиях, — писал шеф генерального штаба. — В большей степени место соединения должно зависеть от хода событий. <...> Руководство каждой из армий должно с того момента, как встретит противника, действовать по собственному разумению, но при этом обязательно учитывать положение дел у своих товарищей»<sup>70</sup>. Мольтке не желал, чтобы вся масса прусских войск струдилась в одном месте до того, как произойдет решающее столкновение с противником.

С наибольшими сложностями при продвижении предстояло столкнуться II армии, которой необходимо было пересечь труднопроходимые, хотя и не укрепленные австрийцами горные перевалы. Благоприятное время было упущено, австрийские корпуса вполне могли преградить дорогу кронпринцу.

<sup>69</sup> Исчерсон Г. Указ. соч. С. 51.

<sup>70</sup> Müller-Bohn H. Op.cit. S. 339.



Чтобы как можно быстрее миновать горные хребты, прусским частям предстояло двигаться по трем различным перевалам, не имея возможности при необходимости поддержать друг друга. Именно поэтому I армии было приказано как можно скорее продвигаться вперед, чтобы отвлечь противника на себя. Природные условия ей благоприятствовали — войскам Фридриха Карла предстояло двигаться по плотно заселенной всхолмленной равнине с большим количеством дорог.

Армии двух принцев разделяли примерно 180 км. Согласно замыслам Мольтке, обе прусские группировки должны были действовать раздельно, но иметь возможность в любой момент поддержать друг друга. Этот план был понятен далеко не всем прусским военачальникам — стремление как можно быстрее соединить армии в одну громоздкую массу преобладало. Как со свойственной ему язвительностью писал Шлиффен, «идея, полностью владевшая Мольтке — уничтожить противника, — была совершенно чужда частным начальникам. Они видели свою задачу в соединении разбросанных армий. В этом представлении у них была линия соприкосновения с Мольтке. Только Мольтке хотел, чтобы противник оказался внутри круга соединяющихся армий, они же хотели предоставить противнику сосредоточить свои силы в другом месте»<sup>71</sup>. По идее, шефа генерального штаба должны были бы поддерживать руководители штабов армий. Однако взгляды Блументала и Войтс-Реча сложились задолго до вступления Мольтке в должность, и поэтому воззрения последнего оставались им чужды. Мысль о том, что две армии надо объединить только на поле сражения, оба рассматривали как некую теоретическую схему, не имеющую отношения к практике.

Неясность намерений австрийцев заставила Мольтке немало поволноваться. Прусская разведка оказалась на первых порах не в состоянии в полной мере вскрыть систему дислокации австрийских корпусов и их передвижения. Лишь 11 июня пруссаки узнали, что основные силы Бенедика сосредоточены в Моравии. «С информацией, вопреки всем усилиям, дело обстоит туго», — жаловался Мольтке Блументалу 24 июня<sup>72</sup>. Прусская разведка существенно уступала австрийской, которой удалось даже подключиться к телеграфным линиям неприятеля и точно информировать военное руководство о его местонахождении и передвижениях.

Шеф генерального штаба все время беспокоился, как бы противник не сосредоточил скрытно превосходящих сил против одной из прусских армий и не разгромил ее раньше, чем другая сможет прийти на помощь. «Я день и ночь думаю о том, как по возможности усилить ту из армий, которую ата-

<sup>71</sup> Шлиффен А. Указ. соч. С. 93.

<sup>72</sup> Moitte H.K.V.z. AW. Bd. 2. S. 70.

куют главные силы австрийцев», — писал он<sup>73</sup>. Работы было очень много: «я почти не ложусь спать», — значится в письме Блументалю от 24 июня<sup>74</sup>. Однако в целом Мольтке оценивал ситуацию как благоприятную<sup>75</sup>. Забот добавляло стремление Бисмарка и Роона постоянно быть в курсе дел и вмешиваться в ход кампании: министр-президент настойчиво подчеркивал приоритет политических соображений, с чем Мольтке никак не мог согласиться. Кроме того, определенными трудностями представляла принадлежность командующих двумя основными армиями к правящей династии.

Старания австрийцев, направленные на то, чтобы заставить южногерманские государства отправить свои контингенты в Богемию, не увенчались успехом. Союзники Австрии не слишком спешили с военными приготовлениями. Лишь 27 июня командующим армией Германского союза был назначен герцог Карл Баварский. В его распоряжении оказались около 120 тыс. человек с 300 орудиями, которые были разбросаны по всей Германии — от Ганновера до Баварии.

На южном театре военных действий на 25 июня прусской армии численностью около 278 тыс. человек противостояли в общей сложности семь австрийских армейских корпусов (1–4, 6, 8 и 10-й) общей численностью 246 тыс. человек, а также саксонский корпус численностью 22,5 тыс. человек, стремительно отступавший на соединение с австрийскими силами<sup>76</sup>. Северная армия, не успевшая полностью подготовиться к предстоявшей кампании, медленно двигалась из Моравии в Богемию. Сильно растянувшись в длину (до 120 км), основная масса войск двигалась по трем расположенным поблизости друг от друга параллельным дорогам. Бенедек стремился держать все войска как можно ближе друг к другу и за счет этого в значительной мере утратил подвижность. Частям не было предоставлено ни дня отдыха, интендантская служба плохо справлялась со своими обязанностями. «Войска шли по богатой Богемии, как в пустыне, и даже колодцы по пути оказывались опорожненными»<sup>77</sup>. Естественно, это не могло не сказаться на боеспособности солдат. Бенедек планировал сконцентрировать свои силы к 29–30 июня в районе Гичина, чтобы дать там генеральное сражение I армии.

Тем временем I армия, которой Мольтке поставил задачу быстро продвигаться вперед, чтобы облегчить II армии переход горных перевалов, 23 июня пересекла границу и двигалась по богемской земле. К 25 июня она

<sup>73</sup> Ibid. S. 69.

<sup>74</sup> Moltke H.K. В. о. Deutsche Kriegsführung, S. 34.

<sup>75</sup> Helmert H. Op. cit. S. 88.

<sup>76</sup> Helmert H., Usczeck H. Op. cit. S. 102.

<sup>77</sup> Исчерсон Г. Указ. соч. С. 94.

достигла линии Габель–Райхенберг, где, вопреки требованиям генерального штаба, остановилась, чтобы не потерять контакт с Эльбской армией. Принц Фридрих Карл, считавший себя командующим главными силами, зачастую игнорировал приходившие из Берлина приказы. Мольтке пришлось снова торопить командование I армии с дальнейшим продвижением. Он считал, что каждая из двух крупных группировок может самостоятельно отразить удар, но не разгромить главные силы врага; поэтому в первые дни кампании следовало добиваться их сближения, а не искать столкновений с неприятелем.

26 июня состоялось первое относительно крупное сражение. Группировка, в составе 1-го австрийского и саксонского корпусов, находившаяся под командованием кронпринца Саксонского, попыталась занять оборонительную позицию в районе Турнау-Мюнхенгретц на реке Изер. Прусская пехотная дивизия отбросила австрийский аррьергард и двинулась в направлении на Подол, чтобы занять стратегически важный мост. Решив, что ему противостоит лишь слабый авангард, кронпринц Саксонский попытался отбросить пруссаков. После первоначального успеха австрийцы вынуждены были, однако, отказаться от своего намерения и отступить.

Уже в этом первом сражении были четко различимы некоторые закономерности, определявшие характер боевых столкновений этой кампании. Во-первых, австрийская «ударная тактика» полностью провалилась, превосходство игольчатых винтовок стало очевидным. Атакующие батальонные колонны буквально истекали кровью в прусском ружейном огне. Потери пруссаков составили 130 человек убитыми, австрийцев — 1048. Это соотношение в общем и целом сохранится и в последующих столкновениях. Во-вторых, сражение теперь начиналось не тогда, когда полководцы выстраивали свои армии и отдавали приказ о наступлении. Дальнобойность стрелкового оружия увеличилась, и бой теперь завязывался с ходу, как только противники замечали друг друга. Постоянно подходившие подкрепления питали сражение с обеих сторон. Увы, командование I армии не осознало этого факта и попыталось сконцентрировать свои войска, удерживая их от боя с неприятелем. В результате 28 июня соединение кронпринца Саксонского смогло беспрепятственно отступить в направлении на Гичин, а продвижение пруссаков существенно задержалось. Вместо того чтобы окружить и разгромить австро-саксонскую группировку, пруссаки смогли нанести урон лишь ее аррьергардам. «В этот день ясно выказались затруднения, сопряженные с одновременным движением сосредоточенных больших масс», — лаконично отмечает официальная прусская история войны<sup>78</sup>. Сам Мольтке, а за ним и Шлиффен называли такую ситуацию «гнусной крайностью сосредоточения»:

<sup>78</sup> История войны 1866 года в Германии. С. 151.

«Сосредоточенную массу нельзя было ни расквартировать, ни довольствовать, а прежде всего невозможно было передвигать»<sup>79</sup>. Это было тем более некстати, что на фронте II армии разыгрывались драматические события.

\*\*\*

26 июня 1866 г. войска кронпринца в спешном темпе двигались по горным перевалам. Мольтке в своих посланиях Блументалю особо подчеркивал, что тот должен позаботиться о «правильном руководстве», т. е. о синхронном начале наступления корпусов, использовании максимального количества дорог и взаимной поддержке частей в бою<sup>80</sup>. V армейский корпус Штайнмеца (левый фланг) двигался через Наход и Скалиц, I армейский корпус Бонина (правый фланг) — через Траутенау, гвардейский корпус (центр) — через Эйпель. VI корпус временно остался на реке Нейсе, прикрывая Верхнюю Силезию, — в этом вопросе Мольтке пришлось уступить королю, на которого оказывали давление силезские аристократы. Поскольку первоначально корпуса не встретили никакого сопротивления, штаб II армии оптимистично предположил, что Бенедек еще далеко, и запланировал соединение армии в районе Кенигинхофа.

Вскоре ситуация изменилась. В ночь с 26 на 27 июня 6-й австрийский корпус вышел в район Находа, не зная, что там уже находится авангард пруссаков. Сражение завязалось утром 27 июня. Повторилась та же картина, что и при Мюнхенце: занявшие оборону пруссаки успешно отражали натиск первых австрийских бригад, перешедших в атаку. Однако вскоре превосходство оказалось на стороне наступающих: им удалось охватить сравнительно малочисленный прусский авангард с двух сторон и оттеснить его назад. Тем не менее отступление было недолгим, и подошедшие подкрепления позволили войскам Штайнмеца отбросить противника и даже перейти в контр-атаку. Лишь эффективные действия артиллерии дали австрийцам в относительном порядке отступить к Скалицу. Их потери были примерно в шесть раз выше, чем у пруссаков. «Бой глубокого порядка против широкого, прием постепенного питания боя против приема, вводящего сразу все свои силы, колонны против развернутого фронта, молодецкого штыка против «пули-дуры», гладкоствольного ружья против игольчатого, мишени против стрелка» — так охарактеризовал это сражение Шлиффен<sup>81</sup>.

Иначе развивались события у Траутенау. Штаб I корпуса пренебрег тщательной разведкой и организацией марша, и поэтому прусские части были практически врасплох застигнуты австрийским ударом. В то время как

<sup>79</sup> Шлиффен А. Указ. соч. С. 66.

<sup>80</sup> Kessel E. Op. cit. S. 468.

<sup>81</sup> Шлиффен А. Указ. соч. С. 72.

пруссский авангард отражал атаки превосходящих сил австрийцев, основная часть пехоты спокойно стояла в селении Траутенау, пока не подверглась внезапному удару четырех бригад 10-го корпуса. Части Бонина в результате были отброшены обратно в горы. Имея все условия для победы, прусский командир корпуса потерпел поражение. Но потери австрийцев и в этом сражении были существенно выше прусских, и их частный успех оказался весьма недолговечным. «27 июня под Траутенау в уродливых муках родился новый бой XIX века, — писал Г. Иссерсон. — Не понятый, безобразно веденный и неуправляемый, он все же показал все отличия новых условий ведения боя»<sup>82</sup>.

Вечером 27 июня Бенедек приказал 4-му и 8-му корпусам поддержать своих товарищей в борьбе с частями II армии. Однако практически сразу же приказ был отменен; австрийское командование сочло нецелесообразным направлять столь крупные силы против двух армейских корпусов (как оно продолжало считать), к тому же маневрирование представляло значительную сложность для громоздкого колосса Северной армии. Поэтому было решено придерживаться первоначального плана. Наступающего из Силезии противника надлежало сдерживать силами 4-го и 10-го корпусов, обратив все остальные части против I армии пруссаков.

Однако 28 июня войска кронпринца нарушили эти планы. Гвардейцы, получившие приказ отбить Траутенау и расчистить путь I корпусу, прекрасно справились со своей задачей. Героем дня вновь стал Штайнмец; части V корпуса наткнулись в районе Скалица на 8-й корпус австрийцев, стремившийся соединиться с главными силами Северной армии. В ходе сражения, протекавшего по уже знакомому сценарию, австрийцы понесли большие потери и вынуждены были отойти на соединение с 4-м корпусом.

Как уже отмечалось выше, у этих боев была одна общая черта: они начинались и развивались зачастую вопреки воле военачальников. Части вступали в столкновение неожиданно, до того, как кто бы то ни было успевал их должным образом сконцентрировать и подготовить к схватке. Все усилия старших командиров, направленные на то, чтобы прекратить бой, оканчивались неудачей. Сражения развивались по новым законам, и попытки втиснуть их в рамки старых шаблонов приносил только вред. По словам Г. Иссерсона, эти бои «провели историческую грань между двумя эпохами военного искусства»<sup>83</sup>. Свои возможности не использовали в этих сражениях ни австрийцы, ни, в гораздо большей степени, пруссаки.

Только теперь Бенедеку стала очевидной действительная сила II армии. Впрочем, его положение еще «ни в коем случае не являлось неблаго-

<sup>82</sup> Иссерсон Г. Указ. соч. С. 102.

<sup>83</sup> Там же. С. 105.

приятным»<sup>81</sup>. Для того чтобы избежать разгрома, необходимо было действовать решительно и энергично, а австрийский командующий все более и более склонялся к обороне, упуская все еще оставшиеся у него шансы. Правда, поздним вечером 28 июня он отдал приказ сконцентрировать Северную армию в районе Йозефштадт-Кенигинхоф, чтобы разгромить войска кронпринца до их соединения с I и Эльбской армиями. На поддержку австро-саксонской группировки был направлен 3-й корпус, его основной задачей было задержать войска Фридриха Карла. Но намерение Бенедек разбить противостоящего ему неприятеля по частям было уже практически невыполнимым. Между двумя прусскими армиями, двигавшимися по перпендикулярным линиям, оставалось на тот момент не более 50 километров. Весь расчет Бенедек строился на медленном продвижении I прусской армии, однако это допущение было не слишком надежным.

29 июня продвижение II армии продолжалось. Корпус Штайнмеца нанес поражение 4-му австрийскому корпусу, а гвардейцы серьезно потрепали арьергард отступавшего 10-го корпуса у Кенигинхофа. I армия, вопреки первоначальным намерениям предоставить солдатам день отдыха, также пришла в движение. Здесь сыграл свою роль Мольтке, торопивший Фридриха Карла, который за восемь дней покрыл всего 70 км и был весьма горд этим результатом. «Рано утром 29 июня Мольтке потребовал, чтобы I армия оставила в покое рожденного ее фантазией противника и без промедления шла на поддержку II армии», — пишет об этом Шлиффен<sup>82</sup>. Войска кронпринца Саксонского вынуждены были отступить, не рискуя сражаться с превосходящими силами врага. Ночью завязалось серьезное сражение за Гичин, в ходе которого саксонцы успешно отразили две прусские атаки, однако были вынуждены отойти под угрозой окружения. 30 июня кавалерия I армии впервые вошла в соприкосновение с частями II армии. Дальнейшее сближение замедлилось — по словам немецких исследователей, «после того, как стратегическое объединение обеих армий состоялось, Мольтке не стал осуществлять тактическое объединение, поскольку близость сражения еще не была очевидной и следовало сохранять подвижность»<sup>83</sup>. Шефу генерального штаба удалось сохранить разделение армий, жизненно необходимое для успеха предстоящего сражения, лишь «благодаря неоднократному вмешательству главной квартиры»<sup>84</sup>.

Сам шеф генерального штаба прибыл в Гичин 1 июля в составе главной квартиры короля. Ранее директивы войскам передавались по телеграфу:

<sup>81</sup> Шлиффен А. Указ соч. С. 85.

<sup>82</sup> Там же. С. 96.

<sup>83</sup> Helmert H., Usczeck H. Op. cit. S. 116.

<sup>84</sup> Мольтке Г.К.Б. Военные учения. Оперативная подготовка к сражению. М., 1938. С. 29.

несмотря на частые обрывы на линиях, это новое средство связи зарекомендовало себя положительно. Однако существовавшая система связи все еще не позволяла управлять войсками на расстоянии — в Берлин, как правило, поступала уже устаревшая информация, соответственно успевали устареть и распоряжения из столицы. Накануне, 30 июня, у Мольке был весьма напряженный день. Главная квартира, надолго задержавшаяся в Берлине из-за затянувшихся переговоров с Ганновером, остановилась в Райхенберге, и Бисмарк, надевший по случаю войны униформу кавалерийского майора, прибежал к шефу генерального штаба с известием о том, что их защищают лишь несколько сотен солдат, а в непосредственной близости находятся шесть неприятельских кавалерийских полков. «Разве это не опасно?!» — вопрошал глава правительства. «Да на войне, знаете ли, вообще все опасно», — спокойно ответил Мольке в своем излюбленном стиле<sup>88</sup>.

На фронте он, как и два года назад, почувствовал себя гораздо здоровее. «Мое самочувствие значительно улучшилось», — писал он жене<sup>89</sup>. Проблем было более чем достаточно: новая система управления войсками, когда фактическим командующим являлся шеф генерального штаба, оставалась непривычной для большинства высших офицеров, и в результате значительная часть жизненно необходимой информации просто не попадала к Мольке<sup>90</sup>. Окончательно взяв в свои руки руководство на театре военных действий ему удалось лишь 2 июля.

Командование Северной армии склонялось к отступлению. Возможность разгромить противника по частям, если она и существовала, была полностью упущена: «Теперь Бенедек уже метался между двух огней; и, чтобы потушить один из них, он должен был неизбежно обжечься о другой, а возможно, и вовсе сгореть в нем»<sup>91</sup>. Скоцентрированные на Эльбе австрийские корпуса находились далеко не на пике своей боеспособности, шесть из них серьезно пострадали в предыдущих сражениях. Моральное состояние солдат было откровенно плохим, и постоянные перебои в снабжении его отнюдь не улучшали. Тем не менее Северной армии удалось беспрепятственно отступить 1 июля на новые позиции позади речки Бистрицы, притока Эльбы. Этот маневр удался потому, что прусская войсковая разведка не смогла своевременно обнаружить передвижение противника. Ошибка эта была тем более печальной, что австрийцы, отступавшие в беспорядке, по размокшим и постоянно перекрещивавшимся дорогам, страдавшие от недостатка еды и плохих биваков, представляли собой сравнительно легкую

<sup>88</sup> Herre F. Op. cit. S. 229.

<sup>89</sup> Moltke H.K.V. AW. Bd. 2. S. 73.

<sup>90</sup> Craig G. Op. cit. S. 291.

<sup>91</sup> Исчерсон Г. Указ. соч. С. 112.

добычу. Вечером 1 июля Мольтке предполагал, что противник находится в районе Йозефштадта и планирует отступить на Ольмюц. В связи с этим он окончательно решил отказаться от объединения I и II армий и планировал дальнейшее наступление широким фронтом. О генеральном сражении в ближайшие дни речи пока не было.

2 июля прусское командование предоставило своим войскам отдых. В течение дня было приблизительно установлено новое место дислокации австрийцев, и на следующий день было назначено наступление. Изначально предполагалось, что противник занял позицию позади Эльбы, и Мольтке настаивал на том, чтобы I и II армии двигались по разным берегам реки — это, по его мысли, позволяло наверняка замкнуть кольцо окружения. «Вопрос заключался не в том, будут ли австрийцы оттеснены, что штабам армии рисовалось как высшее достижение, — напишет впоследствии Шлиффен, — а в том, будут ли они, как этого хотел Мольтке, окружены»<sup>92</sup>. Однако у этого плана нашлись противники; генерал-адъютант короля фон Альвенслебен заявил, что подобная операция слишком опасна и армии необходимо объединить до сражения. «Война — это вообще опасная штука», — вновь отозвался шеф генерального штаба<sup>93</sup>.

Мольтке все еще не располагал информацией относительно оборонительной позиции противника и опасался, что враг может попытаться уйти. Надлежащей разведки произведено не было. Поздно вечером, однако, поступила информация о том, что австрийцы сконцентрировались на левом берегу Эльбы; правда, точный состав их сил был неизвестен, и генеральный штаб предполагал увидеть перед собой лишь часть Северной армии. Мольтке был вне себя от радости: противник сам заманил себя в ловушку, из которой не было выхода! «У меня лишь одна забота — чтобы неприятель от нас не ускользнул», — сказал он позднее Бисмарку<sup>94</sup>.



3 июля 1866 г. состоялось крупнейшее сражение всей кампании — битва при Кениггреце (Садовой). Обычно именно ему приписывают решающую роль в исходе войны. С этим трудно согласиться. Австрийские части были серьезно потрепаны в предыдущих боях. В последних числах июня австрийские войска потеряли в восьми сражениях более 30 тыс. солдат и офицеров<sup>95</sup>. 1 июля Бенедек отправил императору донесение, в котором просил о скорейшем заключении мира. «Умоляю Ваше Величество заключить мир на

<sup>92</sup> Шлиффен А. Указ. соч. С. 86.

<sup>93</sup> *Moltke H.K.V. Gespräche*. S. 72.

<sup>94</sup> *Ibid.* S. 75.

<sup>95</sup> *Moltke H.K.V. AW*. Bd. 2. S. 56.



каких бы то ни было условиях; катастрофа для армии неминуема», — писал австрийский полководец<sup>96</sup>. Еще до генерального сражения он считал кампанию проигранной. Однако Франц Иосиф не собирался сдаваться так быстро и настоял на том, чтобы Северная армия дала бой врагу.

Бенедек выбрал для сражения позицию на левом берегу Эльбы, возле деревни Садова. Место было намечено исключительно удачно: рельеф местности благоприятствовал австрийцам. Их войска, изогнувшись дугой, оба конца которой упирались в Эльбу, занимали господствующие высоты и были прикрыты с фронта небольшой речкой Бистрица, рощами и болотами. Инженерные части успели выстроить ряд полевых укреплений и навести в тылу шесть мостов через Эльбу, чтобы иметь возможность быстро отступить в случае необходимости. В тылу находилась также расположенная на берегу Эльбы крепость Кенигтретц — важный транспортный узел. Боевой дух австрийских частей немного укрепился. По мнению исследователей, Бенедек не собирался обороняться. Его план заключался в том, чтобы быстрым ударом отбросить I прусскую армию и всеми силами обрушиться на II. Однако такой возможности у него уже не было.

Общая численность Северной армии составляла на этот момент около 215 тыс. человек. Этой массе противостояло утром 3 июля около 85 тыс. человек, входивших в I прусскую армию, при которой находились король Пруссии Вильгельм I и Мольтке. На подходе находились 40 тыс. человек Эльбской армии и, на большем удалении, II армия численностью почти 100 тыс. человек<sup>97</sup>. Силу противника утром 3 июля Мольтке оценивал, как минимум, в три армейских корпуса<sup>98</sup> (тогда как на самом деле ему противостояли восемь), хотя и не исключал, что здесь сконцентрирована вся австрийская армия. Однако последнее предположение казалось ему менее вероятным.

План Мольтке, выработанный совместно с находившимися на театре военных действий офицерами Большого генерального штаба, заключался в том, чтобы фронтальной атакой I армии сковать противника до того момента, когда II армия нанесет ему фланговый удар. Одновременно Эльбской армии следовало обойти с юга левый фланг неприятеля. В идеале сражение должно было завершиться окружением австрийской группировки, стать битвой на уничтожение, новыми Каннами. Бенедика следовало отрезать от переправ через Эльбу и, таким образом, лишить всякого пути отступления.

День 3 июля выдался непогожим: моросил мелкий дождь, было довольно прохладно для середины лета. Уже начиная различать неравенство сил,

<sup>96</sup> *Презентация Я. Кенигтретцское сражение.* СПб., 1888. С. 6.

<sup>97</sup> *Строев А.А.* Указ. соч. С. 541.

<sup>98</sup> *Moltke H.K.V.v. Gespräche.*-S. 74.

Мольтке тем не менее отдал приказ частям I армии атаковать противника. В 8 часов утра представители главной квартиры (из офицеров генерального штаба — Мольтке, Подбельски и Вартенслебен) появились на поле предстоящего сражения. Одновременно прусские дивизии II и IV корпусов вступили в бой. Фридрих Карл советовал подождать, но Мольтке спешил связать противника боем, рассчитывая, что не позднее 11.30 в бой вступят части II армии.

Первоначальные успехи прусской пехоты были вскоре поставлены под вопрос мощным огнем австрийской артиллерии. Прусские батареи были в это время практически лишены возможности поддержать свои части. Наиболее драматические события разворачивались в лесу Свиб около селения Чистовец. Опрокинув четыре австрийских батальона, прусская 7-я пехотная дивизия генерала Франзеки заняла лес и селение, отразив огнем игольчатых винтовок первые контратаки австрийцев. Однако вскоре 4-й корпус подтянул сюда всю свою артиллерию (около 80 орудий), которая ураганным огнем поддержала атаку трех бригад. Несмотря на отчаянное сопротивление, пруссаки были отеснены в юго-западную часть леса. Войска противников в лесу перемешались, управление боем с обеих сторон было утеряно. Тем не менее прусская пехота постепенно начала вытеснять австрийцев из леса, пока на помощь последним не подошли две бригады 2-го корпуса. Положение прусских солдат в лесу стало критическим, однако они выполнили свою задачу: 14 батальонов при поддержке 24 орудий приковали к себе 49 австрийских батальонов и 120 орудий. Эти силы были переброшены с правого, северного фланга, который таким образом в значительной степени оголился. Вывести их из боя и вернуть на прежние позиции, как намеревался Бенедек, уже не представлялось возможным.

Похожие события развивались в лесу Хола, где атака 8-й пехотной дивизии пруссаков захлебнулась в огне артиллерии 3-го корпуса. Лишь с большим трудом прусским частям удалось переправить свою артиллерию через Бистрицу и ввести ее в сражение. Положение пехоты облегчилось, но ненадолго: поддерживавшие ее батареи вскоре начали испытывать «снарядный голод». Однако контратаки австрийцев тоже не дали никакого эффекта. На короткое время возникла патовая ситуация.

Утренний бой был наиболее драматичным во всем сражении и поэтому обращал на себя внимание как современников, так и историков. Однако на самом деле он был частью плана, прекрасно продуманного Мольтке. То, что атакующие не прорвали фронт противника, не имело большого значения; их основной задачей было сковать как можно больше австрийских частей, и с ней они блестяще справились. «Австрийские войска купили одержанный ими успех не только ценою тяжелых жертв, но, что было несравненно

важнее, ценою своего стратегического положения», — писал Я. Преженцов<sup>99</sup>. Именно этим объяснялось спокойствие шефа прусского генерального штаба, которое так удивляло окружающих.

Мольтке вместе с королем и Бисмарком находился на одной из окрестных высот, с которой можно было наблюдать за ходом сражения. Он категорически возражал против посылки сражающимся частям любых подкреплений, приберегая свежие силы для решающего момента. Ближе к полудню напряжение стало нарастать: атака I армии явно захлебнулась, а войска кронпринца, которых ждали с минуты на минуту, все не появлялись. В значительной степени виноват в последнем был все тот же злополучный Бонин, корпус которого вечером 2 июля оказался ближайшим к месту сражения из всех частей II армии. Получив приказ наступать за подписью Мольтке, он предпочел дожидаться подтверждения со стороны кронпринца и потерял драгоценное время. Затем свою лепту внесло отвратительное состояние дорог.

Впрочем, поведение Бонина не было на тот момент чем-то из ряда вон выходящим. Один из дивизионных командиров, генерал фон Манштейн, получив на поле битвы под Кениггрецем приказ за подписью начальника генерального штаба, воскликнул: «Все это очень верно; но кто такой этот Мольтке?»<sup>100</sup> Авторитет генерального штаба все еще был не слишком высок.

Даже король, казалось, начал сомневаться в способностях своего палатина. «Мольтке, Мольтке, мы проигрываем сражение!» — запричитал он. «Ваше Величество выиграют сегодня не просто битву, а всю кампанию», — отозвался шеф генерального штаба. Глава правительства выбрал свой способ проверить Мольтке: протянул ему открытый портсигар, в котором оставались всего две сигары. Генерал спокойно и без колебаний выбрал лучшую из них, что Бисмарк считал хорошим признаком: уверенность шефа генерального штаба была не наигранной<sup>101</sup>. Мольтке к тому моменту уже понял, что перед ним — главные силы противника, и потому запланированные фланговые удары вряд ли окажутся в состоянии отрезать австрийцев от переправ. Однако он с уверенностью рассчитывал по меньшей мере серьезно потрепать вражескую армию.

Около 11.00 начали подходить части Эльбской армии, которые нанесли удар по левому флангу Бенедека, оттеснив назад саксонский корпус. Правда, они действовали не самым эффективным образом: во-первых, была использована только одна переправа через Бистрицу, во-вторых, была упущена возможность обойти левый фланг австрийцев и отрезать им путь

<sup>99</sup> Преженцов Я. Указ. соч. С. 15.

<sup>100</sup> Moltke H.K.V. Aufzeichnungen... S. 241.

<sup>101</sup> Herre F. Op. cit. S. 239.

к отступлению. Примерно в 13.00 Фридрих Карл предложил бросить в бой все силы I армии, но Мольтке отверг подобное решение как преждевременное. А в 14.00 по практически оголенному правому флангу Бенедек нанесли удар свежие части II армии. Отоздание не уменьшило эффективность их действия: фактически с этого момента битва была окончательно и бесспорно проиграна австрийцами.

Бенедек бросил навстречу наступающим пруссакам 6-й корпус, ранее находившийся в резерве, и попробовал вывести из сражения 2-й и 4-й корпуса. Гвардейские части с ходу взяли Масловед и Хлум — ключевые пункты австрийской обороны на правом крыле. Части кронпринца вышли практически в тыл австрийским войскам, сражавшимся против I армии, и открыли по ним эффективный артиллерийский огонь. Ряд исследователей считает, что, ввязавшись в бой за Хлум, войска кронпринца упустили возможность быстро продвинуться дальше на юг и отрезать противника от переправ через Эльбу<sup>102</sup>.

Контрудары австрийских резервов (6-й, затем 1-й корпус) не привели к существенным успехам, поскольку на помощь гвардейцам начали подходить части I прусского корпуса. Ситуация стала критической, и к 16.00 Бенедек практически потерял управление своими войсками. Началось отступление за Эльбу. Комендант Кенигтреча, испугавшись пруссаков, закрыл ворота перед отступающими, и тем пришлось в буквальном смысле слова штурмовать собственную крепость. «Беспорядок в отступающих войсках достиг крайних пределов»<sup>103</sup>. Венгерские батальоны местами сдавались в плен в полном составе. По словам Я. Преженцова, «отступление австрийской армии на чрезвычайно тесном пространстве оказало больше вреда, чем само сражение: войска разбрелись и множество орудий и повозок было брошено на затопленных полях и в канавах»<sup>104</sup>. Главная цель плана Мольтке — окружение противника — не была достигнута; фланговые удары оказались слишком слабыми.

Отход основной части австрийской армии прикрывали кавалерия и многочисленные артиллерийские батареи. Их успеху сильно помогло то, что пруссаки не сумели организовать эффективное преследование отступавшего противника. Кавалерия держалась слишком далеко позади основных сил и не смогла своевременно развить успех. В 17.30 прусское командование остановило дальнейшее продвижение своих частей. Мольтке впоследствии объяснял это тем, что части на поле боя сильно перемешались и управление ими стало невозможным. «Наша армия была попросту неспособна

<sup>102</sup> Deutsche Militärgeschichte... Bd. 6. S. 405.

<sup>103</sup> История войны 1866 года в Германии. С. 316.

<sup>104</sup> Преженцов Я. Указ. соч. С. 38.

организовать преследование в тот же день», — говорил Мольтке на склоне своих лет<sup>105</sup>. На самом деле, прусское командование, в том числе и шеф генерального штаба, просто не сумело сразу оценить масштаб одержанной победы; к примеру, число захваченных орудий было в первые часы после боя оценено в девять раз ниже реального. Быстрое отступление австрийцев вновь заставило усомниться в том, что перед пруссаками была вся австрийская армия, и предполагать свежие силы противника на другом берегу Эльбы. Находились среди прусских офицеров и такие, кто в конце дня спрашивал: кто же, собственно, одержал победу?<sup>106</sup> «В какой степени эта победа потрясла нравственный элемент австрийской армии, этого невозможно было знать достоверно ни в тот день, ни даже на следующий», — оправдывались авторы официальной истории войны<sup>107</sup>. Только Эльбской армии было приказано преследовать противника. Однако нечеткая формулировка — редкий, если не уникальный случай для Мольтке — привела к тому, что Херварт неправильно понял свою задачу и вскоре прекратил движение V и кавалерийский корпуса, не участвовавшие в сражении, также не были своевременно использованы. Те кавалерийские части пруссаков, которые все же появились на поле боя, были отброшены контратакой австрийской кавалерии. «Без сомнения, упорное преследование привело бы к полному уничтожению австрийской армии»<sup>108</sup>, — с этим утверждением Фон-Сотена можно согласиться.

Второе по величине сражение XIX столетия (после битвы под Лейпцигом 1813 г.) завершилось. Хотя отсутствие преследования не позволило пруссакам полностью разгромить австрийскую армию, ее потери были весьма велики: около 43 тыс. убитыми, ранеными и пленными. Потери прусской армии составили менее 10 тыс. человек<sup>109</sup>. Пруссаками было захвачено 174 орудия. «Результат был достигнут, даже крупный результат, — писал Шлиффен, — но не тот, который был уже в руках у пруссаков»<sup>110</sup>.

Битва при Садовой зачастую описывается историками как решающая для судьбы Пруссии и всей Германии. Приводятся фразы, якобы произнесенные важнейшими «действующими лицами» с прусской стороны на поле боя: к примеру, «здесь поставлено на карту все будущее Пруссии»<sup>111</sup>. Утверждается, что, если бы Бенедек решительно ударил по I армии утром

<sup>105</sup> *Moltke H.K.V. Gespräche*. S. 129.

<sup>106</sup> *Свечин А.А. Указ. соч.* С. 265.

<sup>107</sup> История войны 1866 года в Германии. С. 328.

<sup>108</sup> *Фон-Сотен О. Указ. соч.* С. 86.

<sup>109</sup> *Строков А.А. Указ. соч.* С. 542.

<sup>110</sup> *Шлиффен А. Указ. соч.* С. 114.

<sup>111</sup> *Moltke H.K.V. Gespräche*. S. 77.

или II армия не успела бы подойти к середине дня, сражение было бы однозначно проиграно и Пруссия лишилась бы всяких надежд на победу в войне. Часто приводится фраза, которую один из флигель-адъютантов короля сказал Бисмарку после сражения: «Ваше превосходительство, теперь Вы — великий человек; но если бы кронпринц опоздал, Вы были бы величайшим злодеем!»<sup>112</sup>

На самом деле эти слова свидетельствуют только о полном непонимании обстоятельств разыгравшегося боя. Тщательный анализ показывает, что любая австрийская контратака неизбежно захлебнулась бы в частом огне прусской пехоты, как это происходило в приграничных сражениях. К тому же Мольтке, предусмотрев такую возможность, держал в резерве свежий III армейский корпус. Даже успешный удар по I армии стоил бы Бенедекку такой крови, что подошедшая II армия нанесла бы его потрепанным и перемешанным войскам неизбежное поражение. Сам Мольтке считал, что решительное наступление Бенедекка привело бы к более серьезному поражению австрийцев, поскольку Вторая армия в этом случае смогла бы зайти его частям не во фланг, а в тыл<sup>113</sup>. «Соединившись с Эльбскою, I армия была достаточно сильна, чтобы удержаться за этой преградой [Бистрицей] даже и в таком случае, если бы неприятель произвел атаку всеми силами», — значит в труде, выпущенном прусским генштабом по итогам кампании<sup>114</sup>. Впрочем, по мнению большинства исследователей, позиция «обороняющегося исключала всякую возможность к переходу всеми силами в наступление»<sup>115</sup>.

В случае, если бы Бенедек не ограничился обороной, а II армия не успела бы на поле боя, день 3 июля 1866 г., скорее всего, закончился бы «вничью». Оставалось два варианта — продолжение битвы всеми прусскими силами на следующий день (с неизбежным победным итогом) либо отступление Бенедекка, по пятам преследуемого пруссаками, что было бы для австрийцев немногим лучше.

Итог сражения был весьма неоднозначен. С одной стороны, никто не сомневался в том, что одержана крупная победа; с другой — одержанный успех мерк в сравнении с тем, что могло бы быть достигнуто, если бы план Мольтке был полностью реализован. Сам шеф генерального штаба впоследствии заявлял, что «все удалось прекрасно; особенно хорошо было то, что три прусские армии смогли соединиться на поле сражения, причем именно в тот момент, когда это было желательно»<sup>116</sup>, и называл Кениггрец «достойным

<sup>112</sup> *Eyck E. Bismarck. Bd. 2. Erlenbach-Zürich, 1943. S. 243.*

<sup>113</sup> *Moltke H.K.V. Gespräche. S. 218.*

<sup>114</sup> История войны 1866 года в Германии. С. 207.

<sup>115</sup> *Прежнецов Я. Указ. соч. С. 5.*

<sup>116</sup> *Moltke H.K.V. Gespräche. S. 82.*

венцом всего нашего похода»<sup>117</sup>. Однако он явно кривил душой. По словам Г. Иссерсона, «день 3 июля превратился для Мольтке в тяжелое испытание, но не столько от борьбы с противником, сколько от борьбы со своими же подчиненными начальниками. Из этой борьбы он не смог выйти полным победителем, и мастерски задуманное сражение дало лишь часть тех результатов, к которым оно могло привести»<sup>118</sup>. Вина за это ложится в первую очередь на высших офицеров, командующих дивизиями и корпусами. Оказавшись не на высоте тех требований, которые предъявляла новая эпоха, они упустили шанс нанести катастрофическое поражение Северной армии.

Впрочем, скорее всего, контуры сражения еще весьма смутно вырисовывались в голове самого шефа генерального штаба к началу битвы. По крайней мере, в его директивах нигде не встречается указание о том, чтобы II армия действовала строго отдельно от частей Фридриха Карла, не стремясь войти с ними в соприкосновение на поле сражения. Эластичность плана Мольтке, которая не дала ему провалиться вопреки отвратительным погодным условиям и неверно оцененным масштабам сил неприятеля, имела и свою оборотную сторону, оставляя военачальникам свободу действовать по собственному усмотрению<sup>119</sup>.

Сам шеф генерального штаба чувствовал после битвы в первую очередь невероятную усталость. Встав в четыре утра, он за весь день съел лишь две плитки шоколада и ломтик колбасы, которым его угостил встречный улан. Напряжение первых часов битвы, восторг победы, быстро уступивший место осмыслению новой обстановки, и, конечно же, незабываемая картина поля боя после сражения. «Во многих местах равнина была буквально покрыта телами людей и лошадей, — напишет он жене. — Ружья, горны, шинели и многое другое лежало повсюду. Я видел ужасные раны, и никто не мог прийти на помощь. Один офицер просил нас застрелить его.

Санитары работали без передышки, но число раненых было слишком велико»<sup>120</sup>. Лишь в час ночи шеф генерального штаба добрался до квартиры в Гитчине, где, голодный и озябший, прямо в шинели лег на кровать и забился глубоким сном. Сделал ли он все, что мог, для успеха битвы? В конце концов, его возможности были довольно ограниченными. Он не был главнокомандующим в полном смысле этого слова, «был лишен достаточного авторитета и не был призван говорить с решительностью власть имущего. Он должен был довольствоваться вежливыми советами, учтивым составлением директив и тому подобными средствами и только в крайней нужде

<sup>117</sup> Ibid. S. 99.

<sup>118</sup> Иссерсон Г. Указ. соч. С. 115.

<sup>119</sup> Helmen H. Op. cit. S. 178.

<sup>120</sup> Molthe H.K.B.v. Aufzeichnungen... S. 242.

он мог королевским приказом устранять грубейшие ошибки»<sup>121</sup>. Там, где он имел возможность, он вмешивался в ход сражения, исправляя и корректируя, приспособляясь к обстоятельствам и творчески используя их. Было бы ошибкой требовать от него большего, чем он и так сделал в этот знаменательный день.



Несмотря на битву при Садовой, война еще была далека от завершения. По словам немецких историков, «при Кенигтрее Австрия потерпела тяжелое, но не окончательное поражение»<sup>122</sup>. Несмотря на то что австрийская армия не могла немедленно дать повторное сражение, она отходила в относительном порядке, и практически никто не мешал ей собраться с силами. Вопреки советам Мольтке, итальянцы не стали обходить австрийский «четырёхугольник крепостей» и искать генерального сражения в открытом поле, а атаковали неприятеля в лоб. В результате на южном фронте австрийцам удалось одержать значительную победу при Кустоцце, и Южная армия эрцгерцога Альбрехта начала движение в направлении Вены.

Для Северной армии отступление на Вену было невыносимо, поскольку тяжести этого перехода довели бы до логического завершения уничтожение австрийских сил. Для обороны столицы был спешно отправлен по железной дороге 10-й корпус, а основная часть армии двинулась на Ольмюц, где Бенедек рассчитывал занять сильную фланговую позицию в укрепленном лагере. Впрочем, последний «находился в весьма плачевном состоянии, был едва приспособлен для собственной обороны и оказался совершенно непригодным для восстановления разбитой армии»<sup>123</sup>.

Только 6 июля 1866 г. Мольтке получил надежные данные о передвижениях австрийской армии. Пруссаки продолжили свое наступление 7 июля, когда их части отдохнули и были приведены в порядок. Отдых был весьма относительным — система снабжения хромала, и зачастую солдатам приходилось питаться мясом убитых лошадей, «блага кавалерийские атаки в конце сражения оставили достаточно для жаркого»<sup>124</sup>. Как писал Мольтке, «большая часть II армии вечером в день сражения и на следующее утро должна была ограничиться тем, что можно было найти на поле сражения»<sup>125</sup>. В целом интендантская служба работала неудовлетворительно — обозные парки сформированы слишком поздно, железные дороги не всегда справлялись

<sup>121</sup> Шлиффен А. Указ. соч. С. 127.

<sup>122</sup> Helmert H., Usczeck H. Op. cit. S. 130.

<sup>123</sup> Мольтке Г.К.Б. Военные поучения. Оперативная подготовка к сражению. С. 107.

<sup>124</sup> Свечиш А.А. Указ. соч. С. 257.

<sup>125</sup> Мольтке Г.К.Б. Военные поучения... С. 262.



с подвозом. Система, в соответствии с которой каждый корпус получал продовольствие из своего корпусного округа, показала свою полную несостоятельность.

После Кенигсгреца генеральный штаб взял дело в свои руки. Уже 5 июля Мольтке сообщил штабам армий о необходимости начать планомерные, хорошо организованные реквизиции, при этом не допуская мародерства. В дальнейшем был принят еще ряд мер, направленных на ликвидацию кризиса. С 10-х чисел июля ситуация начала улучшаться. Но в это же время разразилась эпидемия холеры, унесшая в конечном итоге более 4 тысяч жизней.

Только начав наступление, пруссаки полностью осознали масштаб как самого сражения, так и потерь противника. В письме Марии Мольтке красочно описывает дорогу, по которой отступали австрийцы: «Свидетельства беспорядочного бегства множались. Тысячи горнов, кепи, перевязей и сабель покрывали поле. <—> Сотни повозок всех видов. Телеги, полные снарядов и патронов, санитарные кареты с корзиной, битами и склянками, повозки с офицерской поклажей, частично перевернутые, частично сброшенные в болото»<sup>126</sup>. Вероятно, в этот момент Мольтке горько пожалел о том, что немедленное преследование противника не было организовано.

Вдвигая за Бенедекком была направлена лишь II армия; I и Эльбская двинулись прямой дорогой к австрийской столице. Это разделение вызвало серьезную критику со стороны Блументала, который предпочел бы, чтобы обе группировки держались вместе. В конечном счете, когда стало очевидно, что армия Бенедекка пока не способна на активные действия, Мольтке пошел на компромисс: II армии надлежало не прикрывать Силезию, а дислоцироваться к юго-западу от Ольмюца, угрожая коммуникации Бенедекка с Веной.

9 июля Бенедек получил приказ отправить 3-й и Саксонский корпуса в Вену по железной дороге (максимум, на что хватило пропускной способности), а остальные части после реформирования направить маршем через Пресбург. Впрочем, последним серьезную помеху представляла II армия, оттеснявшая австрийцев все дальше на восток, в сторону от Вены.

В прусской главной квартире в этот момент возникли серьезные разногласия. Опыливший победой монарх, которого поддержали многие военачальники, в том числе и Роон, намеревался триумфально въехать в Вену на белом коне. Противоположной позиции придерживался Бисмарк, который не упускал из виду действительных целей войны: утвердить гегемонию Пруссии в Германии. Для этого совсем не обязательно было доводить противника до полного разгрома. Наоборот, не унижая Австрию, можно было оставить возможность для нормализации отношений. Это было

<sup>126</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen...* S. 247.

особенно важно, поскольку у Пруссии имелся могущественный противник — Франция. В пылу споров министр-президент язвительно предложил двинуть прусские войска после захвата Вены в Венгрию, откуда уже рукой подать до Константинополя. Поскольку коммуникации к этому моменту так или иначе оборвутся, на берегах Босфора можно будет спокойно основать новую Византийскую империю, предоставив Пруссии ее судьбу<sup>127</sup>. Военные же говорили, что любая передышка позволит австрийцам собраться с силами и создать эффективную оборону.

Успехи Пруссии стали полной неожиданностью для Европы. Ранее предполагалось, что война будет затяжной и победу в ней, скорее всего, одержит Австрия. Наполеон III, как и многие европейские государственные деятели, был явно ошарашен быстрым поражением австрийской Северной армии. Чрезмерное усиление Пруссии не входило в его планы. Какие меры примет он в нынешней ситуации, оставалось только гадать. Австрийский император Франц Иосиф начал искать мира, и Наполеон по его просьбе с удовольствием выступил посредником. Сделал он это в весьма навязчивой форме, граничащей с прямым давлением. В любом случае нельзя было полностью исключить вооруженного вмешательства. Бисмарк запросил Мольтке, как могла бы ответить на это прусская армия. «Его ответ гласил: оборонительная тактика против Австрии, ограничивающаяся линией Эльбы, а тем временем — ведение войны против Франции»<sup>128</sup>. Шеф генерального штаба основывал свои слова на тщательных расчетах: по его мнению, война с Францией примет характер национальной, и южногерманские государства примкнут к монархии Гогенцоллернов. А это позволит сосредоточить на западной границе силы, вполне сопоставимые с французскими. Сам Бисмарк придерживался схожей точки зрения, считая возможным использовать в борьбе с Францией национальные лозунги. «Если революции суждено разразиться, лучше мы ее совершим сами», — такова была его позиция<sup>129</sup>.

Ожесточенные споры разгорелись на военных советах 12, 19 и 23 июля 1866 г. Король был непреклонен, но на стороне Бисмарка оказались два важных союзника: кронпринц и Мольтке. Шеф генерального штаба, как и глава правительства, трезво оценивал ситуацию и понимал, что основные цели похода достигнуты: «Надо не мстить, а использовать полученные преимущества»<sup>130</sup>. Австрия уже не сможет в дальнейшем вести активную политику в Германии и препятствовать объединению вокруг Пруссии. Отношение Мольтке к Австрии не изменилось — он по-прежнему считал империю

<sup>127</sup> *Craig G.* Op. cit. S. 224.

<sup>128</sup> *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Т. 2. М., 1940. С. 34.

<sup>129</sup> *Kessel E.* Op. cit. S. 486.

<sup>130</sup> *Deutsche Militärgeschichte...* Bd. 2. Teil 1. S. 202.

Габсбургов в перспективе лучшим союзником Пруссии, поэтому с самого начала не планировал против нее «войну на уничтожение». Тем не менее, он отнюдь не исключал возможности продолжения кампании и, как и подобает шефу генерального штаба, принимал все необходимые для этого меры. Возможно, именно это заставляет ряд исследователей утверждать, что изначально Мольтке выступал за продолжение кампании вместе с королем и Рооном и лишь впоследствии согласился с доводами Бисмарка<sup>131</sup>.

В отличие от большинства своих коллег и короля, Мольтке не придавал большого значения взятию Вены. В то же время он считал, что, пока кампания не завершена, нельзя дать австрийцам опомниться. 19 июля он настаивал на немедленной переправе через Дунай. Шеф генерального штаба полагал, что для скорейшего заключения мира надо оказать на австрийцев максимально возможное давление. Поэтому операции прусской армии после Кенигтрца были направлены не на новое крупное сражение, а на подавление воли к сопротивлению у политического руководства противника. Холера, плохое снабжение, понемногу разгоравшаяся в тылу пруссаков партизанская война — все это заставляло Мольтке желать скорейшего заключения мира. Соглашаясь с Бисмарком, он тем не менее не позволял ему вмешиваться в чисто военные вопросы.

Уже 4 июля в ставку прусского короля прибыл Габленц, который предложил от имени императора перемирие. Положение дел в империи Габсбургов приближалось к критическому; уже первые успехи пруссаков заставили ее забулкнуть, подобно кипящему котлу. Как писал Х. Хельмерт, «собственно говоря, даже тяжелого поражения под Кенигтрцем не требовалось для того, чтобы побудить венское правительство окончить войну за господство в Германии почетным миром»<sup>132</sup>. Прусская сторона отвергла предложение Габленца, однако переговоры продолжались; от имени Вильгельма I их вел Мольтке.

Наступление пруссаков продолжалось. 12 июля была занята Прага. П армии удалось потрепать арьергарды австрийцев у Тобичау и Рокетница, но полностью перекрыть Северной армии дорогу на Вену не получилось. Фактически продвижение прусских армий также знаменовало собой новое слово в военном искусстве — зарождалось наступление на широком фронте. В войсках наблюдался серьезный моральный подъем. «Порой мне кажется невероятным, что я всего лишь 14 дней назад выехал из Берлина, — писал Мольтке жене. — Сколько всего произошло с тех пор и как изменилось положение в мире! Пусть Господь Бог и дальше будет милостив, похоже, Он

<sup>131</sup> См., напр.: *Brandenburg E. Op. cit. Bd. 2. S. 181; Beumelburg W. Op. cit. S. 284; Прусский А. С. Указ. соч. С. 64.*

<sup>132</sup> *Helmert H. Op. cit. S. 183.*

взял наше дело под свою защиту, и я верю, что Его воля заключается в том, чтобы Германия под руководством Пруссии пришла к своему единству»<sup>133</sup>. Даже Всевышнему отводилась роль союзника прусской армии.

В Вене эрцгерцог Альбрехт, вступивший в командование всеми австрийскими силами, требовал продолжения войны до последней возможности. К 20 июля в его распоряжении оказалось более 100 тысяч солдат, которых можно было непосредственно задействовать в обороне Вены. Пруссаки, рассчитывавшие на серьезное сопротивление, медленно продвигались в район Пресбурга. «Еще 19 июля начальник генерального штаба армии полагал, что под Веной должны произойти решительные столкновения, если только дипломатия не вмешается», — писал Мольтке впоследствии<sup>134</sup>. Именно здесь могла состояться еще одна крупная битва этой войны, если бы не подписанное 21 июля и вступившее в силу на следующий день Никольсбургское перемирие.

Австрийское руководство стремилось прекратить войну, несмотря на все увещевания «ястребов». Последние были правы в одном — с военной точки зрения война была еще далеко не проиграна. Однако внутренние дела империи Габсбургов обстояли как нельзя хуже. Помимо финансового кризиса, свою роль сыграло и положение в Венгрии. Мадыарское национальное движение только и ждало подходящего момента для того, чтобы выступить против ненавистных австрийцев. Бисмарк со свойственной ему дальновидностью пошел на союз с лидерами этого движения; дело дошло даже до организации в Пруссии венгерского легиона. Как писал А.А. Свечин, «не уничтожение вооруженных сил Австрии, а угроза венгерского восстания в тылу в конечном счете заставили Франца Иосифа пойти в последнюю минуту на предложенные Бисмарком условия мира»<sup>135</sup>. Под давлением целого комплекса обстоятельств австрийское руководство согласилось заключить перемирие на прусских условиях.

Вильгельм I в конечном счете вынужден был согласиться с доводами своих соратников. Последним эта победа далась нелегко — в частности, Бисмарк в своих воспоминаниях утверждает, что в этот момент он был весьма близок к самоубийству. Мольтке, конечно же, не реагировал столь эмоционально, однако в письме Марии писал: «Не следует ставить на карту достигнутые успехи без крайней необходимости. <...> Я очень устал. Теперь я еще вовлечен в дипломатию, причем известное лицо [речь идет о короле] доставляет немалые затруднения»<sup>136</sup>.

<sup>133</sup> *Moltke H.K.V.d. Leben und Werk...* S. 293.

<sup>134</sup> *Мольтке Г.К.В. Воспоминания...* С. 68.

<sup>135</sup> *Свечин А.А. Указ. соч.* С. 239.

<sup>136</sup> *Moltke H.K.V.d. Deutsche Kriegsführung.* S. 39.

На западном театре военных действий события развивались непросто, но в основном в соответствии с планами Мольтке. Первой задачей прусских сил было не допустить соединения ганноверской армии с южногерманскими корпусами.

Уже 17 июня прусские части заняли города Люнебург, Штаде и Ганновер, а 19 июня — Кассель, столицу княжества Кургессен. После долгих колебаний командование ганноверской армии решило 20 июня отходить на юг. Первоначально из-за просчетов не слишком одаренного Фалькенштайна это намерение имело все шансы на успех. Медвежью услугу пруссакам оказал Бисмарк, настоятельно рекомендовавший Фалькенштайну начать продвижение к столице Германского союза — Франкфурту-на-Майне, к чему последний с удовольствием приступил 22 июня, потеряв контакт с ганноверской армией. Только в последний момент благодаря личному вмешательству Мольтке слабые прусские контингенты преградили дорогу неприятелю. Ему пришлось отдавать прямые приказания небольшим подразделениям, вплоть до батальонов, чего он и ранее, и в дальнейшем в своей практике тщательно избегал. При переброске подразделений Мольтке активно использовал железные дороги, достаточно густая сеть которых позволяла осуществлять быстрый маневр. Мешало то, что шеф генерального штаба находился в очень напряженных отношениях с Фалькенштайном — более чем посредственным военачальником. Ганноверский фронт, несмотря на незначительность выделенных для него сил, имел огромное значение для всего хода кампании: если бы промашку не удалось исправить, ситуация на западном театре военных действий стала бы весьма неприятной.

К 23 июня стратегическое окружение ганноверской армии стало свершившимся фактом. Правда, периметр окружения был еще очень велик и имел множество разрывов, поэтому командование решило прорываться на юг. Сражение при Лангензальце, состоявшееся 27 июня, закончилось поражением пруссаков, но продвижение ганноверцев серьезно замедлилось. К 28 июня Фалькенштайну наконец-то удалось взять противника в плотное кольцо, и следующей ночью ганноверская армия капитулировала.

Несмотря на этот серьезный успех, перед Майнской армией оставался все еще значительно превосходящий ее численно противник. Однако VII и VIII корпуса Германского союза не могли похвастаться согласованностью действий; им никак не удавалось объединить свои силы. Изначально планировалось достичь соединения в районе Фульды, однако прусские войска, действовавшие на сей раз энергично, сорвали этот план. К 9 июля союзники окончательно разошлись в разные стороны.

Впрочем, в этот момент им оказал существенную помощь Фалькенштайн. После ряда победоносных сражений с баварцами он повернул на запад, в сторону Франкфурта-на-Майне, столицы Германского союза, которую успешно занял 17 июля. Это предоставило союзникам передышку, использованную ими для соединения своих сил в районе Вюрцбурга. В тот же день командующим Майнской армией стал Мантойфель, от которого в прусской главной квартире ожидали более энергичных действий. Мольтке уже не считал нужным вмешиваться в ход событий на западе: во-первых, потому, что пребывание на другом театре военных действий не позволяло ему получать оперативную информацию и все его распоряжения оказывались устаревшими; во-вторых, потому, что он ясно сознавал второстепенность происходивших здесь событий.

Мантойфель немедленно перешел в наступление на Вюрцбург. В боях 24–26 июля южногерманские армии потерпели ощутимое поражение, в основном по причине недостаточной координации действий. После длительных маршей и военных неудач их моральная и материальная сила была в значительной степени подорвана, да и новости с богемского театра военных действий не способствовали поднятию боевого духа. Начавшиеся переговоры о перемирии фактически положили конец войне в Южной Германии.

\*\*\*

После подписания перемирия с Австрией 23 июля 1866 г. начались переговоры, которые с прусской стороны вели Бисмарк и Мольтке. 26 июля в Никольсбурге был подписан австро-пруссский прелиминарный мир. 23 августа он был подтвержден в Праге. Германский союз ликвидировался, Австрия фактически устранялась от любого участия в германских делах. Кроме того, она выплачивала контрибуцию и передавала Италии Венецию. Пруссия аннексировала Шлезвиг-Хольштайн, Кургессен, Ганновер, Нассау и Франкфурт-на-Майне. Южногерманские государства отделались уплатой контрибуций и заключением оборонительных и наступательных союзов с Пруссией, северогерманские объединились в 1867 г. в конфедерацию — Северогерманский союз, находившийся под эгидой Пруссии. Еще один шаг на пути к германскому единству был сделан.

## Глава 9. КРАЙЗАУ

*Итоги войны 1866 г. — Участие Мольтке в работе  
Рейхстага — Люксембургский кризис — Покупка Крайзау —  
Смерть Марии — «Инструкция для высших офицеров»*

28 июля 1866 г., после ратификации прелиминарного мира с Австрией, Мольтке был удостоен ордена Черного орла — одной из высших наград Пруссии. Сентиментальный король обнял и расцеловал своего верного па-ладина, кронпринц предоставил для церемонии собственную орденскую звезду. Это было лишь малой толикой той волны признания, которая буквально захлестнула Мольтке после победы при Кениггреце. Никому не известный «кабинетный генерал» в одночасье стал национальным героем. Слава Мольтке загрела по Пруссии, Германии, а потом и по всему миру. Иностранцы начали прислушиваться к его словам; когда Бисмарк в очередной раз заболел, Мольтке называли его возможным преемником на посту главы прусского правительства.

Газеты наперебой писали о нем статьи, журналисты стремились взять интервью. Немногим счастливицам это даже удавалось. Корреспондент газеты «Дахайм» А. Мельс получил аудиенцию у шефа генерального штаба сразу же после возвращения победоносных войск из Богемии. «Ваше превосходительство! — заявил журналист, — пожалуй, нет ни одной газеты ни в Германии, ни за рубежом, которая бы в последние месяцы не напечатала хотя б отрывки из Вашей биографии». Пожалуй, он не слишком погрешил против истины<sup>1</sup>. Популярность Мольтке в то время была весьма высока, особенно в странах, не вовлеченных в конфликт с Пруссией напрямую — в част-

<sup>1</sup> *Moltke H.K.V.d. Gespräche*. S. 84.

ности, в России. «Высокий, прямой как свеча, он словно рожден для того, чтобы повелевать, выражение лица твердое, как сталь, и может показаться, что годы превратили его черты в мрамор» — так описывал Мельс Мольтке<sup>2</sup>. Именно таким он войдет в историю. Мало кто пытался искать под непроницаемым, лишенным эмоций покровом живую человеческую душу, которой не чужды были страдания, сомнения, переживания.

«Невозможно описать, как приветливо нас встречают повсюду, — писал Мольтке из служебной поездки 1867 г. — Все путешествие — это сплошной праздник, повсюду на колокольнях вывешены флаги, шлагбаумы увиты цветами. В Пачкау весь город был иллюминирован, старые башни освещены бенгальскими огнями. В одном месте висел транспарант с моим портретом в натуральную величину»<sup>3</sup>.

20 сентября состоялся торжественный парад победителей в Берлине. Первым под Бранденбургскими воротами проскакал сам король, непосредственно за ним, в одном ряду, Бисмарк, Роон и Мольтке. В тот же день последний был назначен шефом Второго померанского гренадерского полка<sup>4</sup> — глубоко символический акт, если учесть, что его предшественником на этом посту являлся сам Гнейзенау.

Все эти почести были вполне заслуженными. Хотя своей победой Пруссия была обязана целому комплексу причин, не последней из них был полководческий талант Мольтке. «Не техническое превосходство, не лучшие ружья и не лучшая тактика в первую очередь обеспечили пруссакам победу. Это сделало полководческое искусство Мольтке», — пишут современные немецкие историки<sup>5</sup>. И в принципе, с ними можно согласиться.

Сам Мольтке относился к своей славе достаточно спокойно, можно сказать философски. «У меня такая же антипатия к восхвалениям, как у некоторых людей — к определенным животным. Когда я слышу нечто подобное, настроение у меня портится на целый день», — сказал Мольтке однажды<sup>6</sup>. Он любил рассуждать о том, насколько изменчива фортуна и как легко его скромная персона могла подвергнуться не восхвалению, а хуле, если бы прусская армия проиграла. «Когда я слушаю бесконечные хвалы со стороны публики, меня ни на минуту не покидает мысль: что было бы, если бы успех — этот беспрецедентный успех не увенчал наше предприятие? Разве бы не превратились эти незаслуженные хвалы в столь же некомпетентную

<sup>2</sup> Ibid.

<sup>3</sup> *Moltke H.K.B.v. Aufzeichnungen...* S. 248.

<sup>4</sup> Шеф полка — почетная должность, не имеющая ничего общего с командованием этим подразделением.

<sup>5</sup> *Deutsche Militärgeschichte...* Bd. 6. S. 406.

<sup>6</sup> *Moltke H.K.B.v. Gespräche.* S. 86.



критику, несправедливые порицания?»<sup>7</sup> Однако, добавлял Мольтке, «счастье на длительное время улыбается лишь достойному», — еще одна его фраза, ставшая впоследствии крылатой.

Однако успешная кампания, конечно же, оказала на своего творца серьезное влияние. Берихарди, давно и хорошо знавший Мольтке, отмечал в мае 1867 г.: «С прошлого года он весьма заметно изменился. Раньше он не знал, чего ожидать от самого себя, насколько он может сам себе доверять. Но после прошлогодней кампании он выступает с апломбом, который прежде был ему чужд. Он полностью доверяет себе, что идет ему на пользу, — тем более что это не сделало его невосприимчивым к чужим мнениям»<sup>8</sup>. В возрасте 66 лет Мольтке наконец смог избавиться от комплексов, которые возникли у него в детстве и о которых он писал в своих юношеских письмах. Его самооценка оказалась на достаточной высоте. Кампания 1866 г. стала, пожалуй, главным рубежом в его жизни.

Разумеется, нашлось и достаточно завистников. Даже верный Блументаль называл его «гениальным человеком, который не имеет никакого понятия о практической жизни и ничего не понимает в передвижениях войск»<sup>9</sup>. По крайней мере, так значилось в его письме к супруге с театра боевых действий, перехваченном австрийцами и немедленно опубликованном ими. В том же послании Блументаль похвалялся, что шеф генерального штаба во многом следует его советам. Личные отношения между ними несколько ухудшились, хотя Мольтке открыто заявлял, что не прислушивается к чужим приватным письмам. Многие военные по-прежнему продолжали считать его план кампании ошибкой, которая увенчалась успехом лишь по чистой случайности. Именно такие оценки преобладали во французской армии<sup>10</sup>.

Сам Мольтке опять начал задумываться о своей отставке. «Я могу считать себя счастливым и завершить свою карьеру, будучи щедро награжден милостью короля и доверием боевых товарищей», — писал он в 1866 г.<sup>11</sup> Мечтам не суждено было сбыться. В 1869 г., когда при дворе торжественно отмечался 50-летний юбилей его военной службы, король преподнес Мольтке свой портрет и выразил надежду, что «армия еще долго будет иметь счастье пожинать плоды Вашей эффективной деятельности на нынешнем высоком посту»<sup>12</sup>.

Сам Мольтке предпочел провести этот день в одиночестве на природе. Его занимали совсем иные проблемы, нежели неожиданно обрушившаяся

<sup>7</sup> Ibid.

<sup>8</sup> Ibid. S. 106.

<sup>9</sup> Herre F. Op. cit. S. 243.

<sup>10</sup> Deutsche Militärgeschichte... Bd. 6. S. 407.

<sup>11</sup> Moltke H.K.V. Aufzeichnungen... S. 244.

<sup>12</sup> Herre F. Op. cit. S. 277.

популярность. Важно было проанализировать только что завершившуюся кампанию, сделать необходимые выводы и как можно лучше подготовиться к следующим битвам, которые уже маячили на горизонте. «Теперь нам придется обороняться от завистников, которые не позволят нам наслаждаться достигнутым; однако самое трудное, я думаю, уже позади»<sup>13</sup>, — писал Мольтке Эдуарду Балльхорну 8 августа 1866 г. «На месте разорванной и потому немощной Германии начинается образовываться мощное единое государство, — высказался он в памятной записке в январе 1867 г. — Провозглашенный Францией принцип национальностей, будучи обращен против самой Франции, может привести к примечательным последствиям»<sup>14</sup>. Сразу же после заключения мира с Австрией он настоятельно рекомендовал завершить объединение Германии, пусть даже ценой новой войны.

Власть, влияние и возможности Мольтке после победы 1866 г. возросли на порядок. Соответственно, росло и значение подчиненной ему структуры. Теперь в ней числились 109 офицеров, 46 из которых служили непосредственно в Большом генеральном штабе в Берлине. Офицеры Войскового генерального штаба все меньше занимались научными работами и планированием — эти функции сосредотачивались в центре. В 1867 г. генеральный штаб был реорганизован, приняв на себя ряд функций, прежде принадлежавших военному министерству. В частности, II отдел взял на себя работу, связанную с организацией, обучением, мобилизацией и развертыванием армии<sup>15</sup>. При генеральном штабе действовали военно-историческое, географостатистическое, топографическое и геодезическое отделения, а также склад топографических карт. Здесь служили офицеры введенного еще в 1865 г. так называемого дополнительного штата, носившие униформу своих частей, однако прикомандированные к генеральному штабу на более или менее длительное время. Мольтке старался собирать в стенах своей организации наиболее талантливых и интеллигентных офицеров; не случайно в 1868 г. французский военный атташе в Берлине Стоффель писал: «Самое большое превосходство Пруссии, из которого она, бесспорно, извлечет наибольшие выгоды в будущей войне, — это ее корпус офицеров генерального штаба. Следует громко сказать, как неоспоримую истину: прусский генеральный штаб — первый в Европе»<sup>16</sup>. Начальником 1-го отделения (в сферу ответственности входили Австрия, Россия, Скандинавия, Турция, Греция и Азия) был Штранц (с 1869 г. — Штиле), 2-го отделения (Германия, Швейцария, Италия) — Вейт, 3-го отделения (Франция, Великобритания, Бельгия,

<sup>13</sup> *Moltke H.K.V.d. Aufzeichnungen...* S. 243.

<sup>14</sup> *Herre F.* *Op. cit.* S. 268.

<sup>15</sup> Прусско-германский генеральный штаб. С. 45.

<sup>16</sup> *Иссерсон Г.* *Военное искусство эпохи национальных войн...* С. 147.

Голландия, Испания, Португалия, Америка) — Вартенслебен. Гораздо больше стало прикомандированных на короткий (1–2 года) срок офицеров, которые теперь работали не только в топографическом, но и в других отделениях. Кроме того, в работе генерального штаба принимали участие гессенские и саксонские генштабисты; в учебных поездках часто были задействованы их коллеги из Южной Германии. С 1869 г. в них также принимали участие сотрудники интендантского ведомства, чтобы более подробно отработать вопросы снабжения армии.

Рост влияния «мозга армии» получил и видимое воплощение: в центре столицы, на Королевской площади, началось сооружение для него нового здания. Однако далеко не все задачи, которые ставил перед собой Мольтке, были решены. Влияние генерального штаба на армейскую жизнь оставалось весьма ограниченным, любые нововведения, на которых настаивал его шеф, наталкивались на серьезное сопротивление и проходили с большим трудом. Весьма напряженными оставались отношения с военным министерством, которое с видимым неудовольствием наблюдало за восхождением новой звезды в системе военных институтов Пруссии.

Тем не менее работа кипела. «О, если бы в сутках было на 24 часа больше!» — вздыхал Мольтке в одном из своих писем той поры<sup>17</sup>. Уже зимой 1866–1867 гг. началось обобщение опыта минувшей кампании, а в 1867–1868 гг. появилась подготовленная под руководством Мольтке официальная история войны 1866 г. Она была написана в его излюбленной манере — сухо, без лишних эмоций, зато с глубоким анализом как успехов, так и ошибок. «Страстные излияния, даже проистекающие из патриотических чувств, не достигают цели любого исторического исследования — истины», — считал шеф генерального штаба<sup>18</sup>. С одной стороны, он не приукрашивал действительность и по возможности открыто писал обо всех просчетах прусского командования и недостатках в действиях армии. С другой — Мольтке по возможности старался не критиковать влиятельных особ, да и не все нюансы минувшей кампании следовало представлять на суд широкой общественности. «Писать правду, только правду, но не всю правду»<sup>19</sup> — эта его установка стала впоследствии почти крылатым выражением. Произведение должно было «позволить увидеть допущенные ошибки, ни в коем случае не прятать их, но и не особенно выдвигать на первый план»<sup>20</sup>, а главное — укрепить доверие армии к генеральному штабу и привить офицерскому корпусу новые воззрения на характер современной войны.

<sup>17</sup> *Moltke H.K.B.v. AW. Bd. 3. S. 390.*

<sup>18</sup> *Herre F. Op. cit. S. 271.*

<sup>19</sup> *Ibid.*

<sup>20</sup> *Helbert H. Kriegspolitik und Strategie. S. 218.*

Война 1866 г. была непродолжительной, недорогой и не очень кровавой. Если брать средние цифры, то прусский пехотинец за время кампании даже не успел расстрелять свой боекомплект. Потери убитыми и ранеными составили с прусской стороны менее 17 тыс., с австрийской — немногим более 53 тыс. человек. Однако «ограниченная по своему размаху и малозаметная на фоне крупных исторических событий <...>, война 1866 года чрезвычайно ярко вскрыла, однако, все новое, что эпоха промышленного капитализма внесла в характер вооруженной борьбы. Она явилась важным историческим рубежом в эволюции военного искусства и провела резкую грань между двумя ее эпохами»<sup>21</sup>. Фактически она была последней чисто кабинетной войной и первой битвой индустриальной эпохи, когда военные действия стали тесно связаны, если не сказать зависимы, от всех областей научно-технического прогресса. Мольтке прекрасно понимал если не первое, то, по крайней мере, второе.

25 июля 1868 г. на стол королю легла памятная записка «О выводах, полученных при изучении кампании 1866 года». В этом документе критическая составляющая выступила на первый план. Мольтке высоко оценивал действия прусской пехоты, но считал сугубо отрицательными результаты действий кавалерийских и артиллерийских частей, неудовлетворительными — инженерных. «Победа, — писал шеф генерального штаба, — это плод игольчатых ружей и ошибочной тактики австрийцев. Если мы хотим выиграть следующую войну, мы не должны повторять своих ошибок 1866 года. Нельзя заблуждаться, что крупнейшая из них заключалась в том, что идеи высшего командования не смогли проникнуть к подчиненным военачальникам»<sup>22</sup>. Несмотря на все победы, стоило задуматься о том, что произошло бы, если бы прусским частям (в частности, II армии) пришлось бы столкнуться с лучше вооруженным и более энергично руководимым противником.

В памятной записке содержались предложения по изменению тактики действий всех родов войск. В частности, в пехоте предлагалось заменить слишком громоздкую батальонную колонну ротной, полностью отказаться от атак через открытые пространства, еще больше перенести центр тяжести с штыкового на огневой бой. По многим вопросам памятная записка вступала в противоречие с устаревшими уставами и инструкциями, требуя их переработки в новом духе. Поскольку взаимодействие различных родов войск оказалось явно не на высоте, шеф генерального штаба призвал уделять ему особое внимание на учениях мирного времени. Кроме того, Мольтке предлагал ликвидировать структуру армейских корпусов в мирное время, сохранив

<sup>21</sup> Иссерсон Г. Указ. соч. С. 131.

<sup>22</sup> *Moltke H.K.V.d. AW. Bd. 1. S. 388.*

при этом территориальную систему комплектования дивизий. По мысли шефа генерального штаба, это позволило бы превратить дивизии в подразделения, способные самостоятельно решать задачи оперативно-тактического уровня<sup>23</sup>. Многие из этих предложений не нашли поддержки у военного министерства и у самого монарха или наткнулись на сопротивление консервативных генералов. Тем не менее значительная их часть была все же претворена в жизнь, особенно в сфере обучения личного состава.

В 1867 г. Мольтке был сделан еще один важный шаг для того, чтобы усилить влияние подчиненного ему органа. С апреля этого года «Военный еженедельник» превратился в военно-теоретический журнал с собственной редакцией, ставший фактически рупором генерального штаба. Мольтке придавал большое значение военной публицистике, которая позволяла распространять новые взгляды в широких офицерских кругах.



Почти вопреки своей воле шефу генерального штаба пришлось включиться и в политическую жизнь страны. Победа над Австрией разом разрешила затянувшийся «конституционный конфликт», наглядно продемонстрировав, что усиление армии не было простой прихотью короля и правительства. Общественное мнение совершило поворот на 180 градусов. «Берлинцев словно подменили», — писал Мольтке в августе 1866 г.<sup>24</sup> На новых выборах в палату представителей прусского парламента консерваторы серьезно усилили свои позиции, а либералы потерпели ощутимое поражение. К тому же в рядах последних не было единства — все большая их часть склонялась к мысли о сотрудничестве с правительством, которое решительно вступило на путь объединения Германии. 3 сентября 1866 г. палата представителей приняла так называемый индемнитет — положение, в соответствии с которым задним числом одобрялась политика правительства за предшествующие четыре года, а Бисмарку прощались его антиконституционные действия.

В 1867 г. государства, расположенные к северу от реки Майн, объединились под эгидой Пруссии в конфедерацию — Северогерманский союз, ставший прообразом единой Германии. Армии входящих в союз государств реорганизовывались по образцу прусской. Мольтке принимал деятельное участие в этих реформах. Союз имел свою конституцию и однопалатный парламент (рейхстаг), комплектовавшийся на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайной подаче голосов. Хотя реальная власть парламента была весьма ограниченной, без его согласия не мог

<sup>23</sup> Helmert H. Op. cit. S. 223.

<sup>24</sup> Moltke H.K.V.a. Aufzeichnungen... S. 243.

вступить в силу ни один закон; кроме того, ежегодно на рассмотрение палаты представлялся государственный бюджет. Поэтому правительству было далеко не все равно, как распределятся места в рейхстаге. Были мобилизованы все правые деятели, обладавшие хоть какой-то популярностью, — в частности, свои кандидатуры выставили сам Бисмарк, Роон, Фогель фон Фалькенштайн, Херварт фон Биттенфельд, Штайнмец и Мольтке.

Шеф генерального штаба не одобрял идею со всеобщим избирательным правом. Ведь таким образом голос ученого профессора и малограмотного пьяницы, голос заслуженного генерала и бежавшего с поля сражения дезертира оказывались наравне. «Масса слепая, и горе тому государству и обществу, где она приходит к власти», — продолжал считать он<sup>25</sup>. Однако он считал нужным преодолеть свое отвращение к политике и выставить свою кандидатуру на выборах — видимо, сознавая свою долю ответственности за судьбу Германии. В конечном счете, став депутатом, он закрывает дорогу к мандату какому-нибудь смутьяну, рассуждал шеф генерального штаба. Кроме того, он считал парламент исключительно полезным в роли своеобразного пугала, которое заставляет монархов малых и средних германских государств, «немецких касиков», как он назвал их однажды<sup>26</sup>, быть гораздо сговорчивее. Вполне естественно, что в ходе предвыборной борьбы он позиционировал себя в качестве представителя консервативной партии.

Выборы состоялись 12 февраля. Законодательство позволяло кандидату баллотироваться сразу в нескольких избирательных округах, чем Мольтке предусмотрительно воспользовался. В Берлине, штабелди прогрессистов, он проиграл одному из лидеров левых либералов, Морицу Виггерсу. Иначе обстояло дело в провинции: Мольтке одержал убедительную победу в Мемеле, представителем которого в рейхстаге, сначала северо-, а затем и общегерманском, оставался до конца жизни.

Несмотря на свое отвращение к парламентским институтам и высокую занятость, шеф генерального штаба, в отличие от многих депутатов, пунктуально посещал заседания палаты. Это отнимало уйму времени: «Сегодня, — писал Мольтке 10 марта 1867 г. — мы заседали с десяти утра до трех пополудни, сейчас начнется заседание фракции, а ведь нужно еще заниматься служебными делами»<sup>27</sup>. Однако дебаты «в высшей степени интересны. <...> В этом собрании есть весьма значительные таланты»<sup>28</sup>. С речами он выступал довольно редко — не чаще одного-двух раз в год (всего 41 раз за 24 года), в основном когда дело касалось военных вопросов. К выступлениям

<sup>25</sup> Ibid. S. 246.

<sup>26</sup> Kessel E. Op. cit. S. 527.

<sup>27</sup> Herre F. Op. cit. S. 261.

<sup>28</sup> Moltke H.K.V. AW. Bd. 3. S. 389.

тщательно готовился, делал наброски. Окончательные варианты записывал редко — выступать по бумажке в рейхстаге было запрещено.

Первую речь ему довелось произнести почти сразу после открытия первой сессии нового рейхстага. Старые проблемы времен «конституционного конфликта» вновь всплыли на поверхность. Уже во время обсуждения проекта северогерманской конституции Мольтке был вынужден упорно защищать трехлетний срок службы, заявляя, что именно последний обеспечил превосходство прусских солдат над австрийскими в ходе кампании. «Конечно, военная служба не является производительным трудом, но она позволяет достичь безопасности государства, без которой любая продуктивная работа невозможна. Армия — школа для подрастающего поколения в вопросах порядка, пунктуальности чистоты, дисциплины и верности — качества, которые отнюдь не являются лишними в производительном труде»<sup>29</sup>.

Затем встал вопрос о военном бюджете. Либералы настаивали на том, чтобы он утверждался ежегодно в рамках обычного бюджета; военная верхушка, однако, стремилась к полному его изъятию из сферы компетенции народного представительства. 5 апреля Мольтке внес соответствующую поправку — военный бюджет должен быть установлен в фиксированном размере раз и навсегда, пока правительство не сочтет, что его размер необходимо изменить. Весьма вежливо, но твердо шеф генерального штаба указал депутатам их место, предложив не совать свой дилетантский нос в дела специалистов. «Есть много вещей, которое военное управление понимает лучше, нежели собрание прекрасных, патриотически настроенных людей, — не без сарказма говорил Мольтке. — Поставьте добровольное ограничение своим неоспоримым полномочиям; бывает необходимость, которая взрывает слишком узкие границы»<sup>30</sup>. Однако поправка была отклонена 138 голосами против 125. Фиксированный объем военных расходов был в итоге установлен на срок до конца 1871 г.

В последующие годы Мольтке вновь приходилось брать слово, чтобы оградить армейские дела от любого вмешательства со стороны парламента. 15 июня 1868 г. он вновь выступил с речью по поводу военных расходов, отвечая на упреки оппозиции, считавшей их чрезмерными. «Какой разумный человек не пожелал бы, чтобы огромные расходы, которые делаются во всей Европе на военные цели, были бы употреблены во имя мирных задач? Но на пути <...> международных переговоров этого, видимо, не произойдет никогда. <...> Я вижу лишь одну возможность — чтобы в центре Европы появилась держава, которая, сама не будучи агрессором, могла бы воспрепятствовать войне своим соседям. Поэтому я считаю, что, если это благородное дело

<sup>29</sup> *Moltke H.K. В.в. AW. Bd. 3. S. 318.*

<sup>30</sup> *Ibid. S. 321.*

когда-нибудь осуществится, его осуществит Германия — но Германия достаточно сильная, то есть объединенная»<sup>31</sup>. Шеф генерального штаба видел свою страну в качестве европейского гегемона, своеобразного континентального жандарма.

Мольтке был активным сторонником ограничения прав парламента. В частности, он планировал произнести речь, в которой отвергал ответственность министров перед народным представительством, поскольку они несут «совсем иную ответственность перед Богом и собственной совестью за жизнь тысяч людей и за благополучие государства»<sup>32</sup>. Чрезмерный контроль над деятельностью должностных лиц, считает Мольтке, способен лишь сковать их инициативу, превратит в закостенелых бюрократов. Они начнут действовать строго по закону, а «жизнь государства невозможно заключить в темницу параграфов»<sup>33</sup>.

В среде консерваторов одно время даже циркулировала идея сделать Мольтке почетным председателем парламентской фракции. Впрочем, она достаточно быстро умерла — не в последнюю очередь из-за негативного отношения к ней самого шефа генерального штаба. Свое слово сказал и Роои, просветивший штатских коллег, что Мольтке никогда не будет играть роль «полкового знамени», а потребует полномочий полкового командира, или по крайней мере, начальника штаба.

И действительно, у шефа генерального штаба порой появлялись идеи, не очень типичные для помещика и консерватора. Так, в разговоре с Берихарди в апреле 1869 г. он заявил, что дворяне должны отказаться от всех своих привилегий. Это необходимо, чтобы совместно с крестьянами противостоять социализму, стремительное усиление которого Мольтке пророчески предрекал. «Мы — крупные крестьяне, наши интересы идентичны» — таким, по мнению Мольтке, должен был стать лозунг помещиков<sup>34</sup>. Эта идея во многом предвосхитила будущую тактику политического консерватизма, однако для своего времени была слишком революционной.

\*\*\*

Мольтке прекрасно понимал, что сложившуюся в Германии ситуацию можно охарактеризовать только как временную и впереди — окончательное объединение страны. «Дело немецкого единства осталось в 1866 г. незавершенным», — писал он<sup>35</sup>. В том, что это завершение произойдет без

<sup>31</sup> Ibid. S. 296.

<sup>32</sup> Moltke H.K.V. Aufzeichnungen... S. 253.

<sup>33</sup> Moltke H.K.V. AW. Bd. 3. S. 395.

<sup>34</sup> Moltke H.K.V. Gespräche. S. 123.

<sup>35</sup> Moltke H.K.V. Aufzeichnungen... S. 251.



вооруженного конфликта, он сильно сомневался. Особенно возмущала его в данной ситуации позиция южногерманских государств. С одной стороны, они формально являлись союзниками Пруссии и военная система в них была в той или иной степени приведена в соответствие с прусским образцом. С другой стороны, весьма серьезным влиянием пользовались и партикуляристы, особенно в Баварии и Вюртемберге.

«Возможность объединиться, которую Господь Бог дарил немецкой нации на протяжении столетий, была не использована, поскольку каждый понимает ее таким образом, что именно он должен оказаться в центре, каждый хочет идти своей, в большинстве случаев невозможной дорогой, — писал Мольтке в одном из набросков к своим парламентским речам, — Тем, что мы более или менее продвинулись по пути действительного объединения, мы обязаны тому нажиму, который Пруссия в более мягкой или грубой форме осуществляла посредством своей торговой политики, своей дипломатии и своего меча. Это принесло Пруссии богатый урожай ненависти и вражды»<sup>36</sup>. И в то же время лишь Пруссия способна объединить Германию, считал он. «Мы предлагаем то, чего у Юга никогда не будет без нас, — отечество, настоящую, великую, могучую Германию <...> Но если вы не хотите принять участие в нашей работе, это не заставит нас прекратить ее»<sup>37</sup>, — слова Мольтке звучат одновременно и как увещевание, и как угроза.

По служебным делам ему часто приходилось общаться с представителями южногерманских армий, которые, как он считал, находились в довольно плачевном состоянии. Особенно раздражало шефа генерального штаба то, что он не мог положиться на новых союзников Пруссии в случае войны. «Немцы — жалкая нация, — говорил он Бернхарди в личной беседе, — в первый раз со времен Карла V у них появляется шанс достичь объединения, но, вместо того чтобы ухватиться за эту возможность, они говорят: нет, в таком виде мы этого не хотим. <...> А ведь если Пруссия падет, придет конец немецкой нации. Да, останутся немцы, но не немецкая нация; лишь немецкие вассальные государства»<sup>38</sup>. Заключенные с южногерманскими монархиями союзы он называл «несовершенной формой взаимопомощи»<sup>39</sup>. В мае 1868 г., во время переговоров со своим коллегой — шефом вюртембергского генерального штаба фон Суковым Мольтке в лицо заявил своему визави, что считает государства к югу от Майна слабыми партнерами, которые в лучшем случае смогут защитить самих себя от французского вторжения.

<sup>36</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen...* S. 321.

<sup>37</sup> *Ibid.* S. 321.

<sup>38</sup> *Herre F. Op. cit.* S. 265.

<sup>39</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen...* S. 251.

На переговорах с южногерманскими представителями он старался вообще не раскрывать деталей своих оперативных планов.

«Это правда, — писал он Генриху Шмидту 24 ноября 1868 г. — что Юг остается в случае войны слабым звеном», пока не смирится с прусской гегемонией. Но «Пруссия способна защитить Германию и без Юга, если вообще не на территории Юга»<sup>40</sup>. Становится ясно, что желания южных немцев Мольтке и не интересовали — им предстояло, хотя бы они того или нет, стать подданными прусской Германии. «Не то чтобы они напрямую замыслили измену, — сказал он Бернхарди 8 декабря 1869 г., — напротив, они будут демонстрировать самые лучшие намерения, но при этом сомневаться»<sup>41</sup>. Единство, считал он, может быть достигнуто лишь военным путем.

\*\*\*

Очередной кризис в отношениях с Францией разразился уже в 1867 г. и был связан с великим герцогством Люксембург, расположенным на стыке границ Франции, Бельгии и Северогерманского союза. Люксембург принадлежал королю Голландии, но являлся членом Германского и Таможенного союзов. В столице Люксембурга, считавшейся союзной крепостью, стоял прусский гарнизон.

Наполеон III, жаждавший территориальных приобретений, уже давно устремил свои взоры на Люксембург. Приобрести его он собирался вполне законным путем, купив у голландского монарха. С кончиной Германского союза для этой сделки, казалось, исчезли последние препятствия, тем более что во время переговоров с французским послом Бенедетти Бисмарк отнесся к ней с явной благосклонностью.

Однако война с Австрией закончилась, и настроение главы прусского правительства резко изменилось. К началу 1867 г. франко-голландские переговоры уже почти пришли к завершению, оставалось лишь выяснить позицию Пруссии, без согласия которой голландский монарх не хотел завершать сделку. Бисмарк, в свою очередь, предпринял ряд решительных шагов: во второй половине марта были опубликованы тайные оборонительные и наступательные союзные договоры с южногерманскими государствами (что неизбежно задевало интересы Франции), а 1 апреля в северогерманском рейхстаге прозвучал запрос лидера национал-либералов Бенningсена, касавшийся люксембургского вопроса: правда ли, что исконно германская земля достанется галлам?

Комизм ситуации заключался в том, что запрос был инициирован самим Бисмарком. Сохраняя полное спокойствие, канцлер дал развернутый

<sup>40</sup> *Moltke H.K.V.d. AW. Bd. 3. S. 396.*

<sup>41</sup> *Kessel E. Op. cit. S. 534.*

и весьма туманный ответ, из которого следовало, что «Пруссия своего согласия на передачу Люксембурга не дает и к тому же апеллирует к национальным чувствам немцев»<sup>42</sup>. Голландский король немедленно отказался от продажи Люксембурга, исключительно выгодная для Франции сделка была сорвана.

Над Европой нависла угроза новой войны. Бисмарк заявлял, что вывести войска из Люксембурга и тем более видеть его в руках Франции — значит запятнать прусскую честь. Немецкая и французская пресса немедленно подняли шум, говоря об унижении и угрозе национальным интересам.

Мольтке находился в числе тех, кто активно выступал за войну. Он с самого начала был против вывода прусского гарнизона из Люксембурга и теперь считал повод вполне подходящим для того, чтобы атаковать французов, а состояние армии противника — достаточно плачевным для того, чтобы с уверенностью рассчитывать на победу. Кроме того, потенциальный союзник Франции — Австрия — пока еще был не в состоянии активно вмешаться в происходящие события, какой бы оборот они ни приняли. И, когда «железный канцлер» запросил шефа генерального штаба, готова ли армия к войне, Мольтке спокойно ответил: «В течение 10 дней армия завершит стратегическое развертывание к Рейну и будет готова к защите западной границы»<sup>43</sup>.

«После войны, которая у нас позади, нельзя желать второй кампании, и никто не желает ее менее, чем я, — заявил Мольтке Бетузи-Хуку в кулуарах рейхстага. — И все же я должен надеяться, что нынешний повод будет использован для войны с Францией — увы, я считаю эту войну неизбежной в течение ближайших 5 лет. В течение этого срока неоспоримое сегодня превосходство нашей организации и вооружение будет постепенно уменьшаться усилиями Франции. Итак, чем раньше мы выступим, тем лучше. Нынешний повод хорош. У него национальная основа, которую надо использовать»<sup>44</sup>. Превентивная война против западного соседа занимала все мысли Мольтке. Он начинает оказывать завуалированное, но ощутимое давление на политическое руководство, считая, что даже не слишком успешная кампания сплотит немецкие земли вокруг Пруссии и, таким образом, достигнет своей главной цели.

29 апреля 1867 г. состоялся коронный совет, на котором обсуждалось создавшееся положение. Мольтке наставлял на быстрой мобилизации армии, заявляя, что Франция сейчас слабее, чем когда-либо, и победа может быть куплена недорогой ценой. Шеф генерального штаба планировал решительное

<sup>42</sup> Чубинский В.В. Указ. соч. С. 227.

<sup>43</sup> Müller-Bahn H. Op. cit. S. 371.

<sup>44</sup> Moltke H.K.V. Aufzeichnungen... S. 246.

наступление, в ходе которого можно будет оттеснить армию противника от Парижа на юг и овладеть неприятельской столицей<sup>45</sup>. «Он всей душой желает войны и с уверенностью ожидает ее, — писал Берихарди 6 мая. — Он считает, что <...> приказ о мобилизации армии последует в течение ближайших 14 дней»<sup>46</sup>. «Мольтке принадлежал к тем натурам, которые с возрастом становятся смелее и способнее на риск», — пишет по этому поводу Э. Кессель<sup>47</sup>. Однако генерал слишком торопил события.

Бисмарк считал, что момент для схватки еще не настал. Зондаж, предпринятый по дипломатическим каналам, убедил его: ни одно государство, включая южногерманских союзников Пруссии, не отнесется благосклонно к развязыванию новой войны. В начале мая конференция представителей великих держав в Лондоне урегулировала спорный вопрос. Прусская войска выводилась из герцогства, взамен его нейтралитет гарантировался всеми участниками мероприятия. В частной беседе Бисмарк заявлял Бетузи-Хуку, что никогда не возьмет на себя ответственность за ужасы войны, если ее можно избежать. «С мнением Бисмарка трудно спорить, но в свое время оно будет стоить нам много человеческих жизней», — отреагировал шеф генерального штаба, когда ему передали эти слова<sup>48</sup>. Комплексное внешнеполитическое мышление Бисмарка было ему чуждо», — отмечает современный немецкий исследователь<sup>49</sup>.

«Подписание Лондонской конвенции рассматривается как дипломатическая победа. Я думаю, требовалось немного искусства для того, чтобы породить конвенцию, в которой мы отказываемся от объекта спора. Не следует убаюкивать себя надеждами на мир. Положение кажется мне столь же серьезным, как и 14 дней назад, и если в обстоятельствах что-то и изменилось, то явно не в нашу пользу», — писал Мольтке прусскому военному уполномоченному в Мюнхене фон Хартманну<sup>50</sup>. Шеф генерального штаба явно не желал отказаться от надежд на войну. На следующий день он пишет Роону, что сейчас северогерманская армия сильнее французской, и это положение следует использовать. «И в дальнейшем в Северной Германии будет достаточно средств для того, чтобы вести победоносную войну с Францией даже без расчета на южногерманские государства; речь может идти лишь о том, чтобы использовать эти средства в правильное время в правильном месте»<sup>51</sup>. 17 мая Мольтке вновь пишет Хартманну: «По моему убеждению,

<sup>45</sup> Helmer H. Op. cit. S. 257.

<sup>46</sup> Herre F. Op. cit. S. 270.

<sup>47</sup> Kessel E. Op. cit. S. 532.

<sup>48</sup> Moltke H.K.B.v. Aufzeichnungen... S. 247.

<sup>49</sup> Burchardt L. Helmut von Moltke... S. 29.

<sup>50</sup> Moltke H.K.B.v. AW. Bd. 3. S. 68.

<sup>51</sup> Ibid. S. 69.

лучшей защитой Германии от Франции станет наступление»<sup>32</sup>. Ему было сложно справиться со своим нетерпением. Бисмарк, со своей стороны, был весьма недоволен активностью Мольтке. Ему казалось, что шеф генерального штаба лезет не в свое дело.

Германское и французское руководства постарались как можно быстрее замять разгоревшийся было конфликт. Уже через месяц после окончания работы Лондонской конференции Наполеон III гостеприимно принимал на Всемирной выставке в Париже прусскую делегацию. В ее состав входили три «первых лица» государства, которых Энгельс позже назовет «прусским Триглавом»: Вильгельм I, Бисмарк и Мольтке. Император французов стремился показать гостям, что центром мира по-прежнему остается Париж; однако «гвоздем» экспозиции стало все-таки прусское изделие — 50-тонная пушка Крупна. Наполеон восхищался ею, не предполагая, что спустя три года подобные орудия будут вести огонь по Парижу.

Гостям был показан военный парад: 30 тыс. французских солдат самых разных родов войск и национальностей — гренадеры, егеря, зуавы, гусары, драгуны — промаршировали по улицам Парижа. Мольтке внимательно наблюдал за шествием — ему было важно выяснить, насколько боеспособна французская армия. Он знал, что военная реформа во Франции натолкнулась на ожесточенное сопротивление народного представительства и потому продвигается вперед достаточно медленно. Шеф генерального штаба смог лично побеседовать с императором. Весьма содержательными оказались также беседы с маршалами Низлем (военный министр Франции) и Канробером.



Помимо прочих королевских милостей, Мольтке после победы над Австрией был удостоен еще одной, чуть ли не самой значимой для него награды: шефу генерального штаба была пожалована денежная дотация в размере 200 тыс. талеров. Человек, который в молодые годы отчаянно нуждался, стал к старости весьма состоятельным. Теперь он мог позволить себе осуществить заветную мечту — обзавестись поместьем.

В первую очередь Мольтке, конечно же, подумал о старых фамильных владениях в Мекленбурге. Однако они были слишком обширны и слишком дороги. Во время одной из своих служебных поездок в Силезию он случайно наткнулся на поместье, выставленное на продажу. Имение называлось Крайзау, вместе с ним продавались соседние поместья Нидер-Гредиц и Виришау. Находилось оно в округе Швайдниц, приблизительно в полусотне километров к югу от Бреслау. Поместье приглянулось

<sup>32</sup> *Moltke H.K.B.v. AW. Bd. 3. S. 69.*

Мольтке, кроме того, с Силезией у него были связаны приятные воспоминания молодости.

1 августа 1867 г. сделка состоялась. За 400 гектаров земли Мольтке выложил вдове фон Дрески 240 тыс. талеров. Уже весьма немолодой человек по-детски радовался своей покупке. «Земля здесь принадлежит к числу наиболее плодородных во всей стране», — с гордостью писал он в одном из своих писем. И пусть ценные бумаги могут принести гораздо больший доход, «земельное владение всегда остается земельным владением. Оно дает наибольшую степень уверенности на все времена. Землевладельцы — это первое сословие в мире»<sup>51</sup>.

С самого начала Мольтке развернул в своем поместье бурную деятельность. Он затеял ремонт усадьбы, разбивку парка, осушение болот, постройку многочисленных мостов и мостиков через пересекавшую его владения речку Пайле. В близлежащей деревне он открыл школу и завел на каждого ученика сберегательную книжку. Особое внимание он уделил парку. Словно в память о своей молодости, начальник генерального штаба провел тщательную топографическую съемку местности, после которой определил место для каждой дорожки, каждой поляны, каждого саженца. Он приказал выкорчевать березы — «лесной сорняк» — и посадить на их место дубы, которые считал «истинно немецким деревом»<sup>52</sup>. В водоемах парка он пытался разводить форелей. Он с удовольствием занимался сельским хозяйством и был очень рад, когда один из его племянников — Людвиг, четвертый из сыновей Адольфа — впоследствии выбрал себе профессию в этой области.

В Крайзау Мольтке предпочитал с тех пор проводить каждое лето. Силезское поместье стало для него убежищем от назойливого внимания окружающих, от суматохи столичной жизни. Здесь он был полностью свободен — мог проводить дни напролет на свежем воздухе, забыть о светских мероприятиях, на которых по рангу обязан был присутствовать. Это благотворно влияло и на его здоровье: «Честно говоря, я считаю, что шесть недель в Крайзау для меня лучше, чем любой курорт», — писал он своей сестре Аугусте в октябре 1868 г.<sup>53</sup>

Особенно горд был Мольтке тем, что смог вернуть свой род в разряд землевладельцев. Крайзау он рассматривал не только как свою собственность, но и как владение семьи. Он с удовольствием приглашал к себе родственников с детьми, стараясь сделать свое новое имение настоящим семейным гнездом. Это ему удалось — вплоть до 1945 г. Крайзау оставалось собственностью семьи Мольтке.

<sup>51</sup> Herre F. Op. cit. S. 252.

<sup>52</sup> Ibid. S. 253.

<sup>53</sup> Moltke H.K.V.d. AW. Bd. 4. S. 370.

Фактически с этого момента он стал полноправным главой своей большой семьи. По возможности помогал братьям и сестрам, по-прежнему с удовольствием общался с их детьми, стремясь, чтобы они усвоили его жизненный опыт. «Поверь мне, что тот, кто не научится в юности обходиться малым, тому и в старости всего не будет хватать, — писал он своему племяннику Вильгельму, сыну Адольфа. — Лишь тот богат, кто улучшает свое положение. <...> Для тебя вдвойне важно быть хорошим хозяином, потому что тебе придется некоторое время быть опорой для твоих братьев. <...> Соединяй службу с учебой, но запомни слова одного старого профессора, который говорил: кто читает лежа на диване, тратит время зря. Лишь с пером в руке чтение приносит пользу»<sup>36</sup>. Экономность — основа счастливой жизни: «тот, кто нуждается в сумме, хотя бы на один талер больше, чем он зарабатывает, всегда остается бедняком, вне зависимости от того, сколько он получает — 400 или 4000 талеров»<sup>37</sup>. Несмотря на такие речи, Мольтке не жалел денег на своего старшего племянника, который в 1866 г. поступил на военную службу и являлся наследником Крайзау. Первоначально Мольтке отговаривал Вильгельма от военной карьеры, опасаясь, что тот делает свой выбор лишь под влиянием его собственного блестящего примера, и молодой человек потратил несколько лет на изучение юриспруденции. В 1869 г. начал свою военную карьеру и второй сын Адольфа — Гельмут, занявший должность дяди в канун Первой мировой войны.

Еще одно занятие, вполне приличествующее главе семьи, — составление большого родословного древа. За это огромное полотно Мольтке принялся именно после приобретения Крайзау. «Мне кажется, это — желание всех потомков: показать себя достойными предков», — писал он Адольфу в 1867 г.<sup>38</sup>

Мария отнеслась к новому владению прохладно. Она предпочла бы купить поместье в Гольштейне, поближе к родным. Да и берлинская жизнь нравилась ей гораздо больше, нежели пребывание в сельской глуши, так импониовавшей ее мужу. Однако это не внесло серьезного разлада в отношения между супругами. В 1867 г. они отпраздновали серебряную свадьбу.

\*\*\*

Как это часто бывает в жизни, вслед за большой радостью в семью Мольтке пришло несчастье. Незадолго до Рождества 1868 г. Мария, которая всегда была весьма энергичной женщиной, приняла участие в благотворительном базаре. Промокнув под дождем на верховой прогулке, она,

<sup>36</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen...* S. 244.

<sup>37</sup> *Ibid.* S. 245.

<sup>38</sup> *Moltke H.K.V. AW. Bd. 3. S. 390.*

не переодевшись, несколько часов простояла в качестве продавщицы в холодном помещении. Итогом стал острый приступ ревматического воспаления суставов.

Сначала заболела правая нога, потом резкая боль охватила и всю левую половину тела. Спать Мария могла лишь под воздействием морфия, передвигаться без посторонней помощи была не в состоянии. Поначалу никто не допускал и мысли о летальном исходе. 1 декабря Мольтке пишет сестре, что самочувствие Марии улучшается, однако врачи не исключают, что ей придется провести в постели еще месяца полтора<sup>50</sup>.

Состояние больной то улучшалось, то, наоборот, становилось тяжелее. Во второй половине декабря появились опасения, что болезнь добралась до сердца. В письме брату Фрицу 22 декабря Мольтке признается, что в иные моменты у него уже не оставалось надежды. Постоянная лихорадка, бред, бессонные ночи... У постели больной постепенно собрались родственники со всех концов страны. Мольтке был совершенно измотан, но почти не отходил от супруги. 25 декабря 1868 г. Мария скончалась.

Можно себе представить, насколько тяжело переживал Мольтке смерть любимой жены. «Еще вчера вечером, когда она спокойно проспала семь часов, мы все были полны радостной уверенности, — писал он Людвигу. — Но она почувствовала приближение смерти намного раньше, попрощалась и тихим голосом молилась за всех нас»<sup>51</sup>. Но «я бы не хотел, чтобы она воскресла, — пишет вдовец Адольфу в тот же день. — Она прожила на редкость счастливую жизнь и избавлена от печальных лет старости. Ее прямой, верной и богобоязненный характер делал ее общей любимицей, и все сочувствуют мне»<sup>52</sup>. Шеф генерального штаба пытался рассуждать философски — ведь теперь его самого ждали печальные, одинокие годы. После смерти Марии у Мольтке начался определенный всплеск религиозных чувств — он все чаще пишет о бренности всего земного и о вечности души. Он с головой уходит в работу, чтобы найти в ней забвение. «Много дел — это сейчас благо для меня», — писал он в январе 1869 г.<sup>53</sup> Впрочем, родственники старались всячески скрасить одиночество Мольтке. Свою лепту внес и король: почти сразу же после смерти Марии он назначил личным адъютантом шефа генерального штаба его племянника, Генри Бурта. Это порадовало Мольтке: «То, что Генри теперь будет со мной — большое утешение, и ничто не могло бы быть мне приятнее», — пишет он Аугусте 4 января 1869 г.<sup>54</sup> Генри на долгие годы

<sup>50</sup> Moltke H.K.V.v. Aufzeichnungen... S. 254.

<sup>51</sup> Ibid. S. 256.

<sup>52</sup> Ibid.

<sup>53</sup> Kessel E. Op. cit. S. 499.

<sup>54</sup> Moltke H.K.V.v. Aufzeichnungen... S. 257.



стал самым близким для Мольтке человеком. Кроме того, в скором времени к нему перебрались Фриц и Августа.

Смерть Марии еще больше сблизила его и с графом Эдуардом фон Бетузи-Хуком. Их роднило многое: оба были намного старше своих жен (которые, к слову сказать, были близкими подругами), оба рано овдовели. Оба принадлежали к числу консервативных депутатов рейхстага, оба владели именьями в Силезии (расположенными неподалеку друг от друга). «Старым испытанным другом» называет Бетузи-Хука Мольтке в одном из своих писем<sup>64</sup>.

Для праха супруги вдовец приказал построить в Крайзау специальную капеллу. Она была сооружена неподалеку от усадьбы, на высоком холме, откуда открывался прекрасный вид на равнину и далекие склоны гор. Здесь Мария нашла свое последнее пристанище летом 1869 г. Газеты впоследствии много раз приписывали Мольтке намерение жениться вторично, но, по свидетельству его племянницы, он никогда всерьез не задумывался о таком шаге. До самой смерти он остался верен памяти Марии.

\*\*\*

Жизнь и служба продолжались. После Люксембургского кризиса тучи в отношениях Пруссии и Франции продолжали сгущаться. Наполеон III ревниво следил за успехами восточного соседа, тем более что его политика никакими выдающимися свершениями похвастаться не могла: бесславно закончилась мексиканская авантюра, все громче звучал голос оппозиции, требовавшей реформ, не лучшие дни переживала французская армия.

Мольтке как раз в это время завершил обобщение опыта войны 1866 г. Итогом его работы стала «Инструкция для высших офицеров» — одно из самых важных и одновременно малоизвестных военных сочинений XIX в. «Инструкция...» стала первым документом в прусской военной истории, устанавливавшим основные принципы руководства крупными воинскими контингентами. Вплоть до начала XX в. она была строго секретной; после опубликования ее активно изучали и использовали во всех крупнейших армиях мира. И сегодня оперативное искусство бундесвера базируется во многом на произведении Мольтке.

«Инструкцию...» часто сравнивают с трудом Клаузевица «О войне». Несмотря на внешнее различие этих двух произведений, между ними действительно существует определенная глубинная связь. «Мольтке ставил себе ту же задачу, какая 50 лет назад стояла перед генералом Клаузевицем: изучая реальную, объективную действительность войны, вывести

<sup>64</sup> Ibid. S. 258.

необходимые формы и методы военного руководства»<sup>65</sup>. Подобно своему предшественнику, Мольтке избегал застывших аксиом и рассматривал различные стороны военного искусства в их диалектическом отношении. Он писал гораздо лаконичнее, проще и приземленнее, чем Клаузевиц; в то же время нельзя рассматривать «Инструкцию...» как простую адаптацию труда «О войне»; в ней заключен опыт войн новой эпохи, только что полученный на полях кровавых сражений.

«Инструкция для высших офицеров» любопытна еще и тем, что это — практически единственное военное сочинение, вышедшее из-под пера Мольтке. Как и многие полководцы-практики, он не оставил обширных военно-теоретических трактатов; трилогия «Военные поучения» была составлена офицерами генерального штаба уже после его смерти на основе отдельных кратких сочинений, набросков и писем.

Долгий век произведению Мольтке обеспечило то обстоятельство, что он не втискивал свои идеи в рамки жестких конструкций и конкретных рекомендаций. «Стратегия — это система опор», — считал шеф генерального штаба. Она практически не выходит за рамки здравого смысла и не является наукой в строгом смысле. Искусство полководца заключается в том, чтобы не отягощать свой ум застывшими догмами, а гибко реагировать на любую новую ситуацию. Руководство крупным соединением невозможно полноценно отработать в мирное время. Маневры мирного времени дают весьма приблизительное представление о войне. Полководцу остается лишь изучение географии и военной истории. Впрочем, к последней следует подходить с осторожностью — время вносит свои коррективы в военное искусство; абсолютных, действительных во все времена азов последнего не существует.

Окончательная редакция «Инструкции...» появилась на свет 24 июня 1869 г. В этом документе шеф генерального штаба постарался уместить как можно больше выводов, сделанных им на основе кампании 1866 г. Многие его положения кажутся сегодня очевидными, однако далеко не все военачальники того времени считали необходимым их придерживаться.

Первым делом Мольтке говорит о моральном состоянии войск, которое исключительно важно для победы. «Во время войны часто менее важно то, что ты делаешь, чем то, как ты это делаешь»<sup>66</sup>. Необходимо умение принять твердое решение и придерживаться его в дальнейшем — поэтому современная война выдвигает к офицеру повышенные требования. Офицер — пример для подчиненных, на которого обращены их взгляды. Причем не физические

<sup>65</sup> Helmert H. Op. cit. S. 226.

<sup>66</sup> Moltke H.K.V.d. Aus den Verordnungen für die höheren Truppenführer // Helmert H. Op. cit. S. 285.

данные, а ум — главное его оружие; чем выше ранг офицера, тем труднее ему принимать решение. Причина этого — неясность общей картины, которая складывается на основе неизбежно обрывочных и искажающих реальность донесений. Командир крупного подразделения действует словно в тумане; однако «в этом тумане неопределенности по меньшей мере одно должно быть ясным — собственное решение. За него следует держаться и не отступать от него под воздействием противника, пока такая перемена не станет абсолютно необходимой»<sup>67</sup>.

Для победы в войне исключительно важно не упускать инициативу. «В общем, в сомнительных случаях и в неясных обстоятельствах, которые столь часто возникают на войне, рекомендуется действовать активно и захватывать инициативу»<sup>68</sup>. Важнейший момент всей войны — это сражение. Главным объектом операций должна являться не территория или укрепленный пункт противника, а его армия; лишь ее разгром способен решить исход кампании. Часто на поле боя потери победителя равны потерям побежденного, и лишь преследование позволяет добить противника. Только битва на окружение является исключением из этого правила. Если помешать противнику привести в порядок свои войска и занять новую позицию, можно избежать повторного сражения. «Современные войны характеризуются стремлением к быстрому и окончательному решению»<sup>69</sup>. Трудности содержания большой армии и неизбежные экономические потери определяют скоротечность кампаний. Поэтому противника следует вынудить как можно быстрее дать генеральное сражение.

Фактически в «Инструкции...» заложены основы концепции блицкрига, характерной для германской армии на начальных этапах обеих мировых войн. Военная цель определяется для Мольтке имеющимся набором средств, а не целью политической. Тем не менее он не отрицает значения последней.

Автор еще не видит характера будущей войны как войны тотальной, вовлекающей в свой механизм все население воюющих держав. Возможности народной войны, перманентной мобилизации пока скрыты от его взгляда. Мольтке, как и большинство военных теоретиков той эпохи, не учитывал опыт Гражданской войны в США. Впрочем, его вряд ли стоит за это упрекать, ибо для европейца тех лет изучение кампании на Диком Западе с точки зрения военного искусства воспринималось примерно так же, как изучение междоусобной войны двух негритянских племен.

Мольтке со всей решительностью продолжает выступать против того, чтобы концентрировать армию до сражения. «Излишне сосредоточенные

<sup>67</sup> *Moltke H.K.v.* Aus den Verordnungen für die höheren Truppenführer. S. 285.

<sup>68</sup> *Ibid.* S. 306.

<sup>69</sup> *Ibid.* S. 287.

массы — это гнусная крайность. Сконцентрированную в одной точке армию нельзя ни прокормить, ни расквартировать; она не может ни маршировать, ни маневрировать, она вообще не в состоянии существовать длительное время, она может лишь сражаться»<sup>70</sup>. Поэтому концентрировать армию следует лишь для боя; до этого необходимо двигаться раздельно, сохраняя способность в любой момент соединиться на поле брани. Конечно, в неясной обстановке соблюсти это правило сложно; «но на войне все неопределенно, ничто не безопасно, и трудно иным путем прийти к положительному результату»<sup>71</sup>. И уже на поле боя нужно привлекать все наличные силы, до последнего батальона: «Невозможно иметь слишком много сил, слишком много шансов на победу»<sup>72</sup>. Идея своевременной концентрации сил стала стержнем военного учения Мольтке, главным, чему он старался научить своих сотрудников в стенах генерального штаба. До момента начала сражения армии должны действовать синхронно, но не объединяясь в одну неповоротливую массу.

«Сражение — это великое средство сломить противостоящую волю противника»<sup>73</sup>. Весьма существенных результатов можно добиться и без вооруженного столкновения, к примеру окружив противника, однако лишь сражение позволяет в полной мере достичь своих целей. Чтобы решиться на него, надо четко понимать, какие цели стоят перед армией: «никогда нельзя сражаться, не имея определенной цели, которую следует держать в голове в течение всей битвы»<sup>74</sup>. К примеру, если целью сражения является задержание противника (например, в арьергардном бою), нельзя допускать разгрома собственного подразделения. Прервать сражение весьма трудно, и порой не вовремя предпринятый отход может стать причиной полного разгрома.

Ответить на вопрос о том, как выгоднее вести сражение, оборонительно или наступательно, по мнению Мольтке, вообще невозможно. Преимущества наступления известны: в первую очередь они заключаются в том, что мы удерживаем инициативу в своих руках, навязываем врагу ход сражения. «Наступление заранее знает, чего оно хочет; оборона пребывает в неведении, но может угадать намерения противника»<sup>75</sup>. Наступление вызывает воодушевление солдат, но как только потери становятся слишком большими, мораль неизменно падает. Обороняющемуся легче использовать особенности местности, еще один сильный козырь дало ему в руки усовершенствованное

<sup>70</sup> Ibid. S. 286.

<sup>71</sup> Ibid.

<sup>72</sup> Ibid. S. 309.

<sup>73</sup> Ibid. S. 305.

<sup>74</sup> Ibid.

<sup>75</sup> Ibid. S. 306.

стрелковое оружие. Поэтому наиболее правильным будет сначала использовать преимущества обороны, а затем перейти в контратаку.

Именно поэтому не следует создавать неприступных позиций, которые помешают потом перейти в наступление. Частый ружейный огонь наиболее эффективен на открытой равнине. Однако по-прежнему сохраняет свое значение прикрытие флангов местностью, которую могут заменить сильные артиллерийские батареи, своим огнем предотвращающие обход. Большое значение на поле боя будут играть высоты, позволяющие увеличить дальность стрельбы и скрыть от огня противника свои части; если в распоряжении полководца есть определенное время, на поле боя стоит подготовить инженерные позиции — причем речь идет не о системе окопов, которые, по мнению Мольтке, малоэффективны, а скорее об отдельных полевых укреплениях, к примеру для артиллерийских батарей. Боевые порядки не должны быть слишком длинными — на один шаг по фронту должно приходиться не менее 5–10 солдат. В сражении абсолютно необходимо выделение резерва, который остается в полном распоряжении командующего.

Если ситуация благоприятствует наступлению, не следует наносить фронтальные удары, стоящие много крови. Намного более результативными могут быть обходы и удары во фланг противника. Их непросто выполнить, если для этого приходится дробить уже сконцентрированную армию; «гораздо благоприятнее сложатся обстоятельства, если в день сражения войска, выступившие из разных пунктов, соединятся уже на самом поле брани; если операции проводятся таким образом, что последний короткий марш одновременно выводит войска на фронт и во фланг противника». Конечно, успех подобного соединения зависит от многих факторов, но «большие успехи на войне никогда не достигались без большого риска»<sup>76</sup>. Кроме того, наступать следует уверенно и решительно; «лишь сила и уверенность увлекают войска за собой и дарят успех»<sup>77</sup>. В «Инструкции...» была впервые в мировой практике разработана теория концентрического наступления.

Большая роль в сражении принадлежит артиллерии. Она должна постоянно поддерживать огнем свои войска, прикрывать отступление и двигаться в первых рядах пехоты во время наступления; при этом не следует страшиться возможной потери нескольких орудий. Важно, чтобы огонь артиллерии был как можно более массированным; только таким образом он становится более эффективным.

Если сражение венчается победой, необходимо сразу организовать преследование, которое «должно начинаться после каждого выигранного сражения,

<sup>76</sup> *Moltke H.K.V.*, Aus den Verordnungen für die höheren Truppenführer. S. 309.

<sup>77</sup> *Ibid.* S. 311.

и чем скорее, тем эффективнее оно окажется»<sup>78</sup>. Продолжается преследование до тех пор, пока последний принимающий в нем участие солдат не свалится от усталости. «Если сил противника хватает для марша, то и наших тоже должно хватить»<sup>79</sup>. Преследование рекомендуется проводить несколькими параллельными колоннами, чтобы небольшие арьергарды не могли задержать его в узких дефиле. Если преследующая армия рассредоточивается, это позволяет ей вновь обрести подвижность и в то же время провести новую битву с охватом противника; правильно проведенное преследование дает возможность после победы окончательно сломить сопротивление противника и завершить войну.

Для успеха кампании, писал Мольтке, исключительно важно сочетание инициативы и дисциплины. Первая является непреложным правилом для каждого офицера; во многих ситуациях он должен действовать по собственному разумению. Например, для руководителей подразделений гораздо правильнее будет продвигаться в сторону доносящейся до них канонады, нежели продолжать выполнение отданного ранее, и возможно, давно устаревшего приказа. «В большинстве случаев оказанная на поле боя помощь важнее, чем выполнение специального задания; потому что перед тактической победой отступают все прочие соображения»<sup>80</sup>. Однако четкое и неукоснительное выполнение приказов вышестоящих — это непреложное правило. «Дисциплина — это основа армии, а ее строгое сохранение — благо для всех и каждого»<sup>81</sup>. Найти правильный баланс между самостоятельностью и дисциплиной — в этом и заключается, согласно Мольтке, искусство офицера. Таким образом, шеф генерального штаба выдвигает основной принцип современной войны: эластичное, но одновременно рациональное применение сил и средств для достижения максимального успеха.

Достаточно много места уделяет Мольтке структуре армии. Наиболее крупное соединение мирного времени — армейский корпус, который состоит из двух пехотных дивизий, кавалерийской дивизии или бригады, корпусной артиллерии и вспомогательных частей. В пехотной дивизии, помимо четырех полков, имеются кавалерийский полк, полевая артиллерия и саперы. Два-три пехотных полка образуют бригаду; два-три батальона — полк. В дивизии не может насчитываться менее восьми пехотных батальонов. Таким образом, Мольтке старался найти то «золотое сечение» в соотношении родов войск, которое обеспечит подразделениям наибольшую боеспособность.

<sup>78</sup> Ibid. S. 312.

<sup>79</sup> Ibid. S. 313.

<sup>80</sup> Ibid. S. 306.

<sup>81</sup> Ibid. S. 288.

Каждый солдат должен знать свое место в строю, каждое подразделение — сражаться плечом к плечу. Это значительно упрощает управление войсками и позволяет избегать их перемешивания на поле боя. В сражении любое подразделение должно избегать рассеивания и по возможности сохранять единство рядов. Все рода войск, относящиеся к одному подразделению, должны держаться вместе и взаимодействовать друг с другом, даже если это может послужить причиной дополнительных потерь. Отступления от этого правила допустимы лишь в исключительных случаях, например когда после победы необходимо выделить для преследования противника все боеспособные части.

Выделение авангардов и арьергардов также должно происходить таким образом, чтобы как можно меньше затрагивать имеющуюся структуру. В частности, для армии авангард может составлять усиленная кавалерией пехотная дивизия или целый армейский корпус, для корпуса — пехотная бригада с артиллерией и достаточным количеством кавалерии и т.д.

Каждая часть должна занимать свое место в боевом порядке на поле сражения; произвольно менять этот порядок без разрешения командующего строем запрещается. После окончания битвы командиры всех уровней должны как можно быстрее сконцентрировать свои части и вновь привести их в боеспособное состояние.

Мольке подчеркивает необходимость постоянной связи между частями и командными инстанциями. При этом исключительно важно соблюдение субординации; действовать в обход выше- или нижестоящих инстанций возможно лишь в исключительных случаях, и даже тогда их необходимо держать в курсе дела. «Никогда не должна создаваться ситуация, при которой командир не знает, где находятся подчиненные ему части и какие приказы они получили»<sup>82</sup>. Когда высокий чин непосредственно руководит действиями маленького батальона, он тем самым пренебрегает своими прямыми обязанностями. Командующий должен сохранять ясное видение общей ситуации, не отвлекаясь на частности; для этого ему необходимо сохранять полное спокойствие. Другое важное правило — «приказывать не больше, чем это представляется необходимым»<sup>83</sup>, предоставляя подчиненным достаточную свободу действий. Чем выше командная инстанция, тем более короткими и общими по своему содержанию должны быть ее приказы. При этом каждое приказание необходимо обосновывать, чтобы подчиненный понимал его причины и цели. Однако сообщать нижестоящим инстанциям нужно ровно столько, сколько необходимо для достижения поставленной задачи, не перегружая их лишней информацией. «Первейший долг

<sup>82</sup> Moltke H.K.V. Aus den Verordnungen für die höheren Truppenführer. S. 292.

<sup>83</sup> Ibid.

командира — приказывать, не пускать вещи на самотек и, само собой, контролировать выполнение своих приказов»<sup>84</sup>, которые рекомендуется к тому же отдавать в письменном виде.

С другой стороны, каждое подразделение обязано информировать руководство о складывающейся ситуации как можно более ясно и подробно. При этом важна правильная оценка происходящего, чтобы опасения и предположения не занимали в донесениях место действительных фактов. Чтобы облегчить нижестоящим командирам эту работу, им следует придавать (особенно во время сражения) специальных офицеров, ответственных за передачу данных главному командованию. В наиболее важных случаях это должны быть офицеры генерального штаба.

При сближении с неприятелем высшие военачальники должны лично выезжать вперед, чтобы своими глазами увидеть ситуацию и принять необходимые решения. При этом начальник генерального штаба должен неотлучно находиться при командующем. С началом битвы эти лица перемещаются в тыл сражающейся армии и остаются на одном месте, чтобы обеспечить бесперебойную связь. При этом категорически не рекомендуется вмешиваться в действия отдельных частей, поскольку следует сохранять общее управление боем. «До момента окончательного решения им требуется полное спокойствие духа и физические силы, которые они, таким образом, обязаны сохранять»<sup>85</sup>. В конце сражения командованию приходится принимать самые важные решения, которые могут оказаться решающими для всей кампании. Здесь свою роль должен сыграть начальник генерального штаба, который предоставляет командующему всю необходимую информацию, полученную через своих офицеров, находящихся в частях.

Большое внимание уделяет Мольтке движению войск. По его расчетам, в течение дня по одной дороге может пройти лишь один армейский корпус. «Поэтому большое заблуждение — считать, что войска сконцентрированы, если они движутся в одной колонне»<sup>86</sup>. Две дивизии, идущие по расположенным в нескольких километрах друг от друга параллельным дорогам, могут оказать друг другу гораздо более эффективную поддержку, чем двигаясь в одной колонне. Такой марш существенно облегчает снабжение частей. Однако каждая колонна должна образовывать самостоятельное боеготовое соединение. Обоз должен включать в себя не больше того количества повозок, которое положено по штату; ширина походной колонны должна определяться наиболее узким местом дороги, кроме того, необходимо оставлять место для беспрепятственного движения вестовых. В случае остановки

<sup>84</sup> Ibid. S. 293.

<sup>85</sup> Ibid. S. 310.

<sup>86</sup> Ibid. S. 295.



колонны необходимо по возможности освободить дорогу, чтобы избежать заторов. Порядок движения частей разных родов войск определяется близостью колонны к противнику; если существует реальная опасность внезапного столкновения, следует чередовать их так, чтобы они могли немедленно организовать эффективную поддержку друг друга. Поэтому Мольтке дает лишь приблизительную схему движения дивизионной колонны.

Впереди движется авангард — пехотный полк, а также кавалерия, предназначенная для разведки. Следующий в голове главных сил пехотный полк должен принадлежать к той же бригаде, что и авангардный; его сопровождает артиллерия, чтобы иметь возможность с ходу поддержать пехотинцев. Здесь же должны находиться саперные части. Обозы следуют в хвосте дивизии, на некотором расстоянии, чтобы избежать заторов, для их охраны выделяются небольшие пехотные и кавалерийские подразделения. В таком порядке полное развертывание дивизии для боя должно занять не более полутора часов. Если армейский корпус движется по одной дороге, то его развертывание займет не менее 4–5 часов. Правда, не для каждого боевого столкновения требуется полное развертывание, от которого следует воздерживаться до крайней необходимости, т.к. оно существенно замедляет продвижение вперед.

Марш необходимо четко планировать и организовывать, чтобы избежать задержек и заторов, которые утомляют солдат. А ведь «после боеготовности бережное отношение к войскам — важнейшее из всего, о чем нужно думать при выполнении марша»<sup>87</sup>. Поэтому следует избегать ночных маршей и регулярно устраивать дни отдыха.

Особое внимание Мольтке уделяет разведке, которая в минувшей кампании оказалась явно не на высоте, в первую очередь из-за неправильного использования конницы. «Разведка — это, собственно говоря, практически исключительно дело кавалерии»<sup>88</sup>. Последняя может либо наблюдать за противником малыми разъездами, либо проводить разведку боем более крупными формированиями. Кавалерия должна также обеспечивать охранение расположившихся на отдых частей и бесперебойную связь между соединениями. Отдельным подразделениям кавалерии следует поручать непрерывное наблюдение за вражеской армией, с тем чтобы не терять соприкосновения с неприятелем. Во время сражения кавалерию нужно держать в резерве, чтобы она смогла либо прикрыть остатки отступающей армии в случае поражения, либо организовать преследование разгромленного противника.

На марше функцию охранения выполняет авангард, причем чем сильнее авангард, тем дальше его можно выдвинуть вперед. Во время марша не

<sup>87</sup> Moltke H.K. В.в. Aus den Verordnungen für die höheren Truppenführer. S. 299.

<sup>88</sup> Ibid. S. 301.

следует проявлять избыточную осторожность — вылазки противника не должны срывать передвижение войск. «Тот, кто выходит во фланг, в свою очередь подставляет свой, окружение опасно лишь для более слабого»<sup>88</sup>, — считал Мольтке.

Мольтке решительно рвет со старыми представлениями о внешних и внутренних операционных линиях, выборе сильных позиций, поставив на их место идею блицкрига: быстрой мобилизации, молниеносного развертывания и удара по еще не успевшему сосредоточиться противнику.

По тексту «Инструкции...» четко видно, что создавалась она на основе опыта войны с Австрией, из которого Мольтке стремился извлечь максимальную возможную пользу. В ней уже видны черты «стратегии уничтожения». В «Инструкции...» описана типичная кабинетная война; Мольтке еще не почувствовал приближения эпохи тотальных, народных войн.

Вскоре «Инструкции...» предстояло выдержать первое испытание боем — в войне против Франции, к которой Мольтке усердно готовился во второй половине 1860-х гг., а если брать более широко, то и в течение всей своей жизни...

---

<sup>88</sup> Ibid. S. 304.

## Глава 10. ПРОТИВ «НАСЛЕДСТВЕННОГО ВРАГА»

*Подготовка к войне с Францией — Начало войны — Августовские сражения — Седан — осада Парижа — Второй этап войны — Конфликт с Бисмарком — Перемирие и конец войны*

После окончания кампании 1866 г. франко-прусское сближение стало невозможным. По обе стороны границы влиятельные представители правящих кругов и широкая общественность считали новую кампанию неизбежной. К их числу относился и Мольтке. «Война с Францией обязательно начнется, раньше или позже», — заявил он американскому послу Джорджу Бэнкрофту в январе 1869 г.<sup>1</sup>

Шеф генерального штаба, правда, искренне полагал, что зачинщиками войны выступят французы. По его мнению, это было предопределено их гегемониальными устремлениями. Война может вспыхнуть в любой момент; «планировать на недели вперед не имеет смысла», — писал он Фрицу 14 мая 1868 г. — Франция недовольна, и для того, чтобы она успокоилась, необходимо разжечь европейский пожар. Столь фривольную войну, без повода и без цели, напоминающую времена Людовика XIV и Лувуа, в XIX столетии следовало бы считать делом невозможным, и все же мы, похоже, стоим на ее пороге. Все зависит от решения нерешительного человека, который постоянно и намеренно разжигает национальные страсти, вооружается с таким размахом, что бюджет страны долго этого не выдержит, и не сможет разоружиться без того, чтобы не пасть в глазах общественного мнения, особенно армии. <...> Я считаю ситуацию весьма серьезной»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> *Moltke H.K.V.d. Gespräche.* S. 116.

<sup>2</sup> *Moltke H.K.V.d. Aufzeichnungen...* S. 250.

Планы кампании он начал составлять с 1866 г. Уже 8 августа этого года Мольтке передал Бисмарку памятную записку касательно войны с Францией, а двумя днями позднее направил аналогичный документ военному министру. По мнению исследователей, записка носила по существу программный характер и содержала завуалированное требование к политическому руководству организовать в ближайшем будущем войну с западной соседкой<sup>3</sup>. Как считал шеф генерального штаба, именно кампания против «наследственного врага» позволит достичь объединения Германии. Кроме того, Мольтке предостерегал против любых территориальных уступок Парижу.

Первоначально он полагал, что придется вести войну на два фронта — против Франции и против Австрии. Рассчитывать при этом приходилось лишь на северогерманские силы. Однако итогом такой кампании может стать объединение страны: «Даже не совсем удачный исход навсегда сплотит Германию вокруг Пруссии», — считал Мольтке<sup>4</sup>. Всего Северогерманскому союзу удастся, по его расчетам, выставить в поле около 440 тыс. человек, его противникам — 500 тыс.

Война должна была вестись по ставшему классическим образцу, испытанному в предыдущей кампании: минимальные силы на западе, где следует держать оборону, и быстрое наступление на юге, в Богемии. «Оптимальным представляется минимальными силами обороняться на одном направлении, чтобы на другом иметь возможность наступать, располагая численным превосходством» — так выражена эта мысль в памятной записке в январе 1867 г.<sup>5</sup> Как рассчитывал Мольтке, сломить сопротивление австрийцев окажется достаточно просто, и освободившиеся силы потом можно будет перебросить на Рейн. Поражение австрийской армии поставит империю на грань развала и приведет к ее выходу из войны, а поражение французской армии только всколыхнет волну галльского патриотизма. Еще один любопытный штрих: «Шансы на успех значительно возрастут, если Пруссия решится взять на себя инициативу войны против Австрии, как это в аналогичной ситуации делал великий король — не во имя завоеваний, а во имя обороны». Проводя исторические аналогии с Семилетней войной, которую Фридрих Великий начал ввиду сколачивания против Пруссии вражеской коалиции, Мольтке рекомендовал начать превентивную войну. Немногим позднее, в 1869 г., он заявил в беседе с прусским послом в Вене, что в случае, если Австрия начнет быстро вооружаться, нужно будет немедленно напасть на Францию, избежав, таким

<sup>3</sup> Helmert H. *Kriegspolitik und Strategie*. S. 238.

<sup>4</sup> Moltke H.K.V. *AW*, Bd. 3. S. 55.

<sup>5</sup> *Ibid.* S. 62.

образом, войны на два фронта<sup>6</sup>. Вновь у шефа генерального штаба появляется мысль, что напасть первым — не грех, что цель оправдывает средства и что сугубо политическое решение о начале войны можно принять исходя из чисто военных соображений.

После Люксембургского кризиса Мольтке переработал план, предназначив первый удар Франции, как наиболее опасному и боеспособному противнику. Кроме того, он рассчитывая на помощь России против Австрии. В качестве возможного противника Мольтке рассматривал и Данию, которая может попытаться вернуть себе северные герцогства. Однако 10 из 13 имевшихся северогерманских корпусов должны были быть развернуты на западном направлении. Их надлежало разделить на четыре армии по два-три корпуса в каждой; центр, левый и правый фланги, а также резерв. В дальнейшем центральная и резервная армия были объединены; так возникло трехчастное деление, которое сохранилось вплоть до самой войны.

Жизнь вносила коррективы в планы Мольтке. Несмотря на все старания Наполеона III, найти союзников в Европе ему не удавалось. Повинен в этом был в первую очередь он сам: стремясь к гегемонии Франции, император не хотел идти ни на какие уступки. В частности, вывести своих солдат из Рима (требование Италии) или отказаться от статей Парижского трактата 1856 г. (требование России). Австрия же чувствовала себя попросту слишком слабой — Франц Иосиф разумно предпочитал оставаться в стороне, не пытаясь еще раз сыграть в рулетку военного счастья. Свой вклад внесло и дипломатическое искусство Бисмарка, немало потрудившегося над изоляцией будущего противника.

Задача Мольтке существенно облегчалась — ему предстояло планировать войну с одним противником. В руках у него имелся достаточно мощный инструмент. Если численность прусской армии военного времени в 1861 г. составляла 367,5 тыс. человек, то аналогичный показатель для северогерманской армии 1867 г. составлял 552 тыс.<sup>7</sup> Шеф генерального штаба стремился ускорить строительство стратегических железных дорог, которое и так велось высокими темпами, — за вторую половину 1860-х гг. удалось ввести в эксплуатацию шесть новых линий, которые можно было использовать для развертывания против Франции. Это, в свою очередь, позволяло существенно сократить сроки переброски корпусов с 33 дней в начале 1860-х гг. до 20 в 1870 г.<sup>8</sup>

У Мольтке была возможность достаточно верно предсказать способ действий французов — расположение железнодорожных линий диктовало

<sup>6</sup> *Moltke H.K.v. Gespräche*. S. 125.

<sup>7</sup> *Helmet H.*, *Op. cit.* S. 253.

<sup>8</sup> *Ibid.* S. 258.

в новую эпоху районы сосредоточения армии. Согласно плану, составленному зимой 1868–1869 гг., развертывание французских войск ожидалось в двух районах — вокруг Страсбурга и Меца, по обе стороны Вогезов. Германские же войска с помощью шести железнодорожных линий можно было сконцентрировать в Пфальце, предотвратить любое вражеское вторжение и нанести удар либо по одной, либо сразу по обеим группировкам. Отлично подготовленная мобилизация позволяла уже через 18 дней после издания соответствующего приказа иметь там 300 тыс. солдат. Разделенная на четыре армии, эта масса должна была начать наступление в направлении на Париж, обходя сильную крепость Мец. В процессе продвижения следовало вынудить французов принять генеральное сражение и разгромить их. «Простота, реальность, ясность и точность делают его образцом стратегического документа», — говорил об этом плане отечественный исследователь Г. Иссерсон<sup>9</sup>.

Мольтке стремился в первую очередь не допустить вступления противника на германскую территорию, громить врага на его земле. Это исключило бы любую возможность предательства со стороны южногерманских государств. Захват инициативы, по мнению шефа прусского генерального штаба, являлся главной предпосылкой успеха. Если же французы все-таки начнут наступление первыми (а для этого существовали определенные предпосылки), необходимо перенести район развертывания прусской армии за Рейн, так, чтобы удар противника пришелся в пустоту, а затем наткнулся на губительное контрнаступление. При этом одна армия должна атаковать противника фронтально, а другие — охватить его фланги. Позиция южногерманских государств при этом не имеет значения: «Все состоится великолепно вместе с Южной Германией, все хорошо состоится и без нее, все состоится, при необходимости, и против нее»<sup>10</sup>.

Мольтке, как оказалось впоследствии — верно, считал, что династия Бонапартов не переживет первых же поражений и будет свергнута. Впрочем, в определенной степени он еще в 1859 г. предвидел, что на этом война может не закончиться и сражаться придется не только с армией, но и со всем французским народом. Более того, он всерьез рассматривал возможность такого поворота событий, при котором ни одному из противников не удастся добиться быстрой победы: «Нападение на Францию остается непростым делом. Его исход решится не в первом сражении, возможно, даже не в первой кампании»<sup>11</sup>. Однако в планах генерального штаба этот фактор не учитывался.

<sup>9</sup> Иссерсон Г. Указ. соч. С. 159.

<sup>10</sup> Herre F. Moltke. S. 284.

<sup>11</sup> Helmert H. Op. cit. S. 247.

Мольтке продолжал оставаться сторонником территориальных приобретений. Речь шла в первую очередь об Эльзасе и Лотарингии. В беседе с австрийским военным атташе в сентябре 1868 г. Мольтке, правда, заявил, что у Пруссии нет никаких аннексионистских целей, однако здесь он явно пытался ввести собеседника в заблуждение. Шеф прусского генерального штаба сказал, что считает войну весьма вероятной, только лишь потому, что к ней стремится Франция; взаимопонимание между Австрией и Пруссией, по словам Мольтке, имело бы большую ценность для обуздания гордых галлов. Это было вполне в духе его прежних убеждений.

Что касается России, то к ней Мольтке относился гораздо прохладнее, чем к Австрии: «Мы должны оставаться в хороших отношениях с Россией, русские должны быть нашими друзьями, но не активными союзниками; они никогда не должны вступить на нашу землю», — заявил он в июне 1867 г. прусскому военному уполномоченному в Петербурге полковнику фон Швайницу<sup>12</sup>. Не слишком тепло относясь к России, он тем не менее считал ее важным сдерживающим фактором для Австрии на тот случай, если последняя поведет себя враждебно.

\*\*\*

В любом случае решение о войне должно было принять политическое руководство страны. И оно блестяще справилось со своей задачей. Исследователи до сих пор спорят о том, была ли вся руководимая Бисмарком прусская политика в период 1867–1870 гг. направлена на подготовку войны с Францией, или же «железный канцлер» не исключал возможность мирного развития отношений с западным соседом. Не вдаваясь в подробности этой дискуссии, отметим, что первая точка зрения представляется более аргументированной. Конечно же, Бисмарк, будучи опытным дипломатом, всегда сохранял пространство для маневра и держал открытыми несколько путей. Однако ряд обстоятельств толкал его к войне. В Южной Германии росли сепаратистские настроения, отношение французов к возможному объединению восточных соседей было весьма негативным. Нейтрализовать и первых, и вторых могла бы только оборонительная война — война, которая в Германии была бы воспринята как отечественная и которая отбросила бы Францию на вторые роли в европейском концерте. Именно поэтому Бисмарк уделил столь пристальное внимание испанскому вопросу, который в иных обстоятельствах, возможно, был бы решен тихо и незаметно.

Предьстория франко-германской войны многократно описана в литературе, и на ней нет необходимости подробно останавливаться. Достаточно сказать, что в феврале 1870 г. вакантный испанский престол был предложен

<sup>12</sup> *Moltke H.K.V. Gespräche.* S. 109.

дальнему родственнику прусского короля, который ответил согласием, не без содействия Бисмарка. Это вызвало бурю возмущения во Франции, которая заявила протест.

Бисмарк и Мольтке довольно тесно сотрудничали в испанском вопросе. К примеру, вместе с сотрудником канцлера Лотаром Бухером, направленным в Мадрид для выяснения обстановки, на Пиренеи отправился эмиссар генерального штаба майор фон Ферзен для обследования испанской армии. Именно последний, к слову сказать, внес огромный вклад в то, чтобы убедить германского принца согласиться на выдвижение своей кандидатуры<sup>13</sup>. Еще в 1868 г. Мольтке «приветствовал» испанскую проблему как головную боль для французов, и теперь он всячески содействовал тому, чтобы эта боль приняла невыносимые масштабы.

Тучи на европейском горизонте стремительно сгущались. 11 июля 1870 г. Мольтке вместе с братом Адольфом, невесткой и двумя ее дочерьми совершал небольшую поездку в экипаже по окрестностям Крайзлау. По дороге он встретил почтальона, который передал ему телеграмму. Генерал молча пробежал ее глазами и, не говоря ни слова, сунул в карман. Лишь после возвращения домой он объявил, что должен немедленно выехать в Берлин. В полученной им телеграмме говорилось, что король считает ситуацию весьма серьезной и не исключена скорая мобилизация. Домочадцы собрались на чаепитие; погруженный в свои мысли глава семьи сидел в полном молчании. Внезапно он поднял глаза, ударил ладонью по столу и воскликнул: «Ну, пусть они только сунутся, с Южной Германией или без — мы готовы!»<sup>14</sup>

Однако в этот момент опытному французскому дипломату Бенедетти, послу в Пруссии, удалось, побеседовав с прусским королем, убедить его рекомендовать родственнику снять свою кандидатуру. Казалось, Бисмарк потерпел серьезное поражение. Он «увидел все здание, созданное с таким искусством, разрушенным одним ударом»<sup>15</sup>. Однако у немецкого канцлера появился невольный и могущественный союзник — министр иностранных дел Франции Грамон. Он дал Бенедетти инструкцию еще раз встретиться с королем и потребовать от него заверений, что кандидатура Гогенцоллерна никогда более не будет выдвигаться на испанский престол, — для Пруссии это было бы неслыханным дипломатическим унижением. 13 июля Вильгельм вежливо ответил французскому послу, что таких гарантий по понятным причинам дать не может. На следующий день король, уезжая из Эмса, тепло попрощался с послом на вокзале и заявил, что дальнейшие переговоры будут происходить в Берлине.

<sup>13</sup> Eyck E. Bismark. Bd. 2. S. 449.

<sup>14</sup> Moeltke H.K.V.v. Gespräche. S. 126.

<sup>15</sup> Eyck E. Op. cit. Bd. 2. S. 464.



Телеграмма с информацией о произошедших событиях была направлена Бисмарку, находившемуся в Берлине. «Железный канцлер» с гениальной ловкостью развернул ход событий на 180 градусов. Вечером 13 июля у Бисмарка ужинали Мольтке и Роон, настроение и у хозяина, и у гостей было подавленное. Все готовились к войне, а получили унижительный мир. Генералыковырялись вилками в своих тарелках и язвительно намекали Бисмарку на то, что ему гораздо легче выйти в отставку и остаться чистеньким в этой истории. «Вам-то хорошо, — приговаривал Мольтке, — Вы вернетесь в Варцини и будете там растить свою капусту; но мы — солдаты — вынуждены будем терпеливо наблюдать, как король наслаждается французской пощечиной»<sup>16</sup>. Именно в это время принесли телеграмму из Эмса. Прочитав ее вслух, Бисмарк увидел в конце приписку, что король позволяет ему распоряжаться текстом по своему усмотрению.

Канцлер посмотрел на Мольтке и задал ему короткий вопрос: готова ли армия к войне? Шеф генерального штаба немедленно ответил утвердительно. Тогда канцлер, взяв карандаш, вычеркнул несколько фраз. В новой редакции «Эмская депеша» (под таким именем вошел в историю этот документ) гласила: французы выдвинули королю чрезмерные требования; монарх в ответ отказался принять французского посла и лишь сообщил последнему через адъютанта, что им незачем встречаться. Глаза сотрапезников Бисмарка, услышавших новую редакцию депеши, заблестели. «Так-то звучит совсем иначе: прежде она звучала сигналом к отступлению, теперь — фанфарой, отвечающей на вызов!», — воскликнул Мольтке<sup>17</sup>. Настроение за столом радикально изменилось — все с аппетитом набросилось на еду, горячо обсуждая будущие сражения. Как впоследствии рассказывал Бисмарк, «Мольтке настолько оставил свою равнодушную пассивность, что, обратив радостный взор на потолок и отказавшись от обычной умеренности в словах, ударил себя кулаком в грудь и произнес: “Если мне посчастливится руководить нашей армией в такой войне, пусть черт забирает потом мои старые кости!”»<sup>18</sup> Его мечта осуществилась. «Это, — писал Э. Кессель, — еще одно доказательство того, что старый человек не утратил юношеской гибкости, не желал покоя, пока у него еще оставались дела, и с возрастом становился все более смелым, в то время как в молодости он был скорее осторожен и сдержан»<sup>19</sup>.

Искалеченная телеграмма была передана в прессу. Общественное мнение по обе стороны границы, подготовленное газетными битвами, восприняло ее

<sup>16</sup> Herre F. Op. cit. S. 281.

<sup>17</sup> Бисмарк О.Ф. Мысли и воспоминания. Т. 2. С. 86.

<sup>18</sup> Moltke H.K.v. Aufzeichnungen... S. 260.

<sup>19</sup> Kessel E. Moltke. S. 545.

именно так, как рассчитывал Бисмарк: как неслыханное национальное оскорбление. Впрочем, вопрос о том, в какой мере Эмская депеша спровоцировала конфликт, является сегодня дискуссионным: по мнению ряда историков, Париж взял курс на войну еще до публикации пресловутой телеграммы<sup>20</sup>. Как бы то ни было, 19 июля 1870 г. Франция объявила Северогерманскому союзу войну. Вильгельм был поставлен перед свершившимся фактом. Для Пруссии предстоящее столкновение приобрело вид справедливой национальной борьбы против западного агрессора. Это обеспечило ей симпатии южногерманского населения. Все великие державы Европы сохраняли более или менее благожелательный по отношению к немцам нейтралитет. «Никогда еще не было более справедливой войны, чем эта, и мы рассчитываем на Божью помощь», — писал Мольтке родным в Крайзау 18 июля<sup>21</sup>.



Мобилизация и во Франции, и в Пруссии была начата еще 15 июля. Хотя старт был дан одновременно, результаты оказались различными. Во Франции с 1868 г. осуществлялась военная реформа, задуманная министром обороны — маршалом Ниазем. Вооруженные силы Второй империи состояли из активной армии, резерва, национальной (мобильной) гвардии. В случае войны активная армия превращалась в действующую, резерв пополнял ее ряды и, кроме того, формировал отдельную резервную армию. На долю мобильной гвардии (мобилей) приходилась гарнизонная служба и пополнение резервной армии. По штатам 1870 г. французская армия составляла 567 тыс. человек, в том числе 336 тыс. в действующей армии<sup>22</sup>. Однако реформа так и не смогла полностью вывести французскую армию на современный уровень.

До реформы французская армия комплектовалась на основе закона 1832 г., устанавливавшего семилетний срок службы. От армии можно было откупиться, недостачу в таком случае восполняли сверхсрочники, доля которых в общем числе солдат к середине 1860-х гг. возросла до 40%. Ниазь попытался ввести некий аналог всеобщей воинской повинности: теперь новобранец должен был прослужить пять лет в строю и четыре года в запасе. Естественно, при столь длительном сроке службы число призывников намного превышало потребности армии; «лишние» записывались в ряды мобильной гвардии и в течение девяти лет ежегодно проходили двухнедельное

<sup>20</sup> *Ohnezeit M.* Der Deutsch-Französische Krieg. Vorgeschichte, Ursachen und Kriegsausbruch // Der Deutsch-Französische Krieg 1870–71. Vorgeschichte, Verlauf, Folgen. Graz, 2009. S. 69.

<sup>21</sup> *Moltke H.K.V.d.* Aufzeichnungen... S. 259.

<sup>22</sup> *Helmert H., Uszeck H.* Preußischdeutsche Kriege von 1864 bis 1871. S. 175.

военное обучение. Фактически это была сильно ухудшенная копия прусской системы. Число обученных солдат, находившихся в запасе, росло медленно, отмена сверхсрочной службы в ближайшей перспективе лишила армию наиболее опытных солдат.

На вооружении французской пехоты находилась казнозарядная винтовка системы Шасло — прекрасное оружие, значительно превосходящее по кучности боя игольчатую винтовку Дрейзе. Тактическое мышление французского командования было весьма противоречиво. В инструкциях 1867 и 1868 гг. предписывалось ввиду возросшей мощи огнестрельного оружия делать ставку на оборону, однако от устаревшей батальонной колонны французы отказываться не захотели. Действующий пехотный устав был принят в 1791 г. и отражал реалии прошлого века<sup>23</sup>. Пехота была одета в яркую сине-красную униформу, которая была видна издали и служила прекрасной мишенью.

На вооружении артиллерии находились более 3 тыс. нарезных и более 5 тыс. гладкоствольных орудий, все до одного дульнозарядные. Однако из 660 батарей французской армии лишь для 164 имелись конские упряжки, и большая часть орудий без движения стояла на складах. Кроме того, на вооружении французской артиллерии находились так называемые митральезы — предшественницы пулеметов, способные одновременно выпустить 25 пуль; благодаря оригинальной системе заряжения их скорострельность составляла 400 выстрелов в минуту. Это оружие было строго засекречено. Кавалерия предназначалась в первую очередь для разведки и охраны, но на практике самостоятельным действиям обучена не была. Серьезную силу представлял французский флот, располагавший 69 броненосными судами, 110 небронированными паровыми судами и 116 транспортными пароходами, а также корпусом морской пехоты.

Гораздо хуже обстояли дела в резервной армии. Здесь не хватало ни оружия, ни обмундирования. Формирование частей мобильной гвардии началось лишь с объявлением мобилизации, и никакой боевой ценностью она на первых порах не обладала. Но и с полевой армией у французского руководства была масса проблем. Ставшее крылатым выражение французского министра обороны, который накануне войны заявил, что войска «архиготовы», было не более чем самообманом. Поскольку в мирное время во французской армии практически не было корпусов, их структуру приходилось наспех выстраивать с началом мобилизации; система снабжения была совершенно не налажена; военные склады сконцентрированы в нескольких точках, и выдача мобилизованным солдатам вооружения осложнилась до крайности. Система управления была неуклюжей и

<sup>23</sup> Иссерсон Г. Указ. соч. С. 140.

насквозь коррумпированной. Офицерский корпус комплектовался двумя путями: из воспитанников офицерских школ и из унтер-офицеров; между двумя этими категориями существовали серьезные трения. Узвимою стороной французской армии был ее генералитет, который «проявлял удивительное незнакомство с элементарными вопросами военного искусства»<sup>24</sup>, отличался безынициативностью и нерешительностью. Французский генеральный штаб ведал второстепенными вопросами бюрократического характера. Четких планов на случай войны не существовало; Наполеон намеревался нанести быстрый удар 300-тысячной группировкой; более продуманный план Фроссара предусматривал осторожную оборонительную стратегию, но являлся «бедным и пассивным, каким он объективно только и мог быть при существовавшем соотношении сил между Францией и Пруссией»<sup>25</sup>. Значительную часть полевой армии правительство оставило в Алжире, Лионе и Париже.

Все это принесло свои плоды в первые же дни мобилизации. Призванные солдаты часто не могли получить необходимое снаряжение, железные дороги не справлялись со стремительно возросшей нагрузкой. В результате пополнение частей до штатной численности задерживалось. Незирая на это, Наполеон III 16 июля 1870 г. отдал приказ начать развертывание армии в надежде быстрым наступлением сорвать германское сосредоточение. Итогом, однако, стала еще большая дезорганизация и неразбериха. Как и предполагал Мольтке, французские войска концентрировались в двух районах — на Мозеле и в Эльзасе. Однако в организационном плане эти восемь корпусов были объединены в одну громоздкую Рейнскую армию, находившуюся под личным командованием Наполеона. Она насчитывала 210 тыс. человек при 780 орудиях и 244 митральезах — вместо 440 тыс., на которые рассчитывали до войны. 28 июля французский император прибыл в Мец. Здесь он мог воочию убедиться, насколько не готовы к каким-либо активным действиям его войска.

Полной противоположностью этому было происходившее по другую сторону границы. Усовершенствованный под руководством генерального штаба механизм мобилизации и развертывания работал как часы. «Наша мобилизация — это сложная, но отрегулированная до мелочей операция», — говорил Мольтке в рейхстаге еще в октябре 1867 г.<sup>26</sup> За последние годы была проведена реорганизация кавалерии и ландвера, артиллерия перевооружена на нарезные орудия. Были внесены улучшения в работу телеграфа, железных дорог, санитарной службы и снабжения. Например, в 1867 г. были

<sup>24</sup> Там же. С. 143.

<sup>25</sup> Там же. С. 148.

<sup>26</sup> *Moltke H.K.V.v. AW.* Bd. 3. S. 323.

созданы полевые телеграфные части, призванные обеспечить бесперебойную связь наступающих войск с штабами и главной квартирой<sup>27</sup>. В августе 1870 г. был принят новый Устав пехоты, заменивший устав 1847 г.; в нем была учтена значительная часть пожеланий генерального штаба. Были составлены в значительном количестве прекрасные карты приграничных областей, как с германской, так и с французской стороны. Существует рассказ, что в самый разгар мобилизации один из сотрудников генерального штаба застал Мольтке за чтением Вальтера Скотта. «А почему бы и нет? — спокойно ответил тот удивленному офицеру. — Все готово, достаточно только потянуть за шнурок»<sup>28</sup>. «При объявлении войны, — напишет впоследствии шеф генерального штаба, — понадобилась лишь подпись короля, чтобы все грандиозное движение начало свой безостановочный ход. Принятые меры не потребовали никаких изменений, нужно было выполнять только наперед обдуманное и подготовленное»<sup>29</sup>.

После войны 1866 г. даже партикуляристы в южногерманских государствах вынуждены были, стиснув зубы, признать превосходство военной машины Гогенцоллернов. Поэтому с 1867 г. во всей Германии армии были реорганизованы по прусскому образцу — вводилась всеобщая воинская повинность, новая структура и вооружение. В итоге к 1870 г. северогерманская армия насчитывала в мирное время более 300 тыс. человек, а вместе с южногерманскими контингентами — более 380 тыс. После мобилизации эта численность могла быть доведена до 1,2 млн человек. Полевая армия составляла 462 тыс. пехоты, 57 тыс. конницы при 1584 орудиях<sup>30</sup>. Превосходство в силах над западным противником было очевидным.

«Все части прусско-северогерманского войска были заботливо подготовлены к войне, — пишут немецкие военные историки. — Прусское военное управление исходило из того, что французская армия хорошо вооружена, прекрасно обучена и обладает высокой боеспособностью. <...> Летом 1870 г. немецкие вооруженные силы представляли собой эффективный инструмент в руках прусского генерального штаба»<sup>31</sup>. переброска северогерманских войск осуществлялась по 10 железнодорожным линиям, концентрация была полностью завершена к 5 августа, когда прибыли части из восточных провинций страны. При этом на период сосредоточения армии были впервые приостановлены гражданские перевозки<sup>32</sup>.

<sup>27</sup> Grundkurs deutsche Militärgeschichte. Bd. 1. S. 348.

<sup>28</sup> Herre F. Op. cit. S. 283.

<sup>29</sup> Мольтке Г. История германо-французской войны. С. 11.

<sup>30</sup> Helmert H., Uszeck H. Op. cit. S. 171.

<sup>31</sup> Ibid. S. 175.

<sup>32</sup> Grundkurs deutsche Militärgeschichte. Bd. 1. S. 348.

Как и в кампании 1866 г., немецкие войска были разделены на три армии, развернутые в пространстве протяженностью 150 км по фронту и 80 км в глубину. I армия под командованием генерала фон Штайнмеца (I, VII, VIII армейские корпуса и две кавалерийские дивизии — 75 тыс. пехоты, 10 тыс. кавалерии, 270 орудий) была сконцентрирована к юго-востоку от Трира. II, дислоцированная к югу от Майнца, находилась под командованием принца Фридриха Карла и была самой мощной (гвардейский, II–IV, IX, X, XII корпуса, две кавалерийские дивизии — 181 тыс. пехоты, 23 тыс. кавалерии, 630 орудий). III армия кронпринца, сконцентрированная в районе Ландау, уступала ей ненамного (V, VI, XI, I баварский, II баварский корпуса, две отдельные пехотные и две кавалерийские дивизии — 153 тыс. пехоты, 20 тыс. кавалерии, 576 орудий). Кроме того, в резерве находилось еще почти 70 тыс. человек. Начальником штаба I армии был назначен генерал фон Шперлинг, на которого Мольтке возлагал большие надежды; во II армию был назначен Штиле. Кронпринц должен был работать в тандеме с неизменным Блументалем, хотя предпочел бы Штоша; последний, однако, считался незаменимым человеком на посту генерал-интенданта армии. Впервые Мольтке удалось назначить на ключевые должности людей, охотно признававших его авторитет и пользовавшихся его доверием.

Планы операции предусматривали концентрическое наступление на противника с последующим генеральным сражением. «Сложность заключается только в выполнении этого простого плана крупными массами», — говорил Мольтке. «Операция против Франции будет заключаться в том, что мы сомкнутыми рядами двинемся по французской земле, пока не встретим французскую армию, и там дадим ей бой», — писал он в мае 1870 г.<sup>39</sup>

\*\*\*

До конца июля Мольтке оставался в Берлине и принимал участие в заседаниях северогерманского рейхстага. Весь его образ жизни в этот период свидетельствовал об уверенности в благоприятном исходе кампании. Из уст в уста передавался рассказ о том, как во время конной прогулки в Тиргартене его окликнул один любопытный горожанин:

- Как идут дела, Ваше превосходительство?
- Хорошо.
- То есть Ваше превосходительство имеет в виду, что...
- Я имею в виду урожай. Картофелем я доволен, а вот озимые уродились не очень<sup>40</sup>.

<sup>39</sup> Helmert H. Op. cit. S. 261.

<sup>40</sup> Herre F. Op. cit. S. 285.

Популярность Мольтке снова выросла. Однажды, возвращаясь в своем экипаже из королевского дворца, он повстречал уличного мальчишку, который крикнул ему: «Ну, Мольтке, составь снова хороший план!» Шеф генерального штаба воспринял это как доброе предзнаменование и с удовольствием рассказывал всем об этом эпизоде<sup>35</sup>.

Мольтке словно помолодел. Впоследствии Бисмарк высказался о нем как о вампире, которого предстоящее кровопролитие наполняет жизненной энергией. 31 июля он в составе главной квартиры отправился на театр военных действий, захватив с собой половину офицеров генерального штаба. Другая половина осталась в Берлине, продолжая делать работу, не связанную напрямую с начавшейся кампанией. Его заместителем являлся генералквартирмейстер Т. фон Подбельски. Были сформированы три «мобильных» отделения. Начальником первого, оперативного, являлся подполковник П. Бронзарт фон Шеллендорф, в его сферу ответственности входило непосредственное ведение операций. Второе, информационное отделение, возглавляемое подполковником Ю. Верди дю Вернуа, отвечало за сбор и анализ информации о противнике и ведение переговоров. Железнодорожное отделение возглавлял подполковник К. фон Бранденштейн, ответственный за коммуникации сражающейся армии. Кроме того, существовало бюро, ответственное за прием, подготовку и отправление документации<sup>36</sup>. Так впервые была испытана на практике структура Большого генерального штаба военного времени.

Состав главной квартиры не слишком радовал Мольтке. Помимо действительно важных, на его взгляд, людей, коих было меньшинство, в шести железнодорожных эшелонах разместились политики, придворные, чиновники — всего около тысячи человек. Шеф генерального штаба с удовольствием оставил бы их, включая Бисмарка и Роона, в Берлине; он не терпел, когда кто бы то ни было вмешивался в руководство военными действиями. А Бисмарк планировал делать именно это — влиять на ход войны с позиции политика. Конфликт между двумя соратниками должен был неминуемо вспыхнуть.

Положение французов стало отчаянным уже в начале кампании. Впрочем, император не оставлял надежды быстрым ударом компенсировать неравенство сил. В районе Меца были сконцентрированы пять корпусов Рейнской армии, которые начали свое наступление 2 августа 1870 г. Им удалось отеснить слабые передовые части пруссаков, но вскоре продвижение на Саарбрюкен было остановлено. Безосновательно предположив, что про-

<sup>35</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen.* S. 261.

<sup>36</sup> *Millotat C.E.O. Das preußisch-deutsche Generalstabssystem.* S. 69.

тивник еще не сосредоточил свои силы, французы начали концентрировать Рейнскую армию в Эльзасе.

Однако они просчитались. К этому моменту «те дни, когда французское командование могло извлечь выгоду из своего торопливого сосредоточения, уже прошли»<sup>37</sup>. Уже 4 августа I армия перешла границу в направлении на Хагенау. Ей предстояло произвести разведку боем и прикрыть движение двух других армий по возвышенностям Пфальца. Затем все три армии должны были концентрически наступать на р. Саар, где Мольтке предполагал найти и разгромить неприятеля. Предстояло реализовать идею Кениггреца — объединить армии уже на поле сражения. «Участие в решительном сражении всех трех армий являлось заветной целью», — напишет Мольтке впоследствии<sup>38</sup>.

Однако реалии войны не оправдали эти расчеты. Во-первых, Штайнмец рвался вперед, угрожая сломать весь план генерального штаба. Попытки сдержать его оказались бесплодными и вызвали только раздражение командующего армией. Во-вторых, уже 4 августа баварцы, составлявшие правое крыло III армии, наткнулись у местечка Вайссенбург на дивизию 1-го французского корпуса. Баварцы предпочли атаковать неприятеля в лоб и боролись с ним до наступления темноты, неся высокие потери. Французам, ввиду превосходства сил противника, пришлось-таки отступить, однако их арьергарды сорвали всякую попытку преследования.

Несмотря на незначительность этого эпизода, обе стороны расценили его однозначно — как немецкую победу. Французское командование сочло необходимым ускорить переход в наступление и ради этого отказаться от концентрации всех сил в одном районе. Рейнская армия была разделена на две группировки. 1-й, 5-й и 7-й корпуса в Среднем Эльзасе были подчинены маршалу Мак-Магону, 2-4-й корпуса в Северном Эльзасе и Лотарингии — маршалу Базену. Верховное командование Рейнской армией оставалось в руках императора, группировки не получили отдельных штабов. 6-й корпус был подчинен одновременно обоим маршалам.

К этому моменту Мольтке уже установил направление движения французов. Теперь он предполагал, что основные силы противника сосредоточены против III армии, и торопил войска Штайнмеца и Фридриха Карла. Три армии должны были, как и в прежнем варианте, наносить концентрический удар по неприятелю. Противостоящий III армии Мак-Магон собирался сначала сконцентрировать свои силы, а затем атаковать. Обе стороны не планировали крупных столкновений на ближайшие дни.

<sup>37</sup> Мольтке Г. История... С. 14.

<sup>38</sup> Мольтке Г. Воспоминания. Оперативная подготовка к сражению. С. 33.



Однако 6 августа вопреки желанию военачальников развернулось тяжелое сражение у Верта. Все началось с того, что V армейский корпус неожиданно наткнулся на части группировки Мак-Магона. Прусская артиллерия достаточно быстро продемонстрировала свое превосходство, однако ружейный огонь французов заставил захлебнуться атаки прусской пехоты. Французы заняли весьма сильную позицию за рекой Зауэр, умело используя рельеф местности. На шум битвы начали подходить части II баварского корпуса, изначальной целью которого было нанесение удара по левому флангу противника. Однако ему также пришлось ввязаться во фронтальное сражение. В бой вступили и части XI корпуса, наступавшего южнее.

Кронпринц приказал остановить сражение, но это было уже не в его власти и в любом случае не могло быть достигнуто без тяжелых потерь. «Совершенно необычным в истории было явление, чтобы полководцы не желали вести боя, и тем не менее он шел»<sup>39</sup>. Мак-Магон, располагая значительно преуменьшенными данными о противнике, напротив, приказал продолжать бой. Тем временем немцы подтянули к Верту дополнительные силы в лице I баварского корпуса. Превосходство в силах стало подавляющим, к тому же II баварский корпус наконец-то приступил к обходному маневру. Удалась — хотя и с тяжелыми потерями — и фронтальная атака; попытка французских резервов восстановить положение провалилась. Немецкая кавалерия вышла на коммуникации французов, и Мак-Магон принял решение отступить. Выход из боя дался весьма непросто; части отходили в беспорядке в различных направлениях. «Внутреннее разложение французских войск, вероятно было велико, потому что среди них исчезло управление», — гласит официальная немецкая история войны<sup>40</sup>. Мощные кавалерийские контратаки французов не принесли ничего, кроме больших потерь.

Верт был, по сути дела, одним из последних сражений, которое немцы попытались провести «правильно» — заранее сосредоточив силы на поле боя. В современных условиях такая попытка была обречена на провал. После боя руководство III армии, не сумев разобраться в ситуации, не организовало энергичного преследования, которое в подобной обстановке могло принести богатые плоды. Тем не менее французы понесли весьма серьезные потери: 19 тыс. против 11 тыс. у немцев<sup>41</sup>.

В тот же день разыгралось столь же неожиданное для обеих сторон сражение у Шпихерна. Накануне части I немецкой армии, значительно отклонившись к югу от предписанного направления движения, попали в полосу ответственности II армии. Штайнмец вообще не слишком жаловал Мольтке

<sup>39</sup> Иссерсон Г. Указ. соч. С. 175.

<sup>40</sup> Мольтке Г. История... С. 21.

<sup>41</sup> Helmert H., Uszeck H. Op. cit. S. 186.

и не считал нужным прислушиваться к его указаниям; кроме того, 74-летний генерал понимал, что это его последний поход и, соответственно, последний шанс добыть себе лавры. Нарушая планы шефа генерального штаба, которые предписывали ему взаимодействовать со II армией, Штайнмец сделал ставку на быстрое наступление и пересек реку Саар. Здесь он наткнулся на части группировки Базена (2 корпус Фроссара), занимавшие высоты у Шлихерна. В сражении с немецкой стороны приняли участие подразделения двух корпусов I и II армий — значительно превосходящие противника силы. «Но, поскольку взаимодействие соединений не было организовано и отсутствовало единое командование, борьба развивалась не слишком успешно и с большими потерями»<sup>42</sup>.

24-тысячный корпус Фроссара стоял на достаточно сильной позиции, к тому же снабженной полевыми укреплениями. Вместо того, чтобы охватить противника с флангов, немцы атаковали его в лоб и в течение нескольких часов не могли добиться хоть сколько-нибудь существенного результата. Во второй половине дня борьба протекала с переменным успехом, и лишь с наступлением темноты немцам удалось занять господствующие высоты. Фроссар, так и не дождавшийся поддержки со стороны 3-го корпуса, принял решение отступить, тем более что на его левом фланге появились немецкие части, создавшие угрозу окружения. Их появление было в значительной степени случайным — 13-я дивизия просто продвигалась вперед, не зная о происходящем поблизости сражении. Под покровом темноты французам удалось отступить в полном порядке. Их потери составили 4 тыс., немцев — около 5 тыс. человек.

Итоги первых августовских сражений были весьма неоднозначными. Формально они закончились победой немцев, которым удалось во всех случаях заставить противника покинуть поле боя. Группировка Мак-Магона на некоторое время утратила боеспособность, группировка Базена прекратила свое движение на соединение с ней. Французы полностью потеряли инициативу, моральное состояние армии и населения заметно ухудшилось. Именно общественное мнение заставило императора отказаться от наиболее разумного варианта действий — отступления с последующим объединением группировок Базена и Мак-Магона. Чтобы предотвратить падение монархии, следовало оборонять восточные рубежи; корпуса Базена отошли к Мецу. 13 августа император передал маршалу командование Рейнской армией, однако оставался при ней еще три дня, оказывая влияние на решения военачальников. Характерным было значительное число французских солдат, которые сдавались в плен, не будучи ранеными; в дальнейшем эта тенденция только усилилась.

<sup>42</sup> Ibid. S. 187.

Боевой дух немецких армий, и так находившийся на высоком уровне, укрепился еще больше. Однако в остальном итоги первых сражений были скорее разочаровывающими. Победы достигались примитивными фронтальными ударами за счет элементарного численного превосходства; лишившись преимущества в качестве ручного огнестрельного оружия, которое было на их стороне в кампании 1866 г., немцы начали нести потери, вполне сопоставимые, а зачастую даже большие, чем противник. «Офицеры использовали предоставленную им свободу действий для ложных, по меньшей мере неуместных решений, вели себя неправильно и со стратегической, и с тактической точки зрения»<sup>43</sup>. Ни одна битва не завершилась преследованием, соприкосновение с противником всякий раз терялось. «Нагромождение больших масс перед фронтом противника, атаки в лоб и отсутствие стремления к широкому охватывающему маневру — вот что характерно для прусской тактики первых сражений», — писал А.А. Строков<sup>44</sup>. I и II армии продвигались слишком быстро, III армия напротив, запаздывала, и концентрического удара не получилось. Намерение Мольтке разгромить врага в приграничном сражении было благополучно похоронено, все его оперативные и тактические наставления забыты.

Сам шеф генерального штаба в этот период находился в Майнце, в составе главной квартиры, и его возможности влиять на происходящее были весьма ограничены. Даже то, что 7 августа главная квартира была перенесена в Хомбург, а 9 августа — в Саарбрюкен, ситуацию не спасало. Донесения приходили со значительным опозданием, зачастую сообщение об утреннем бое в штабе получали за полночь. Аналогичные сложности существовали и с передачей директив в части. Верди дю Вернуа рассказывал впоследствии о том, как среди ночи поступило донесение о сражении у Верта. Начальники отделений в ночных рубашках, захватив топографические карты, отправились к Подбельски, а затем вместе с ним — к Мольтке, который также благополучно спал. «Когда мы вошли в спальню, зрелище, явившееся взору пробуждающегося, оказалось весьма своеобразным. Поднимаясь с кровати он, видимо, сначала не мог понять, во сне все происходит или наяву. Впрочем, и вошедшим высокий тонкий силуэт в ночной одежде напомнил привидение, <—> когда ясный лунный свет сконцентрировался на его голове классической формы. В таком положении и в таких костюмах был сделан доклад»<sup>45</sup>.

Донесения поступали в генеральный штаб круглосуточно. Принимавший их дежурный офицер представлял их шефу бюро, который (в зависимости от степени важности и срочности) докладывал их содержание генерал-

<sup>43</sup> Herre F. Op. cit. S. 288.

<sup>44</sup> Строков А.А. Указ. соч. С. 356.

<sup>45</sup> Moltke H.K.V. Aufzeichnungen... S. 261.

квартирмейстеру или лично Мольтке, далее они передавались для обработки начальнику соответствующего отделения. Текущее положение дел немедленно наносилось на карты. Утром, а при необходимости несколько раз в день Мольтке собирался на совещание со своими коллегами, где обсуждалось текущее положение и выработывались проекты решений. Как правило, серьезных разногласий не возникало: «штаб состоял из друзей и единомышленников, между которыми не было диссонанса»<sup>46</sup>. Далее, обычно в 10 часов утра, Мольтке вместе с генерал-квартирмейстером отправлялся на доклад королю, где, помимо них, присутствовали начальник военного кабинета и военный министр (впоследствии к ним добавился кронпринц). После этого приказы и директивы оформлялись и рассылались в войска. При необходимости шеф генерального штаба имел доступ к Вильгельму в любое время<sup>47</sup>.



В районе Меца французам удалось сконцентрировать 2–4-й, 6-й и гвардейский корпуса общей численностью около 200 тыс. человек. Здесь они планировали, опираясь на сильные укрепления, дать оборонительный бой. Части, подчиненные Мак-Магону, продолжали тем временем отход в направлении Люневилля, отдаляясь от Меца все дальше и дальше.

Тем временем Мольтке составил новый план. Точное расположение французских корпусов было ему неизвестно, поэтому он предположил местонахождение противника на Мозеле, между Мецем и Тулем. Теперь I и II армиям (выпутьывавшимся из клубка, который они образовали из-за своеволия Штайнмеца) предстояло атаковать противника фронтально, а III армии — обойти его правое крыло. 9 августа шеф генерального штаба издал соответствующую директиву. Принцип концентрического наступления был сохранен, армиям предстояло соединиться на поле боя. Главной задачей Мольтке считал предотвратить объединение группировок Мак-Магона и Базена. Для этого последнему должен быть нанесен сокрушительный удар — чем скорее, тем лучше.

Под давлением обстоятельств Мольтке решил отойти от практики директив и давать армиям более конкретные приказы. Поскольку выработанные им принципы постоянно нарушались, ему тоже пришлось их временно отбросить, в частности, ограничить инициативу генералов и в большей степени опираться на командиров более низкого ранга. «Главная квартира была вынуждена не только предписать штабам армий, по каким дорогам и в каком порядке вести отдельные корпуса, но и вступать в непосредственные

<sup>46</sup> Millotat С.Е.О. Op. cit. S. 71.

<sup>47</sup> Мольтке Г. Военные поучения. Оперативная подготовка к сражению. С. 40.

сношения с корпусными штабами»<sup>48</sup>. Впоследствии он высоко оценит «основанную на частной инициативе взаимную поддержку начальников, находившихся поблизости от района боевых действий»<sup>49</sup>. Произошедшее 11 августа выдвижение главной квартиры в Сен-Авольд, ближе к линии фронта, существенно облегчило управление войсками.

Продвижение немцев возобновилось 10 августа. Их армии находились в различном положении: если I армии предстояло совершить лишь небольшой бросок, то III армия медленно двигалась по труднопроходимым Вогезам. Тем временем кавалерия выдвинулась далеко вперед, вклинилась в разрыв между двумя французскими группировками, достигла Мозеля и произвела разведку позиций противника в районе Меца. Обнаружив, что войска Мак-Магона отходят на Шалон, а не идут на соединение с Баэном, Мольтке отдал приказание III армии преследовать их.

Дальнейшее продвижение двух остальных немецких армий осуществлялось с осторожностью. Обходить крепость с обеих сторон немцы не решились, поскольку принималась в расчет возможность вражеского контрнаступления. Действительно, получив в свои руки командование Рейнской армией, Баэн носился с подобной идеей, однако по ряду причин отказался от нее. 14 августа он принял решение отступать к Вердену. Движение французской армии началось во второй половине дня.

В это время II немецкая армия обходила Мец с юга, прикрыв свое правое крыло III и IX армейскими корпусами, а I армия остановилась на реке Нид к востоку от крепости. Командир авангарда входившего в ее состав VII армейского корпуса, заметив передвижения на французской стороне, решил, что враг обрушился на правое крыло II армии, и без долгих размышлений атаковал противника. Частям 3-го французского корпуса пришлось вернуться на только что оставленные позиции и вести оборонительный бой. Тем временем на помощь товарищам подоспели части I армейского корпуса, и совместными усилиями немцы заняли селение Коломбей. Севернее, в районе Нуильи, в сражение вынужден был вступить 4-й французский корпус. Сначала ему удалось отбросить наступавших пруссаков, но затем его атака захлебнулась в огне вражеской артиллерии. Когда к концу дня в бой начали вступать части II армии, французы предпочли отступить под защиту крепостных орудий Меца. В сражении при Коломбей-Нуильи они потеряли около 3,6 тыс. человек, немцы — до 5 тыс. Как писал Шлиффен, эта битва «с очевидностью выяснила бессцельность расположения частей возможно узким фронтом, возможно большей глубины с возможно сильными резервами»<sup>50</sup>.

<sup>48</sup> Там же. С. 40.

<sup>49</sup> Мольтке Г. История... С. 34.

<sup>50</sup> Шлиффен А. Указ. соч. С. 145.

Сражение лишь укрепило Базена в его намерении покинуть Мец. 15 августа 1870 г. вся французская армия находилась в движении на запад. Этот маневр был своевременно вскрыт немецкой войсковой разведкой. После определенной задержки II армии был отдан приказ перерезать дорогу Мец-Верден. I армии предписывалось совершить маневр к югу, прикрывая фланг и тыл частей Фридриха Карла.

Фридрих Карл, однако, слишком опасался упустить французов, для того чтобы всеми силами повернуть к северу. Для предписанного Мольтке маневра он выделил лишь III и X корпуса, начав с остальными параллельное преследование несуществующего противника. В ночь с 15 на 16 августа враждебные армии стояли на Мозеле практически плечом к плечу, обратив фронт на запад. Ситуация напоминала известный анекдот про полицейского, который опередил убегающего вора на два квартала, что заставило немецкое командование пережить в ближайшие дни немало весьма тревожных часов.

В утренние часы 16 августа авангард III армейского корпуса наткнулся на французов в районе селения Вюновилль. Несмотря на то что численное превосходство противника было очевидным, командир корпуса генерал Альвенслебен отдал приказ об атаке. Завязалось одно из самых кровопролитных сражений войны — битва при Вюновилль — Марс-ля-Тур, в которой двум прусским корпусам противостояли значительно превосходящие их численно части четырех французских (65 тыс. против 120 тыс. солдат). Большую услугу немцам оказал Базен, который предполагал, что встретился с основными силами неприятеля, и поэтому весь день держал в районе Гравелотта сильные резервы.

Ситуация складывалась весьма опасно для немцев, медленно наступавших в северо-восточном направлении. После того, как элемент внезапности исчез, их атаки завершались по большей части тяжелыми потерями. Лишь в направлении на Резонвилль имелись частичные успехи. В какой-то момент казалось, что французы смогут окружить III корпус, и лишь атака кавалерии сорвала их маневр. К 14.00 прусская пехота практически утратила боеспособность, однако на поле сражения начали подходить части X корпуса. Потери пруссаков были огромны. Легендарной стала «смертельная скачка» кавалерийской бригады Бредова, атаковавшей французские батареи, чтобы спасти остатки своей пехоты: удар увенчался успехом, однако потери бригады составили примерно 60%. Французы с ужасом и невольным восхищением называли атаки немцев «зверским наступлением»<sup>51</sup>. Последовавший за этим полуторачасовой перерыв был вызван истощением сторон.

«Семнадцать немецких корпусов вторглись во Францию, — писал впоследствии Шлиффен, — десять достигли неприятельскую армию и

<sup>51</sup> Иссерсон Г. Указ. соч. С. 175.

заставили ее остановиться, семь могут атаковать в первой линии, два будут вести решительный бой... Если бы хоть эти два корпуса действовали единодушно!»<sup>32</sup>.

Штаб II армии бросил на помощь своим частям все, что имелось в его распоряжении, и приказал продолжать атаки. Однако поля сражения успели достичь лишь авангарды VIII и IX армейских корпусов. Вечером X корпус предпринял попытку обойти фланг противника в районе Марс-ля-Тур, однако его наступление было отражено с большими потерями. Осторожное французское командование упустило шанс развить успех, ограничившись кавалерийскими атаками. Постепенно развернулось крупнейшее кавалерийское сражение всей кампании, протекавшее с переменным успехом. Около 19.00 прусские части получили повторный приказ наступать, однако выполнить его попытались без существенных успехов лишь части III корпуса. В 22.00 сражение прекратилось. Потери противников были примерно равными: 16 тыс. у немцев против 17 тыс. у французов.

Итогом сражения, которое Мольке впоследствии назовет «самой кровавой битвой войны»<sup>33</sup>, стал срыв отступления французской армии в Верден. Базен располагал прекрасной возможностью разгромить немецкие части и открыть себе дорогу, однако он повел себя слишком пассивно, ограничившись чисто оборонительным сражением. С прусской стороны ошибки командования II армии были исправлены благодаря решительности Альвенслебена, который, в отличие от многих своих коллег, пытался понять и исполнить планы Мольке, а также благодаря мужеству солдат и офицеров. Постоянные атаки III корпуса, стоившие ему огромной крови, спасли немцев: если бы было принято решение занять хорошую оборонительную позицию, Альвенслебен, скорее всего, был бы окружен и уничтожен. «Чего только могли 60 тысяч человек достигнуть против 164 тысяч, было достигнуто в полнейшей степени», — писал Шлиффен<sup>34</sup>. «Один из самых блестящих подвигов всей войны», — так расценивал действия III корпуса сам Мольке<sup>35</sup>. Немецкое командование смогло наконец добиться той цели, к которой стремилось с самого начала войны: «поймать» и вынудить к решительному сражению главные силы французской армии.

17 августа пруссаки лихорадочно готовились к предстоящему бою. Для него были сконцентрированы семь армейских корпусов и три кавалерийские дивизии I и II армий. Фронт немцев был обращен на север. Базен решил дать своим частям передышку, и они, отступив на несколько километров,

<sup>32</sup> Шлиффен А. Указ. соч. С. 149.

<sup>33</sup> Moltke H.K.V. AW. Bd. 2. S. 89.

<sup>34</sup> Шлиффен А. Указ. соч. С. 155.

<sup>35</sup> Мальме Г. История... С. 44.

заняли сильную позицию на высотах западнее Меца, обращенную фронтом на запад. Утром 18 августа обе армии стояли практически под прямым углом друг к другу; правый фланг немцев (VII корпус) практически соприкасался с левым флангом французов (2-й корпус). Силы были примерно равными — около 180 тыс. чел. с каждой стороны<sup>56</sup>.

Мольтке не располагал точными данными относительно местонахождения противника, поэтому он приказал прусским частям продвигаться на север. Если обнаружится, что Бааен остался у Меца (что и было в реальности), то следовало повернуть на северо-восток и сражаться перевернутым фронтом. На памяти шефа прусского генерального штаба уже было одно такое сражение — битва при Низибе, только на сей раз роль египтян играл он. Решение начать бой вызвало критику со стороны Роона, который предлагал сначала перегруппировать войска, а не бросать в бой части, утомленные длительными маршами. Однако Мольтке опасался, что враг ускользнет на север.

Сражение при Гравелотт — Сен-Прива началось в 5 часов утра, когда II армия начала осторожно продвигаться на север. Ситуация прояснялась лишь постепенно. Мольтке отдал распоряжение обойти правое крыло противника, а пока левофланговые корпуса совершают этот маневр, сковать французов боем по фронту. Этим должны были заняться VII, VIII и IX корпуса, обход возлагался на гвардейский и XII, потрепанные в предыдущем бою III и X корпуса оставались в резерве.

Это было первое из всех произошедших с начала войны сражений, происходившее согласно, а не вопреки воле шефа генерального штаба. Многие его коллеги считали сражение перевернутым фронтом слишком опасным — ведь немцы рисковали сильнее, чем французы, в тылу которых находилась мощная крепость. Однако Мольтке был непреклонен: «Здесь и сейчас решится судьба кампании», — заявлял он Вильгельму.

Основные бои разгорелись около полудня. Корпуса, наносившие фронтальный удар, сразу же начали нести серьезные потери под огнем французов. Им удалось оттеснить передовые части противника, однако перед главной линией обороны наступление захлебнулось. Ситуацию не смогла изменить даже мощная артиллерийская поддержка. Король, находившийся вместе с Мольтке на высотах Флавины в непосредственной близости от поля боя, постепенно терял терпение. «Почему они не продвигаются вперед?» — спросил он взволнованно. «Они героически сражаются за Ваше Величество!» — ответил Мольтке. «Это я и сам знаю», — буркнул король<sup>57</sup>. Мольтке прищипил коня и сделал небольшой круг: державные истерики действовали ему на

<sup>56</sup> Helmert H., Uszeck H. Op. cit. S. 203.

<sup>57</sup> Herre F. Op. cit. S. 292.



нервы. Он с нетерпением ожидал известия об удавшемся фланговом обходе; все остальное было лишь кровопролитным вспомогательным маневром, единственной целью которого было сковывание противника боем.

В этот момент выяснилось, что сведения, которыми располагали немецкие военачальники, неверны. Французский фронт оказался гораздо длиннее, чем предполагалось; гвардейцы и саксонцы, намеревавшиеся выполнить обход, внезапно наткнулись на сильный фронт 4-го и 6-го корпусов и вступили в бой. Вместо битвы на окружение получилось кровопролитное фронтальное сражение. Лишь около 17 часов XII корпусу удалось взять Ронкур и таким образом выйти во фланг неприятелю. Наступавшей пехоте помогла артиллерия, концентрация которой в этом районе достигла весьма высокой степени. В 20.00 удалось захватить Сен-Прива — ключевой пункт правого крыла французов. 6-й корпус отступил в долину Мозеля. Базен выдвинул ему на помощь резервы — гвардию, — однако было уже поздно: маршал вновь проявил излишнюю осторожность. Несколькими часами раньше подкрепления смогли бы удержать фронт, но теперь их прибытие не оказало никакого влияния на ход битвы. Отход 6-го корпуса обнажил фланг его соседей — 4-го корпуса, — который также вынужден был отступать.

На правом фланге по личному приказу Вильгельма I была предпринята еще одна атака, однако никаких результатов она не принесла. Окончательно потерявший самообладание король бездумно двинул в бой резервы — II армейский корпус генерала Франзеки, — и даже Мольтке не сумел помешать этой абсолютно бессмысленной, с его точки зрения, затее. Выход своим эмоциям он дал, направившись на поле сражения, чтобы самостоятельно увидеть складывающуюся обстановку. Из этого события впоследствии родилась легенда, что Мольтке лично повел в атаку II корпус.

Несмотря на новую атаку, левый фланг и центр французской армии продолжали удерживать свои позиции. «Было бы правильнее, если бы находившийся тут начальник генерального штаба воспрепятствовал этому наступлению в столь поздний час. Совершенно нетронутая отборная часть могла быть весьма желанной на следующий день, а в этот же вечер она едва ли могла произвести решительный переворот», — напишет Мольтке впоследствии<sup>28</sup>.

Мольтке не исключал, что сражение придется продолжить назавтра. По этому поводу между ним и Рооном разгорелись жаркие споры: военный министр говорил о слишком высоких потерях и о том, что победа может легко оказаться пирровой. Однако шеф генерального штаба был настойчив: если не довести битву до конца, все жертвы минувшего дня окажутся бессмыс-

<sup>28</sup> Мольтке Г. История... С. 56.

ленными, кровь немецких солдат — пролитой зря. Вильгельм вынужден был с ним согласиться.

Однако споры оказались бессмысленными: утром французская армия, потрясенная упорством прусских атак и оказавшаяся под угрозой флангового обхода, оставила свои позиции и отступила к Мецу. Битва при Гравелотт — Сен-Прива, одна из самых масштабных в XIX в., была впоследствии возведена на высочайший пьедестал усилиями немецких историков. «Несравненная храбрость частей, которые, несмотря на все ошибки и недочеты вождения и первоначальное превосходство противника числом и оружием, выполнили задачу, достигла здесь такой победы, которая поставила немецкую армию на долгие времена во главе всех европейских армий», — напишет впоследствии Шлиффен<sup>59</sup>. Действительно, сражения 14–18 августа окончились чувствительным поражением для французов. Нерешительность Базена привела к тому, что его армии не удалось уйти из Меца, и теперь ей предстояло задержаться там на неопределенное время. Маршал прекрасно понимал, что крепость не годится в качестве базы для столь крупного контингента — запасы продовольствия были относительно невелики. В ближайшей перспективе было полное окружение Меца неприятелем, вырваться из него без больших потерь представлялось практически невозможным. Фактически битва решила исход войны, выведя из игры половину французской армии.

Однако положение победителей было далеко не однозначным. Осуществить намерение Мольтке и разгромить Базена вновь не удалось; противник скрылся под защитой крепостных фортов, и его группировку предстояло блокировать крупными силами. За этот сомнительный успех была уплачена весьма высокая цена: 18 августа потери немцев составили около 20 тыс. человек против 11,7 тыс. у французов<sup>60</sup>. Особенно серьезные потери понес офицерский корпус; во многих полках и батальонах не осталось вообще ни одного офицера. «Я отношусь с полным признанием к храбрым атакам пехоты, для которой до сих пор ни одна задача не казалась слишком трудной, — писал Мольтке от имени Вильгельма в приказе от 19 августа. — Но я ожидаю от разума офицеров, что им удастся в будущем достигать таких же успехов с меньшими жертвами посредством искусного использования местности, основательной подготовки наступления и применения соответствующих строев»<sup>61</sup>. Ротная колонна показала себя слишком уязвимой для вражеского огня, в сражении пехотинцы по собственной инициативе переходили к более прогрессивному рассыпному строю. Тем не менее этот урок бы учтен далеко не сразу.

<sup>59</sup> Шлиффен А. Указ. соч. С. 171.

<sup>60</sup> Helmert H., Uszczek H. Op. cit. S. 205.

<sup>61</sup> Исчерсон Г. Указ. соч. С. 203.

Для военного искусства сражение под Мецем стало важным рубежом. Многодневные сражения бывали и ранее, однако лишь теперь речь могла идти о появлении, говоря словами Г. Иссерсона, «многоактной операции»<sup>62</sup>.



Для осады Меца была выделена большая часть I и II армий, которые образовали новую осадную армию, находившуюся под командованием Фридриха Карла. Помимо всего прочего, это дало возможность вежливо выпроводить своевольного Штайнмеца. Старый генерал действовал на нервы абсолютно всем: Фридрих Карл, к которому он временно перешел в подчинение, жаловался на него Мольтке. «При первом же случае неповиновения Вы отстраняете его от командования и сообщаете королю, что были вынуждены это сделать», — невозмутимо отвечал тот<sup>63</sup>. Вскоре Штайнмец был благополучно назначен генерал-губернатором Позена, подальше от театра военных действий.

Гвардия вместе с IV и XII армейскими корпусами, а также двумя кавалерийскими дивизиями образовали новую Маасскую армию, находившуюся под командованием кронпринца Альберта Саксонского. Последний был в очень хороших отношениях с Мольтке и, по мнению исследователей, показал себя неплохим военачальником<sup>64</sup>. Выбор оказался удачным — саксонский наследник не пытался реализовать собственный полководческий дар в ущерб генеральному штабу. На данном этапе ему предстояло взаимодействовать с III армией в уничтожении группировки Мак-Магона, которая тем временем отошла к Шалону, где получила кратковременную передышку. К трем ее корпусам (1, 5 и 7-й) добавился вновь сформированный 12-й; таким образом, к середине августа численность французской группировки достигла 134 тыс. человек при 402 орудиях и 84 митральезах<sup>65</sup>. Перед ней были поставлены две взаимно исключающие задачи: прикрытие Парижа и соединение с армией Базена. Политики особенно настаивали на последнем, опасаясь, что, если Мец будет предоставлен своей судьбе, в стране разразится революция. «Хорошо, тогда пойдем ломать себе кости!» — заявил французский маршал<sup>66</sup>.

Тем временем III армия уверенно продвигалась в глубь Франции. 9 августа был взят Лютцельштайн, 14 августа — Марсаль, 20-го — Коммерси, куда 23-го переместилась главная квартира. Сильная крепость Туль была

<sup>62</sup> Иссерсон Г. Указ. соч. С. 187.

<sup>63</sup> Moltke H.K.v. Gespräche. S. 134.

<sup>64</sup> Deutsche Militärgeschichte. Bd. 6. S. 412.

<sup>65</sup> Helmert H., Usczeck H. Op. cit. S. 212.

<sup>66</sup> Иссерсон Г. Указ. соч. С. 208.

обойдена, как и Верден. Продвижение войск кронпринца было остановлено, чтобы дожидаться подхода Маасской армии. Лишь с 23 августа наступление возобновилось.

Мольтке, который после событий 14–18 августа в очередной раз настойчиво заявлял о необходимости избегать кровопролитных фронтальных атак, считал разгром Мак-Магона первостепенной задачей. Лишь после уничтожения французской армии, полагал он, можно будет двинуться на Париж. Шеф прусского генерального штаба рассчитывал, что в течение ближайших двух недель разрешится и ситуация с Мецем, поскольку у Базена просто не хватит продовольствия на более длительную оборону.

На самом деле ситуация с провиантом у Рейнской армии была не так и плоха. В любом случае перед Базеном стоял выбор: прорываться или капитулировать. Поскольку маршал уже не верил в победу и считал первоочередной задачей сохранить армию, он избрал третий способ — пассивную оборону. Впрочем, это не помешало ему 19 августа передать Мак-Магону сообщение о готовящемся прорыве вдоль северной границы и запросить помощи.

21 августа армия Мак-Магона выступила из Шалона в Реймс, а затем повернула на северо-восток, в сторону бельгийской границы. Продвижение было достаточно медленным — марш был организован из рук вон плохо, причем, как и снабжение. Одновременно 23 августа две немецкие армии (III и Маасская) двинулись на запад, все еще считая, что противник находится в районе Шалона. Их общая численность составляла около 184 тыс. человек при 800 орудиях. Создалась интересная ситуация, когда противники двигались встречными параллельными курсами, даже не зная о присутствии друг друга.

24 августа немецкие передовые отряды достигли Шалона. Лишь 25 августа главная квартира пруссаков получила достоверную информацию о местонахождении армии Мак-Магона. На первых порах Мольтке не слишком доверял ей, тем более что исходила она не от собственных разведывательных подразделений, а от французской прессы. Он считал невероятным, что противник, во-первых, откроет ему дорогу на Париж, во-вторых, загонит сам себя в стратегический тупик. Однако первые сведения подтвердились, и уже 26 августа немецкие армии повернули на север. «Парни слишком глупы, пришло время их наказать!» — воскликнул шеф генерального штаба, которого донесения о местонахождении французов застали за вечерним вистом<sup>17</sup>. Правда, Мольтке до последнего подозревал, что имеет дело с отвлекающим маневром, поэтому направил войска на северо-запад, чтобы наверняка поймать французов в ловушку; реальность происходящего самоубийства армии

<sup>17</sup> *Here F. Op. cit.* S. 294.

Мак-Магона не укладывалось у него в голове. Кроме того, от собственных кавалерийских дозоров все еще не поступало никакой информации.

Мак-Магон также получил сведения о движении неприятеля. В отличие от Мольтке, действия которого напоминали расчетливые движения хищника, французский маршал повел себя как жертва, причем жертва не слишком умная. Загнанная в угол французская армия заметалась, растратившая силы в бессмысленных маршах, направление которых постоянно менялось. Единственное, что еще могло спасти ее, — это стремительный отход на северо-запад, который, однако, оставил бы без помощи и Базена, и Париж. Однако в ход военных действий вновь властно вмешалась политика: 28 августа военный министр строгойше приказал Мак-Магону продолжать движение на Мец. Жертва обреченно двинулась в капкан.

26 августа главная квартира прибыла в Клермон. Мольтке и его сотрудники заняли пустующее здание местной школы; работать приходилось в учебных классах, освещением служили поставленные в винные бутылки свечи, постелью — охапки соломы. К этому моменту обстановка стала известна вплоть до мельчайших деталей. Мольтке отправил Верди к кронпринцу Саксонскому, чтобы тот лично разъяснил командующему армией его задачи и проследил за выполнением распоряжений. Две армии, словно половинки клещей, охватывали злосчастные корпуса Мак-Магона. 28 августа на р. Маас они преградили французам путь на Мец. Попытка 5-го корпуса перенравиться через реку была успешно отражена, и Мак-Магону пришлось отступить на север. 30 августа после сражения при Бомоне маршал наконец отказался от намерения прорваться в Мец и решил сконцентрировать армию в районе крепости Седан, чтобы затем уйти на северо-запад, вдоль бельгийской границы. В принципе, у него еще была возможность это сделать, однако подчиненные ему корпуса были деморализованы и крайне нуждались в отдыхе, тем более что «отступление французов приняло вскоре опасный характер разложения»<sup>66</sup>.

На последний летний день Мольтке издал приказ: «повсюду энергично атаковать противника и заставить его скучиться в пространстве между р. Маас и бельгийской границей»<sup>67</sup>. 31 августа немецкие армии практически полностью замкнули кольцо окружения вокруг армии Мак-Магона, к которой накануне прибыл сам император. «Со стратегической точки зрения судьба французских армий была решена»<sup>68</sup>. Путь отхода на запад был перекрыт, однако французское командование об этом не знало. Более того — оно тешило себя иллюзиями, что немецкие армии, уже осуществившие

<sup>66</sup> Мольтке Г. История... С. 77.

<sup>67</sup> Петте Ф. Опр. cit. S. 297.

<sup>68</sup> Фитц-Ситен О. Указ. соч. С. 101.

оперативное объединение, удастся разгромить поодиночке. «Теперь они в нашей мышеловке», — сказал Мольтке вечером 31 августа. «Мы сидим в почном горшке, где на нас будут гадить со всех сторон!» — выразился в тот же вечер французский генерал Дюкро<sup>71</sup>.

Сражение при Седане началось в предрассветные часы первого осеннего дня. Его открыла мощная канонада, за которой последовало концентрическое наступление немецких корпусов. Хотя первые их атаки были отражены, исход был ясен большинству участников. «Теперь они у нас в руках!» — воскликнул Мольтке, стоявший рядом с королем, Бисмарком и Рооном на высотах Френуа и наблюдавший за ходом сражения<sup>72</sup>.

Мак-Магон, на свое счастье, получил серьезную рану в самом начале боя, что впоследствии позволило ему дистанцироваться от позорной капитуляции и стать вторым президентом Третьей республики. В командование вступил Дюкро, который вполне реалистично смотрел на вещи и поэтому считал сражение бесперспективным. Его план заключался в том, чтобы всеми возможными силами нанести удар в западном направлении на Мезьер и, невзирая на потери, прорваться сквозь немецкое кольцо. Однако сразу же после начала необходимых перегруппировок объявился новый претендент на командование — генерал Вимпффен, который предъявил письменные полномочия от правительства.

Вимпффен лишь недавно прибыл на фронт и не слишком хорошо разбирался в обстановке. Этим и объясняется его продиктованное излишним оптимизмом решение прорываться на восток, через долину р. Живонны в направлении на Мец. Действительно, массированные атаки французов на некоторое время поставили части Маасской армии в тяжелое положение; однако вскоре статус-кво был восстановлен. Французская «армия в этот день не была способна совершить упорядоченное походное движение вблизи противника, она могла лишь драться там, где стояла»<sup>73</sup>.

Концентрическое наступление продолжалось, и после полудня немецкая артиллерия оказалась в состоянии обстреливать практически весь район сосредоточения противника. «Я поздравляю Ваше Величество с одной из величайших побед этого века!» — торжественно заявил Мольтке королю<sup>74</sup>. Атаки французов оканчивались плачевно, хаос и дезорганизация в их рядах росли. Прижатые к бельгийской границе, они полностью утратили возможность для маневра. К вечеру сражение превратилось в элементарное избивание германской артиллерией сгрудившихся на ограниченном пространстве

<sup>71</sup> Herre F. Op. cit. S. 294.

<sup>72</sup> Ibid.

<sup>73</sup> Мольтке Г. История... С. 79.

<sup>74</sup> Herre F. Op. cit. S. 297.

частей неприятеля. Началась массовая сдача в плен французских солдат. В половине пятого над руинами Седана появился белый флаг.

В половине седьмого вечера Наполеон прислал офицера с заявлением о капитуляции. Вильгельм согласился начать переговоры и назначил ответственным Мольтке. К тому моменту шеф генерального штаба считал, что дело уже сделано: он спокойно отправился в Доншери, где остановился в доме местного бургомистра, съел легкий ужин и с чистой совестью лег спать. Около полуночи в дверь постучали: французские представители прибыли договариваться о капитуляции. Мольтке мгновенно вскочил, оделся и натянул парик (шеф генерального штаба, в молодости отличавшийся пышной шевелюрой, давно уже облысел).

С французской стороны переговоры вел командующий, генерал Вимпффен. С немецкой к Мольтке присоединился Бисмарк, без которого шеф генерального штаба предпочел бы обойтись. Французам были поставлены весьма жесткие условия: армия сдается в плен со всем оружием и амуницией. Вимпффен попробовал торговаться, изображал готовность продолжить сражение на рассвете, однако Мольтке прекрасно чувствовал ситуацию и был непреклонен: «Вы не сможете драться. Впрочем, перемирие истекает в 4 часа утра, и я прикажу войскам вновь открыть огонь»<sup>75</sup>. Бисмарк попытался достичь компромисса, прошептал на ухо Мольтке несколько слов; как сказал один из свидетелей этой встречи с французской стороны, «мне показалось, что между господином Бисмарком и генералом Мольтке существовала некая разница во взглядах; если первый был в принципе не прочь завершить войну, генерал стремился ее продолжить»<sup>76</sup>. И действительно, с политической точки зрения канцлер не видел особых преград для заключения мира — Франция потерпела поражение и уже не в состоянии была мешать объединению Германии. Мольтке же рассуждал с военной точки зрения — враг еще не разгромлен окончательно, значит, кампания не завершена. В конечном счете здесь, на поле брани, решающее слово должно оставаться за ним. Единственное, чего удалось добиться Вимпффену, — продления перемирия до 9 часов утра.

Следующим к Мольтке явился сам император, который надеялся добиться лучших условий капитуляции. Однако визит старого знакомого не поколебал шефа генерального штаба: альтернативой безоговорочной капитуляции может быть лишь продолжение боя. «Я нашел его в бедной крестьянской хижине около наших форпостов сидящим в полной униформе на деревянном стуле в ожидании встречи с королем, — писал Мольтке домой об этих событиях. — Он был спокоен и полностью покорился своей судьбе.

<sup>75</sup> *Here F. Op. cit.* S. 298.

<sup>76</sup> *Ibid.* S. 299.

Вскоре после этого наши условия капитуляции были без дальнейших проволочек подписаны несчастным Вимпффеном. <...> На следующее утро под проливным дождем долгая вереница повозок под эскортом эскадрона гусар двигалась по шоссе. <...> Граф Бисмарк наблюдал за ней с одной стороны улицы, я — с другой, пленный император поприветствовал нас, и отрезок мировой истории ушел в прошлое»<sup>77</sup>. Мольтке не сомневался, что империи Бонапартов в очередной раз пришел конец.

В Седане немцам удалось добиться выдающейся и, в первый раз с начала этой кампании, абсолютно безупречной победы. Идея Мольтке о концентрическом наступлении и окружении противника наконец-то реализовалась. Результаты были великолепны: вместе с Наполеоном III капитулировали 85 тыс. человек. В предшествующем сражении потери французов составили 16 тыс. человек убитыми и ранеными и 21 тыс. человек пленными. 3 тыс. человек перешли границу и были интернированы в Бельгии. Половина регулярной французской армии прекратила свое существование. Немцы заплатили за этот успех относительно дешево — потери составили около 9 тыс. человек<sup>78</sup>. «Несмотря на то что кампания протекала иначе, нежели было предусмотрено изначальным стратегическим планом, <...> ни в одном сражении французской армии не удалось серьезно помешать наступлению противника. Стратегически-оперативный и тактический успех находился однозначно на стороне немецких войск»<sup>79</sup>.

После капитуляции французов Мольтке собрал всех своих сотрудников и от души поблагодарил их. Седан стал для него часом триумфа. Он лично руководил передвижениями войск, не позволяя командирам армий и корпусов снова наломать дров, и мог быть доволен результатом. С 25 августа по 2 сентября он почти постоянно находился на ногах, уделяя минимум времени сну и отказавшись от излюбленной вечерней партии в вист. «После того как мы устранили эту помеху, можно, наконец, продолжить нашу игру», — сказал он своим офицерам 3 сентября<sup>80</sup>. Высоко оценивали достижения шефа генерального штаба и власти предрержание. «Да, генерал Мольтке — это крупное военное дарование», — говорил пленный Наполеон Вильгельму 2 сентября. «После столь высокой оценки Вы можете себе представить, как велика моя благодарность ему», — ответил прусский король<sup>81</sup>. Недавние ошибки военачальников, стоившие большой крови, были зачеркнуты блестящим итогом. «Ни одна война не проходит

<sup>77</sup> Moltke H.K.v. Aufzeichnungen... S. 262.

<sup>78</sup> Helmert H., Usczeck H. Op. cit. S. 222.

<sup>79</sup> Ibid. S. 223.

<sup>80</sup> Herre F. Op. cit. S. 300.

<sup>81</sup> Der alte Kaiser. Leipzig, 1925. S. 322.



безупречно, главное — победа», — великодушно сказал по этому поводу сам Мольтке<sup>82</sup>.

\*\*\*

Казалось, теперь кампания должна была завершиться. Половина регулярной французской армии была уничтожена, половина блокирована в Меце. Разрозненные подразделения, которыми все еще располагало правительство империи, не представляли для немцев серьезной угрозы. Лишь прусский король со свойственным ему пессимизмом заявлял: «Поверьте мне, господа, война еще не закончена. Вероятно, у нас впереди еще много кровавой работы»<sup>83</sup>. Этот прогноз оказался верным — события развивались вопреки известной практике кабинетных войн.

4 сентября 1870 г. в Париже произошла революция, покончившая с властью Бонапарта. Было сформировано правительство национальной обороны во главе с генералом Трошю. Прусское политическое руководство на некоторый момент оказалось в растерянности, не зная, кто является легитимным правителем Франции: пленный Наполеон или парижские республиканцы? Переговоры с последними привели к неутешительным результатам. Правительство национальной обороны было готово немедленно заключить мир, но без всяких аннексий и контрибуций — в противном случае его дни были бы скоро сочтены. В Германии же набирала популярность идея аннексии Эльзаса и Лотарингии, северо-восточных провинций Франции, которые были двумя веками ранее отторгнуты ею у Священной римской империи германской нации. Это требование поддерживало подавляющее большинство политической, экономической и военной элиты страны, в том числе и Мольтке. 5 сентября в одном из своих писем он рекомендовал немедленно отпустить по домам всех взятых в плен французских солдат — уроженцев Эльзаса и Лотарингии: «Это покажет наше твердое намерение сохранить за собой обе области»<sup>84</sup>.

Бисмарк подходил к этой проблеме с осторожностью, справедливо полагая, что аннексия до предела усложнит послевоенную нормализацию отношений с западным соседом, однако вскоре он вынужден был уступить. По словам одного из сотрудников канцлера, М. Буша, уже в августе «все немцы смотрели на занятую нами страну как на свое будущее владение»; раздавались даже призывы аннексировать французскую территорию вплоть до Марны<sup>85</sup>.

<sup>82</sup> *Beumelburg W.* Bismarck gründet das Reich. S. 410.

<sup>83</sup> *Seeber G., Wölter H.* Die preußisch-deutsche Reichseinigung 1870/71. Berlin, 1981. S. 141.

<sup>84</sup> *Moltke H.K.V.d.* Die deutsche Kriegsführung. S. 48.

<sup>85</sup> *Eyw M.* Граф Бисмарк и его люди за время войны с Францией. Т. 1. СПб., 1879. С. 26.

К республиканцам шеф прусского генерального штаба относился весьма негативно. «Некоторое число людей, которые, не спрашивая нации, от собственного имени объявили себя правительством страны», — так он характеризует их в официальной истории войны<sup>86</sup>. Однако для Мольтке вопрос о том, с кем вести переговоры, играл второстепенную роль. Если противник не сдастся, его уничтожат, считал он. Если французы собираются продолжать войну, их поражение будет еще более страшным. Мольтке считал, что у противника не осталось боеспособных формирований, которые могли бы изменить ход кампании. Уже 2 сентября были отданы первые распоряжения, касавшиеся наступления на Париж.

Движение немецких войск, насчитывавших в своих рядах около 150 тыс. человек, началось два дня спустя. В этот же день был занят Реймс. 5 сентября сюда, в город коронации французских королей и столицу шампанских вин, прибыла и главная квартира. Мольтке считал нужным послать родным в Крайзау 40 бутылок «Вдовы Клико», чтобы те выпили их за здоровье германских солдат. Он был настроен весьма оптимистично, считая, что Мец скоро падет «и мы сможем противопоставить любому незваному посреднику 200 тысяч солдат, а с остальными справиться с Францией. Не все еще поняли, что означает слово «Германия», однако самое важное, что это поняла сама Германия»<sup>87</sup>. Буржуазная республика, справедливо полагал шеф генерального штаба, будет в большей степени страшиться «красной угрозы», нежели интервентов и, возможно, еще призовет на помощь своих недавних противников.

В середине сентября германские войска подошли к Парижу. Французская столица представляла собой одну из мощнейших крепостей Европы, внешней линией обороны которой составляли прекрасно укрепленные и снабженные многочисленной артиллерией форты. Для ее защиты французскому правительству удалось собрать до 400 тыс. человек, однако линейные части составляли лишь около 20% от этого числа, остальные — слабо вооруженные и плохо обученные мобильные и национальные гвардейцы. Поэтому гарнизон Парижа не был способен на активные наступательные действия и вынужден ограничиваться небольшими вылазками. В свою очередь, и германская армия была слишком слаба для того, чтобы идти на штурм, и вынуждена ограничиться блокадой, кольцо которой замкнулось 19 сентября. III армия отвечала за южную, IV (бывшая Маасская) — за северную половину осадного кольца.

«Париж вчера был полностью окружен, и мы живем в ожидании, как разрекламированные газетами сотни тысяч мобильных гвардейцев будут

<sup>86</sup> Мольтке Г. История... С. 95.

<sup>87</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen...* S. 263.

на это реагировать, — писал Мольтке брату Адольфу 21 сентября. — Я хотел бы, чтобы ты вместе с родственниками провел зиму в более теплом климате. Я, если смогу, присоединюсь к вам, поскольку в 70-летнем возрасте поход отнимает слишком много сил. Вообще-то я тихо лелею надежду, что смогу уже в конце октября поохотиться на зайцев в Крайзау»<sup>88</sup>. «Несмотря на все прежние успехи, груз забот давит на мои плечи, — писал он сестре Аугусте. — Я надеюсь на скорый мир без нового кровопролития»<sup>89</sup>. Как показало будущее, эта надежда была чересчур оптимистичной.

5 октября главная квартира прибыла в Версаль. Мольтке со своими сотрудниками разместились в доме 38 по улице Рю Нев. Обедать ходили в близлежащий ресторан, где при появлении Мольтке все его сослуживцы неизменно вытягивались по стойке «смирно». Более того, то же самое делали и немецкие князья, обедавшие там в то же время. В еде он соблюдал умеренность, к разговорам присоединялся редко, однако внимательно слушал и радовался, если среди офицеров царило хорошее настроение. Популярность Мольтке в армии после победы при Седане еще более возросла; как вспоминал Верди дю Вернуа, офицеры генерального штаба с удовольствием носили бы его на руках. «Мы смотрели на него, как община на своего почтенного патриарха»<sup>90</sup>. «Мольтке жил одной жизнью со своим штабом и всегда одинаково благосклонен к каждому из нас. Никто ни разу не услышал от него на протяжении всего похода неприветливого слова»<sup>91</sup>. Внутренние разногласия практически отсутствовали; авторитет Мольтке сам по себе пресекал подобную возможность. «Быть помощником такого человека в великие времена — счастье и честь!» — высказывался впоследствии один из сотрудников Мольтке<sup>92</sup>. «Генеральный штаб под руководством Мольтке послал все его черты, — вспоминал впоследствии принц Крафт цу Гогенлоз-Ингельфинген. — Там царил объективностью, которой не переставали изумляться»<sup>93</sup>. Несмотря на избыточную идилличность этих картин, в целом они соответствовали действительности.

Вечерами Мольтке играл с офицерами в вист; он хотел неизменно быть победителем, и в случае поражения немедленно завершал игру, хотя и не показывал своих эмоций. Во время игры обсуждались важные военные вопросы и принимались решения. В хорошую погоду Мольтке предпринимал прогулки в экипаже в сопровождении одного или двух офицеров своего штаба.

<sup>88</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen...* S. 263.

<sup>89</sup> *Moltke H.K.V. AW. Bd. 2. S. 132.*

<sup>90</sup> *Herre F. Op. cit. S. 303.*

<sup>91</sup> *Moltke H.K.V. Leben und Werk...* S. XV.

<sup>92</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen...* S. 269.

<sup>93</sup> *Ibid.*

При этом он не только дышал свежим воздухом, но и контролировал ход осадных работ. «Попад в сферу действия неприятельского огня, мы покидали экипаж, и было удивительно наблюдать, с какой легкостью и терпением семидесятилетний генерал преодолевал в ходе дальнейшей прогулки препятствия на пересеченной местности. <...> Страх был ему неведом», — вспоминал фон Блуме, в те годы майор генерального штаба<sup>94</sup>. В плохую погоду Мольтке любил бродить по картинной галерее Версальского дворца.

Тем временем начался процесс, который стал полной неожиданностью для прусского военного руководства — война начала перерастать в народную. На неоккупированных территориях Франции начали в спешном порядке формироваться новые армии — по подсчетам современных немецких историков, республиканское правительство имело возможность поставить в строй и вооружить свыше 2 млн человек<sup>95</sup>. В день французская армия прирастала в среднем на 5–6 тыс. солдат. На коммуникациях немецких войск начали действовать партизанские отряды — франтиреры. Для германского командования эта ситуация оказалась в значительной степени неожиданной. Наблюдатель от США генерал Шеридан, имевший богатый опыт истребления индейцев, советовал. «Настоящая стратегия, — поучал он прусских военачальников, — состоит в том, чтобы наносить, во-первых, существенные удары армии неприятеля, а потом — заставлять страдать обывателей настолько, чтобы они всеми силами стремились к миру и в этом смысле действовали на свое правительство. У этих людей должны оставаться только глаза, чтобы оплакивать бедствия войны»<sup>96</sup>. Даже немецкие генералы, люди не слишком сентиментальные, были шокированы «гуманностью» представителя молодой заокеанской демократии.

А пока германская армия оказалась в сложной ситуации: ее основные силы были разделены между Мецем и Парижем, осада которых пока не приносила результатов. Значительные контингенты — до 130 тыс. человек — необходимо было выделить для охраны пленных и наведения порядка в собственном тылу. «Местные жители стали проявлять большую враждебность, — писал впоследствии Мольтке. — До сих пор немцы вели войну только с императором, теперь же им пришлось обратить оружие и против населения. Партизанские действия стесняли мелкие предприятия, не влияя, разумеется, на ход крупных операций. Но понятно, что солдат, не чувствующий себя в безопасности ни днем ни ночью, ожесточался, и это обостряло характер войны»<sup>97</sup>.

<sup>94</sup> Ibid. S. 267.

<sup>95</sup> Helmert H., Uszeck H. Op. cit. S. 230.

<sup>96</sup> Бун М. Указ. соч. Т. 1. С. 124.

<sup>97</sup> Мольтке Г. История... С. 65.

Вместо окончательной победы осень 1870 г. принесла немецкой армии серьезный кризис. «Война закончена, все это — судороги, больших операций больше не будет», — опрометчиво заявил начальник генерального штаба 7 октября<sup>98</sup>. «Когда же, наконец, эта несчастная страна поймет, что она побеждена и ее положение ухудшается с каждым днем?» — возмущенно писал Мольтке 5 дней спустя<sup>99</sup>. «Даже самый способный ничего не может поделать с силой обстоятельств», — признавал он вскоре в одном из своих посланий<sup>100</sup>. Нежелание французов признать свое поражение он приписывал их невероятному высокомерию.

Военное счастье пока улыбалось немцам. За первый месяц осады Парижа были успешно отбиты две крупные вылазки гарнизона; в конце сентября в результате правильной осады пали сильные крепости Туль и Страсбург. В Меце ситуация продолжала оставаться патовой; немцы не располагали достаточными силами для штурма, Базен ограничивался вылазками, целью которых было в первую очередь пополнение продовольственных запасов. Мольтке придавал осаде Меца исключительное значение; «со времен Седана именно в падении Меца заключается решение всей кампании», — писал он командиру VIII армейского корпуса генералу Гебену<sup>101</sup>.

26 августа Базен попытался подготовить прорыв; однако его подчиненным удалось легко убедить маршала, что снарядов хватит не более чем на одно сражение и сохранение армии — лучшая услуга, которую он сможет оказать стране. В итоге, говоря словами Мольтке, с французской стороны все окончилось «парадным маневром»<sup>102</sup>. В сентябре последовало еще несколько небольших вылазок, не представлявших значительной угрозы для осаждавших.

В октябре положение осажденных начало стремительно ухудшаться: провиант подходил к концу, что отразилось в первую очередь на состоянии кавалерии; среди военных и гражданского населения Меца вспыхнули эпидемии. Базен, так и не решившийся на прорыв, предпочел в этой ситуации вступить в переговоры с противником. Изначально он хотел добиться свободного выхода из крепости или перемирия; однако почуявшие приближение успеха немцы были непреклонны. 27 октября 173-тысячная армия капитулировала. «Со времен вавилонского плена мир не переживал ничего подобного», — писал Мольтке родным. — Теперь Франция осталась

<sup>98</sup> *Moltke H.K.V. Gespräche.* S. 150.

<sup>99</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen...* S. 269.

<sup>100</sup> *Moltke H.K.V. d. AW.* Bd. 2 S. 105.

<sup>101</sup> *Ibid.* S. 107.

<sup>102</sup> *Мольтке Г. История...* С. 94.

без войска, и все равно нужно подождать, пока мечущиеся в лихорадке парижане прекратят бессмысленное сопротивление»<sup>103</sup>. Мощная немецкая группировка под командованием Фридриха Карла могла теперь приступить к решению других задач, сентябрьский кризис был преодолен. «Теперь у нас достаточно средств для того, чтобы нанести Франции тяжелейшие раны, если она будет упорствовать в безнадежном сопротивлении», — писал шеф генерального штаба<sup>104</sup>.

28 октября Мольтке был высочайше пожалован титул графа. «Неизмеримые успехи, которых мы добились, — писал король, — являются плодом Вашего вновь проявившего себя блестящего, мудрого руководства операциями. Посвящайте и дальше Ваш талант с таким же успехом родине, армии и Мне»<sup>105</sup>.

Ситуация под Парижем тем временем существенно не изменилась. Мольтке делал ставку на ограниченные запасы продовольствия у горожан, которые должны были скорее рано, чем поздно, закончиться. Однако как среди военных, так и среди политического руководства все большую популярность приобретала идея обстрела Парижа из тяжелых орудий. Мольтке горячо возражал против подобных планов — не столько по гуманным соображениям, сколько из-за их нереальности. Армия, осаждавшая Париж, снабжалась по одной-единственной железнодорожной ветке, которая к тому же заканчивалась в 70 километрах от города; пропускной способности этой транспортной артерии едва хватало на то, чтобы обеспечить войска всем необходимым. Для переброски артиллерийского парка физически не оставалось места. К тому же шеф генерального штаба был принципиальным противником сражений за крупные города, о чем писал еще в 1844 г.; Париж он был склонен сравнивать с Севастополем времен Крымской войны, который удалось взять лишь с тяжелейшими потерями.

Во второй половине октября парижане предприняли еще ряд крупных вылазок, которые, однако, были отбиты с большими потерями. На их моральное состояние оказало серьезное влияние сообщение о капитуляции Базена; впрочем, с другой стороны в столицу пришли известия о формировании Луарской армии, готовой начать свои операции. Против последней немцам уже в октябре пришлось выделить существенные силы, ослабив тем самым блокадное кольцо. I баварский корпус совместно с 22-й пехотной и тремя кавалерийскими дивизиями образовал группировку фон дер Танна, которая начала наступление на юг. Немцам удалось разбить противника в сражении при Артенесе 10 октября и занять Орлеан. Однако для

<sup>103</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen...* S. 265.

<sup>104</sup> *Moltke H.K.V. AW. Bd. 2* S. 108.

<sup>105</sup> *Herre F. Op. cit.* S. 310.

дальнейшего продвижения сил не хватало. На востоке Франции действовал вновь сформированный XIV корпус генерала Вердера, который в течение октября продвинулся до Безансона.

Тем не менее Мольтке в октябре оценивал военную ситуацию достаточно благоприятно. Он был уверен в том, что новые подразделения противника не представляют серьезной угрозы в силу своего низкого качества и откровенного дилетантизма командиров. «Каждый в большей или меньшей степени чувствует, что поход завершен», — писал он полковнику Штиле 9 октября<sup>106</sup>. Однако уже тогда он допускал мысль, что война может продлиться гораздо дольше, чем предполагалось изначально. Эта перспектива его не страшила, скорее наоборот. «Благодарение Богу, что он позволил мне пережить эти великие дни», — писал Мольтке одному из своих сослуживцев 3 ноября<sup>107</sup>. Здоровье шефа генерального штаба ухудшилось — казалось, что ход операций зеркально отражается на его самочувствии.

Тем временем под руководством французского военного министра Леона Гамбетты на Луаре формировалась новая, республиканская армия. Планы были весьма масштабны — помимо уже сформированного (и потрепанного под Орлеаном), 15-го надлежало выставить в поле в кратчайшие сроки еще 11 корпусов общей численностью 600 тыс. человек при 1400 орудиях<sup>108</sup>. Война продолжала переходить в иную плоскость, которую прусский генеральный штаб не ожидал и не предвидел. На горизонте маячил призрак тотальной войны. Мольтке рассматривал подобные действия французского правительства как преступление — преступление против собственного народа, посылавшегося на бойню; преступление против человечества, потому что война приобретала исключительно жестокий, варварский характер. Во всенародном призыве он видел не более чем стремление республиканского правительства любой ценой удержать власть<sup>109</sup>.

24 октября Луарская армия начала наступать на Орлеан, который французское командование предполагало использовать в качестве базы для последующих операций. При этом французы показали себя достойными учениками Мольтке, запланировав концентрическую операцию. К этому моменту группировка фон дер Танна была серьезно ослаблена отправкой ряда подразделений под Париж и насчитывала не более 20 тыс. солдат; противостоящие ей силы генерала д'Ореля были в три с половиной раза сильнее. Поэтому в начале ноября фон дер Танн счел за благо очистить Орлеан, что не спасло его от поражения при Кульмье. Баварцы вынуждены были отступить до самого Парижа.

<sup>106</sup> *Moltke H.K.V.d. AW. Bd. 2. S. 106.*

<sup>107</sup> *Moltke H.K.V.d. Die deutsche Kriegsführung. S. 62.*

<sup>108</sup> *Helbert H., Usczeck H. Op. cit. S. 253.*

<sup>109</sup> *Kessel E. Op. cit. S. 573.*

Однако эти успехи французов уже ничего не могли решить. 17 ноября части продвигающейся от Меца II армии (III, IX и X армейские корпуса) вышли на дорогу Париж–Орлеан. Одновременно из состава блокадной армии была выделена группировка великого герцога Мекленбургского численностью до 70 тыс. человек с 232 орудиями, которая 25 ноября была подчинена командованию II армии<sup>118</sup>. Крепости в немецком тылу сдавались одна за другой, открывая германской армии все новые коммуникации; 9 ноября пал Верден.

Мольтке предполагал, что французы начнут крупное наступление с целью деблокады Парижа, и поэтому торопил немецких командующих, требуя от них решительных действий. После поражения фон дер Танна ему пришлось пересмотреть свою оценку новых армий республики; теперь он считал возможным даже частичное снятие блокады Парижа, чтобы при помощи освободившихся сил нанести сокрушительный удар сосредоточенному на Луаре противнику.

Однако новые французские корпуса пока не собирались переходить к активным действиям. Вместо этого они занялись сооружением под Орлеаном укрепленного лагеря, который должен был стать базой для последующих операций. Очевидно, французские командиры понимали, что разгромить небольшое подразделение немцев — это одно, а вести бой с крупной армией — совсем другое, и к этому «другому» они пока что не готовы. Все это было бы правильно, если бы у французов имелось время; однако его у них уже не было.

Гамбетта прекрасно понимал, что после падения Меца время работает на немцев. Поэтому он настаивал на скорейшем наступлении, а в конце ноября фактически взял на себя командование 200-тысячной Луарской армией. План был прост: нанести удар по блокирующим Париж немецким войскам, которые одновременно будут атакованы гарнизоном французской столицы. 26 ноября 1870 г. Гамбетта приказал начать наступление.

Французам в этот момент противостояла 75-тысячная II армия, поэтому Мольтке расценивал положение как весьма серьезное. Он считал, что даже кратковременный прорыв блокады Парижа, хотя и не повлечет за собой серьезных военных осложнений, будет иметь большое морально-политическое значение. Если раньше он требовал скорейшего продвижения к Орлеану, то теперь советовал вести себя как можно осторожнее. В условиях враждебно окружения и ненадежных коммуникаций это было весьма разумно.

Первое боевое столкновение состоялось уже 28 ноября, когда ослабленный X корпус был атакован шестикратно превосходящими его по численности частями 18 и 20 французских корпусов. После упорного сражения,

<sup>118</sup> Helmert H., Usczeck H. *Op. cit.* S. 255.



в ходе которого пруссаки неоднократно оказывались под угрозой окружения, подошедшие подкрепления отбросили французов. Потери последних составили около 4000, немцев — около 1000 человек<sup>111</sup>.

После перегруппировки сил французы возобновили наступление. 1 декабря им удалось добиться тактического успеха. Это, а также ложное известие об успешном прорыве блокады Парижа заставило Луарскую армию перейти в решающее наступление. 2 декабря произошло сражение при Луаньи-Пупре, в ходе которого немцы отразили все атаки противника и смогли на следующий день перейти к контрнаступлению. Моральное состояние Луарской армии значительно ухудшилось, и ее командование вынуждено было принять решение об отступлении, которое, однако, было проведено не слишком удачно: французские корпуса разошлись в разных направлениях, и только 15-го смог отойти к Орлеану. В ходе последовавшего 4 декабря штурма город был занят немецкими войсками. Потери немцев составили при этом немногим более 1,5 тыс. человек, французов — до 20 тыс. (главным образом пленными). Хотя разгромить Луарскую армию полностью не удалось, она перестала представлять собой угрозу для блокады Парижа. По мнению ряда военных историков, именно это сражение под Орлеаном стало переломным моментом во второй фазе войны, сделавшим победу немцев несомненной.

Тем временем гарнизон французской столицы предпринял в последних числах ноября серьезную попытку прорвать неприятельское окружение. План предусматривал нанесение целой серии отвлекающих и одного главного удара в направлении на Шампиньи. Однако после первоначальных успехов наступление, начавшееся 30 ноября, захлебнулось. Хотя тяжелые для обеих сторон бои продолжались до 3 декабря, французам не удалось хотя бы на короткое время прорвать кольцо блокады. Сражение, «которое должно было решить судьбу столицы», как назвал его впоследствии Мольтке<sup>112</sup>, было французами проиграно.

Шеф генерального штаба на этом этапе вел себя именно так, как это должен делать полководец современной эпохи. Он управлял ходом боевых действий на театре, протянувшемся на сотни километров. Ему было необходимо держать в своих руках нити управления отдельными частями действующей армии, сражавшихся далеко от главной квартиры. Не на поле боя, наблюдая за ходом разворачивающегося сражения, а за письменным столом, в глубоком тылу, с картой и пачкой донесений, принимал решения Мольтке. Такой стиль работы стал возможным благодаря совершенствованию средств связи, а также тому обстоятельству, что на место однодневных сражений пришла многодневная операция, не требовавшая личного

<sup>111</sup> Ibid. S. 257.

<sup>112</sup> Мольтке Г. История... С. 183.

присутствия военачальника на поле боя. Наоборот, ему необходимо было видеть и понимать общую ситуацию, чтобы принимать конкретные решения, а это было возможно сделать лишь с соблюдением определенной дистанции. Фактически такой стиль работы стал образцом для всех полководцев последующей эпохи.

Угроза блокирующей Париж армии исходила не только из Южной, но и из Северной Франции. Здесь уже в октябре была сформирована Северная армия численностью до 70 тыс. человек, дислоцированная в Амьене и Руане. Ее задачей было не только поддерживать наступление Луарской армии, но и прикрывать стратегически важные северо-западные порты, через которые, в частности, шел подвоз вооружения из США. Для борьбы с ней до конца октября Мольтке вообще не мог выделить сколько-нибудь значительных сил; лишь с падением Меца ситуация улучшилась. На театр военных действий были направлены сначала VIII и часть I армейского корпуса под руководством генерала Мантойфеля, а затем и вся I армия. К 30 ноября ей удалось занять Амьен.

На юго-востоке Франции была сформирована Вогезская армия, которой с немецкой стороны противостоял XIV корпус Вердера. 31 октября ему удалось после ожесточенного сражения занять Дижон, «однако, несмотря на этот успех, положение немецких войск в этом районе было тяжелым»<sup>113</sup>. Примерно 25 тыс. солдат Вердера противостояли почти в четыре раза превосходящие их численно, хотя и разрозненные силы противника. Поэтому Мольтке считал необходимым усилить XIV корпус двумя резервными дивизиями. В ноябре Вердеру удалось добиться определенных успехов, однако разгромить противостоящие ему французские части он не сумел.

«После Седана и Меца в Берлине могло показаться, что все закончено; однако нам пришлось пережить беспокойные дни, — писал Мольтке родным 23 ноября. — После того как вся французская армия отправилась в Германию в качестве пленных, нам сегодня противостоят больше вооруженных людей, чем в начале войны»<sup>114</sup>. Однако шеф прусского генерального штаба не верил, что народные армии сумеют справиться с кадровыми германскими корпусами. «С общегуманитарной точки зрения можно было бы пожелать, чтобы события доказали, что твердая решимость целого народа делает невозможным его покорение, что «народное войско», о котором твердят наши либералы, достаточно для защиты страны. Патриотическая точка зрения совершенно иная, и мы надеемся показать, что восстание нации, даже обладающей таким патриотизмом и столь безграничными ресурсами, как французская, не сможет справиться с храбрым и обученным войском. <...> Вооруженная

<sup>113</sup> Helmert H., *Usczeck H.* Op. cit. S. 263.

<sup>114</sup> *Moltke H.K.v. Aufzeichnungen...* S. 265.

толпа — еще не армия, и вести ее в сражение — варварство»<sup>113</sup>. И если раньше Мольтке охотно развивал идею «нации в едином порыве» — если речь шла о немецком народе, — то теперь он столь же охотно отвергает ее, говоря о превосходстве постоянного войска над самым лучшим ополчением. События показали, что в данном случае он оказался прав.

Сам шеф генерального штаба смотрел на ситуацию философски. «Видите ли, — заявил он одному из своих собеседников, — мы живем в очень интересное время, когда на практике решается вопрос о том, что предпочтительнее: постоянная армия или ополчение. Если французам удастся выкинуть нас из Франции, все государства введут систему милиции, если мы останемся победителями, все начнут подражать нам во введении всеобщей воинской повинности при наличии постоянного войска»<sup>114</sup>. Для себя Мольтке уже ответил на этот вопрос: «Несчастные люди — при всей своей храбрости и патриотизме они не в состоянии противостоять нашим сплоченным войскам, плохие биваки косят их, сотни раненых валяются на дорогах, пока их не подберут наши санитары»<sup>115</sup>. Главное — не давать противнику сконцентрировать сильную армию в одном месте, громить его корпуса по мере формирования, и тогда успех окажется на стороне немцев. Совсем не обязательно пытаться удерживать всю территорию; достаточно контролировать узловые точки, нанося оттуда болезненные удары противнику.

В декабре ситуация продолжала развиваться по аналогичному сценарию. Французы выставляли в поле все новые и новые подразделения, с которыми германская армия с большим или меньшим успехом справлялась. Seriously осложняли положение немцев откровенная враждебность населения и действия франтиреров, которые заставляли выделять для борьбы с ними значительные силы. Мольтке считал необходимым кровавое подавление партизанского движения: «Лишь беспощадная строгость может достичь цели»<sup>116</sup>. Впрочем, Бисмарк заходил в том же вопросе гораздо дальше — так, колониальных солдат французской армии он называл «хищными зверями, которых нужно убивать», «наиболее отвратительными чудовищами»<sup>117</sup>, «крайне сожалел о том, что приходится брать в плен, а нельзя тотчас же убивать»<sup>118</sup> и подумывал о том, чтобы отказаться от Женевской конвенции. Мольтке в этом вопросе выступал с гораздо более умеренной позиции, за что заслужил со стороны канцлера упреки в излишней мягкости.

<sup>113</sup> Ibid. S. 266.

<sup>114</sup> *Moltke H.K.v. Aufzeichnungen...* S. 270.

<sup>115</sup> Ibid. S. 272.

<sup>116</sup> Ibid. S. 266.

<sup>117</sup> *Бун М.* Указ. соч. Т. 2. С. 33.

<sup>118</sup> Там же. С. 46.

Как бы то ни было, немецкие карательные отряды брали заложников, жгли деревни, уничтожали вместе с партизанами и мирных жителей, заподозренных в сочувствии к франтирерам. Виновными в этом Мольтке считал самих повстанцев: там, где их нет, местное население наслаждается спокойной жизнью. «В Реймсе мы восстановили каналы и железную дорогу, чтобы снабдить углем 40 тысяч рабочих. <...> Здесь, в Версале, открыты все магазины, рынок заполнен продуктами, земледelec работает на своем поле. Но по ту сторону наших форпостов лежит рукотворная пустыня». «Франтиреры — это ужас всех поселений, потому что они приносят с собой разрушение»<sup>121</sup>. Однако, хотя война становится все более жестокой, ее необходимо довести до конца: «Никто не желает мира сильнее, чем я, но никогда я не соглашусь с таким миром, который после стольких жертв не обеспечит существования Германии»<sup>122</sup>.

Основным театром военных действий оставался юг, где после успехов под Орлеаном намечалось быстрым наступлением уничтожить Луарскую армию, находившуюся не в лучшем состоянии и вскоре разделенную на две самостоятельные части. Возможности противника к сопротивлению генеральный штаб во главе с Мольтке расценивал как достаточно низкие. В результате армейская группа герцога Мекленбургского, численность которой снизилась к этому моменту до 27 тыс. чел., наткнулась 7 декабря на 110-тысячную Вторую Луарскую армию и потерпела серьезное поражение. 9 декабря Мольтке приказал II немецкой армии незамедлительно идти на выручку и концентрическим наступлением уничтожить противника. Впрочем, к этому моменту командование Второй Луарской армии, успехи которой были оплачены большой кровью, решило отступить за Луару, тем более что помощь от Первой Луарской армии так и не пришла. Тем самым французы смогли избежать окружения. Преследование, вопреки указаниям Мольтке, было недолгим и недостаточно энергичным, тем более что войска отчаянно нуждались в передышке. «В любом случае мы должны быть готовы к долгому сопротивлению», — резюмировал ситуацию шеф генерального штаба<sup>123</sup>. «Как долго еще продлится эта ужасная война и с кем мы в конце концов заключим мир, никто не может предсказать, — писал Мольтке 18 декабря одному из своих немногочисленных друзей, тайному советнику Шеллеру. — Целый народ под ружьем нельзя недооценивать»<sup>124</sup>.

\*\*\*

<sup>121</sup> *Moltke H.K.B.v. Aufzeichnungen...* S. 272.

<sup>122</sup> *Ibid.* S. 266.

<sup>123</sup> *Moltke H.K.B.v. AW. Bd. 2.* S. 118.

<sup>124</sup> *Ibid.* S. 142.

Тем временем шефу генерального штаба пришлось начать свое сражение. Его противниками выступили Бисмарк и Роон, которые придерживались несколько иных, нежели Мольтке, взглядов на способ ведения войны. Хотя зерна конфликта вызревали давно, его катализатором стало затягивание кампании во Франции<sup>125</sup>.

В середине декабря прусский генеральный штаб был вынужден изменить свою стратегическую концепцию. От блицкрига пришлось окончательно отказаться и настроиться на затяжную кампанию. Мольтке считал необходимым сконцентрировать основную массу имеющихся сил к северу от Луары и на этой позиции отражать атаки французов, завершая оборонительные операции короткими контрударами. В одной из бесед Мольтке сравнил новые французские армии с роем мух, от которых необходимо постоянно отмахиваться<sup>126</sup>. Таким образом следовало действовать до падения Парижа и освобождения блокадной армии. Для этого Мольтке собирался в большей, чем прежде, степени задействовать ресурсы Германии. Он требовал от военного министра переброски во Францию всех имевшихся в наличии частей ландвера и частичного призыва ландштурма. Чтобы пополнить огромные потери в офицерском составе, Мольтке поставил вопрос о назначении на офицерские должности унтер-офицеров. Одним словом, генеральный штаб был готов вести войну до тех пор, пока противник не признает свое полное и окончательное поражение. «Бороться с этой нацией лжецов до последнего и наконец разгромить ее», а потом «диктовать такой мир, какой пожелаем» — таковы были намерения Мольтке<sup>127</sup>. В случае необходимости можно было воевать до полной оккупации французской территории. Речь шла уже о войне не с правительством, а с народом, о тотальной войне.

Иначе смотрел на положение вещей Бисмарк. Он опасался, что затягивание кампании вызовет вмешательство великих держав, а также с ревностью следил за стремительным ростом влияния генерального штаба. Отсутствие громких успехов затрудняло переговоры с южногерманскими правительствами об объединении страны. «Железный канцлер» считал необходимым закончить войну в кратчайшие сроки. Для этого он предлагал применить широкомасштабный террор против мирного населения, с чем был категорически не согласен Мольтке. В то же время Бисмарк старался ограничить размах военных действий, чтобы война не приобрела действительно тотальный характер. Предметом спора стал не только вопрос

<sup>125</sup> Förster S. The Prussian Triangle of Leadership in the Face of People's war: a Reassessment of the Conflict between Bismarck and Moltke 1870 - 1871 // On the Road to Total War. P. 118.

<sup>126</sup> Moltke H.K.V.d. Gespräche. S. 159.

<sup>127</sup> Ibid. S. 162.

о приоритете военного или гражданского руководства, но и стратегия нового типа войн<sup>128</sup>.

Еще в сентябре Бисмарк жаловался на то, что его ущемляют в вопросах снабжения и расквартирования, а также не приглашают на военные совещания. «Я уже потому должен знать обо всех военных делах, чтобы мог своевременно заключить мир!», — горячился канцлер<sup>129</sup>. Можно понять Мольтке, который со сложными чувствами узнавал о таких претензиях со стороны сугубо гражданского человека, пусть и главы правительства. Тем более что сам канцлер не информировал Мольтке о политических и дипломатических делах; когда генерал-интендант Штош рассказал Мольтке в середине сентября, что граф Бисмарк сообщил ему о прибытии французских парламентариев, шеф генерального штаба язвительно ответил: «В высшей степени ненадежный источник!»<sup>130</sup> В сентябре разразился конфликт по поводу полевой полиции, находившейся в подчинении генерального штаба, когда Бисмарк попробовал отдавать ее шефу непосредственные приказания, касавшиеся обращения с гражданскими лицами на оккупированных территориях. Офицеры генерального штаба намеревались проводить четкое разграничение политической и военной областей, часто упуская из виду сложность ситуации, в частности, вопросы международной политики<sup>131</sup>.

Генеральный штаб оказывал канцлеру не просто пассивное сопротивление, но и активно вставлял ему палки в колеса. В октябре, еще до капитуляции Базена, Бисмарк попробовал договориться с осажденным маршалом, хранившим верность бонапартистскому режиму, и со свергнутой императрицей. Для этого генерал Бурбаки был пропущен из Меца в Лондон, где находилась Евгения. Обратное же военные — в первую очередь принц Фридрих Карл — его не пустили, опасаясь лишиться славы покорителей Меца. Принца поддерживал Мольтке, который считал все вопросы, связанные с капитуляцией Базена, делом чисто военным и не имевшим никакого отношения к Бисмарку. Угрозу иностранного вмешательства он считал надуманной. Кроме того, неприязнь к бонапартистскому режиму заставляла его расстраивать все попытки реставрации, предпринимавшиеся Бисмарком. По мнению современников, именно Мольтке отговорил короля от этого проекта<sup>132</sup>. Впрочем, вне зависимости от позиции шефа генерального штаба, бонапартистская реставрация во Франции была невозможна по объективным причинам. Он прекрасно понимал это, считая более вероятной реставрацию Бурбонов.

<sup>128</sup> Förster S. Op. cit. S. 136.

<sup>129</sup> Бун М. Указ. соч. Т. 2. С. 9.

<sup>130</sup> Herre F. Op. cit. S. 314.

<sup>131</sup> Craig G. Op. cit. S. 230.

<sup>132</sup> Ibid. S. 233.

Мольтке «достаточно хорошо знал Бисмарка, чтобы считать невероятным, что последний будет пассивно держаться на совещаниях, несмотря на свое официальное положение слушателя, и не выдвигать на первый план свои воззрения», — писал один из известнейших биографов «железного канцлера» Э. Эйк<sup>133</sup>. Подобного вмешательства в сферу своей компетенции шеф генерального штаба терпеть не собирался. Как писал Э. Кессель, «можно предположить, что и сам король был полностью доволен отсутствием Бисмарка на военных докладах»<sup>134</sup>. До определенного момента Мольтке держал Бисмарка на строжайшей информационной диете, и лишь 15 октября распорядился направлять канцлеру копии телеграмм, которые отправлялись из главной квартиры германской прессе. Это было сделано лишь после настойчивых просьб канцлера, которому надоело черпать информацию из газет<sup>135</sup>.

«Их разделило глубокое несходство их натур, — отмечал Штош. — Они относятся друг к другу весьма негативно, и лишь с трудом удается вести общие дела. Мольтке — человек благородного спокойствия, Бисмарк — страстный политик»<sup>136</sup>. Шеф генерального штаба обходил конфликт молчанием, канцлер в свойственной ему манере шумел о заносчивых «полубогах» из генерального штаба, которым вскружил голову собственный успех, о «стратегях из классной комнаты», о «профиле хищной птицы» Мольтке...<sup>137</sup> Впрочем, до определенного момента он все же сохранял уважение к генералу и писал: «Генеральный штаб мне вообще не нравится, кроме хорошего и умного старого Мольтке; его офицерам успех ударил в корону, и я часто боюсь, что подобная завышенная самооценка еще повлечет за собой наказание; именно Мольтке прикрываются другие, а сам он уже стар и пускает все на самотек»<sup>138</sup>. Но к концу октября Бисмарк понял, что шеф генерального штаба является его основным противником, а вовсе не ширмой для своих сотрудников. Отношения двух деятелей испортились окончательно.

В декабре противоречия обострились до предела. Непосредственным поводом к конфликту стал уже упоминавшийся выше вопрос об обстреле Парижа. Роон заверял канцлера, что никаких технических препятствий для немедленного начала обстрела не существует. Бисмарк обвинял Мольтке в том, что его стратегия порочна. Тот, в свою очередь, не собирался терпеть вмешательства штатских в свою сферу ответственности. Поэтому

<sup>133</sup> *Eyck E. Op. cit. Bd. 2. S. 530.*

<sup>134</sup> *Kessel E. Op. cit. S. 579.*

<sup>135</sup> *Craig G. Op. cit. S. 229.*

<sup>136</sup> *Herre F. Op. cit. S. 314.*

<sup>137</sup> *Ibid. S. 315.*

<sup>138</sup> *Bismarck-Briefe. Göttingen, 1955. S. 366.*

генеральный штаб вновь попытался установить вокруг Бисмарка своеобразную информационную блокаду, перестав снабжать его информацией о ходе боевых действий.

Это никак не устраивало Бисмарка, который потребовал, чтобы обо всех планируемых операциях ему сообщалось заранее, даже до доклада королю. Мольтке, в свою очередь, возмутился до глубины души и заявил кронпринцу: «Все это вообще не касается канцлера, и пока мне не прикажут, я ему ничего не буду сообщать»<sup>138</sup>. Конфликт расширялся, охватывая все большее число влиятельных персон: на стороне Бисмарка выступил Роон, на стороне Мольтке — кронпринц, считавший, что голод гуманнее обстрела. Фридрих Вильгельм видел, что шеф генерального штаба «глубоко уязвлен беспардонными претензиями Бисмарка на единовластие»<sup>140</sup>, и сочувствовал своему бывшему адъютанту, тем более что сам в глубине души недолюбливал «железного канцлера». «Король и кронпринц очень расстроились из-за этого конфликта, однако не в их силах прекратить его», — писал Штош<sup>141</sup>. Бисмарк отстаивал идею примата политических соображений над военными; Мольтке же, напротив, считал, что на войне первую скрипку должен играть именно генеральный штаб, а не политики, поскольку война — это дело военных. Примирить эти точки зрения было невозможно.

5 декабря Мольтке через парламентаря проинформировал Трошю о поражении французских армий на юге, надеясь, что эта информация ускорит капитуляцию Парижа. Бисмарк немедленно обратился с жалобой к королю — Мольтке лезет в дипломатические дела, кроме того, последний лейтенант располагает большей информацией, чем он, канцлер! Он потребовал права присутствовать на всех военных докладах и, кроме того, быть посвященным во все планируемые операции. Вмешательство военных в политические дела возмущало канцлера: «Господа военные ужасно осложняют мне жизнь! — писал он супруге. — Они тянут одеяло на себя, все портят, а отвечать приходится мне!»<sup>142</sup>

В генеральном штабе тем временем также начались разногласия. Они касались как вопроса о бомбардировке Парижа, так и соотношения военного и политического руководства. Бронзарт фон Шеллендорф, к примеру, выступал за то, чтобы сделать Бисмарку определенные уступки; многие же его коллеги относились к канцлеру с подчеркнутым невниманием. Мольтке имел еще и личные причины для того, чтобы держать Бисмарка подальше от военных операций: зная деятельную натуру канцлера, он опасался,

<sup>138</sup> Herre F. Op. cit. S. 314.

<sup>139</sup> Ibid.

<sup>140</sup> Ibid. S. 315.

<sup>142</sup> Craig G. Op. cit. S. 233.



что тот начнет напрямую вмешиваться в военные действия, как это уже бывало в 1866 г.

Отношения между Мольтке и королем тем временем также начали ухудшаться. Вильгельм жаждал военных успехов, которыми в последнее время судьба не баловала. Шеф генерального штаба возражал, что исполняет свой долг, но не все в этом мире зависит только от него. Ему приходилось сталкиваться и с тем, что король, которого он уже убедил принять то или иное решение, после его ухода менял мнение и издавал приказ, противоречивший всему только что согласованному образу действий. «Мольтке всегда докладывает очень ясно, разумно, у него всегда все продумано, просчитано до мелочей; но когда Роон при этом пожимает плечами и слезливает, а Подбельски стоит с олимпийским спокойствием, это их поведение оказывает влияние на короля», — писал кронпринц<sup>143</sup>. В вопросе обстрела Парижа король разделял точку зрения Бисмарка; так, письмом 28 ноября он потребовал от Мольтке ускорить подготовку обстрела, поскольку наступившая пауза в военных действиях вредна как с политической, так и с военной точки зрения<sup>144</sup>. Впрочем, один верный рецепт справиться со своим монархом у Мольтке был: шеф генерального штаба предоставлял королю отдавать приказания на свой страх и риск. Вильгельм, которому сразу становилось не на кого валить ответственность за неудачу, как правило, тут же принимал рекомендованные Мольтке меры. «Видите, так происходит всегда: мне нужно лишь попросить Его Величество отдавать приказания лично, как он тут же успокаивается», — сказал Мольтке свидетелю одной из таких сцен в начале декабря<sup>145</sup>. Этим его тактика отличалась от тактики Бисмарка, предпочитавшего бурные споры с королем.

Раздражали шефа генерального штаба и немецкие князья — коронованные бездельники, которые находились при главной квартире с многочисленными свитами и громогласно требовали, чтобы армия обеспечивала их защиту и снабжала всем необходимым. «Многие августейшие особы, а также высшие военные чины, окруженные своими многочисленными свитами и обозами и не имеющие определенной роли, доводили состав главной квартиры до численности кавалерийской дивизии», — с иронией писал шеф генерального штаба<sup>146</sup>. Любимым развлечением Мольтке было рассказывать им о страшных французских дальнебойных пушках, якобы способных обстреливать Версаль<sup>147</sup>.

<sup>143</sup> Herre F. Op. cit. S. 310.

<sup>144</sup> Der alte Kaiser. S. 332.

<sup>145</sup> Moltke H.K.V.d. Gespräche. S. 157.

<sup>146</sup> Мольтке Г. Военные поучения. Оперативная подготовка к сражению. С. 40.

<sup>147</sup> Moltke H.K.V.d. Gespräche. S. 158.

«Нам еще предстоит тяжелые сражения, и трудности со всех сторон множатся», — писал он сестре Аугусте 20 декабря<sup>198</sup>. Очевидно, он подразумевал не только французов, но и своих оппонентов с немецкой стороны. Настроение у шефа генерального штаба было не слишком хорошим, что усугублялось продолжавшимися проблемами со здоровьем. Еще до начала похода он говорил о том, что, возможно, не переживет новой кампании, и теперь эти настроения вспыхнули с новой силой. Он вспоминал, как Мария встречала его на вокзале после победы 1866 г., и желал, чтобы она так же встретила его и теперь, но уже на небесах...



Новый 1871 год начался не слишком весело для обеих сторон. Они пытались найти выход из стратегического тупика. Французы все еще не оставляли надежды освободить Париж, запланировав на начало января крупное наступление силами Второй Луарской армии. Не зная об этом, Мольке приказал II немецкой армии также начать наступление в направлении на Ле Ман. Уже 5 января произошли первые столкновения, вылившиеся в тяжелое трехдневное сражение. В конечном счете немцам удалось отбросить численно превосходящих французов и подойти плотную к Ле Ману, являвшемуся главным опорным пунктом Второй Луарской армии. 10–12 января 1871 г. здесь состоялась новая битва, в ходе которой французы были полностью разгромлены, потеряв до 25 тыс. только пленными. Вдвое большее число солдат успешно дезертировали. К слову сказать, это явление наблюдалось уже довольно давно: несмотря на «национальный подъем», многие новобранцы после первого же крупного поражения ничтоже сумняшея расходились по домам.

Развить успех немцам не удалось, поскольку XIII армейский корпус пришлось срочно отправить на север, где французской Северной армии удалось серьезно потеснить слабые немецкие силы. Однако еще до прибытия подкреплений генералу Гебену, сменившему Мантойфеля на посту командующего I армией, удалось изменить положение в свою пользу. 19 января состоялось сражение при Сен-Квентине, после которого Северная армия начала отступление на Лиль, в процессе которого некоторые ее части полностью утратили боеспособность.

Тем временем в Южной Франции из частей Первой Луарской была образована Восточная армия под командованием генерала Бурбаки. Ей предстояло совместно с Вогезской армией разгромить Вердера и перерезать пути снабжения немецкой армией. «Однако эта операция требовала

<sup>198</sup> Moltke H.K.v. Aufzeichnungen... S. 271.

решительности командования и быстроты маневра»<sup>149</sup>, а состояние войск, практически полностью укомплектованных новобранцами, не позволяло осуществить стремительное наступление. Своевременно распознав угрозу, Вердер отступил, оставив Дижон. Для Мольтке наступление французов оказалось полной неожиданностью — он рассчитывал, что Бурбаки ударит на Париж. На помощь Вердеру были немедленно брошены II и VII корпуса, которые совместно с ним образовали Южную армию под командованием генерала Мантойфеля. Однако их перемещение требовало времени, а пока Вердеру с его тремя дивизиями предстояло выкручиваться самостоятельно. Уже 9 января при Виллесекселе он вступил в бой с тремя французскими корпусами; потерпев поражение, немцы, тем не менее, сумели задержать продвижение противника. Лишь четыре дня спустя Бурбаки продолжил свое наступление.

Вердер намеревался снять осаду Бельфора и отступить, однако командование запретило ему это делать. Мольтке крупно рисковал, понимая тем не менее, что отступление Вердера повлечет за собой утрату осадного парка и затруднит соединение с Мантойфелем. 15 января на реке Лизен XIV армейскому корпусу в составе 43 тыс. человек со 116 орудиями пришлось принять сражение против 150-тысячной французской армии с 360 орудиями, имея в тылу вражескую крепость<sup>150</sup>. Кажется невероятным, однако сражение завершилось успехом немцев. Бурбаки с самого начала переоценил численность противника и действовал весьма осторожно. После того, как попытка обойти немецкий корпус провалилась, он вел себя довольно пассивно: гарнизон Бельфора также не предпринял ни одной вылазки. В итоге 18 января Восточная армия, боеспособность которой значительно снизилась, отступила к Безансону.

На помощь Вердеру с максимальной возможной скоростью шли части Мантойфеля. Узнав об успехе при Лизене, немцы изменили оперативный план, сделав ставку на окружение Бурбаки. Последний понял всю серьезность положения лишь 24 января, когда кольцо немецких войск практически полностью охватило Восточную армию, страдающую от холода и плохого снабжения. К этому моменту «в строю осталась едва ли половина солдат, которые более склонны к бегству, чем к бою»<sup>151</sup>. Французам пришлось отступать на восток, к швейцарской границе. После сражения при Понтарлье — 29–30 января — 90-тысячная Восточная армия перешла границу и была интернирована в Швейцарии, прекратив свое существование. Это была уже третья крупная полевая армия, полностью уничтожен-

<sup>149</sup> Helmert H., *Uszceck H.* Op. cit. S. 277.

<sup>150</sup> Helmert H., *Uszceck H.* Op. cit. S. 280.

<sup>151</sup> Мольтке Г. История... С. 327.

ная немцами с начала кампании. 15 февраля после двухмесячной осады капитулировал Бельфор.

Стремительно ухудшалось положение Парижа. В декабре немцам удалось улучшить свои коммуникации настолько, что стала возможной переброска тяжелой артиллерии для обстрела города. 17 декабря 1870 г. на военном совещании Мольтке высказался за обстрел Парижа. На него оказывалось серьезное давление — не только политики, но и немецкая общественность громко требовала начала бомбардировки. В Германии даже появилось четверостишие на это тему:

Добрый Мольтке, ходишь вкруг  
Почему-то все вокруг,  
Хватит дурака валять,  
Наконец начни стрелять!<sup>152</sup>

В письме брату Адольфу 22 декабря Мольтке еще раз пишет о беспечности обстрела и штурма Парижа, о печальном примере Севастополя в Крымскую войну и о том, что голод, по достоверной информации, уже начинает сжимать горло французской столицы. «Я ожидаю гораздо большего от медленно, но верно действующего голода»<sup>153</sup>. Вмешательство общественного мнения вызывало у Мольтке не меньшее возмущение, чем вмешательство Бисмарка. Если народ хочет активно вмешиваться в руководство военными операциями, пусть посадит на место генералов адвокатов и газетных писак — такое мнение большинства своих коллег зафиксировал Блументаль в своем дневнике<sup>154</sup>.

До конца 1870 г. под Париж прибыли 235 тяжелых орудий<sup>155</sup>. 27 декабря начался обстрел фортов, оказавшийся довольно эффективным. Французы открыли контрбатареинный огонь, который не смог подавить немецкую артиллерию, хотя потери орудийной прислуги были весьма велики. 29 декабря немцам удалось захватить особенно досаждавший им форт Мон-Аврон и тем самым несколько улучшить ситуацию. Несколько дней спустя немцы начали обстреливать и жилые кварталы Парижа, выпуская по ним до 300–400 снарядов в день. Это, как и предполагал Мольтке, не оказало никакого влияния. В гораздо большей степени сказывалась блокада — по сравнению с предыдущими годами смертность в Париже выросла более чем на 40 тыс. человек<sup>156</sup>.

<sup>152</sup> Herre F. Op. cit. S. 318.

<sup>153</sup> Moltke H.K.v. Aufzeichnungen... S. 271.

<sup>154</sup> Craig G. Op. cit. S. 235.

<sup>155</sup> Helmert H., Usczech H. Op. cit. S. 276.

<sup>156</sup> Tombs R. The wars against Paris // On the Road to Total War. P. 549.

Несмотря на то что формальный повод конфликта Бисмарк–Мольтке отпал, ссора разгорелась в январе с новой силой. Бисмарк вновь явился с королю с жалобой на шефа генерального штаба, который не только по-прежнему отказывается информировать канцлера о делах в своей епархии, но и ведет сепаратные переговоры с парижскими властями! Вызванный для объяснений Мольтке, в свою очередь, заявил, что Бисмарку ничего нельзя сообщать, поскольку он слишком вольно обходится с полученной информацией — в частности, сообщает военные планы супруге и другим лицам, через которых может произойти утечка секретных сведений<sup>157</sup>. 8 января Мольтке заявил наследнику престола, что Бисмарк пытается определять все и в политической, и в военной сфере и при этом совершенно не учитывает мнения специалистов.

Кронпринц попытался примирить антагонистов, пригласив их 13 января на обед. Мольтке пришел вовремя, Бисмарк опоздал на полчаса и прямо с порога начал пламенные речи: необходимо как можно скорее заключать мир! Мольтке возражал, причем весьма резко и многословно, что бывало с ним весьма редко: французов надо разгромить окончательно, после падения Парижа высвободившиеся силы следует бросить на юг и добиться капитуляции столь же безоговорочной, как седанская. Уничтожить Францию как великую державу — такова, ни много ни мало, была его цель. Бисмарк, однако, прекрасно понимал, что другие великие державы Европы не потерпят полного разгрома Франции и стремительного влета Пруссии. Мольтке же настаивал на том, что военные соображения в данный момент куда важнее, чем политические, и что не он должен получать согласие Бисмарка на операции, а Бисмарк его согласие на тот или иной дипломатический маневр. Это было слишком даже для кронпринца, который заметил, что Мольтке все-таки следовало бы действовать в согласии с правительством. Однако шеф генерального штаба подчеркнул, что он — военный советник короля, и Бисмарк ему не указ. Попытка примирения провалилась, более того, враждебность двух деятелей усилилась. На следующий день в разговоре со Штошем Мольтке дал выход своим эмоциям, заявив, что не собирается больше общаться с канцлером, и пусть король разрешает их спор<sup>158</sup>.

Тем временем предсказание Мольтке наконец-то сбылось: ситуация с продовольствием в Париже стала критической. 14 января он подал королю памятную записку, в которой предлагал обращаться с Парижем так же, как с Мецем, — город должен быть занят немецкими войсками, все находящиеся в нем военнопленные — сложить оружие и отправиться в плен. При этом Мольтке старательно делал вид, что ограничивается только военными

<sup>157</sup> *Beumelburg W.* Op. cit. S. 450.

<sup>158</sup> *Moltke H.K.B.v. Gespräche.* S. 168.

вопросами, хотя не мог не понимать, что подобная капитуляция способна только отодвинуть заключение мира. В тот же день послал памятную записку королю и Бисмарк: обращая внимание монарха на угрозу вмешательства третьих держав, он настаивал на скорейшем заключении мира. «Раньше я был послушен военным — как говорят о лошадях, которые не пугаются в бою, — высказался Бисмарк вечером 18 января. — Но теперь об этом не может быть и речи, когда мы заключим мир, военные должны будут занять свое место и более не доминировать»<sup>159</sup>.

После провала крупной вылазки 19 января 1871 г. генерал Трошю объявил, что дальнейшие попытки прорвать блокаду Парижа обречены. В результате 23 января министр иностранных дел Франции Жюль Фавр вступил с Бисмарком в переговоры о перемирии. Забавный факт: незадолго до этого в Париже появилась прокламация с призывом стоять до последнего. Шеф генерального штаба, раздобыв один экземпляр, принес его королю со словами: «Это значит, что послезавтра они капитулируют!»<sup>160</sup>

Естественно, к этим переговорам был привлечен и Мольтке, однако главным уполномоченным с немецкой стороны был назначен Бисмарк. Тем не менее, в качестве военного эксперта начальник генерального штаба был незаменим. Он изначально поставил весьма жесткие условия: все французские армии, за исключением Восточной (шеф генерального штаба не хотел лишать свою армию еще одной громкой победы), должны были прекратить огонь; все форты Парижа должны быть переданы немцам. Фавр согласился, и уже 26 января военные действия у стен Парижа завершились. 28 января Бисмарк и Фавр заключили франко-германское перемирие сроком на 21 день. «Теперь Париж для нас — всего лишь большая тюрьма, в которой мы охраняем пойманную армию», — писал шеф генерального штаба<sup>161</sup>.

Именно в этот момент Мольтке, который все еще надеялся довести войну до абсолютной победы, получил сильнейший удар. 25 января увидели свет два королевских приказа: шефу генерального штаба предписывалось воздерживаться от вмешательства в политические дела и подробно информировать канцлера о состоянии военных операций.

«Мы все были возмущены, — писал Бронзарт фон Шеллендорф, — что давно подготавливавшийся удар по генералу Мольтке был нанесен в тот момент, когда ввиду скорого завершения войны надеются обойтись без таланта шефа генерального штаба. <...> Генерал Мольтке, которого потомки причислят к величайшим полководцам всех времен, падет жертвой талантливому, но внутренне подлого человека, который не успокоится, пока

<sup>159</sup> Цит. по: Seeber G., Wolter H. Op. cit. S. 10.

<sup>160</sup> Ibid. S. 169.

<sup>161</sup> *Moltke H.K.B.v. Aufzeichnungen...* S. 273.

не станет мажордомом, раздавившим всех, кто пытается пользоваться заслуженной властью»<sup>162</sup>. Сам Мольтке был глубоко возмущен и, по некоторым данным, хотел просить своей отставки. 29 января он отправил королю послание, черновик которого был подготовлен верным Бронзартом и затем отредактирован его шефом. В нем Мольтке писал, что, по его мнению, «шеф генерального штаба и канцлер, особенно на войне, являются равноправными и независимыми друг от друга инстанциями под непосредственным руководством Вашего Королевского Величества»<sup>163</sup>, и он лично всегда старался поддерживать этот баланс. Однако канцлер, судя по всему, считает иначе и тем самым вмешивается в область компетенции Мольтке, нарушая принцип военного единоначалия. Если монарх собирается поддерживать эти устремления Бисмарка, что ж — шеф генерального штаба готов их принять, но при условии, что канцлер возьмет на себя полную ответственность за ход боевых действий: «Я с удовольствием передам соответствующие полномочия и связанную с ними ответственность канцлеру»<sup>164</sup>. Подбельски в запале рекомендовал пойти еще дальше, поставив короля перед выбором — либо принять отставку Мольтке, либо отправить в отставку Бисмарка<sup>165</sup>.

Тем не менее шеф генерального штаба не стал доводить дело до разрыва, считая, что данная им присяга не позволяет оставлять свой пост до окончания войны. Король, в свою очередь, никак не ответил на послание Мольтке. Это можно было трактовать двояко: и как игнорирование, и как молчаливое согласие с претензией на равноправие военной и гражданской власти. Скорее всего, монарх решил таким образом просто прекратить спор, который, несомненно, доставлял ему массу неприятных эмоций.

Шеф генерального штаба резко выступал против любых компромиссов с Францией; ненависть к этой стране заставляла его стремиться к тотальному разгрому западной соседки германского рейха. В этих вопросах Мольтке поддерживали его сотрудники: когда шеф объявил им о перемирии и добавил, что, возможно, некоторые молодые офицеры сочтут его условия слишком мягкими, Бронзарт от имени своих коллег ответил, что, хотя их трудно причислить к «молодым офицерам», но они придерживаются именно такой точки зрения. Мольтке оставалось лишь призвать их к спокойствию — он сам хотел бы достичь большего, но необходимо умерить аппетиты, «если мы вообще хотим заключить мир»<sup>166</sup>.

<sup>162</sup> Herre F. Op. cit. S. 325.

<sup>163</sup> Ibid. S. 325.

<sup>164</sup> *Moltke H.K.B.v. Leben und Werk...* S. XVIII.

<sup>165</sup> Kessel E. Op. cit. S. 587.

<sup>166</sup> Ibid. S. 585.

Во время перемирия конфликт продолжался. Бисмарк полагал заключение мира делом решенным. Мольтке же считался с возможностью продолжения войны и потому принимал меры, направленные на подготовку новой кампании; в частности, отдал приказ о переброске двух армейских корпусов на Луару. «Страна на деле находится под угрозой анархии, — писал Мольтке брату Адольфу 3 февраля. — Поэтому мы должны быть полностью готовы к продолжению борьбы»<sup>167</sup>. Во время совещания у короля 8 февраля канцлер обвинил Мольтке в саботаже мирных переговоров. Шеф генерального штаба отреагировал столь эмоционально, что король от изумления потерял дар речи, а затем одобрил все предложенные им мероприятия. «Это был первый и, я надеюсь, последний военный совет этой кампании, — со свойственным ему сарказмом говорил Мольтке впоследствии. — Единственным его преимуществом стало то, что на решение вопроса, который я в одиночку решил бы минуты за две, потребовалось больше часа»<sup>168</sup>.

Серьезный спор между канцлером и шефом генерального штаба разгорелся по поводу Меца: Бисмарк считал возможным оставить эту крепость Франции, поскольку население города и окрестностей состояло практически из одних французов. Мольтке же отстаивал аннексию стратегически важного укрепленного пункта, который один стоит 120-тысячной армии. В конечном счете именно его точка зрения победила. Правда, Мольтке не удалось добиться присоединения к Германии Бельфора, но он не особенно расстраивался по этому поводу. Его коллеги проявили куда большие аппетиты: одни требовали французской территории вплоть до Марны, другие, как Блументаль, считали нужным продиктовать такой мир, от которого Франция «не оправилась бы в течение века»<sup>169</sup>. На этом фоне Мольтке выглядел образцом умеренности.

Тем не менее все военные приготовления действительно оказались излишними. 26 февраля 1871 г. был подписан прелиминарный мир, по которому Германия получала Лотарингию, большую часть Эльзаса и 5 млрд франков военной контрибуции. Мольтке называл этот мир «мягким», но в целом был доволен<sup>170</sup>. Франко-германская война завершилась.

\*\*\*

Практически одновременно с разгромом Франции произошло еще одно событие, которого Мольтке желал не меньше, чем победы над «наследственным врагом». Его родина — Германия — наконец объединилась.

<sup>167</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen...* S. 273.

<sup>168</sup> *Herre F. Op. cit.* S. 326.

<sup>169</sup> *Deutsche Militärgeschichte...* Bd. 2, Teil 1. S. 222.

<sup>170</sup> *Kessel E. Op. cit.* S. 590.



Уже в октябре 1870 г. начались переговоры с южногерманскими монархами, которым Бисмарк был готов сделать крупные, пусть и оставшиеся в основном на бумаге, уступки. Делегация парламента была оставлена глубоко на заднем плане; ей было разрешено лишь наблюдать за рождением новой державы. С этим Мольтке был целиком и полностью согласен; однако его совершенно не устраивала уступчивость Бисмарка по отношению к властителям малых и средних государств. Германия, считал он, должна тесно сомкнуться под явным и неоспоримым лидерством Пруссии. В конце концов, заявил он однажды великому герцогу Баденскому, если Бавария так дорожит своими «особыми правами», оставим ее за воротами новой империи — все равно ей так или иначе придется в них постучаться. В идеале Мольтке хотел бы видеть Германию унитарным государством, расширенной Пруссией<sup>171</sup>. Особо рьяно он отстаивал единство германской армии, однако и это удалось ему не вполне. Он считал вполне нормальным делом существование парламента, но был против всеобщего избирательного права; по его мнению, гораздо лучше было бы создать рейхстаг из делегаций парламента отдельных государств-членов Германской империи.

18 января 1871 г. в самом сердце вражеской страны, в Зеркальном зале Версальского дворца, было торжественно провозглашено объединение Германии. Второй рейх увидел свет. На пышной церемонии Мольтке стоял прямо напротив короля. Пройдя мимо Бисмарка, как мимо предмета мебели, Вильгельм подошел к шефу своего генерального штаба и крепко пожал ему руку. Как уже говорилось выше, этот демонстративный жест никак не влиял на исход разгоревшейся борьбы между Мольтке и «железным канцлером». Впрочем, война вскоре закончилась, и противостояние двух творцов германского единства потеряло свою остроту. Канцлер пригласил генерала в свою версальскую резиденцию и любезно заявил, что после столь блистательных военных побед, как одержанные во Франции под предводительством Мольтке, заключение мира не представляло большой сложности. Однако теплоты в отношениях двух деятелей так и не появилось.

Гораздо более эмоциональным было отношение Вильгельма к своему верному паладину. «Правота всегда была на Вашей стороне», — признал он на торжественном обеде в честь победы над Францией. А затем обнял и расцеловал шефа генерального штаба, причем, по свидетельству очевидцев, Мольтке был полностью ошарашен столь бурным проявлением чувств<sup>172</sup>. 4 марта 1871 г. он писал брату Адольфу: «Я благодарю Бога за то, что он позволил мне пережить конец этой великой всемирно-исторической борьбы»<sup>173</sup>.

<sup>171</sup> Helmert H. Op. cit. S. 49.

<sup>172</sup> Herre F. Op. cit. S. 328.

<sup>173</sup> Kessel E. Op. cit. S. 591.

Ограниченный контингент немецких войск вошел в Париж. И Мольтке, и Бисмарк, хоть и поодиночке, отправились на улицы французской столицы. На местных жителей пожилой офицер не производил глубокого впечатления. «Его бритое, изборожденное множеством мелких морщин лицо, казалось, принадлежит не военному — такому, каким мы его себе представляем во Франции, — а бенедиктинцу, аскету или старому актеру», — писал граф д'Эрриссо<sup>174</sup>. Отношение к Мольтке его недавних врагов было достаточно спокойным, тем более что вскоре ему довелось оказать серьезную услугу французской правящей элите.

Пока Париж находился в осаде, настроения его жителей становились все более радикальными. Едва немецкие войска ушли из Парижа, произошел взрыв: началось восстание, вошедшее в историю как Парижская коммуна. Мольтке видел в повстанцах воплощение ненавистного «красного призрака», его симпатии всецело находились на стороне правительственных войск. Немецкая армия по-прежнему стояла у ворот Парижа, окружив город полукольцом с севера; она оказывала противникам Коммуны всю возможную помощь и была готова расправиться с повстанцами в случае, если бы правительственным войскам это не удалось. «Если они выйдут вооруженными, то будут расстреляны; если безоружными — мы прогоним их обратно», — говорил Мольтке 23 мая<sup>175</sup>. Однако маршал Мак-Магон, решив исправить свою изрядно подмоченную Седаном репутацию, блестяще провел военную операцию против представителей собственного народа; германская помощь не потребовалась. Для Мольтке Коммуна осталась примером того, к каким бедствиям может привести джинн социализма, если выпустить его из бутылки.

В марте 1871 г. шеф прусского генерального штаба получил очередную награду — Большой крест Железного креста. А 16 июня в центре новой имперской столицы состоялся торжественный парад победы. Впереди марширующих войск скакал король. Непосредственно за ним, плечом к плечу — Бисмарк, Мольтке и Роон. Эта тройка паладинов потом надолго закрепится в мифологии франко-германской войны как когорта соратников и друзей, хотя, как мы уже неоднократно говорили выше, противоречия между отдельными ее членами были весьма сильны. Огромные толпы народа с ликованием встречали победоносные войска, возвращавшиеся домой с несметными трофеями. На следующий день после парада Мольтке был произведен в фельдмаршалы.

Потери немецких войск в войне были сравнительно невелики — менее 30 тыс. убитыми и около 90 тыс. ранеными. Потери французов — и военных, и

<sup>174</sup> Herre F. Op. cit. S. 328.

<sup>175</sup> Moltke H.K.v. Gespräche. S. 172.

мирного населения — оказались гораздо большими. Однако главным итогом войны стало то, что поражение Франции и образование Германской империи изменило расстановку сил в Европе. С Венской системой было покончено: в центре Европы вместо веками царившего там вакуума в одночасье образовалось мощное государство, способное претендовать на гегемонию в масштабах континента. Короткая франко-пруссская война повлияла на судьбы мира в гораздо большей степени, нежели многолетние кампании Людовика XIV и Наполеона. Ее воздействие на историю международных отношений мы ощущаем и по сегодняшний день. А человеком, оказавшим наибольшее влияние на исход этой битвы, был Гельмут фон Мольтке.

Завершилась последняя его кампания.

## Глава 11. ПОЛУБОГ

*Армия Германской империи — военный закон  
1874 г. — Деятельность Большого генерального штаба  
в 1870-х гг. — Мольтке и военное искусство —  
Военная тревога 1875 г. — Союз с Австрией  
1879 г. — Частная жизнь Мольтке*

Период после 1871 г. часто рассматривается биографами Мольтке как своеобразный эпилог его жизненного пути. Так, по словам Ф. Херре, «он больше не сыграл всемирно-исторической роли — но должен был еще долго стоять перед занавесом, принимать аплодисменты немцев и радоваться своему успеху»<sup>1</sup>. То есть фактически служить живым памятником самому себе. Такой взгляд вполне понятен — деятельность Мольтке в новой империи находится как бы в тени его громких побед на полях сражений трех войн за германское единство. Но этот вовсе не означает, что его участие в дальнейшей судьбе Германии было чисто номинальным. Если посмотреть на события 1870–1880-х гг. не с точки зрения жизненного пути отдельного человека, а в более широком историческом контексте, то эпоха, которая может показаться эпилогом объединения Германии, на самом деле предстает перед нами в качестве пролога куда более масштабных событий — Первой мировой войны. В рамках такой трактовки 17 лет, проведенные Мольтке на посту руководителя генерального штаба одной из самых могущественных европейских держав, не могут не образовывать самостоятельную важную главу в биографии, причем настолько обширную, что детально рассмотреть и проанализировать основную составляющую деятельности фельдмаршала — германское

<sup>1</sup> Herre F. Moltke. S. 329.

военное планирование в 1870–1880-е гг. в рамках данной работы не представляется возможным.

Для того чтобы объективно оценить деятельность фельдмаршала после 1871 г., придется в значительной степени абстрагироваться от предшествующих событий. ореол непобедимого полководца оказывал влияние и на современников, и на потомков. Даже многие профессиональные историки склонны априори считать любое решение Мольтке, любой составленный им в 1870–1880-е гг. план операции непогрешимым и гениальным (Т. Забер называет это «эффектом гало»<sup>2</sup>). Это не вполне соответствует истине. Разумеется, полностью игнорировать прошлые заслуги шефа прусского генерального штаба не получится – хотя бы потому, что его влияние далеко не ограничивалось формальными должностными обязанностями. Это видно даже по той роли, которую генеральный штаб играл в новой германской армии, а сама армия – в стране.

«В первую очередь – военное государство со множеством черт бряцающего оружием милитаризма»<sup>3</sup>, – характеризуют юную Германскую империю современные немецкие исследователи Г. Риттер и К. Тенфельде. Армия занимала одно из первых мест среди институтов молодой империи. Конституция 1871 г. вводила в действие на всей территории Германской империи прусское военное законодательство. Именно этого со всей своей энергией добивался Мольтке. Вооруженные силы являлись гарантом преобладания консервативного начала в Пруссии и преобладания Пруссии в Германии.

Далеко не все военные институты нашли свое отражение в конституции. Система управления имперской армией была достаточно запутанной. Основной целью было обеспечение вооруженным силам независимости от парламентского контроля. Верховным командующим был император, рассматривавший себя (и воспринимавшийся многими) как «гарант единства и боеспособности войска»<sup>4</sup>. Поскольку общеперская армия складывалась из нескольких континентов, не было создано отдельной должности имперского военного министра, его обязанности *de jure* исполнял рейхсканцлер (хотя у него не было реального контроля над вооруженными силами), *de facto* прусский военный министр. Последний отвечал, среди прочего, за сотрудничество четырех существовавших в стране военных министерств, единое обучение, оснащение, структуру, вооружение и боеготовность всей германской армии.

<sup>2</sup> *Zuber T. Inventing the Schlieffen Plan. German War Planning 1871–1914. S. 53.*

<sup>3</sup> *Ritter G.A., Tenfelde K. Arbeiter im Deutschen Kaiserreich. Bonn, 1992. S. 730.*

<sup>4</sup> *Hartmann E.v. Die politischen Aufgaben und Zustände des Deutschen Reiches. Berlin, 1881. S. 35.*

Рейхсканцлер имел весьма ограниченное влияние на военные вопросы. Оно ограничивалось лишь теми областями, где действовало право контрасигнатуры по отношению к распоряжениям императора. Это были вопросы «военного управления» (*Militärverwaltung*): военного бюджета, численности армии, ее рекрутирования, оснащения и обеспечения. За границами данной сферы оставалась область «военного командования» (*Militärkommando*): военное планирование, кадровые вопросы, организация, обучение, мобилизация и использование вооруженных сил.

Всего же в германской армии, помимо верховного главнокомандующего — императора — существовало три реальных центра власти: фактически игравшее роль имперского прусское военное министерство во главе с Альбрехтом фон Рооном, которого 9 ноября 1873 г. сменил генерал-лейтенант фон Камеке, формально подчиненный ему прусский (но игравший, опять же, роль имперского) генеральный штаб во главе с Мольтке и военный кабинет императора во главе с генералом Трешковым, которого в 1872 г. сменил генерал Е.Л. фон Альбедиллем. Сфера компетенции каждого из этих учреждений не была строго определена, что приводило к соперничеству между ними. Концентрация властных полномочий в военном кабинете и генеральном штабе позволяла полностью вывести все большее число сторон армейской жизни из-под какого бы то ни было влияния гражданских властей; поэтому многие представители военной верхушки выступали за выхолащивание функций военного министерства. Это являлось одной из важнейших причин усложнения системы военных учреждений — оставить прусскому военному министру, подверженному парламентской критике, лишь второстепенные вопросы — значило вывести все самое важное из-под влияния народного представительства. В руках министерства, однако, находились все армейские финансы.

Согласно конституции, численность армии в начале 1870-х гг. должна была равняться примерно 400 тыс. нижних чинов (на практике благодаря системе отпусков она была меньше примерно на 40–50 тыс.). Крупнейшим подразделением были армейские корпуса. Их число равнялось 18. Армейский корпус состоял, как правило, из двух дивизий по две пехотных и одной кавалерийской бригаде в каждой. Пехотная бригада состояла из двух полков по три батальона в каждом, кавалерийская — из двух полков по четыре-пять эскадронов в каждом. В мирное время численность корпуса составляла примерно 22 тыс. военнослужащих (гвардии — около 30 тыс.). В германской армии насчитывалось 148 пехотных полков, в которых по штату числилось 9 128 офицеров и 279 969 нижних чинов, а также 93 кавалерийских полка с 2 357 офицеров, 65 498 нижних чинов и 69 268 лошадей<sup>3</sup>.

<sup>3</sup> Германия. Отд. 2. Вооруженные силы. СПб., 1875. С. 111.

В полевой артиллерии была 301 батарея (свыше 1 200 орудий), 1 627 офицеров и 30 702 нижних чина, в крепостной — 119 рот, 681 офицер и 15 002 нижних чина<sup>6</sup>.

Офицерский корпус германской армии не случайно считался одним из важнейших оплотов монархии в стране. В описываемый период он представлял собой, пожалуй, самый консервативный институт во всей империи. Несмотря на то, что две трети офицеров в 1871 г. были буржуазного происхождения, армию насковозь пронизывал дворянский дух, свойственный практически всем представителям офицерского корпуса вне зависимости от их происхождения. Почти все высшее офицерство составляли дворяне — в 1870-е гг. около 80% генералов были «голубых кровей». Общественный статус офицера в Германии был гораздо выше, чем у формально равного ему по рангу гражданского чиновника — «офицерский мундир есть сам по себе уже признак достоинства человека»<sup>7</sup>. Леволлиберальная «Vossische Zeitung» писала об этом так: «Пруссия всегда считалась военным государством, и не только из-за своей всеобщей воинской повинности и своего ландвера, а потому, что равновесие между положением военного и гражданского чиновников уже давно нарушено таким образом, что первому оказывается большое предпочтение не только в области внешнего блеска и уважения, но и в области вознаграждения за службу. Теперь Пруссия сообщила этот характер новой Германской империи»<sup>8</sup>.

Германская военная система благодаря ряду своих особенностей была способна обеспечить высокое качество войск. Обучение отличалось систематичностью и методичностью; его проведение существенно облегчалось обстоятельством, что почти все рекруты имели начальный уровень образования. Командиры располагали широкими правами, их инициативе давался значительный простор: «в возможно большем развитии личной инициативы каждого прусские офицеры, как младшие, так и самые старшие видят непеременимое и единственное условие не только обучения, но и всего военного дела»<sup>9</sup>. Главным военным авторитетом, стремившимся к тому, чтобы офицер умел действовать в бою инициативно, самостоятельно и умело, был Мольтке. В то же время шеф генерального штаба по-прежнему уделял большое внимание вопросам дисциплины. «Дисциплина, — заявил он в рейхстаге в 1872 г., — это душа армии. Именно дисциплина делают армию такой, какой она должна быть»<sup>10</sup>. «Он был лучшим, потому что он был самым

<sup>6</sup> Германия. Отд. 2. Вооруженные силы. С. 111.

<sup>7</sup> Каульбарс Н. Заметки о германской армии. СПб., 1878. С. 393.

<sup>8</sup> Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. Berlin, 1990. S. 164.

<sup>9</sup> Мольтке Г.К.В. Военные поучения. СПб., 1913. С. 35.

<sup>10</sup> Moltke H.K.V. Leben und Werk... S. 437.

послушным», — отзывался фельдмаршал об одном из германских военачальников, принимавших участие в кампании 1870–1871 гг.<sup>11</sup>

Солдат учили в первую очередь тому, что необходимо на войне, стремясь максимально подготовить их к реальным боевым действиям. Исключительно важное место занимала идеологическая обработка нижних чинов в направлении, нужном правительству: как писал М. Бэринг-Гулд, «для немецкой военной службы характерна не только физическая муштра, но и муштра духовная»<sup>12</sup>. Армия должна была стать «неполитической», не зависящей от любых внутренних столкновений и не проявляющей колебаний в своей верности императору.



Впрочем, особое положение армии еще предстояло отстаивать в сражениях с парламентом. «Временное положение», закреплявшее численность армии и размер военных расходов, истекало в конце 1871 г. Следовало сделать его «постоянным», лишив рейхстаг даже тени влияния на вооруженные силы. Здесь интересы военных и Бисмарка во многом совпадали: все они стремились ослабить парламент, вопрос о реальной роли которого в политической жизни Германии решался именно в 1870-е гг.

Первый немецкий рейхстаг открыл свои заседания 21 марта 1871 г. Мольтке был в числе депутатов, однако на торжественной церемонии стоял не в рядах парламентариев, а рядом с императорским тронем, ясно показывая, чьи интересы он станет защищать в палате. Шеф генерального штаба по-прежнему оставался одним из самых прилежных членов парламента. Он всегда внимательно слушал все выступления, но редко брал слово; голос его был исключительно невыразителен, говорил он, как правило, «коротко, просто, без всякого блеска; его фразы — настоящие афоризмы»<sup>13</sup>.

Мольтке считал, что рейхстаг на волне национального подъема, связанного с победой над Францией, пойдет на любые уступки в области военного законодательства. Время показало, что он ошибался<sup>14</sup>. Уже в осеннюю сессию 1871 г. либералы потребовали представления специального военного закона. Военное министерство долго ссылалось на свою неготовность и в конце концов провело — так продолжение «временного положения» на три года. Это решение может показаться очередной отсрочкой, перемирием; однако на деле оно создавало весьма опасный прецедент, вновь исключая военные расходы из рамок ежегодно утверждаемого палатой бюджета.

<sup>11</sup> *Moltke H.K.v. Gespräche*. S. 173.

<sup>12</sup> *Baring-Gould M. Germany*. L., 1890. P. 421.

<sup>13</sup> *Tacco B. Путешествие в страну миллиардов*. СПб., 1876. С. 241.

<sup>14</sup> *Herre F. Op. cit.* S. 368.



В 1873 г. военный закон наконец-то был подготовлен. Первый же его параграф звучал как объявление войны рейхстагу, устанавливая численность армии и, соответственно, объем финансирования на неопределенное («вечное») время. Мольтке не нравилось такое положение; он с гораздо большим удовольствием установил бы не определенное число солдат, а процент от численности населения (как это было предусмотрено в конституции), так, чтобы армия росла вместе с числом жителей страны<sup>15</sup>. Кажется, ситуация вернулась на отметку начала 1860-х гг. Либералы, победившие на выборах 1874 г., оказались перед непростым выбором: либо пойти на конфликт с правительством, либо отказаться от своих принципов.

16 февраля 1874 г. состоялось первое чтение военного законопроекта. С программной речью выступил сам Мольтке. В его лице правительство выдвинуло «тяжелую артиллерию», «в надежде, что победитель при Кенигтрее и Седане внушит депутатам слишком сильное уважение для того, чтобы они воспротивились его желанию»<sup>16</sup>. Полководец отнесся к своей миссии вполне ответственно — как писала официальная биография фельдмаршала, «человек, которого называли великим молчаливником, стал одним из убедительнейших ораторов»<sup>17</sup>. «Первейшей потребностью государства является обеспечение собственного существования. Во внутренних делах право и свободу каждого защищает закон, во внешних — мощь», — начал Мольтке свою речь. Фельдмаршал решительно возразил против самой идеи экономить деньги на армии: «Сэкономленное на военном бюджете за многие годы может быть потеряно за один единственный военный год». Мольтке долго говорил о роли армии как воспитателя народа: «Не школьный учитель, а воспитатель, государство, выиграло наши битвы». Страну необходимо защищать от внешней угрозы: «То, что мы завоевали оружием в течение полугода, мы должны защищать полвека оружием же, чтобы оно не было у нас вновь отнято. <...> Своими счастливыми войнами мы завоевали везде уважение, но нигде любовь». Глава генерального штаба красочно описал опасности, исходящие от соседей Германии; наибольшее внимание при этом он, естественно, уделил Франции, армия которой, по его данным, составляла свыше 470 тыс. чел. «Мы, — заявлял Мольтке, — не последовали за нашей соседкой на пути увеличения армии. Мы надеемся обойтись тем, что содержится в этом проекте. Но нам нельзя ослаблять нашу армию ни сокращением срока службы, ни уменьшением численности мирного состава». В заключение Мольтке подчеркнул неизменное миролюбие Германии: «Я надеюсь, что в течение ряда лет мы будем не только сохранять мир, но и

<sup>15</sup> Kessel E. Moltke. S. 633.

<sup>16</sup> Craig G. Deutsche Geschichte 1866–1945. München, 1999. S. 69.

<sup>17</sup> Müller-Bohn H. Graf Moltke. S. 495.

обеспечивать его. Может быть, тогда мир убедится, что могучая Германия в середине Европы является гарантией европейского мира. Но чтобы обеспечивать мир, нужно быть готовым к войне, и я думаю, что мы стоим перед выбором, сказать ли, что в политических условиях современной Европы мы не нуждаемся в сильной и боеспособной армии, или же согласиться на то, что для нее нужно»<sup>18</sup>. Эта речь стала одним из самых замечательных шедевров маскировки милитаристских устремлений под маской государственных потребностей и всеобщего блага.

Авторитет Мольтке не помог; законопроект был передан в комиссию, где дело зашло в тупик. Лишь в начале апреля на сцену выступил Бисмарк, который провел в жизнь компромисс — срок действия 1-го параграфа устанавливался в семь лет. В середине апреля эта редакция была принята палатой. Мольтке вновь произнес речь, которая, однако, не содержала ничего нового — вновь слова о французской угрозе и о сильной Германии как предпосылке европейского мира. 2 мая 1874 г. военный закон, лишивший парламент даже тени влияния на армию, вступил в силу. Ряд историков считает этот момент переломным в истории германского парламентаризма — народное представительство было окончательно и бесповоротно оттеснено на вторые роли в системе государственных институтов.

Парламентская деятельность Мольтке продолжалась. В 1872 г. король назначил его членом палаты господ — верхней палаты прусского парламента, отдаленного аналога британской палаты лордов. Определенное время в начале 1870-х гг. его прочили на пост министра-президента Пруссии, однако фельдмаршал отнесся к этой идее более чем сдержанно, и ее успешно забыли.

В рейхстаге шеф генерального штаба продолжал поддерживать все мероприятия правительства, считая, что цель народного представительства — помогать исполнительной власти, а не вступать с ней в бесплодные конфликты. «Культуркампф» — шумную кампанию против влияния Католической церкви — он, в отличие от многих своих товарищей по партии, воспринял с одобрением. Он считал необходимым отделение церкви от государства и к тому же прекрасно видел, что мероприятия правительства не наносят церкви серьезного ущерба, ограничиваясь в основном внешним эффектом. Впрочем, большинство внутривнутриполитических вопросов не вызывало у него живого интереса.

Главным злом своей эпохи Мольтке считал социалистов, называя их «величайшей опасностью для всех стран»<sup>19</sup>. Еще со времен Парижской коммуны шеф генерального штаба испытывал страх перед возможной революцией,

<sup>18</sup> *Nationalzeitung*, N 79. 17.02.1874.

<sup>19</sup> *Kessel E.* *Op. cit.* S. 661.

которая, как он полагал, принесет с собой хаос и неисчислимые бедствия. Несмотря на то что представительство социалистов в парламенте было весьма незначительным, о «красной угрозе» кричали на всех перекрестках буржуазной Германии. Во второй половине 1870-х гг. эта тема стала особенно актуальной — по ряду причин Бисмарк вынужден был отказаться от борьбы с политическим католицизмом, и теперь главными претендентами на роль внутреннего врага стали социал-демократы. В 1878 г. одно за другим происходят два весьма странных покушения на престарелого императора, ответственность за которые была поспешно приписана «красным» — так же, как полвека спустя поджог рейхстага. В парламент был внесен законопроект, запрещающий любые социалистические организации. Мольтке с трибуны парламента горячо поддержал это предложение правительства. Он говорил об опасности социалистических устремлений, о том, что невозможно устранить нужду, нищету и лишения, которые являются «необходимыми условиями человеческого существования», частью божественного миропорядка. Революция, совершенная даже во имя благородных целей, неизбежно приведет к хаосу и господству темных сил, как это было в Париже в 1871 г. «Дайте правительству власть, которой оно требует, чтобы защитить общие интересы!» — призывал фельдмаршал<sup>26</sup>.

Законопроект не был одобрен. В ответ Бисмарк распустил рейхстаг и назначил новые выборы, проходившие в обстановке искусственно созданной истерии. Мольтке, который хотел было отказаться от мандата, вновь решил, что его избрание преградит дорогу какому-нибудь либералу или демократу, и успешно выставил свою кандидатуру. Вновь избранный рейхстаг одобрил все предложения правительства.

\*\*\*

Еще в ноябре 1870 г. Мольтке в очередной раз заговорил о своем уходе с поста шефа генерального штаба. С тех пор как скончалась его супруга, военная служба вышла для Мольтке на первый план, и расстаться с ней было равносильно тому, чтобы фактически подписать себе смертный приговор. Пока фельдмаршал был в строю, время словно останавливалось и не касалось его; уйти — значило отдать себя на растерзание неумолимой старости. Однако он был в любой момент готов к отставке и старался максимально упорядочить дела, чтобы их можно было передать преемнику.

Большой генеральный штаб был в очередной раз реорганизован. В нем насчитывалось четыре отделения. Три из них были военно-статистическими. Первое занималось Скандинавией, Австро-Венгрией и Россией; второе — Германией (которая тоже могла стать театром военных действий),

<sup>26</sup> *Moltke H.K.V.z. Aufzeichnungen.*, S. 286–287.

Данией, Италией и Швейцарией; третье — Западной Европой и Америкой. Четвертое — железнодорожное — заведовало составлением планов перевозок на случай мобилизации. Именно его Мольтке считал наиболее важным, поскольку именно здесь разрабатывались планы мобилизации и развертывания армии. Кадровому составу железнодорожного отделения шеф генерального штаба уделял особое внимание. Его бессменным главой был полковник Кесслер — неутомимый работник, не упускавший ни одной мелочи.

Руководили отделениями офицеры в звании полковника или подполковника. Дополнительный штат образовывали сотрудники военно-исторического, статистико-географического отделений и военно-топографического отдела, включавшего в себя топографическое, картографическое и тригонометрическое отделения, а также склад топографических карт. Кроме того, в рамках генерального штаба действовало бюро известий, собиравшее новейшие разведывательные данные об иностранных армиях, а также управление старшего адъютанта, в ведении которого находились кадровые вопросы и переписка шефа генерального штаба. Всего в Большом генеральном штабе насчитывалось 74 офицера основного и 45 — дополнительного штата, 18 чиновников и 12 нижних чинов, не считая сотрудников военно-топографического отдела<sup>21</sup>. Кроме того, службу здесь проходили и прикомандированные офицеры из частей. По сравнению с 1857 г. численность штаба выросла в четыре раза<sup>22</sup>. В штабе каждого корпуса состояли три офицера (начальник — в звании полковника или генерала), в штабе дивизии — один. Таким образом, войсковой генеральный штаб насчитывал более 70 офицеров, а общая численность генштабистов приближалась к 200 сотрудникам. Расходы на этот институт в 1875 г. составили 1,22 млн марок<sup>23</sup> (общие расходы на вооруженные силы — около 300 млн). После победы над Францией был создан специальный батальон железнодорожных войск, напрямую подчиненный генеральному штабу и в 1876 г. увеличенный до размеров полка.

Основной задачей прусского генерального штаба оставалось военное планирование. Фактически он выполнял функцию общеперского — баварский, саксонский и вюртембергский штабы существовали, но не играли самостоятельной роли. Большой генеральный штаб пользовался огромным авторитетом не только в Германии, но и во всей Европе; практически все государства строили свои генеральные штабы по образцу прусского, в Берлин на стажировку приезжали офицеры из разных стран. Находясь

<sup>21</sup> Записка об устройстве военного управления в Германии и Австрии. Б.м., 1881. С. 4–5.

<sup>22</sup> Burchardt L. Helmut von Moltke... S. 33.

<sup>23</sup> Германия. Отд. 2. Вооруженные силы. С. 86.

в формальном подчинении военному министерству, генштаб всячески стремился утвердить свою независимость<sup>24</sup>. Большую роль в его усилении играли тесные личные связи Мольтке с королем.

Важной функцией генерального штаба было составление мобилизационных планов, которые перерабатывались ежегодно. С 1874 г. все они централизованно составлялись в Берлине. Генеральный штаб, как и ранее, являлся главным поборником прогресса, ратуя за введение новых тактических приемов, новых образцов вооружения, одним словом, за следование веяниям времени. Однако его возможности непосредственно определять обучение, тактику, вооружение и организацию армии оставались незначительными<sup>25</sup>.

Сотрудники генерального штаба образовывали в армии «элиту внутри элиты». Как вспоминал будущий фельдмаршал и рейхспрезидент П. фон Гинденбург, к ним предъявлялись особые требования: высокие способности и интеллект должен был сочетаться в них с личной скромностью и отстраненностью от «мирских» проблем — в соответствии с формулой Мольтке «быть большим, чем кажешься»<sup>26</sup>. Фельдмаршал прививал своим подчиненным склонность к тщательной и продуманной работе, учил обращать внимание на каждую мелочь. Небрежности и неряшливости он не терпел. Мольтке приветствовал самостоятельность и инициативу, но не уважал фрондеров, даже если они в остальном были талантливыми людьми. Больше всего он доверял старым, испытанным сотрудникам, с которыми прошел кампании 1866 и 1870 гг.; наиболее авторитетными из них в то время были такие замечательные умы, как Верди дю Вернуа, братья Бронзарт фон Шеллендорф, Бранденштайн и Вартенслебен. Однако и талантливая молодежь могла найти свое место в недрах «мозга армии». Шеф весьма приветливо относился к своим новым сотрудникам, не воздвигал внутри коллектива излишних преград, старался сделать так, чтобы все сотрудники генерального штаба были большой семьей единомышленников. Мешала ему в этом разве что отвратительная память на имена, которая стала предметом многих шуток. Это порождало слухи о превращении коллектива в некую таинственную клику; и действительно, корпоративный дух у штабных офицеров был развит весьма высоко.

С 1872 г. в подчинение генеральному штабу была передана Военная академия — так теперь называлась Всеобщая военная школа; тем самым Мольтке получил в свои руки контроль над подготовкой элиты офицерского корпуса. Он стремился уделять «гражданским» предметам не меньше внимания, нежели сугубо военным дисциплинам. Однако это удавалось далеко

<sup>24</sup> *Herbell H. Staatsbürger in Uniform 1789–1961. Berlin, 1969. S. 173.*

<sup>25</sup> Прусско-германский генеральный штаб. С. 65.

<sup>26</sup> *Hindenburg P.v. Aus meinem Leben. Leipzig, 1920. S. 57.*

не всегда — требования времени заставляли фельдмаршала отступать от собственных, в чем-то идеалистических, взглядов. Началось «победное шествие чисто профессиональных дисциплин»<sup>27</sup>. Все преподаватели Военной академии по военно-научным дисциплинам были офицерами генерального штаба; учебное заведение стало «кузницей кадров», в первую очередь для ведомства Мольтке.

Как и прежде, сотрудники генерального штаба ежегодно отправлялись на учения, которые проводил лично их шеф. Учебные поездки, в которых принимало участие от 20 до 40 офицеров, проходили в приграничных областях Германии и продолжались всякий раз около двух недель. Здесь на местности проверялась правильность военного планирования и способность генштабистов адекватно реагировать на постоянно меняющуюся ситуацию. Мольтке требовал, чтобы участники этих командно-штабных игр, разделенные на две группы, письменно прорабатывали концентрацию войск с обеих сторон еще до поездки. Затем, уже в ходе игры, им предстояло принимать самостоятельные решения в обстановке, максимально приближенной к реальной боевой деятельности.

Генеральный штаб обеспечил себе практически монопольное положение в области военной истории. Первой его задачей стала подготовка труда по истории франко-германской войны; в 1872 г. Мольтке писал Вартенслебену, что этот труд «важен для репутации генерального штаба и будет достойно оценен армией»<sup>28</sup>. Пятитомник появился в начале 1870-х гг. и был быстро переведен на основные европейские языки. Новый труд разительно отличался от предыдущего, посвященного кампании 1866 г. В нем критические нотки были приглушены еще сильнее; Мольтке все больше внимания уделял тому, чтобы «не разрушать мифы, привязывающие успехи нашей армии к определенным личностям»<sup>29</sup>. Вся критика должна была оставаться в стенах генштаба. Тем самым фельдмаршал внес значительный вклад в канонизацию опыта этой кампании, в первую очередь начальной ее фазы, до сражения при Седане. Осмыслить опыт второго периода этой войны и сделать надлежащие выводы Мольтке так полностью и не удалось, хотя попросту отбросить его, как это с удовольствием делали многие военные мыслители тех лет, он не мог. Тем не менее, как сказано в официальной германской военной истории, в общем и целом «немецкое военное руководство не сделало никаких выводов на будущее, которые бы ставили под сомнение его концепцию короткой войны»<sup>30</sup>.

<sup>27</sup> Deutsche Militärgeschichte... Bd. 2. Teil 1. S. 323.

<sup>28</sup> Прусско-германский генеральный штаб. С. 64.

<sup>29</sup> Herre F. Op. cit. S. 346.

<sup>30</sup> Deutsche Militärgeschichte... Bd. 2. Teil 1. S. 44.

Работа на должности шефа генерального штаба требовала от Мольтке все больших физических нагрузок. Помимо ежегодных учебных поездок, он должен был присутствовать на осенних больших маневрах и, кроме того, выполнять всевозможные представительские функции. Однако до поры до времени ему удавалось справляться. В генеральном штабе он старался концентрировать в своих руках лишь важнейшие дела, оставляя все мелочи на усмотрение своего адъютанта де Клера. Значительная свобода была предоставлена и начальникам отделений.

\*\*\*

Мольтке не рассматривал заключенный в 1871 г. мир как окончательный. Он не сомневался, что будет новая война, и считал весьма вероятным, что разразится она довольно скоро. Подобно тому, как Фридриху Великому, завоевавшему Силезию, пришлось вести Семилетнюю войну, чтобы закрепить свое приобретение, Германии придется вести еще одну «войну за объединение», которая позволит ей укрепить свое положение в Европе. К ней было необходимо тщательно подготовиться. Фельдмаршал предвидел вероятность союза западного и восточного соседей Германии и стремился принять необходимые приготовления на случай именно такого развития событий. В памятной записке от 27 апреля 1871 г., так и озаглавленной — «Война с Россией и Францией», шеф генерального штаба указывал, что «возможность подобной комбинации невозможно отрицать», поскольку, несмотря на дружеские отношения между династиями, между народами империй Романовых и Гогенцоллернов, «несомненно, существует обоюдная неприязнь»<sup>31</sup>. Со временем эта неприязнь проникнет и в международные отношения, благодаря дружбе Германии с Австрией, с которой у России множество противоречий. Обладая армией, слабо приспособленной для наступательных войн, Россия вынуждена будет пойти на союз с Францией. При этом достаточно трудно рассчитывать на то, что быстрым наступлением удастся разгромить Францию и потом развернуть все силы против восточного противника<sup>32</sup>.

Враждебность Мольтке к России, казалось, носила иррациональный характер. Империя Романовых продолжала в его глазах оставаться потенциальным противником Германии. Ничуть не исправил положение даже торжественный прием, оказанный императору Вильгельму, в свите которого был и Мольтке, в Петербурге в декабре 1871 г. Здесь всюду восхваляли недавние немецкие победы, фельдмаршалу пожаловали орден св. Андрея. «Делается все для того, чтобы принять нас наилучшим образом», — писал

<sup>31</sup> *Moltke H.K.v. AW. Bd. 3. S. 74–75.*

<sup>32</sup> *Ibid. S. 76–79.*

Мольтке своему брату Фрицу<sup>33</sup>. Однако шеф генерального штаба не доверял русским, в первую очередь военному министру Милютину. В этом он был далеко не одинок — особых симпатий к России у большинства немцев не было, на восточного соседа смотрели как на непредсказуемую варварскую страну. Кроме того, Мольтке видел первые шаги на пути сближения Германии с Австрией и не строил особых иллюзий насчет того, что этот давно ожидавшийся им процесс придется по душе России. Союз с монархией Габсбургов он рассматривал в качестве единственного пути, по которому могут развиваться отношения между двумя немецкими державами. Точка зрения Мольтке о неизбежности вооруженного столкновения с Россией вскоре стала аксиомой для сотрудников генерального штаба.

Идея войны на два фронта, причем войны превентивной, стала в дальнейшем основой германского военного планирования. «Решающее значение имело соображение, где можно добиться наиболее быстрой и полной победы — на западе или на востоке»<sup>34</sup>. На западе Франция — достаточно сильный противник, однако ее территория не столь велика, и быстрым наступлением можно было рассчитывать нанести удар в самое сердце страны. Россия, с другой стороны, не сможет достаточно быстро перейти в наступление, и поэтому вполне реально сначала сконцентрировать все силы против Франции ради достижения быстрой победы. Эта идея легла впоследствии в основу плана Шлиффена. Впрочем, в отличие от своих преемников, Мольтке подходил к вопросу направления первого удара очень гибко, считая возможным менять его в зависимости от политической обстановки. «Планы Мольтке несли в себе не только тщательный анализ технических аспектов военных возможностей Германии, но и принимали во внимание связанные с войной политические факторы», — писал Г. Крейг<sup>35</sup>. Один из вариантов плана Мольтке предусматривал одновременное наступление примерно равными силами и на западе, и на востоке; ставка при этом делалась на быстроту мобилизации и развертывания, а также на стремительность первых ударов. Правда, эта концепция была связана с тем, что фельдмаршал в начале 1870-х гг. еще не верил во введение во Франции всеобщей воинской повинности<sup>36</sup>.

Осуждать Мольтке за его идеи превентивной войны было бы не совсем правильно. В конечном счете, он думал в первую очередь о благе собственной страны. Мировоззрение человека XIX столетия, даже гуманиста, существенно отличалось от нашего. Как писал С. Хаффнер, «война была тогда

<sup>33</sup> *Moltke H.K.v. Aufzeichnungen...* S. 277.

<sup>34</sup> *Дашинев В.И.* Проблема борьбы на два фронта в истории германского милитаризма // Германский империализм и милитаризм. М., 1965. С. 160.

<sup>35</sup> *Craig G.* Die preussisch-deutsche Armee. S. 304.

<sup>36</sup> *Kessel E.* Op. cit. S. 622.



легитимным средством политики: каждая великая держава в любой момент просчитывала вероятность войны, каждый генеральный штаб все время находился в состоянии теоретической войны, а если возникала благоприятная возможность напасть, ее использование отнюдь не считалось чем-то аморальным или предательским»<sup>37</sup>. Превентивная война была для Мольтке не самоцелью, а средством сохранения военного доминирования Германии над своими соседями, которое, в свою очередь, представлялось ему абсолютно необходимым для существования немецкого национального государства. Как уже миновавшая война с Францией, так и предполагаемая кампания против России считалась важной предпосылкой укрепления германского единства. При этом напасть первым и, возможно, отторгнуть часть территории соседа — то, что с сегодняшних позиций однозначно трактуется как неприкрытая агрессия, — было для Мольтке мерой сугубо оборонительной, необходимым залогом безопасности молодой империи.

Аналогичное мнение в те годы постепенно начало распространяться и среди немецкой образованной общественности. Необходимо отметить, что ряд исследователей по сегодняшний день противопоставляют «милитаризм» прусских военных «миролюбию» политиков: по их словам, Бисмарк исключал возможность превентивной войны. На самом деле это не соответствует действительности. «Железный канцлер» не меньше военных прилагал усилия к сохранению мощнейшей, независимой от парламента, послушной только императору и своим полководцам армии. Противоречия между Бисмарком и генералами, конечно, существовали, но касались в основном вопроса о реальном весе каждой из сторон в государственной системе Второй империи, а не базовых концепций германской внешней политики. Как сказано в официальной германской военной истории, «противоречия между военным и политическим руководством в вопросах внешней политики ограничивались <...> проблемами сроков, различной оценкой моральных, политических и психологических последствий превентивной войны и расхождением в оценке силы потенциального противника — при полном согласии в основных вопросах»<sup>38</sup>.

Большое внимание Мольтке привлекали и вопросы обороны страны. В частности, уже в 1871 г. он вплотную занялся западной линией крепостей: при непосредственном участии Мольтке была создана современная крепость Страсбург — основной опорный пункт германской обороны против Франции.



<sup>37</sup> *Haffner S. Von Bismarck zu Hitler.* München, 1987. S. 113.

<sup>38</sup> *Deutsche Militärgeschichte... Bd. 2. Teil 1.* S. 222.

В послевоенный период из-под пера Мольтке выходят военно-исторические и военно-теоретические сочинения, правда в весьма небольшом объеме. Большинство из них развивали и дополняли мысли, уже высказанные в «Инструкции» 1869 г. После смерти фельдмаршала его ученики в генеральном штабе составили из отдельных письменных работ Мольтке книгу «Военные поучения», где попытались привести в систему оставленное им наследие. Фельдмаршал признавал важность теории; в 1878 г. в статье «Тактические задачи» он писал: «Хотя одно теоретическое знание никогда не приведет нас к победе, но мы не можем оставлять его совсем без внимания»<sup>39</sup>. Однако разработать завершённую теорию военного искусства, подобно тому, как это сделал Клаузевиц, Мольтке не стремился.

В 1871 г. фельдмаршал опубликовал сочинение «О стратегии». В нем он пытался показать неразрывную связь стратегического, тактического и оперативного уровней войны. Поскольку стратегия является не более чем системой подпорок, полководец должен гибко реагировать на меняющуюся обстановку: «Перед тактической победой отступает любое требование стратегии, последняя должна приспосабливаться к новому положению вещей»<sup>40</sup>. В то же время вести сражение без стратегической цели нельзя. Таких кажущихся противоречий в трудах фельдмаршала достаточно много; вспомним хотя бы его требование предоставлять подчиненным широкую инициативу при одновременном сохранении строжайшей дисциплины. На самом деле, фельдмаршал не стремился дать точных рецептов победы; он показывал, насколько сложно и многогранно военное искусство, в котором практически нет раз и навсегда установленных законов, и задача полководца — найти необходимый именно в данный момент компромисс между стратегической и тактической задачами, между инициативой и дисциплиной. «Речь идет о том, чтобы в различных обстоятельствах распознать ситуацию, скрытую туманом неизвестности, правильно оценить данные, угадать неизвестное, быстро принять решение и без колебаний претворить его в жизнь», — писал он<sup>41</sup>.

Фельдмаршал чутко реагировал на изменения в военном деле. «Теперь не обойтись без помощи науки и техники во всех их видах», — справедливо утверждал Мольтке<sup>42</sup>. В 1874 г. он писал, что возросшая мощь огнестрельного оружия создала громадный перевес для обороны — тезис вполне очевидный, однако понятый военными кругами лишь после начала сражений

<sup>39</sup> Мольтке Г.К.Б. Военные поучения. Оперативная подготовка к сражению. С. 11.

<sup>40</sup> Meier-Dornberg W. Moltke und die taktisch-operative Ausbildung im preussisch-deutschen Heer // Generalfeldmarschall von Moltke... S. 39.

<sup>41</sup> Kessel E. Op. cit. S. 512.

<sup>42</sup> Мольтке Г.К.Б. Военные поучения. Оперативная подготовка к сражению. С. 188.

Первой мировой войны. «Тактическая оборона, — писал Мольтке, — это более сильная форма, но стратегическое наступление — более эффективная, единственная, которая ведет к цели»<sup>43</sup>. Именно в сочетании обороны и нападения видел Мольтке ключ к победе в современной войне. Сначала истощить силы противника в обороне, после чего нанести быстрый и мощный контрудар — именно так представлял себе шеф генерального штаба грядущую кампанию на западном фронте. «Оборонительное сражение с финальным наступлением станет сильнейшей формой»<sup>44</sup>. Мольтке выступал за менее плотные боевые порядки, за отказ от давно устаревших ротных колонн — в конечном счете большая часть его предложений была претворена в жизнь в 1876 и 1888 гг. Он также предсказывал окончательный закат кавалерии, который произойдет в ближайшем будущем.

Поскольку плотность огня увеличивалась, фронтальным ударом выиграть сражение становилось все труднее. Выход из этой ситуации Мольтке видел во фланговых ударах, в концентрическом наступлении. При этом, пока часть армии обходит противника, основные силы должны сковывать его боем, чтобы не дать помешать окружению. Когда выделенные для обхода части нанесут удар, в атаку должна перейти вся армия, даже несмотря на высокие потери, потому что только так можно нанести врагу решительное поражение. Чтобы в свою очередь противостоять охвату своего фронта противником, необходимо строить глубокие боевые порядки, держать наготове сильные тактические резервы, которыми можно нанести быстрый контрудар. Главные пехотные резервы должны быть сосредоточены за флангами сражающейся армии. Для того, чтобы охватить оба крыла противника, необходимо серьезное численное превосходство; однако для того, чтобы быть сильнее в решающих точках, не обязательно быть многочисленнее врага. Вообще, наступление — это прекрасный выход из сложных ситуаций: «Чем более стеснено собственное положение, тем важнее перейти в наступление. <...> Если у нас есть убеждение, что мы достаточно сильны для атаки, мы должны тут же ее начинать»<sup>45</sup>.

Частям должно быть привито стойкое убеждение, что отступать — гораздо опаснее, чем держать позицию или атаковать, поскольку потери при отступлении гораздо больше. «Пехота, чьи фланги обеспечены и которая сохраняет спокойствие под огнем с больших дистанций, непобедима»<sup>46</sup>. Необходимо умело использовать местность, строить полевые укрепления

<sup>43</sup> *Wöllach J.L.* Feldmarschall von Schlieffens Interpretation der Kriegstheorie Moltkes d. Ä. // *Generalfeldmarschall von Moltke...* S. 55.

<sup>44</sup> *Moltke H.K.* В.л. AW. Bd. 1. S. 321.

<sup>45</sup> *Ibid.* S. 358, 367.

<sup>46</sup> *Ibid.* S. 374.

(к примеру, рыть окопы), организовать четкое взаимодействие различных родов войск. Атаке должна предшествовать контрбатарейная борьба. Пехота и артиллерия призваны взаимно прикрывать друг друга, кавалерия же предназначена лишь для разведки до и преследования после сражения. Артиллерийские батареи, невзирая на потери, должны следовать в первых рядах наступающей пехоты. Многие из этих тезисов найдут свое практическое подтверждение в войнах начала XX в.

Заслугой Мольтке, по мнению многих исследователей, является введение в военную теорию оперативного уровня как промежуточного между стратегией и тактикой (сражением). Именно он сформулировал концепцию операции как единого комплекса действий, краеугольного камня современной войны.

Мольтке по-прежнему выступал за скорейшее развитие сети железных дорог. «Железные дороги, — заявил он в палате господ прусского парламента в 1879 г. — стали в наше время одним из основных орудий войны»<sup>47</sup>. «Современные войны ведутся такими громадными армиями, что снабжение их возможно только при помощи железных дорог», — напишет он в одном из своих произведений<sup>48</sup>. Мольтке предсказывал, что вскоре железнодорожный транспорт станет самостоятельным фактором, влияющим даже на организацию армии. Особенно ценна развитая сеть железных дорог в том случае, если страна готовится воевать на два фронта. Железные дороги — «жизненные артерии полевой армии», «с военной точки зрения можно приветствовать появление всякой новой железной дороги»<sup>49</sup>, поэтому необходима государственная поддержка железнодорожного строительства — конечно же, с учетом экономических, а не только военных интересов. Именно поэтому в 1879 г. Мольтке горячо выступал в парламенте за выкуп железных дорог в казну. Шеф генерального штаба ратовал также за создание специальных железнодорожных войск. Не меньшее значение он придавал телеграфу.

Мольтке весьма скептически отнесся к предложенному на рассмотрение рейхстага в 1873 г. проекту канала между Балтийским и Северным морями (знаменитый Кильский канал), поскольку считал его полезным только для иностранной торговли. Если же этот канал нужен военно-морскому флоту для маневрирования своими силами, говорил фельдмаршал, гораздо дешевле будет построить второй флот на Балтике<sup>50</sup>. То, что корабли имеют свойство устаревать, он не учитывал, поэтому ратовал за то, чтобы канал

<sup>47</sup> *Solenski M.* Moltke, Schlieffen und die Eisenbahn // *Generalfeldmarschall von Moltke...* S. 89.

<sup>48</sup> *Мольтке Г.К.В.* Военные поучения. Оперативная подготовка к сражению. С. 165.

<sup>49</sup> Там же. С. 190.

<sup>50</sup> *Moltke H.K.V.v.* *AW.* Bd. 3. S. 292.

строился исключительно на коммерческой основе, без всякого государственного финансирования.

В своих сочинениях Мольтке неустанно подчеркивал необходимость «свободы рук» у полководца. «Раз война объявлена, главнокомандующему должна быть предоставлена полная свобода действовать по собственному его усмотрению»<sup>31</sup>. Единое руководство необходимо еще и потому, что оно скорее поможет избежать губительных на войне метаний и колебаний. «Последовательное осуществление одной и той же мысли, хотя бы скольконибудь отвечающей данной обстановке, скорее приведет к цели, чем составление новых и новых планов», — писал Мольтке<sup>32</sup>. Общий план стратегического развертывания должен быть составлен загодя, с учетом всех военных, географических и политических соображений, в обстановке строжайшей тайны. С началом мобилизации «ни дипломатические переговоры, ни политические соображения не должны прерывать дальнейший ход военных действий»<sup>33</sup>.

Главной целью войны являются страна противника, его столица, источники экономического и политического могущества; но главной целью операции — вражеская армия противника. Именно эту главную цель необходимо все время держать в поле зрения, однако путь ее достижения практически невозможно определить заранее. Ведь исход каждого боя «составляет как бы этапный пункт для новых стратегических решений, ибо выигрыш или проигрыш сражения изменяют обстановку в такой степени, что никакая проницательность не может предвидеть события далее первого сражения. <...> План операции поэтому не может с некоторой уверенностью простирается дальше первого столкновения с главной массой неприятеля»<sup>34</sup>. Именно в умении принять правильное решение исходя из сложившейся обстановки и заключается, по мнению Мольтке, военное искусство.

Большое значение придавал шеф генерального штаба фланговым позициям. Правда, их ценность прямо пропорциональна возможности перейти в наступление, которая должна быть сохранена в любом оборонительном сражении; успешная оборона должна завершаться контрударом. «Наша оборона никогда не должна оставаться пассивной, но всегда быть активной»<sup>35</sup>. Такое соображение должно приниматься во внимание при выборе любой оборонительной позиции. Фельдмаршал резко возражал против устройства укрепленных лагерей, которые считал ловушками для армии;

<sup>31</sup> Мольтке Г.К.Б. Военные учения. Оперативная подготовка к сражению. С. 14.

<sup>32</sup> Там же. С. 43.

<sup>33</sup> Там же. С. 47.

<sup>34</sup> Там же. С. 45.

<sup>35</sup> Там же. С. 182.

напротив, значение систем крепостей он оценивал весьма высоко. «Оборона страны должна базироваться на больших реках, усиленных крепостями»<sup>36</sup>. Крепость преграждает противнику путь к стратегически важному пункту или отвлекает на себя часть его сил. Они служат также опорным пунктом для действующей армии, однако их ни в коем случае нельзя использовать в качестве убежища для войск — в этом случае крепость оказывается такой же ловушкой, как и укрепленный лагерь.

Для собственной армии Мольтке рекомендовал стратегию обхода крепостей, чтобы не тратить время на их штурм. Вообще же он предвидел окончательный закат эры крепостей в недалеком будущем и рекомендовал, сократив число немецких крепостей до необходимого минимума, усилить за счет этого полевую армию.

Большое внимание уделял фельдмаршал организации тыла, считая, что руководить снабжением порой бывает сложнее, чем боевыми действиями. Хорошее питание и медицинское обслуживание значительно повышают боеспособность армии и потому должны стать предметом заботы со стороны высшего военного руководства.

\*\*\*

Мольтке в этот период интересовался весьма широким кругом вопросов, даже не входивших напрямую в его компетенцию. Военная верхушка стремилась не только обеспечить себе независимость от «штатских» властей, но и оказывать значительное влияние на внешнюю и внутреннюю политику империи в годы мира: «для всех высших военных органов было характерно стремление поставить под свой контроль и другие, формально не зависящие от них ведомства»<sup>37</sup>. «Мольтке намеревался использовать приобретенное во время войны положение генерального штаба как высшего военно-командного органа для сильного политического влияния в мирные годы», — считают Х. Хелмерт и К. Шмидель<sup>38</sup>.

Формально признавая аксиому Клаузевица о войне и политике, Мольтке тем не менее счел необходимым дополнить ее новыми чертами. «Политика использует войну для достижения своих целей, — писал он в 1871 г. — Она решающим образом действует на ее начало и окончание, но в ходе кампании воздерживается от того, чтобы увеличивать свои запросы или пытаться довольствоваться меньшим успехом. Стратегия может

<sup>36</sup> Там же. С. 160.

<sup>37</sup> *Прокотьев В. П.* Военный институт в государственном механизме буржуазной Германии. Калининград, 1982. С. 30.

<sup>38</sup> *Helmerth H., Schmiedel K.* Kriegspolitik und Strategie des Generalstabes // *Diplomatie und Kriegspolitik*... S. 136.

направлять свои усилия только на высшую цель, которая вообще достижима имеющимися у нее средствами. Она наилучшим образом работает на руку политике, для ее целей, но будучи совершенно независимой от нее в своих действиях»<sup>59</sup>.

Военные претендовали на серьезное влияние, прежде всего, в области внешней политики, считая себя непревзойденными авторитетами в вопросах национальной безопасности: «Совет военных неизменно запрашивался, если на карте стояла безопасность страны, и даже когда его не запрашивали, он все равно давался»<sup>60</sup>. Их претензии подкреплялись тем, что вооруженные силы играли важную роль в международных отношениях, особенно после того, как технический прогресс сделал войну гораздо более сложным процессом. Свою «внешнюю политику» военная верхушка могла проводить через военных атташе и представителей императора при иностранных дворах.

Впрочем, и во внутренних делах армия играла более чем значительную роль. Ее верхушка образовывала нечто вроде «теневого правительства». Она свысока смотрела на все гражданские инстанции, в том числе на канцлера, считая задачей последнего прикрывать ее от народного представительства. Шеф генерального штаба стремился оказаться на равном положении с Бис-марком, обеспечив себе монополию во всех вопросах, касающихся армии. Естественно, такие претензии не могли не встречать противодействия со стороны «железного канцлера», властные амбиции которого также находились на высочайшем уровне. Он ни в коем случае не хотел быть инструментом военных — скорее армия должна была стать орудием его внешней политики. Ситуация усугублялась тем, что отношения между «железным канцлером» и шефом генерального штаба со времен конфликта 1870–1871 гг. оставались достаточно прохладными: как писал в мае 1871 г. Х. фон Гогенлоэ, «этих господ трудно объединить»<sup>61</sup>, что не исключало сотрудничества в определенных вопросах, где интересы Бисмарка и генералов совпадали. В частности, «железному канцлеру» было необходимо согласие с армейской верхушкой по ряду сюжетов внешней политики и в борьбе с «врагами империи» внутри страны: «В военной силе он все еще видел первую и важнейшую сторону государственной жизни»<sup>62</sup>. Воинственная позиция генералитета часто была на руку Бисмарку при определенных обстоятельствах. Обе стороны прекрасно понимали, что гегемония Пруссии в империи обеспечивается, прежде всего, ее вооруженными силами. Канцлер был не меньше военных заинтересован в сильной и

<sup>59</sup> Craig G. Die preussisch-deutsche Armee. S. 240.

<sup>60</sup> Craig G. Deutsche Geschichte 1866–1945. S. 129.

<sup>61</sup> Wiltner H. Bismarcks Außenpolitik 1871–1881. Berlin, 1983. S. 64.

<sup>62</sup> Eyck E. Bismark. Bd. 3. S. 28.

независимой от парламента армии — так, в письме Вильгельму от 31 января 1872 г. он называл ее «единственной гарантией, которая есть у Германии в войне и в мире»<sup>63</sup>, — только взгляды на руководство и использование вооруженных сил у сторон были различными.

Единственной инстанцией, способной разрешать споры канцлера и генералов, являлся император. Влияние Бисмарка на Вильгельма I было велико, но и влияние армейской верхушки, обеспеченное личными пристрастиями главы государства, следует признать весьма масштабным. На руку канцлеру играла запутанность системы военных учреждений, точное положение и функции каждого из которых не были предписаны законодательством. Споры между инстанциями часто не давали военной верхушке сплоченными рядами претендовать на влияние в том или ином вопросе.

Столкновения двух концепций — Бисмарка о подчинении армии гражданским властям и Мольтке о примате интересов вооруженных сил — начались сразу же после основания империи. Они происходили в первую очередь вокруг вопросов превентивной войны. Несмотря на то что фельдмаршал в общем и целом признавал верховенство канцлера в вопросах войны и мира<sup>64</sup>, он вовсе не собирался держать свое мнение по данной проблеме при себе.

Повторная война с Францией была навязчивой идеей Мольтке чуть ли не с момента заключения перемирия. Он до конца своих дней сожалел о том, что не смог довести кампанию 1871 г. до полного уничтожения западного противника. Зная, что французы никогда не простят немцам унижения 1870–1871 гг., шеф генерального штаба считал подобное столкновение неизбежным. Поскольку Франция активно вооружается, справедливо полагал он, удар должен быть нанесен как можно раньше. Поэтому фельдмаршал стремился всячески преувеличивать французскую угрозу и в целом пагнетать атмосферу в отношениях двух стран. Еще в 1872 г., когда во Франции была введена всеобщая воинская повинность, Мольтке писал командующему немецкими оккупационными войсками во Франции генералу Мантойфелю о возможности новой кампании уже в самом ближайшем будущем. Демонизация французских вооружений продолжилась и в 1873 г., когда западная соседка Германии собралась принимать новый военный закон. Мольтке уверял, что 144 новых батальона увеличивают ее армию на 144 тыс. человек, и на этой основе начал развивать идеи превентивной войны. В январе 1873 г. он заявлял, что Германии, возможно, придется сражаться с численно превосходящей французской армией, а в апреле спросил доверенное

<sup>63</sup> Die große Politik der europäischen Kabinette. Berlin, 1922. Bd. 1. S. 110. (Далее — GP.)

<sup>64</sup> Kolb E. Bismarck und die militärische Führung 1871–1890 // Otto von Bismarck und Wilhelm II. Repräsentanten eines Epochenwechsels? Paderborn, 2001. S. 50.



лицо Бисмарка, Иоханна Микеля, как отреагирует страна на начало войны еще в текущем году, присовокупив, что в таком случае столкновение обойдется Германии на 100 тыс. жизней дешевле, чем два года спустя<sup>65</sup>. Французский посланник Гонт-Бирон в частной беседе пытался убедить Мольтке, что его страна еще весьма слаба в военном отношении и не способна восвать. Фельдмаршал, заверяя собеседника в миролюбии Германии, в то же время упирал на нестабильность внутренней ситуации и реваншистские настроения во Франции<sup>66</sup>. К слову сказать, Мольтке очень хорошо относился к Гонт-Бирону, поскольку тот был легитимистом, а фельдмаршалу импонировала идея реставрации Бурбонов.

Мольтке предполагал, что французы сосредоточат свои войска в рамках двух армий. Возможно, будет образована и третья, предназначенная для защиты южного направления. Используя более короткий срок мобилизации, следует попытаться разгромить их поодиночке, вклинившись между ними и отбросив их в разные стороны. Победы лучше достичь в открытом поле, новой осады Парижа желательно было бы избежать. Углубляться слишком далеко на юг тоже не стоит. Быстрая и слаженная работа мобилизационного механизма становится основным ключом к успеху всей кампании<sup>67</sup>.

По меткому замечанию одного из исследователей, «в течение всего этого времени (1871–1888) подготовка войны на два фронта против Франции и России оставалась его главной задачей»<sup>68</sup>. Любопытен следующий анекдот, приводимый В. Тиссо: однажды, на одном из светских приемов, Мольтке пребывал в глубокой задумчивости. На почтительный вопрос о том, что занимает мысли великого полководца, последний будто бы ответил: «Я спрашиваю себя, откуда бедные французы возьмут ту ужасную сумму денег, которую мы потребуем от них после вторичного поражения»<sup>69</sup>. В 1873 г. Мольтке писал в меморандуме о возможной войне с Францией о необходимости «закрывать вулкан, сотрясающий Европу на протяжении вот уже целого столетия своими войнами и революциями»<sup>70</sup>: помимо всего прочего, он рассматривал новую кампанию как повод к большей унификации Германии и реформированию системы военного управления. Необходимо отметить, что Мольтке не рассчитывал на безусловную быструю победу и принимал во внимание возможность затяжной кампании — в этом случае, согласно его воззрениям, на помощь солдатам должны приходиться

<sup>65</sup> Craig G. *Deutsche Geschichte 1866–1945*. S. 130.

<sup>66</sup> *Moltke H.K.B.v. Gespräche*. S. 175.

<sup>67</sup> *Kessel E. Op. cit.* S. 627.

<sup>68</sup> *Von Scharnhorst zu Schlieffen 1806–1906*. Berlin, 1933. S. 233.

<sup>69</sup> *Tacco B. Угас. соч.* С. 242.

<sup>70</sup> *Des Volkes Feind*. Berlin, 1961. S. 19.

дипломаты. Мысли о войне на два фронта временно отошли на задний план лишь в 1873 г., после заключения Союза трех императоров, и вновь появились лишь в 1876 г.<sup>71</sup>

Однако, по мнению шефа генерального штаба, Франция могла «уже в ближайшем будущем, даже без внешней помощи, попытаться отвоевать потерянное»<sup>72</sup>, — в этом случае немцам придется столкнуться с куда более сильной армией, чем в 1870 г.; возможно, придется даже прибегнуть к временному отступлению, но «сильная позиция» на левобережье Рейна — лотарингские крепости — встанет непреодолимой преградой на пути врага. В то же время Мольтке признавал, и это важно отметить, что военные мероприятия Франции носят «в большей степени оборонительный характер»<sup>73</sup>. Вопрос о том, насколько реалистичной была оценка военной силы потенциального противника и, соответственно, военное планирование Мольтке, остается спорным. Достаточно аргументированной выглядит точка зрения, что военные круги трезво представляли себе реальную слабость Франции, а громкие заявления о ее ужасающих военных приготовлениях были рассчитаны в основном на публику. «Кто бы ни объявил войну, исходить она будет от французского правительства», — писал Мольтке в своем меморандуме<sup>74</sup>. Эта поистине блестящая фраза была неоднократно в различных вариациях использована и в дальнейшем. В том же 1873 г. в меморандумах Мольтке все настойчивее звучит мысль о том, что французы могут использовать для своего наступления бельгийскую территорию; до оправдания «превентивного» вступления в Бельгию остается один шаг.

Бисмарк же, не являясь сторонником превентивной войны, сдерживал военных и одновременно работал в направлении ослабления Франции своими методами. При этом он никогда не отвергал войну в принципе, время от времени рассматривая возможность «использовать сильное положение, чтобы вновь спровоцировать только что разбитого противника, прежде чем он оправится от поражения, и сделать его неспособным восстановиться в такой мере, чтобы когда-либо представлять опасность и создавать угрозу реванша даже в союзе с другими державами»<sup>75</sup>. Не случайно на запрос генерального штаба, может ли канцлер гарантировать отсутствие угрозы французского реванша, Бисмарк ответил, что единственное, что он может гарантировать, — это новые войны.

<sup>71</sup> *Feldmann E.* Die Sicherung der Westgrenze in der deutschen Wehrpolitik von 1871 bis 1914. Bonn, 1941. S. 20.

<sup>72</sup> *Moltke H.K.V.d. AW.* Bd. 3. S. 79.

<sup>73</sup> *Ibid.* S. 80–82.

<sup>74</sup> *Ibid.* S. 81.

<sup>75</sup> *Schreiner A.* Zur Geschichte der deutschen Außenpolitik. Bd. 1. Berlin, 1952. S. 50.

Изолируя Францию, «железный канцлер» создавал систему союзов. Так, ряд двусторонних соглашений между Германией, Россией и Австро-Венгрией вылился в образование Союза трех императоров — отдаленного аналога Священного союза 1815 г., структуры столь же аморфной, но производившей столь же сильное впечатление на современников. В 1873 г. Мольтке вместе со своим императором вновь отправился в Петербург, где подписал военное соглашение — так называемую «конвенцию Мольтке–Берга». Согласно этому документу, в случае нападения на одну из договаривающихся сторон другая должна была прийти ей на помощь 200-тысячной армией. Впрочем, шеф генерального штаба, всегда скептически относившийся к военному сотрудничеству с Россией, не придавал этому соглашению слишком большого значения.

И Бисмарк, и Мольтке неустанно говорили о миролюбии Германии. «Могущественное, но миролюбивое государство в центре Европы, — писал шеф генерального штаба, — является вернейшей гарантией продолжительного мира в этой части света. Германия доказала всему свету, что она миролюбива, не нуждается в войне ради достижения славы и не желает ее ради завоеваний. <...> Германия преследует с 1870–1871 гг. мирную политику, еще не виданную во всемирной истории. Но такая политика может быть проведена при опоре на сильную армию, готовую к войне. Если бы недоставало этого огромного махового колеса, государственная машина остановилась бы»<sup>26</sup>. Чего стоили все заверения в миролюбии Германии, показала «военная тревога» 1875 г.

9 апреля 1875 г. во влиятельной консервативной газете «Пост» появилась статья «Предвидится ли война?». Хотя формально газета была независимой, никто не сомневался в том, что публикация инспирирована правительством. Поводом стали два никак не связанных между собой мероприятия французского правительства: рост закупок лошадей за границей и кадровый закон 13 марта 1875 г., вводивший в каждом полку четвертый батальон. Правда, число рот в батальоне при этом уменьшалось, но на такие мелочи германская пропаганда старалась не обращать внимания. Даже военные специалисты, которые прекрасно понимали суть реформы, нагнетали атмосферу. «Реорганизация армии имеет своей целью полностью и исключительно скорый военный реванш», — писал «Военный еженедельник» в конце марта<sup>27</sup>.

Одновременно из правительственных кругов Германии начали исходить сигналы, что страна всерьез собирается начать превентивную войну. Особенно усердствовали в этом направлении военные, но и дипломаты

<sup>26</sup> Мольтке Г.К.В. Военные учения. С. 6.

<sup>27</sup> Kessel E. Op. cit. S. 641.

тоже не отставали. Единственным, кто старался держаться в тени, был сам Бисмарк; это оставляло ему открытым путь для отступления в том случае, если бы события приняли нежелательный оборот.

Мольтке принимал в «военной тревоге» самое активное участие. В самом начале событий он заявил английскому послу Расселу, что «желает войны не та держава, которая выступает, а та, которая своим образом действий заставляет других выступать»<sup>78</sup>, оправдывая возможное немецкое нападение. 30 апреля, встретившись с бельгийским послом Нотомбом, Мольтке вновь посетовал на скорость французских вооружений, которая «является неоспоримым свидетельством подготовки к войне. В таких обстоятельствах мы не можем ждать, пока Франция будет готова — наш долг заключается в том, чтобы опередить ее»<sup>79</sup>. На вопрос посла, что же немцы станут делать с покоренной Францией, Мольтке ответил: «Этого я не знаю, и решить это будет очень сложно»<sup>80</sup>. Те же идеи он высказывал и в беседах с представителем Австро-Венгрии, называя даже конкретный срок предполагаемого французского нападения — весна 1876 г.

Высокий авторитет Мольтке способствовал тому, что его высказывания были восприняты в Европе более чем серьезно. Королева Виктория в своем письме Вильгельму I заявила, что именно слова столь выдающейся личности, как Мольтке, и заставили англичан поверить в возможность скорой войны<sup>81</sup>.

Участие Мольтке в этих событиях абсолютно не похоже на спонтанные действия; оно настолько хорошо вписывается в общую канву, что ряд авторов, в том числе и один из самых знаменитых биографов Бисмарка Э. Эйк, говорят об «игре с заранее распределенными ролями»: «Разве кто-нибудь может поверить, что шеф генерального штаба пришел к английскому посланнику с такими известиями без ведома и одобрения канцлера? В привычки Мольтке не входило вмешательство в работу дипломатов. Так же, как он не терпел незваного вмешательства в свои военные дела, он сознательно избегал вмешательства в дела других»<sup>82</sup>. При этом фельдмаршал вполне серьезно стремился к развязыванию войны; у него на руках имелось целых три проекта стратегического развертывания, и он активно добивался у короля разрешения начать непосредственную подготовку к вторжению.

С одним из положений Э. Эйка мы можем поспорить: Мольтке вполне сознательно вмешивался в международную политику. При этом он, вольно

<sup>78</sup> Чубинский В.В. Бисмарк. С. 297.

<sup>79</sup> Herre F. Op. cit. S. 355.

<sup>80</sup> Deutsche Militärgeschichte... Bd. 2. Teil 1. S. 224.

<sup>81</sup> GP Bd. 1. S. 293.

<sup>82</sup> Eyck E. Op. cit. Bd. 3. S. 167.

или невольно, существенно искажал положение дел с французскими вооружениями. Еще 11 апреля 1875 г. он получил из Парижа доклад военного атташе, в котором говорилось, что новый закон не усиливает французскую армию. И тем не менее фельдмаршал продолжал твердить о французской угрозе, поддерживаемый своими ближайшими сотрудниками. Скорее всего, он и сам верил в то, что французы могут рискнуть развязать войну вопреки здравому смыслу; поэтому планы Мольтке 1875 г. носят по преимуществу оборонительный характер.

Однако французская дипломатия тоже не дремала, запросив помощи у других великих держав. При этом ссылались французские дипломаты именно на слова Мольтке. Поскольку все немецкие заявления об «угрозе с запада» были явно надуманными, Франции удалось без труда склонить на свою сторону Россию и Англию, не желавших усиления Второго рейха. В начале мая Бисмарку пришлось громко трубить отбой, заявив, что у Германии «нет никакой причины нападать на Францию»<sup>83</sup>. Вину за развязывание кризиса он свалил на прессу, не забыв лягнуть и Мольтке, которого обозвал «молокососом в политике» и «деревянной башкой»<sup>84</sup>. Шеф генерального штаба в данной ситуации действительно не проявил свойственной ему мудрости, слепо разыграв ту роль, которая предназначалась для него канцлером.



«Военная тревога» ясно показала, что усиление Германии тревожит практически всех ее соседей. Следовательно, сделал вывод шеф генерального штаба, вполне может наступить момент, когда страна окажется в окружении враждебных армий, как Пруссия при Фридрихе Великом. Именно к войне на несколько фронтов следует готовиться, причем лучше, если момент для начала войны выберут немцы. Бисмарк пытался улучшить позиции страны созданием коалиций; Мольтке же считал, что «коалиции хороши до тех пор, пока все интересы всех их членов одинаковы»<sup>85</sup>, и полагался больше на военную силу.

Следует еще раз оговориться: и Бисмарк, и Мольтке считали необходимым укреплять и защищать роль Германии как гегемона Европы — положение, к которому она приблизилась в 1871 г. Именно стремление встать над другими великими державами во многом направляло их мысли и поступки. Гегемония считалась залогом безопасности страны, в качестве единственного способа обеспечить последнюю рассматривалось превосходство над сосе-

<sup>83</sup> Чубинский В.В. Указ. соч. С. 297.

<sup>84</sup> *Pierre F.* Op. cit. S. 356.

<sup>85</sup> *Ibid.* S. 357.

дями. То, что такая позиция неизбежно должна была привести (и привела в реальности) к европейской гонке вооружений, в расчет не принималось.

О «военной тревоге» быстро заставил позабыть восточный кризис 1876–1878 гг., разрешившийся русско-турецкой войной и Берлинским конгрессом. Генеральный штаб внимательно наблюдал за ходом кампании. В феврале 1876 г. Мольтке предложил в случае русско-турецкой войны нанести превентивный удар по Франции и Австрии, которую он продолжал причислять к сонму возможных противников. В январе 1877 г. фельдмаршал переработал свои предложения, порекомендовав сделать Вену объектом главного удара. Естественно, Бисмарк не принял столь экстравагантные предложения.

Однако фельдмаршал не успокоился и после начала русско-турецкой войны продолжал настаивать на превентивном ударе по западному соседу. «Мобилизацию армии, — писал шеф генерального штаба в одном из своих меморандумов, — следует провести как можно раньше и на пятый ее день объявить войну Франции независимо от того, какую позицию та занимала до сих пор»<sup>86</sup>. Еще в феврале 1877 г. он составил план, по которому на случай войны на два фронта против России и Франции из 600-тысячной армии 520 тысяч следовало сконцентрировать на западном фронте и начать переброску войск на восток лишь на четвертой неделе кампании, нанеся до этого смертельный удар Франции<sup>87</sup>. В случае, если решающего успеха достичь не удастся, задачей дипломатов станет обеспечение статус-кво на западном театре военных действий. В апреле 1877 г. Мольтке произнес в рейхстаге речь, посвященную ужасающим военным приготовлениям Франции. Теперь же открывшаяся перспектива войны на одном фронте манила его все сильнее.

Душой Мольтке, конечно же, был на стороне турок, однако Османская империя потерпела очередное поражение. На Берлинском конгрессе державы Европы всеми силами старались уменьшить масштаб российской победы, однако факт усиления империи Романовых был налицо. С особым недовольством смотрела на это Австро-Венгрия, у которой с Россией были давние противоречия. Именно на этой почве началось ее сближение с Германией. Еще в декабре 1878 г. Мольтке планировал войну против Австрии и Франции, итогом которой мог стать переход немецких земель Австро-Венгрии ко Второму рейху<sup>88</sup>. При этом первый удар, опять же, надлежало нанести по Франции. А уже в сентябре 1879 г. начались секретные переговоры, направленные на заключение военного союза с Австрией.

<sup>86</sup> Прусско-германский генеральный штаб. С. 68.

<sup>87</sup> *Moltke H.K.V.d. AW*, Bd. 3, S. 94.

<sup>88</sup> *Ibid.* S. 75.

Мольтке приветствовал такое развитие событий и принимал личное участие в переговорах с империей Габсбургов. Бисмарк не имел ничего против активности шефа генерального штаба — впервые за последние 10 лет оба деятеля работали с таким единодушием. Вместе они уговаривали Вильгельма I, который с большим неодобрением относился к антироссийскому характеру будущего союза. В частности, Мольтке всячески сгущал краски, рассказывая императору о громадной концентрации русских войск на восточной границе Германии. «С одними русскими мы бы справились и без союзников, — заявлял фельдмаршал. — Но наше положение стало бы исключительно сложным, если бы имели одновременно вторым противником Францию. <...> Обе возможности детально проработаны в генеральном штабе <...> С военной точки зрения дружественная позиция Австрии дала бы нам большое преимущество, поскольку, даже не действуя наступательно, ее армия сковала бы значительную часть русских войск»<sup>98</sup>. 25 сентября 1879 г. фельдмаршал лично докладывал императору все аргументы в пользу скорейшего заключения союза с Австро-Венгрией. Однако до конца убедить Вильгельма ему не удалось; кайзер требовал, чтобы договор, если уж ему суждено быть заключенным, носил двустороннюю направленность — против России и против Франции.

Да, Германия способна в одиночку отразить французское вторжение, писал Мольтке Вильгельму 10 октября: «Но очень большую опасность я вижу в том, что два наших соседа объединятся для совместного удара, и, чтобы успешно противостоять этой угрозе, нам нужен союз с другой державой. <...> Я вижу в союзе с Австрией <...> ценнейшую гарантию нашего будущего»<sup>99</sup>.

В конечном счете усилия увенчались успехом — в 1879 г. Двойственный союз, положивший начало складыванию в Европе двух военно-политических блоков, был заключен. Антироссийская направленность союза, равно как и усиление восточной соседки, потребовали пересмотра концепции войны на два фронта. Теперь первый удар намечалось нанести именно по России — эта мысль останется, за редкими исключениями, основной в военном планировании вплоть до 1894 г.

Чем объясняется это на первый взгляд парадоксальное решение? Ведь разгромить Россию с его необъятными просторами очень трудно, а в скоротечной кампании и вовсе невозможно, что блестяще продемонстрировала судьба наполеоновской армии. Однако Мольтке был не настолько наивен, чтобы пойти по стопам французского императора. «В войне на востоке нам абсолютно ничего нельзя приобрести, а вторжение в эти бесконечные

<sup>98</sup> GP Bd. 3. S. 75.

<sup>99</sup> Ibid. S. 122–123.

пустынные земли очень тяжело»; однако на востоке «нашу границу, в противоположность западной, можно прикрыть лишь наступлением»<sup>91</sup>. Он рассчитывал добиться успеха на ограниченном по масштабам театре военных действий, главным образом в русской Польше. Этот расчет покоился на в целом верном убеждении, что царизм по политическим мотивам не сможет повторить «великое отступление» 1812 г. Фельдмаршал не считал необходимым нанести безоговорочное поражение империи Романовых; ему достаточно была ограниченная победа над ее вооруженными силами, достигнутая за ограниченный период времени; дальше в дело должна была вступить дипломатия. В том, что такая победа возможна, убеждал, к примеру, опыт Крымской войны. В то же время французская армия серьезно усилилась за последние годы, и на быструю победу, по мнению фельдмаршала, рассчитывать было нельзя; «приходилось принимать во внимание и французский патриотизм, наличие которого Мольтке признавал с 1870–1871 гг.»<sup>92</sup> и который не позволял добиться быстрого успеха на западе. Кроме того, после заключения союза с Австрией необходимо было не допустить разгрома южной соседки, как можно скорее придя ей на помощь.

Играло роль и еще одно обстоятельство. Мольтке мыслил довольно реалистично и потому понимал, что нанести уничтожающее поражение своим противникам вряд ли получится. «Победа может быть достигнута лишь в том случае, если удастся принудить одного из противников к миру, даже отказавшись от достигнутых в борьбе против него успехов, чтобы потом обрушиться всеми силами на второго и полностью компенсировать себя за его счет»<sup>93</sup>. В роли этого «второго» фельдмаршал видел именно Францию. Теперь для удара на востоке сосредотачивалось от половины до двух третей германской армии плюс все австрийские силы; на западе натиск французов предстояло сдерживать мощным лотарингским крепостям. При этом в первый период кампании Мольтке допускала отступление на западе вплоть до Рейна.

План войны против России был прост и диктовался начертанием границы. Быстро проведя мобилизацию, германские и австрийские войска должны начать концентрическое наступление в русской Польше. На первом этапе они будут обладать подавляющим численным превосходством, лишь к концу второго месяца войны численность армий обеих сторон может сравняться. При этом их развертывание, как и в 1866 г., должно быть завершено уже на вражеской территории. Русская армия при таком раскладе будет атакована со всех сторон и, скорее всего, уничтожена. При этом фельдмаршал вовсе не

<sup>91</sup> Ibid.

<sup>92</sup> Куль Г. Германский генеральный штаб. М., 1922. С. 150.

<sup>93</sup> Moltke H.K.V. *AW*. Bd. 3. S. 95.



собирался соревноваться с Россией в области людского потенциала; победа, считал он, должна быть достигнута не за счет количества, а за счет качества войск. Небольшую профессиональную армию он по-прежнему предпочитал гигантским наспех сформированным ополчениям.

Еще в апреле 1879 г. Мольтке писал, что первый удар должен быть нанесен по восточной соседке, но преследование в глубь ее территории исключено. «Несомненны те преимущества, которые вытекают как для Австрии, так и для Германии в том случае, если обе они не выжидают нарастания русской военной мощи, а немедленно переходят к наступательным действиям», — писал Мольтке в 1880 г.<sup>94</sup> По итогам кампании следовало отторгнуть от России Польшу, превратив ее в независимое буферное государство, которое станет естественным союзником Германии и, возможно, Прибалтику<sup>95</sup>.

Рассматривая германское военное планирование 1870–1880-х гг., невозможно обойти вопрос о том, в какой степени германские военные учли уроки войны с Францией, особенно второй ее фазы. Поскольку Большой генеральный штаб планировал быструю кампанию силами кадровой армии, принято считать, что опыт перерастания войны в «народную» остался без внимания. На самом деле это не совсем справедливо; взгляды Мольтке и его подчиненных были в данном вопросе «весьма пессимистичными и, как покажут события, скорее реалистичными»<sup>96</sup>. Именно потому, что германские стратеги сознавали превосходство противников в области мобилизационного потенциала, они настаивали на молниеносной и, главное, превентивной войне, в ходе которой поражение должно было быть нанесено противнику, не успевшему реализовать свое преимущество. Иного пути к победе в войне на два фронта, по мнению фельдмаршала и его сотрудников, просто не существовало.

В 1880–1881 гг. Мольтке вновь вплотную занялся вопросами укрепления границ. С точки зрения местных властей в приграничных областях, армия должна была вообще не допустить вторжения врага на немецкую землю. Однако сплошное прикрытие потребовало бы дробления частей на мелкие гарнизоны, губительное с военной точки зрения. Предложения Мольтке касались в первую очередь расширения железнодорожной сети; он по-прежнему настаивал на том, что наилучшая защита своей территории — это быстрое наступление на врага.

<sup>94</sup> Прусско-германский генеральный штаб. С. 69.

<sup>95</sup> Zuber T. Op. cit. P. 64.

<sup>96</sup> Förster S. *Dreams and Nightmares. German Military Leadership and the Image of Future Warfare 1871–1914 // Anticipating Total War. German and American Experiences 1871–1914.* Cambridge, 1999. P. 347.

В случае войны только на западе оборонительное сражение, по его мнению, следует дать к западу от Саара, опираясь на крепость Мец; если оно окажется успешным, можно будет перейти к контрнаступлению. Мольтке не считал необходимым создавать мощную оборонительную линию, как это делали французы; он полагал вполне достаточным имеющееся число крепостей. Тех же воззрений придерживался он относительно укреплений на восточной границе. Выступая за сильный флот, он тем не менее никогда не причислял к его возможным противникам британцев, думая лишь об угрозе со стороны Франции или Дании.



Особое положение германской армии определялось и тем местом, которое она занимала в общественном сознании той эпохи. Овеянная славой побед 1864–1871 гг., она была окружена почетом и уважением. Воспринимавшаяся многими как один из основных творцов германского единства, армия была в значительной степени символом нации. Мольтке становится национальным героем, формируется «миф о Мольтке», который до сих пор фигурирует в большинстве не слишком глубоких исследований. Гениальный полководец-интеллектуал, молчаливый аскет, верный слуга своего короля — таким он предстал в общественном сознании. В значительной степени все это соответствовало действительности, но безбожно упрощало сложную и многогранную личность шефа генерального штаба. В отличие от Бисмарка, у Мольтке практически не было врагов, и поэтому его образ в сознании современников оказался гораздо менее спорным и более монолитным. В народе он был гораздо более популярен, чем Бисмарк, Роон и даже седовласый император.

В газетах и журналах публиковались пронизанные легендами отрывки из биографии Мольтке, ему посвящались торжественные стихотворения (ни одно из которых, впрочем, не нашло своего места в сокровищнице германской поэзии). Фельдмаршал был избран почетным доктором философии университета Халле и награжден берлинской Академией наук орденом «За заслуги» в области науки и изящных искусств. Его книги неоднократно переиздавались, издатели выискивали даже ранние его сочинения и с удовольствием публиковали их. К нему обращались многие ученые, в первую очередь историки, писавшие книги о войнах 1860-х гг., и шеф генерального штаба охотно помогал им. Лишь к написанию своих биографий Мольтке относился более чем прохладно, поскольку выступал против неизбежной «лакировки» его личности: «Биографии живущих не могут быть чем-то иным, кроме восхвалений»<sup>97</sup>. Кроме того, он требовал,

<sup>97</sup> Kessel E. Op. cit. S. 600.

чтобы его письма были изданы только после его смерти и предварительно отредактированы стилистически. Он не стремился выпячивать свою роль в исторических событиях, однако ее умаления тоже не терпел, ревностно следя за тем, чтобы его признавали единственным военным советником короля в кампании 1870–1871 гг. Что касается портретных изображений, то здесь Мольтке не только не выступал против, но даже соглашался с определенным «ретушированием» своей внешности: по его мнению, изобразительное искусство должно в определенной степени идеализировать своих героев, в противном случае оно не выполняет своего предназначения.

75-летие Мольтке отмечалось с большим размахом во всей стране. Император вручил ему Большой крест ордена Гогенцоллернинов со звездой и мечами. В 1876 г. был открыт бронзовый памятник в Пархиме; в 1881-м — в Кельне. Сам шеф генерального штаба не возражал против их сооружения, считая их важной составной частью патриотической пропаганды, однако не появился на открытии ни одного из них. Именем Мольтке был назван спущенный на воду в 1877 г. броненосный фрегат. В 1879 г., в день 60-летия службы, Мольтке был вручен крест со звездой ордена «За заслуги».

Сам Мольтке по-прежнему относился к своей славе спокойно и философски. После торжественного парада в 1871 г. шеф генерального штаба сказал своему адъютанту: «Если бы я проиграл хоть одно сражение, все они кричали бы: вот едет старый осел»<sup>98</sup>. «Репутация полководца зависит прежде всего от победы, — писал он. — Но насколько велика на самом деле его заслуга, очень трудно определить. <...> У нас бывали лишь победы, Гнейзенау же вел разбитую армию к победе. Это высшее испытание мы еще не проходили»<sup>99</sup>. Его тяготили пышные приемы, которыми его встречали в каждом немецком городе, и он все больше старался путешествовать инкогнито. В июне 1874 г. фельдмаршал отдыхал в Швейцарии; хозяин небольшого трактира, куда он заглянул, спросил его: «Говорят, Мольтке сейчас отдыхает в наших краях?» — «Верно». — «А как он выглядит?» — «Ну, как он может выглядеть? Так же, как один из нас»<sup>100</sup>. Юной даме из Эльзаса, написавшей его краткую биографию в стихах, Мольтке ответил, вежливо поблагодарив: «Из моей жизни трудно извлечь что бы то ни было поэтическое, и я не скрою, что охотно предоставил бы выносить суждения обо мне более позднему будущему»<sup>101</sup>.

Генри Бурт рассказывал историю о том, как он вместе с Мольтке по окончании очередных маневров отправился в небольшой немецкий городок,

<sup>98</sup> *Herre F.* Op. cit. S. 334.

<sup>99</sup> *Moltke H.K.B.v. AW.* Bd. 1. S. 429.

<sup>100</sup> *Moltke H.K.B.v. Gespräche.* S. 180.

<sup>101</sup> *Moltke H.K.B.v. Aufzeichnungen...* S. 285.

чтобы спокойно переночевать в местной гостинице. Однако, вопреки желанию фельдмаршала, местные власти устроили ему торжественную встречу. Весь город был увешан флагами и цветами, жители восторженно приветствовали национального героя, а бургомистр уговорил его выступить с речью... Все продолжалось в том же духе и далее, пока утром следующего дня, после очередных почестей, фельдмаршал не вспыхнул (что случалось с ним крайне редко): «Я приехал сюда отдохнуть, а меня не оставляют в покое ни на минуту!» Ближайшим поездом он уехал в Берлин<sup>102</sup>. Скромность Мольтке вошла в поговорку. Он путешествовал без слуги, в вагонах второго класса, с минимумом багажа, при плохой погоде использовал наемный экипаж, чтобы поберечь собственный.

Впрочем, вольно или невольно, Мольтке внес огромный вклад в милитаризацию общественного сознания. Широкую известность получила его переписка с Иоханном Каспаром Блунчи, приславшим ему в 1880 г. свою книгу о международном военном праве, которое должно сделать войны гуманнее. «Вечный мир — это мечта, и даже не прекрасная, — писал фельдмаршал. — Война — это элемент божественного порядка; самые благородные из человеческих добродетелей раскрываются в ней: мужество и самоотречение, верность долгу и дух самопожертвования. <...> Без войн мир загнет и впадет в материализм». Международное военное право — в значительной степени фикция, ибо ни одно государство не вступит в войну ради его защиты. Гораздо эффективнее постепенное смягчение жестокостей войны — процесс, который уже идет полным ходом (здесь фельдмаршал глубоко заблуждался). И вообще, «наивысшее благо на войне — ее скорейшее окончание», поэтому любые ограничения недопустимы; удары должны наноситься по всем источникам силы противника, будь то его армии, финансы, железные дороги или престиж<sup>103</sup>.

Письмо это быстро получило широкую известность, став своеобразным манифестом германского милитаризма. Конечно же, Мольтке не стремился создать апологию войны. Он считал ее необходимым и неизбежным злом, из чего и делал вполне логичные, на его взгляд, выводы. Однако семена, посеянные Мольтке в этих словах, дали весьма кровавые всходы в XX в.: идея о допустимости всех средств для скорейшей победы укоренилась в сознании стратегов, проливших реки крови в ходе двух мировых войн. Не случайно именно Мольтке иногда не совсем справедливо упрекали в тотализации войны — ведь на самом деле речь идет не о его личной воле, а об объективном процессе, который фельдмаршал лишь чутко уловил.

<sup>102</sup> Ibid. S. 289–290.

<sup>103</sup> Müller-Bohn H. Op. cit. S. 496.

Письмо Мольтке вызвало бурю откликов, как положительных, так и отрицательных. На некоторые из них фельдмаршал даже ответил, как, например, русскому пацифисту Губареву, проживавшему во Франции. Война, писал фельдмаршал, это «последнее, но всецело справедливое средство утвердить существование, независимость и честь государства. <...> Жизнь человека, да и всего живого, — это борьба утверждающегося против существующего, и это правило действует в жизни народов. <...> То, что война имеет и свою прекрасную сторону, что она поднимает наверх добродетели, которые в противном случае угасли бы, вряд ли возможно отрицать»<sup>104</sup>. «Нападки прессы мало значат для меня, они покоятся на ложном — возможно, умышленном — понимании моих слов, будто бы я желаю войны, тогда как на деле я считаю ее неизбежным злом», — писал фельдмаршал в другом письме в апреле 1880 г.<sup>105</sup>



Служебная квартира Мольтке располагалась в новом кирпичном здании генерального штаба на Кенигсплатц. Оно было выстроено в весьма простом и строгом стиле и скорее напоминало казарму. Бисмарк называл его «красной будкой», а один остроумный француз заметил, что необходимость жить в такой постройке — лучшее наказание победителю Франции<sup>106</sup>. Впрочем, сам фельдмаршал относился к своему новому обиталищу гораздо спокойнее, отмечая, что с балкона его служебной квартиры открывается великолепный вид на Тиргартен. На ее устройство император выделил 12 тысяч талеров из своего личного фонда. Интерьер помещений, которые занимал Мольтке, представлял собой причудливое смешение различных стилей: конференц-зал с высокими стульями; курительная комната с восточным узором; музыкальный салон в стиле рококо. И по-солдатски простой рабочий кабинет фельдмаршала, в котором он проводил за работой долгие часы. Для Мольтке квартира была слишком велика, но он мирился с ее размерами, считая их необходимыми для выполнения представительских функций.

Образ жизни Мольтке оставался весьма скромным. Многие комнаты использовались лишь от случая к случаю, при приеме гостей. Лишь раз в год, на торжественном вечере генерального штаба по случаю очередного дня рождения императора, здесь собиралось относительно большое общество. Мольтке, как и прежде, не любил масштабных торжеств и, если ему выпадало говорить тост, поднимал его за здоровье кайзера. Однажды двое молодых офицеров поспорили; один из них утверждал, что фельдмаршал

<sup>104</sup> Müller-Bohn H. Op. cit. S. 498–499.

<sup>105</sup> Moltke H.K.B.v. AW. Bd. 3. S. 405.

<sup>106</sup> Herre F. Op. cit. S. 337.

ограничится, как всегда, семью словами: «За здоровье Его Королевского и Императорского Величества!» Мольтке, однако, добавил к этой формуле обращение «господа!». Проигравший пари заметил: «Старик становится болтлив с возрастом»<sup>107</sup>.

На стене скромной спальни фельдмаршала висел портрет покойной супруги, рядом с кроватью лежала ветхая Библия, доставшаяся ему по наследству от матери. До последних дней Мольтке не признавал перины — на деревянной кровати лежало лишь тонкое шерстяное одеяло. Память почившей супруги он свято хранил; однажды, в 1877 г., разговарившись с Бисмарком и Рооном, фельдмаршал сказал: «Мужчина либо находится под руководством своей жены, либо он несчастлив. Но узда должна быть мягкой. У нас у всех был подобный опыт; увы, для меня он завершился слишком рано»<sup>108</sup>.

Фельдмаршал вставал очень рано, и времени на утренний туалет тратил немного: бриться ему не было нужды (облысение затронуло и лицо Мольтке), причесываться — тем более. Как правило, даже в домашней обстановке он носил униформу. После легкого завтрака начиналась работа с документами. В полдень следовал второй завтрак — мясное блюдо и стакан вина. Мольтке не любил пиво и однажды, отхлебнув пару глотков, заметил: «Надо же, а ведь есть люди, способные выпить целый стакан!»<sup>109</sup> Мольтке практически каждый день гулял в Тиргартене; в пять часов вечера следовал скромный обед. Конец дня он проводил за вистом, порой устраивал у себя вечера для близких знакомых.

Летом Мольтке отправлялся в свое любимое имение Крайзау. Впрочем, и здесь он был далек от праздности: фельдмаршал занимался сельским хозяйством, а также решал многие текущие дела генерального штаба. Кроме того, во второй половине лета он обязательно отправлялся в Гаштайн или Рагац для укрепления здоровья, а если последнее доставляло особенно много неприятностей, как это было, например, зимой 1875–1876 гг., то в Италию.

В частной жизни Мольтке, как и прежде, оставался поклонником муз. Впрочем, к новому германскому искусству свеженспекенный фельдмаршал относился с немалым скепсисом. «Мне больше нравится рейхстаг; там, по крайней мере, можно инициировать конец заседания», — прошептал он на ухо своей сестре во время просмотра «Майстерзингеров» Вагнера<sup>110</sup>. Гораздо сильнее вдохновлял его Моцарт. От музыкального произведения он требовал того же, чего добивался и в остальных сферах своей жизнедеятельности: ясности и лаконичности. Любые изыски были ему чужды. Бетховен, Шуберт,

<sup>107</sup> Ibid. S. 341.

<sup>108</sup> *Moltke H.K.v. Gespräche*. S. 182.

<sup>109</sup> *Herre F.* Op. cit. S. 339.

<sup>110</sup> Ibid. S. 336.

Шуман, Лорцинг — вот краткий перечень его любимых композиторов. В салоне Мольтке стояло фортепьяно, и почти каждый вечер из окон его апартаментов лились чарующие звуки.

Фельдмаршал достаточно много читал, особенно его интересовали исторические произведения. В 1873 г. он встречался со знаменитым Ранке — основателем германской исторической школы; ему очень нравились работы одного из крупнейших представителей младогерманской школы Генриха фон Трейчке. Ознакомившись с первым томом его «Германской истории», Мольтке воскликнул: «Слава богу, наконец-то историю начали писать с прусской точки зрения!»<sup>111</sup> Интересы фельдмаршала были весьма широки — в списке его любимых книг фигурировали Библия, «Илиада», «Чудеса небес» Литтрова, «Письма о сельскохозяйственной химии» Либига и «О войне» Клаузевица; к числу своих любимых писателей он относил Шиллера, Гете, Шекспира, Вальтера Скотта и Карлейля.

Если собеседник интересовал Мольтке, фельдмаршал, как и в прежние годы, мог стать весьма общительным; и многие из тех, кто принимал на веру распространенную легенду о его экстраординарной молчаливости, были немало удивлены, встретившись с ним лично. «Я могу говорить, если меня хорошо слушают», — высказался по этому поводу сам «великий молчальник»<sup>112</sup>. Мольтке избегал светских приемов и с большой неохотой ходил, например, к Бисмарку, приглашение которого просто не мог отклонить. От приглашений Герсона Бляйхредера, одного из самых могущественных финансистов той эпохи, личного банкира «железного канцлера», он отбивался, как мог. Рассказывают, что однажды он появился в салоне графини Орнота и объяснил оторопевшей от неожиданности хозяйке дома: «Вы ведь приглашали меня? В любом случае, я только что отказал Бляйхредеру под предлогом, что уже принял Ваше приглашение»<sup>113</sup>.

Что Мольтке действительно экономил, так это не слова, а деньги. Даже в безумную «грюндерскую эпоху» после образования империи, когда капиталы создавались и проматывались в мгновение ока, он не позволял себе изменить старым привычкам. И это при том, что старый фельдмаршал был человеком отнюдь не бедным: после заключения мира с Францией ему в качестве вознаграждения была выплачена дотация в размере 900 тыс. марок. Он с глубоким неодобрением смотрел на шумный деловой мир, и свое состояние вложил в надежные бумаги. Эпоха грюндерства, рождению которой он сам способствовал едва ли не больше, чем кто бы то ни было еще, вызывала у Мольтке неприятие. Совершенно не такой — торопливой, буржуазной,

<sup>111</sup> *Moltke H.K.V.d. Gespräche*. S. 187.

<sup>112</sup> *Ibid.* S. 201.

<sup>113</sup> *Herre F. Op. cit.* S. 342.

бездуховной — представлял он себе единую Германию. Отвращение к пугорщикам едва не вылилось в отвращение к прогрессу; даже старое гусиное перо Мольтке предпочитал стальным. Правда, это совершенно не распространялось на военную область, где прусский генеральный штаб оставался главным локомотивом нововведений.

Мольтке по-прежнему был «патриархом», главой большой семьи, все теснее сплачивавшейся вокруг него. Его сестра Лугуста вела хозяйство; ее сын Генри Бурт продолжал служить адъютантом фельдмаршала. Переехал к Мольтке и его брат Фридрих, а также вдова умершего в 1871 г. Адольфа, занимавшая вместе со своими сыновьями отдельный домик в Крайзау. О своих племянниках шеф генерального штаба заботился как о родных детях; внуки его брата воспринимали Мольтке как родного дедушку, и он с удовольствием играл с ними.

Роль патриарха Мольтке старался играть и по отношению к жителям принадлежащих ему земель. Благотворительность была не чужда его натуре; однако он предпочитал не индивидуальные подачки, которые лишь усиливают неравенство и зависть, а мероприятия, идущие на пользу всем. Лишь труд и экономность помогут выбраться из бедности — считал фельдмаршал. Для крестьян, работавших на его землях, был установлен достаточно короткий по тем временам десятичасовой рабочий день. Мольтке лично общался с работниками, винкал в их проблемы. В 1876 г. на его средства была построена новая сельская школа, открыта библиотека. Фельдмаршал создал своеобразную школьную сберкассу — любой ученик на каждую накопленную в течение года марку получал еще одну от Мольтке. Особенно прилежным выплачивалась премия в размере 20–30 марок. Впоследствии на средства Мольтке был сооружен детский сад и летний лагерь для детей из Бреслау.

Говоря о религиозности Мольтке, трудно подыскать для нее точные определения. Шеф генерального штаба был глубоко светским человеком, однако вера играла в его жизни немалую роль. Он верил в загробную жизнь, считая, что «земное существование не может быть нашей конечной целью. Мы не молили о нем, оно было нам дано. У нас должно быть высшее предназначение, чем раз за разом обновлять круг этих печальных жизней»; «тело и разум служат душе, но у них есть и свои требования, и жизнь человека становится постоянной борьбой с самим собой. <...> Остается надеяться, что Господь, создавший нас несовершенными, не будет требовать от нас совершенства»<sup>114</sup>.

При этом он не мог целиком и полностью примкнуть ни к одной из конфессий. Воспитанный в протестантской вере, он обладал большой душевной

<sup>114</sup> Ibid. S. 389.



склонностью к католицизму. В 1878 г. он ответил на предложение вступить в Евангелический союз: «Велико число тех, кто честно ищут правды, но не пришли к тем истинам, которые закреплены в статутах и которые являются правилом для любого протестантского священника. И не являются лжецами или сомневающимися люди, которые, будучи честными сами с собой, не могут утверждать, что эти статуты отражают их истинные убеждения. Именно к таким людям принадлежу я»<sup>115</sup>. В Крайзау Мольтке жил в преимущественно католическом окружении, первоначальным местом упокоения его супруги стала местная католическая церковь. Шефу генерального штаба импонировала строгая и могучая организация Католической церкви, величественная пышность ее ритуалов.

Симпатия к католицизму перекликалась с симпатией к Италии. С официальным визитом фельдмаршал побывал здесь осенью 1875 г. в свите короля Вильгельма и был удостоен длительной аудиенции у короля Виктора-Эммануила; итальянский монарх преподнес полководцу свой мраморный бюст. Весной 1876 г. Мольтке в последний раз в своей жизни посетил Рим и Неаполь. Теперь это была столица не папы римского, избравшего добровольное заточение в стенах Ватикана, а молодого итальянского государства. В Италии фельдмаршал лечил астму, которая в последнее время стала одолевать его. В 1880 г. Мольтке отправился в Гаштайн и Вену и при этом случайно остановился в том же самом номере отеля, в котором шесть недель пролежал с лихорадкой 40 лет назад, возвращаясь из Турции. В 1878 и 1881 гг. Мольтке посетил Швецию и встретился со своими дальними родственниками. По пути он побывал в Копенгагене. В июле 1881 г. шеф генерального штаба отправился со своим племянником и тезкой в Высокие Татры. Любовь к путешествиям Мольтке сохранил до конца своих дней, правда, предавался ей уже не с такой пылкостью, как прежде. Годы брали свое...

<sup>115</sup> *Moltke H.K.B.v. Aufzeichnungen...* S. 285.

## Глава 12. НА СКЛОНЕ ЛЕТ

*Назначение Вальдерзее — Деятельность Мольтке  
в 1880-х гг. — Частная жизнь — Отставка — Последние годы*

Мольтке становилось все труднее заниматься многочисленными служебными делами, руководить учебными поездками. Астма, болезни желудка ослабляли его и без того не слишком крепкий организм. В 1881 г., на 82-м году жизни, он подает монарху прошение об отставке, которое тот, конечно же, отклоняет. «Ваши заслуги перед армией слишком велики, для того чтобы когда-либо помыслить о Вашем уходе из ее рядов, Ваши совет и поддержку я ценю слишком высоко для того, чтобы когда-либо отказаться от них», — писал император<sup>1</sup>. Однако Вильгельм I, сам уже далеко не молодой человек, прекрасно понимал, каким тяжким бременем ложатся на плечи Мольтке его обязанности. Поэтому, писал император, «я с радостью готов по возможности облегчить груз Ваших дел и потому с удовольствием иду навстречу Вашей просьбе о назначении генерал-квартирмейстера»<sup>2</sup>. Подобрать подходящего человека было сложно; Мольтке, хотя и предоставлял своим сотрудникам свободу действий, выдвигал к ним достаточно высокие требования: их работа должна была соответствовать ожиданиям шефа. Фельдмаршал требовал, чтобы его помощник был одновременно и его наследником; таким образом, от занимающего эту должность офицера требовалось вникать во все дела, не выходя при этом из образа помощника, что было довольно трудно. Именно поэтому первоначальный кандидат — Блументаль — не смог занять этот пост: он был слишком самостоятелен.

<sup>1</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen...* S. 297.

<sup>2</sup> *Herre F. Moltke.* S. 374.

Главным претендентом на роль генерал-квартирмейстера — человека, которому предстояло стать правой рукой, а затем и преемником шефа генерального штаба — оказался 49-летний граф Альфред фон Вальдерзее. Потомственный офицер, он в описываемый период был начальником штаба X Армейского корпуса. Честолюбивый, умный, исполнительный, блестяще умеющий входить в доверие и плести интриги (в генеральном штабе его называли «лисом») человек imponировал старому Мольтке, не замечавшему многих его отрицательных черт. В связи с ухудшением здоровья фельдмаршала Вальдерзее временно руководил учебной поездкой 1880 г., заслужив похвалу Мольтке. Совместная работа в ходе учебной поездки 1881 г. — последней, которой Мольтке руководил лично, — помогла в значительной степени развеять определенное недоверие фельдмаршала к его кандидатуре. К тому же у фельдмаршала и Вальдерзее было немало общих убеждений: оба являлись сторонниками превентивной войны, оба выступали за независимость генерального штаба по отношению к остальным институтам. В самом конце 1881 г. назначение Вальдерзее состоялось.

Генерал-квартирмейстер взял на себя основной объем текущих дел, Мольтке оставил себе лишь наиболее общие вопросы стратегического характера. Власть постепенно уплывала из его рук, но он слишком устал для того, чтобы пытаться исправить ситуацию, и вполне доверял своему ближайшему помощнику. К тому же Вальдерзее был предельно тактичен, что и позволило двум столь разным по характеру людям спокойно проработать вместе более шесть лет.

После назначения Вальдерзее в Большом генеральном штабе были произведены значительные кадровые перестановки. На посту адъютанта де Клера сменил майор фон Госслер. Железнодорожное отделение было передано полковнику Оберхоферу, а во главе второго отделения, которое теперь занималось исключительно вопросами мобилизации и развертывания, встал подполковник Фогель фон Фалькенштайн — сын давнего противника Мольтке. Впрочем, его, в отличие от отца, фельдмаршал ценил очень высоко<sup>3</sup>.

С приходом Вальдерзее соперничество между генеральным штабом и военным министерством, тлевшее еще со времен кампаний 1866–1871 гг., вновь вырвалось на поверхность. Офицеры генштаба жаловались, что продвигаются по службе медленнее, чем их коллеги из военного министерства, и указывали на трудности координации своих планов с министерством, которое по-прежнему отвечало за вопросы снабжения<sup>4</sup>. В 1883 г. генеральный штаб получил независимость от военного министерства, перейдя в прямое подчинение императору. Это решение было продиктовано Вальдерзее,

<sup>3</sup> Kessel E. Moltke. S. 688.

<sup>4</sup> Craig G. Die preussisch-deutsche Armee. S. 255.

который, не обладая авторитетом Мольке, желал, чтобы давно сложившиеся *de facto* отношения были бы закреплены и формально. Никакого сопротивления на этом пути он не встретил — император был готов пойти на такую реформу уже давно, а Мольке она была глубоко безразлична. Вскоре военный министр Камеке был вынужден уйти в отставку, и на его место по настоянию Вальдерзее и Альбедилля был назначен один из сподвижников Мольке — Пауль Бронзарт фон Шеллендорф. Вальдерзее очень помогало то, что он всегда мог опереться на авторитет Мольке. «Пусть Господь дарует этому замечательному человеку еще долгие годы, — писал он в 1885 г. в своем дневнике. — Я не хотел бы себе лучшей судьбы, чем работать под его началом»<sup>5</sup>.

Вальдерзее горячо выступал за скорейшую превентивную войну. Ему не терпелось снискать лавры на полях сражений. При этом он питал к политическому руководству страны гораздо меньше пиетета, чем Мольке: «Государственная власть может лишь создать для нации наиболее благоприятную с военно-стратегической точки зрения исходную позицию, поскольку последнее слово все равно скажут мечи»<sup>6</sup>. Соответственно, достаточно быстро он вступил в конфликт с Бисмарком, изначально симпатизировавшим новому генерал-квартирмейстеру; уже в 1886 г. пути двух деятелей окончательно разошлись. Однако произошло это не сразу; еще в 1882 г. Бисмарк разрешил Вальдерзее поддерживать прямые контакты с австрийским генеральным штабом — уступка, которая в дальнейшем доставила канцлеру и его преемникам немало хлопот<sup>7</sup>.

Вальдерзее старался всячески усилить свое влияние на внешнюю политику страны. В частности, он сделал многое для того, чтобы превратить военных атташе за рубежом в свой личный дипломатический корпус. Согласно плану генерал-квартирмейстера, военные атташе должны иметь право посылать свои донесения непосредственно императору в обход всех дипломатических инстанций. Лишь с большим трудом удалось Бисмарку похоронить этот честолюбивый замысел. Однако право атташе вести прямую переписку с военным министерством и генеральным штабом в случае, если речь шла о чисто военных вопросах, не оспаривалось с 1869 г. практически никем. Круг же «чисто военных вопросов» было определить весьма трудно. Особенно большое влияние имел атташе в Петербурге, который традиционно играл роль личного представителя прусского короля при дворе Романовых. Он пользовался особым доверием российского императора и действовал совершенно независимо от дипломатического представителя.

<sup>5</sup> Kessel E. Op. cit. S. 694.

<sup>6</sup> Jeismann K.-E. Das Problem des Präventivkrieges, S. 144.

<sup>7</sup> Kessel E. Op. cit. S. 706.

Стремительно увеличивался численный состав генерального штаба. К концу 1880-х гг. в нем проходило службу 197 сотрудников<sup>8</sup>. Вальдерзее, как и Мольтке, заботился о сплоченности рядов учреждения, о том, чтобы в нем не было внутренних склок и раздоров и в значительной степени добился этого. В генеральный штаб приезжали офицеры греческой, румынской, турецкой, итальянской, японской армий, чтобы перенять бесценный опыт; миссии во главе с прусскими офицерами отправлялись в азиатские государства для проведения там военных реформ.

\*\*\*

Представлять дело так, что Мольтке совершенно отошел от дел и оставался лишь «свадебным генералом», было бы неверно. Он внимательно следил за международной политикой и по-прежнему создавал, часто с помощью Вальдерзее, планы новых кампаний. Так, все время уточнялись сценарии войны на два фронта; центр тяжести все в большей степени переносился на восток. С 1882 г. велись активные переговоры с австрийскими военными, касавшиеся сценария будущей войны с Россией. Совместные планы составлялись в наступательном духе.

По-прежнему деятельным оставался Мольтке и на трибуне рейхстага. В 1880 г. фельдмаршал произнес речь по поводу законопроекта, усиливавшего немецкую армию. В ней фигурировали все те же мысли о враждебном окружении, необходимости поддержки правительства, о том, что «только собственные силы определяют судьбу любой нации»<sup>9</sup>. Закон был принят палатой без существенных поправок. Стремление многих партий хотя бы частично контролировать вооруженные силы приводило Мольтке в ярость. «Основы нашей армии ныне сотрясают со всех сторон, и даже в рейхстаге, который без нее вообще не появился бы на свет», — писал он в одном из своих писем<sup>10</sup>. Именно парламенты, народные представительства ставят под угрозу мир в Европе, а сильные авторитарные режимы заботятся о его сохранении, считал фельдмаршал. В 1883 г. он вновь горячо выступает за интересы вооруженных сил, когда в палате речь заходит о «кастовом духе» армии. «Для кастового духа у нас есть свое название: товарищество. Это — прочная связь, которая соединяет офицеров одного полка, <...> именно ей мы обязаны боевыми успехами, которые были достигнуты»<sup>11</sup>. В апреле 1884 г. Мольтке выступает в рейхстаге в поддержку законопроекта об освобождении офицеров от коммунальных налогов.

<sup>8</sup> Герлиц В. Германский генеральный штаб. С. 99.

<sup>9</sup> *Moltke H.K.V.z. Leben und Werk...* S. 459.

<sup>10</sup> *Moltke H.K.V.z. Aufzeichnungen...* S. 297.

<sup>11</sup> *Moltke H.K.V.z. AW, Bd. 3, S. 310.*

Последним по-настоящему крупным всплеском активности Мольтке стал кризис 1886–1887 гг., затронувший и внутреннюю, и внешнюю политику Германии. В этот период с подачи Бисмарка разразилась очередная «военная тревога»; немецкая дипломатия начала активно спекулировать угрозой войны как с Францией, так и с Россией. Обострение австро-русских противоречий на Балканах и связанный с именем генерала Буланже всплеск реваншизма во Франции создавали благоприятную почву для кризиса. Бисмарк использовал ее, чтобы раздуть новую «военную тревогу».

Мольтке, как и в 1875 г., готовился к войне вполне серьезно, и Вальдерзее поддерживал его в этом. Немецкая военная верхушка рвалась в атаку, и ее настроения прекрасно выразил командующий VIII армейским корпусом генерал фон Лее, заявивший: «Нужно повторить 1756 год!»<sup>12</sup> «В этот момент среди военного руководства едва ли удалось бы найти человека, который бы не верил в преимущества превентивного удара по России», — писали впоследствии немецкие исследователи<sup>13</sup>. Планы 1886 г. предусматривали два варианта: войну Германии с Францией и войну против франко-русской коалиции в союзе с Австрией. При этом и на западе, и на востоке предстояло задействовать примерно равные силы. В меморандуме «Основные черты развертывания на Западе» (1887 г.) фельдмаршал рассматривает варианты французского наступления и предлагает сначала выждать атаку противника, а затем, успешно ее отразив, перейти в контрнаступление с использованием фланговых ударов. В ноябре 1887 г. он пишет меморандум относительно сотрудничества с Италией в войне против Франции (Италия в 1882 г. примкнула к австро-германскому союзу, превратив его в Тройственный). В нем он настаивал в первую очередь на синхронности действий обоих союзников. Этот документ послужил базой для дальнейших военных переговоров с итальянцами, в которых фельдмаршал принимал самое деятельное участие. На состоявшихся на рубеже 1887–1888 гг. встречах итальянцы обязались не только наступать в Южной Франции, но и выразили желание отправить экспедиционный корпус на Рейн.

Одновременно в ноябре 1887 г. Мольтке создал памятную записку «Развитие вооруженных сил России с особым вниманием к текущему 1887 году», в которой доказывал, что восточный сосед готовится к скорой войне. Следовательно, необходимо как можно быстрее нанести упреждающий удар — возможно, уже этой зимой. Ознакомившийся с запиской, Бисмарк заявил, что считает «выводы графа Мольтке преждевременными»<sup>14</sup>; он только

<sup>12</sup> *Jeismann K.-E.* Op. cit. S. 144. По другим данным, эта фраза принадлежит самому Мольтке.

<sup>13</sup> *Deutsche Militärgeschichte...* Bd. 2. Teil 1. S. 225.

<sup>14</sup> *GP.* Bd. 6. S. 25.

что заключил с Россией секретный «договор перестраховки» — пакт о ненападении, о котором генеральный штаб не был извещен.

В ответ фельдмаршал пишет канцлеру письмо с доказательствами своей правоты. Одновременно он начал переговоры с австрийскими военными по поводу превентивной войны с Россией, уведомив о них монарха и ведомство иностранных дел. Главным действующим лицом на первом этапе стал военный атташе Германии в Вене майор Дейзес, который вышел далеко за рамки своих полномочий, обещая пересмотр договора 1879 г. в наступательном духе и советуя австрийцам начать переброску войск к русским границам. Даже Мольтке был вынужден впоследствии признать, что майор «был слишком далеко увлечен своей военной страстью»<sup>15</sup>. Однако затем Мольтке и Вальдерзее начали прямые переговоры с австрийским военным атташе в Берлине бароном Штайннигером.

Бисмарк резко протестует против подобного вмешательства в сферу его компетенции; между ним и Мольтке разыгрывается в конце 1887 г. очередной конфликт. «Успех дипломатии был всерьез поставлен под угрозу из-за безответственных действий военных инстанций», — считал Г. Крейг<sup>16</sup>. В итоге Бисмарк был вынужден сообщить шефу генерального штаба то, что тому уже давно положено знать, — между Германией и Россией существует тайный договор. Фельдмаршал вынужден уступить — и выхолостить переговоры с австрийцами, к большому разочарованию последних; им было объявлено, что все обсуждаемые мероприятия относятся не к текущему моменту, а к случаю *casus foederis*<sup>17</sup>, решение о котором будет принимать политическое руководство. «Мы не можем ничего обещать австрийцам — никакого развертывания, никакой мобилизации, если они будут нападающей стороной»<sup>18</sup>. Военные официально заверили канцлера, что не собираются вмешиваться в сферу его компетенции.

Мольтке вновь подробно прорабатывает сценарий будущей войны. В начале 1888 г. из-под пера шефа генерального штаба выходит еще ряд памятных записок, посвященных войне на два фронта. «Позволят ли император Александр и монсеньер Буланже мне выбраться в этом году в Крайзау, сказать трудно», — пишет он 26 марта<sup>19</sup>. Убедившись в готовности австрийцев воевать, Мольтке предусматривает использование двух третей германской армии на западе; в этом случае отход к Рейну представляется практически

<sup>15</sup> Craig G. Die preussisch-deutsche Armee. S. 296.

<sup>16</sup> Ibid. S. 14.

<sup>17</sup> *Casus foederis* (лат.) — ситуация, предусматривающая выполнение одной из сторон своих союзных обязательств.

<sup>18</sup> GP. Bd. 6. S. 62.

<sup>19</sup> Moitte H.K.V.d. AW. Bd. 3. S. 121.

невероятным. Мощные силы на хорошей позиции смогут не пустить врага в глубь территории Эльзаса и Лотарингии, считал фельдмаршал. Кроме того, определенную часть французской армии должны сковать итальянцы. Как именно они будут действовать — для Мольтке было неважно, главное, что они в любом случае притянут на себя несколько дивизий противника. Что касается итогов войны на западе, то Мольтке выступал за аннексию Бельфора, считая, что эта крепость необходима с военной точки зрения.

Как и прежде, внешние потрясения должны были способствовать решению внутривнутриполитических задач — заставить рейхстаг принять новый военный закон, увеличивавший численность германской армии. В парламенте Мольтке в конце 1886 г. вновь произносил зажигательные речи о внешней угрозы и высоком значении армии: «Армия — благороднейший из всех институтов страны, потому что только она обеспечивает существование всего остального»<sup>20</sup>. Вся Европа вооружается, и если правительственное предложение будет отклонено, война неизбежна. «Если среди этого политического напряжения хоть одно государство в состоянии действовать в пользу мира, то это — Германия!»<sup>21</sup> Его красноречие пропало даром: депутаты не приняли предложение правительства. Рейхстаг, не пожелавший одобрить военный законопроект, был распущен; избирательная кампания велась под лозунгом «Отечество в опасности!», позволившим получить послушное правительству большинство. Первое заседание нового рейхстага 3 марта 1887 г. открывал Мольтке, как старейший из депутатов. Палата безоговорочно приняла новый закон, а несколько месяцев спустя и еще один, предусматривавший новое увеличение вооруженных сил.

Мольтке продолжал живо интересоваться внутренней политикой. Он поддерживал социальное законодательство Бисмарка, весьма прогрессивное для своего времени, поскольку считал, что оно, во-первых, смягчит условия жизни трудящихся и, во-вторых, заставит их отвернуться от социализма. Считая частную собственность основой стабильного общественного порядка, он по-прежнему видел в социализме главную угрозу.

В 1887–1888 гг. Мольтке написал сокращенную версию «Истории германо-французской войны». Кроме того, он принимал участие в работе над трудом, посвященным кампании 1864 г., и отдал распоряжение об изучении опыта войн Фридриха Великого. Мемуары он по-прежнему писать не хотел, чтобы не вносить в историю излишнюю субъективность.

\*\*\*

<sup>20</sup> Herre F. Op. cit. S. 366.

<sup>21</sup> Molte H.K.B.v. AW. Bd. 3. S. 343.



В 1880-е гг. фельдмаршал все больше времени проводит в своем любимом Крайзау. Постепенно имение превращалось в своеобразный прижизненный музей. Усадьба была построена в стиле ренессанса и в плане напоминала букву «П»; главный корпус был трехэтажным. На воротах стояли статуи боргезских бойцов, в центре прямоугольного двора рос дуб, посаженный в честь седанской победы. Вход в дом охраняли две трофейные пушки последней кампании, внутри, рядом с лестницей, висела конная статуя Вильгельма I. В гостиных висели памятные подарки, всевозможные дипломы и письма об избрании почетным гражданином. Рабочая же комната была обставлена весьма скромно: диван, кресло, письменный стол, протые гардины из тюля.

Сюда все чаще приезжали люди, желавшие пообщаться с фельдмаршалом — сильные мира сего, ученые, политики, историки. Для многих из них Мольтке охотно исполнял роль экскурсовода. Делал он это скорее из уважения к гостям, нежели из старческого тщеславия. Фельдмаршал по-прежнему предпочитал покой и уединение. Уже разросся посаженный им парк, которому он по-прежнему уделял большое внимание: подстригал деревья и кустарники, сажал цветы, распорядился о прокладке дорожек и установке скамеек: «И через сто лет все здесь должно быть прекрасным!»<sup>22</sup> В парке росли деревья из самых разных стран, в том числе редких пород. Через парк протекала быстрая речка, на лужайках стояло несколько статуй. Любимым местом отдыха фельдмаршала была белая скамья под раскидистым дубом.

Неподдельным был интерес Мольтке к сельскому хозяйству. Он изучал соответствующую литературу, ввел много нового в обработку своих полей. В результате имение, купленное убыточным, к концу его жизни стало одним из образцовых хозяйств провинции. Фельдмаршал отслеживал все новинки научно-технического прогресса, любил ходить на выставки — как художественные, так и технические — и на концерты.

Мольтке вставал по привычке рано — в семь часов утра. День начинался с утреннего кофе, работы за письменным столом и небольшой прогулки на свежем воздухе. К 10 утра приходила почта — газеты и многочисленные письма, в том числе и деловые, из генерального штаба, над которыми фельдмаршал просиживал порой целыми днями. Коллеги (в том числе и Вальдерзее) даже после отставки Мольтке нередко навещали его; старый полководец всегда принимал их радушно, польщенный таким вниманием. Для письменных работ фельдмаршал иногда прибегал к помощи адъютанта, хотя в принципе принимать какую-либо помощь, в том числе врачебную, он не любил.

<sup>22</sup> Müller-Bohn II. Op. cit. S. 467.

Центральным моментом дня был начинавшийся в четыре часа пополудни обед, за которым собирались все домочадцы фельдмаршала. Здесь последний бывал весьма разговорчив, с удовольствием рассказывал анекдоты из истории прусской королевской династии, много шутил. Стол был обставлен довольно скромно; из напитков на нем присутствовали легкое рейнское или мозельское вино. После обеда вся семья нередко играла в крокет. В более поздние годы адъютант читал фельдмаршалу вслух книги или газеты.

Вечером, как правило, следовала традиционная карточная игра в вист. Фельдмаршал играл на чисто символические суммы и при этом очень не любил проигрывать; всю вину за проигрыш он, как правило, сваливал на своего партнера. В одиннадцать вечера Мольтке отходил ко сну.

Фельдмаршал продолжал заботиться о своих многочисленных родственниках. «Никогда не поздно делать добро», — сказал он однажды одному из своих собеседников<sup>23</sup>. Посылая деньги своему внучатому племяннику Гельмуту, он писал: «Если ты положишь все деньги на сберегательную книжку, ты скуп, если растратишь за короткое время — ты мот; правильна золотая середина»<sup>24</sup>.

В Крайзау вместе с Мольтке жил его племянник Гельмут, ставший в 1883 г. его личным адъютантом, со своей семьей. Именно они были для старика самыми близкими людьми. Однако и на склоне лет фельдмаршал продолжал страдать от того, что ему так и не суждено было обзавестись собственными детьми. Встретив на курорте старого знакомого, отдохнувшего там с сыном, он сказал ему со слезами на глазах: «Вы — счастливый человек!»<sup>25</sup> Наконец Мольтке воплотил свою давнюю мечту — нарисовал огромное родословное древо, где отразил историю своей семьи; фельдмаршал лично работал в архивах, исследовал церковные метрики. Практически все его братья и сестры умерли; в 1874 г. ушел в мир иной Фриц, в 1883 г. — Аугуста. Еще были живы Людвиг и Лене, но с ними Мольтке встречался все реже. Правда, именно к Людвигу он отправился в 1879 г., когда в Берлине торжественно отмечался 60-летний юбилей его военной карьеры, а на свое 80-летие уехал к старому другу Патову в Магдебург.

Мольтке по-прежнему поддерживал отношения со всеми отпрысками своих братьев и сестер, нередко писал письма даже их детям — своим внучатым и правнучатым племянникам. Когда они подрастали, он старался помогать им советами, а в случае необходимости — и деньгами. В частности, он оплачивал учебу многих из них: как писал Э. Кессель, «по большому

<sup>23</sup> Moltke H.K.V.d. Gespräche. S. 192.

<sup>24</sup> Moltke H.K.V.d. Aufzeichnungen... S. 312.

<sup>25</sup> Moltke H.K.V.d. Gespräche. S. 202.

счету все они зависели от него в финансовом плане»<sup>26</sup>. Своему племяннику Людвигу он купил небольшое поместье; племянник обеспечил внушительными суммами в качестве приданого. Однако было бы ошибкой полагать, что авторитет Мольтке в семье покоился только на его деньгах.

Иногда он предпринимал путешествия — в основном на курорты, для лечения своей астмы. Швейцарский Рагац, австрийский Гаштайн, итальянская Ривьера — вот география его поездок в этот период. Он испытывал блаженство, сидя на берегу Средиземного моря и «слушая шум волн — спокойное дыхание засыпающего моря»<sup>27</sup>. «Какая прекрасная страна эта Италия!» — в очередной раз восклицал он<sup>28</sup>. В 1882 г. Мольтке побывал в Копенгагене, посетив места, где прошло его детство.

Возраст отражался и на лице полководца, лишь в глазах по-прежнему блискнул острый ум. «Его кожа была морщинистой и темной, настолько, что его лицо казалось лицом мумии. Это контрастировало с гладкими каштановыми волосами. Черты лица были крупными и величественными, твердый подбородок и плотно сжатые губы выглядели так, словно были высечены из гранита. Из-под высокого лба смотрели пронзительным, острым взглядом серые глаза, которые, казалось, за один взгляд могли составить полное представление о человеке, ничуть не нарушая олимпийского спокойствия ума, отражавшегося в них. Мне показалось, что я увидел на этом лице опыт бесконечности, а также внутреннюю силу, подобной которой я не встречал до этого» — так описывал свои впечатления от встречи с Мольтке британский путешественник<sup>29</sup>. По воспоминаниям современников, от Мольтке веяло глубоким спокойствием. Юный Остин Чемберлен говорил, что фельдмаршал напоминает скорее «профессора метафизики или малопонятных математических исследований»<sup>30</sup>.



9 марта 1888 г. произошло событие, в последний раз перевернувшее жизнь Мольтке: скончался старый император Вильгельм I. Не подлежит сомнению, что фельдмаршал тяжело переживал потерю своего монарха, к которому питал искреннюю привязанность и уважение. Тем же самым платил ему и Вильгельм. Мольтке присутствовал у постели умирающего<sup>31</sup>. Потрясение было настолько сильным, что Мольтке и Бисмарк, как это бывало нечасто,

<sup>26</sup> Kessel E. Op. cit. S. 759.

<sup>27</sup> Herre F. Op. cit. S. 380.

<sup>28</sup> Moltke H.K.B.v. AW. Bd. 4. S. 379.

<sup>29</sup> Wilkinson S. The early life of Moltke. P. 3.

<sup>30</sup> Allmayer-Beck J.C. Die Gedankenwelt Moltkes und Erzherzog Albrechts von Oesterreich. S. 119.

<sup>31</sup> Kessel E. Op. cit. S. 735.

почувствовали себя близкими соратниками, внезапно лишившимися своего предводителя. «Однажды заведенные часы службы не дают нам свернуть с пути», — сказал канцлер, пожимая руку шефу генерального штаба<sup>32</sup>.

На трон взошел смертельно больной Фридрих III, страдавший от рака гортани. Одним из первых, кто получил у него аудиенцию, был Мольтке. «Непостижимо, как болезнь может изменить внешность — передо мной был совершенно другой человек! — вспоминал фельдмаршал. — Воистину трагическая судьба: одной ногой на троне, другой — уже в могиле»<sup>33</sup>. Монарх не мог говорить и лишь написал своему бывшему адъютанту на листе бумаги: «Останьтесь для меня тем же, кем Вы были моему отцу, — другом, доверенным лицом, героическим советчиком ради блага нашей армии»<sup>34</sup>. Служба новому императору продлилась недолго — 15 июня 1888 г., после 99 дней правления, Фридрих III скончался.

На германский престол взошел его молодой, честолюбивый и энергичный сын — Вильгельм II. Он символизировал начало новой эры, новой главы в истории Германии, новой команды у руля. Мольтке прекрасно понял это и 3 августа 1888 г. попросил о своей отставке. «Я больше не могу сесть на лошадь, — писал фельдмаршал. — Вашему Величеству требуются более молодые сотрудники, а не шеф генерального штаба, который уже неспособен к службе. Я прошу как о милости дать мне отставку»<sup>35</sup>.

Молодой император согласился быть милостивым. 9 августа он принял отставку Мольтке, написав множество красивых слов о сожалении, которое он испытывает при этом, о невозможной потере, которую понесла армия... Вильгельм и правда относился к старому военачальнику с большим уважением — его детские воспоминания были связаны с победоносными войнами за объединение, и внешнеполитическая концепция будущего императора была во многом сформирована под влиянием взглядов, господствовавших в генеральном штабе. Можно сказать, что Мольтке несет косвенную ответственность за внешнюю политику Германии эпохи Вильгельма II — политику, которую он уже не увидел и, возможно, не одобрил бы.

Фельдмаршал был назначен главой комиссии по обороне страны — чисто декоративная должность без всякой функциональной нагрузки. «Я счастлив и дальше оставаться на службе», — отреагировал на это назначение сам Мольтке<sup>36</sup>. Ему были оставлены служебная квартира в здании генерального штаба и личный адъютант, император подарил Мольтке украшенную

<sup>32</sup> *Klemm M.* Was sagt Bismarck dazu? Bd. 2. Berlin, 1924. S. 58.

<sup>33</sup> *Herre F.* Op. cit. S. 382.

<sup>34</sup> *Ibid.*

<sup>35</sup> *Ibid.* S. 383.

<sup>36</sup> *Müller-Bohn H.* Op. cit. S. 511.

драгоценными камнями саблю и золотую табакерку. Вильгельм и в дальнейшем часто беседовал с бывшим шефом генерального штаба, навещал его в Крайзау.

Время титанов прошло. Ушли со сцены Вильгельм I и Мольтке. Не понял этого лишь Бисмарк, попытавшийся сохранить свое положение при новом императоре и вынужденный уйти в отставку два года спустя. «Печальное зрелище, — прокомментировал это Мольтке. — Новый господин еще заставит нас удивляться»<sup>37</sup>.

Бывший шеф генерального штаба большую часть года проводил в Крайзау, однако не забывал и Берлин. Он по-прежнему оставался депутатом рейхстага. 14 мая 1890 г. он произнес речь, посвященную новому военному законопроекту, в которой отстаивал новое увеличение армии — конечно же, во имя мира. 16 марта 1891 г. он произнес свою последнюю речь в палате — по иронии судьбы она была посвящена не чисто военным вопросам, а введению во всей Германии единого времени. Правда, Мольтке не преминул упомянуть и о военном значении этой меры, необходимой для облегчения мобилизационного планирования.

Кроме того, Мольтке привлекался в 1890 г. к обсуждению плана Верди дю Вернуа, предусматривавшего быстрое наращивание численности германской армии. План пришелся очень по душе молодому Вильгельму II, Мольтке же оценивал его скептически. Он боялся, что быстрый количественный рост вызовет снижение качественных показателей. В конечном счете было принято компромиссное решение, увеличивавшее армию на первом этапе не на 39, а на 18 тыс. солдат.

Преемником Мольтке на посту шефа генерального штаба стал Вальдерзее, пользовавшийся особым доверием нового императора. Впрочем, стремление контролировать молодого монарха быстро стояло ему должности; в 1891 г. ему на смену на целых 15 лет пришел Альфред фон Шлиффен. Одним из первых распоряжений императора, адресованных новому шефу генерального штаба, было требование консультироваться с Мольтке по всем важнейшим вопросам. Шлиффен был мало знаком фельдмаршалу, горячо возражавшему против отставки Вальдерзее, поэтому, хотя новый шеф генерального штаба провозглашал себя продолжателем дела Мольтке и оба были очень похожи по характеру, между ними возникло отчуждение.

Мольтке продолжал по мере сил заниматься военными вопросами. Так, в марте 1890 г. им был составлен очередной проект «Концентрация против России». Что гораздо важнее, в последние годы своей жизни он четко сформулировал, какой будет следующая война — длительной всемирной бойней, в ходе которой погибнут миллионы людей. «Войны современности, — писал

<sup>37</sup> Herre F. Op. cit. S. 384.

он в предисловии к своей увидевшей свет в 1887 г. «Истории германо-французской войны», — зовут к оружию целые народы, и нет семьи, которая осталась бы не затронутой ими. Вся финансовая мощь государства находится в напряжении»<sup>38</sup>. 14 мая 1890 г. в рейхстаге он заявил: «Если разразится война, ее продолжительность и ее окончание нельзя предугадать. Великие державы Европы, вооруженные, как никогда ранее, вступят в борьбу; ни одна из них не может быть разгромлена в ходе одной или двух операций настолько, чтобы объявить себя побежденной, согласиться на жесткие условия мира и отказаться от возобновления военных действий. Господа, это может быть семилетняя, даже тридцатилетняя война — и горе тому, кто вызовет европейский пожар, кто первым зажжет фитиль у пороховой бочки!»<sup>39</sup> Большинство современников оставили этот прогноз без внимания, но он оправдался четверть века спустя. «Германии предстоит тяжелое время», — писал Мольтке в 1888 г.<sup>40</sup>

Военная литература тоже оставалась в поле зрения фельдмаршала, тем более что каждый автор считал своим долгом прислать ему экземпляр своего творения. Правда, относился Мольтке к большинству таких произведений довольно скептически. Получив «Стратегические письма» принца Крафта цу Гогенлоэ-Ингельфинген, он в своем любимом тоне воскликнул: «Как можно писать книгу о стратегии?! Об этом вообще ничего нельзя написать. Стратегия — не более чем применение здравого смысла, этому невозможно научить!»<sup>41</sup> К своей профессии фельдмаршал относился с известной долей иронии, его любимой шуткой был вопрос о том, кто являлся первым офицером генерального штаба. «Моисей; потому что ему удалось водить евреев 40 лет по довольно маленькой пустыне», — отвечал сам Мольтке<sup>42</sup>.

Старик без всякого энтузиазма смотрел на новую эпоху, эпоху империализма и триумфального шествия буржуазных ценностей в новой империи, несмотря на то что он сам в значительной степени подготовил ее приход. Шум и суета, речи ораторов и возня прессы были ему чужды и враждебны. Порой это выливалось в весьма пессимистические настроения: «Если вера индийцев в переселение душ верна, то я бы не хотел больше рождаться человеком; потому что человеческая жизнь, собственно говоря, состоит из одних разочарований»<sup>43</sup>. Рост влияния денежных тузов, проливаемая

<sup>38</sup> *Moltke H.K.v. Aufzeichnungen...* S. 298.

<sup>39</sup> *Ibid.* S. 311.

<sup>40</sup> *Ibid.* S. 309.

<sup>41</sup> *Moltke H.K.v. Gespräche.* S. 210.

<sup>42</sup> *Kessel E.* *Op. cit.* S. 750.

<sup>43</sup> *Herre F.* *Op. cit.* S. 387.

ради золота кровь вызывали у него отвращение: «В наши дни биржа приобрела такое влияние, что может послать целую армию сражаться за свои интересы»<sup>44</sup>.

Одним из самых опасных проявлений новой эпохи Мольтке считал рост социализма. Чтобы сдержать его, необходимы социальные реформы, а их могут провести не крупные буржуа, сидящие в парламенте и заботящиеся о своих кошельках, а только «сильная монархия, имеющая волю и власть»<sup>45</sup>. Закон против социалистов был гуманной превентивной мерой, после его отмены остается только прибегнуть к репрессиям.

90-летие фельдмаршала отмечалось как общенациональный праздник. Торжественные мероприятия прошли во всех школах страны, в Берлине в честь Мольтке состоялось масштабное факельное шествие. «Мы благословляем день, который подарил немецкому народу Мольтке», — сказал бургомистр столицы Макс фон Форкенбек<sup>46</sup>. Вопреки традиции, Мольтке в этот день приехал в Берлин, сознательно оказавшись в самом центре торжеств. Его восторженно приветствовали десятки тысяч людей, собравшиеся у здания Большого генерального штаба. На праздничных балах и приемах он казался бодрым и свежим; создавалось впечатление, что время не имеет над ним никакой власти.

Но фельдмаршал уже ждал своей смерти: «Прожив соломонов век, остается лишь молить о даровании Господом легкой смерти, без боли и старческой слабости»<sup>47</sup>. Он писал: «Утешительные мысли о земной и уверенность в загробной жизни» — свое последнее произведение, в котором пытался подвести баланс земному существованию и найти его смысл. Здесь он прославляет разум, конечная цель которого — познание истины; это ни в коей мере не противоречит религии, разве что «форме, в которой она нам преподносится»<sup>48</sup>. Зерно всех религий — это мораль; в самом чистом и незамутненном виде преподносит нам ее христианство. Разум не противоречит морали, «добро, в конечном счете, оказывается самым разумным»<sup>49</sup>; человеческая воля не всегда прислушивается к разуму, но у каждого из нас есть справедливый и беспристрастный судия — его совесть. Совесть одинакова у каждого человека, вне зависимости от расы и вероисповедания; она — та частица добра, которая есть в любом человеке, и именно в ней нужно искать божественное. Будучи по натуре пессимистом, Мольтке тем не менее

<sup>44</sup> *Moltke H.K.V. Aufzeichnungen...* S. 299.

<sup>45</sup> *Ibid.* S. 314.

<sup>46</sup> *Ibid.* S. 312.

<sup>47</sup> *Ibid.* S. 309.

<sup>48</sup> *Ibid.* S. 316.

<sup>49</sup> *Ibid.* S. 317.

верил, что в каждом человеке есть крупица добра. Одно из главных ее проявлений — это любовь, любовь божественная и земная. Все равно, какому Богу молится человек — Господь один, и все молитвы в конечном счете достигают Его ушей.

24 апреля 1891 г. Мольтке присутствовал на заседании прусской палаты господ. Вернувшись домой, он поужинал, сыграл несколько партий в вист (в последней ему удалось собрать «большой шлем») и попросил сыграть ему несколько произведений на пианино. Потом внезапно ушел в соседнюю комнату, словно почувствовав недомогание; вошедшие сюда немного позже родственники застали его уже без сознания. Мольтке отнесли в спальню, где несколькими минутами позже, в 21.45, его усталое сердце остановилось.



## Послесловие. Полководец индустриальной эпохи

Смерть Мольтке завершила процесс его канонизации, начавшийся еще 20 годами ранее. «Меня словно оглушили! Я потерял армию, и это не уместится в моей голове!» — в свойственном ему пафосном тоне откликнулся на весть о кончине фельдмаршала Вильгельм II<sup>1</sup>. Немцы оплакивали почившего полководца и — Германию, потерявшую одного из лучших своих сыновей. Траурные мероприятия достигли невиданного ранее размаха.

Повсюду воздвигались памятники Мольтке, его именем был в начале XX в. назван новейший линейный крейсер. Выходили многочисленные статьи и книги, посвященные памяти полководца, его имя к месту и не к месту употреблялось во множестве официальных речей. Когда в 1900 г. одна авторитетная немецкая газета попросила своих читателей назвать самого выдающегося мыслителя XIX столетия, на первое место вышел именно покойный фельдмаршал (к слову сказать, как полководец он оказался лишь на втором месте после Наполеона).

Имя Мольтке стало важной составной частью государственной идеологии. В нем видели воплощение всего истинно немецкого — консервативный образ мыслей, верность государю, глубочайшая личная скромность, ничем не запятанная честь, глубокий и спокойный ум. «Этот человек, который не знал слов “я” и “мое”, который возвысился надо всем, что касалось его собственной личности, боролся и работал не ради себя, своего честолюбия, своей славы; он боролся и работал во имя высшей цели. Его честолюбие было направлено лишь на то, чтобы быть пусть не первым, но самым верным из слуг своего короля», — скажет Шлиффен в 1905 г. на открытии памятника Мольтке в Берлине<sup>2</sup>. «Долг был осевой линией его долгой жизни,

<sup>1</sup> Herre F. Op. cit. S. 391.

<sup>2</sup> Moltke H.K.V.v. NW. Bd. 1. S. 8.

работа — его спутницей, верность — основой его существа. Никогда не искал он выгод для себя, всегда подчинил он личное тому делу, которому служил. Своему королю, своему народу, армии, к которой он принадлежал, были посвящены его труды и заботы, его работа и творчество», — вторил ему Гельмут фон Мольтке-младший в 1910 г.<sup>3</sup>

Особенно силен был культ фельдмаршала в армии и генеральном штабе. Здесь его военный опыт был тщательно изучен, систематизирован и превращен в догму. Именно образ Мольтке вдохновлял немцев, когда они вступали в Первую мировую войну, и он совершенно не потускнел и после поражения. В Веймарской республике фельдмаршал остался символом непобежденной Германии, готовой возродиться к новым битвам. «Старый Мольтке нам исключительно необходим именно теперь, как высокий образец не только в области военных добродетелей, но и во всем своем творчестве. Мы нуждаемся в нем, чтобы вновь подняться», — сказано в предисловии к четырехтомному собранию его сочинений и писем, увидевшему свет в 1925 г.<sup>4</sup> После прихода к власти нацистов Мольтке повсюду прославлялся как национальный герой. Поражение 1945 г., как и 1918-го, практически не затронуло светлую память фельдмаршала. Правда, стиль изображения изменился: теперь Мольтке подавали как просвещенного человека, гуманиста, носителя общеевропейских (чтобы не сказать — общечеловеческих) ценностей.

Все эти образы были схематичны, грубы, упрощены и далеки от реального Мольтке. Несмотря на всю внешнюю простоту и прямолинейность, этот человек был весьма сложен. Пережив непростое детство, оставившее глубокие раны в его душе, он прошел долгий путь становления как личности. На этом пути он старался следовать принципам, во многом созвучным идеалам просвещенных людей той эпохи — идеалам добра, справедливости и порядка. Веривший в людей и старавшийся относиться к ним как можно лучше, Мольтке тем не менее поставил своему человеколюбию определенные, вполне обоснованные пределы. Во многом его вынуждала к этому профессия кадрового военного, которой он посвятил всю свою жизнь. Воспитанный в понятиях долга и дисциплины, он всегда ставил общее благо выше блага отдельной личности, считая, что благоденствие каждого может обеспечить только сильная власть, не имеющая корыстных интересов и радеющая обо всех своих подданных. Именно такую власть он видел в прусской монархии. Это и привело его впоследствии в стан консерваторов, хотя многие взгляды роднили Мольтке с либералами.

Разносторонне образованная личность, он обладал широким кругом интересов. Страстный путешественник, прекрасный писатель, проникательный

<sup>3</sup> Ibid. S. 9.

<sup>4</sup> Ibid. S. 1.

историк, замечательный художник, рачительный хозяин — многим из этих талантов не суждено было раскрыться в полной мере. До последних лет своей жизни он не замкнулся в узком круге профессиональных интересов.

Мольтке был горячим немецким патриотом. Превыше всего фельдмаршал ставил интересы своего отечества и своего народа. Как бы ни старались современные авторы приписать ему «европейские» идеи, единственной такой можно считать мысль о необходимости германской гегемонии в Европе. Именно ее реализации он фактически посвятил последние 20 лет своей жизни, выступая за превентивную войну против других великих держав.

В своей профессиональной области Мольтке составил целую эпоху. Он стал первым полководцем новой, индустриальной эры. Бесконечно можно перечислять то новое, что он внес в военное искусство: достаточно упомянуть организацию генерального штаба современного типа и создание (вернее сказать — осмысление) операции и оперативного уровня войны. Многие сформулированные им принципы военного искусства, такие, как «маршировать раздельно — сражаться вместе», стали символами своей эпохи.

Мольтке стал первым из крупных полководцев, который прославился делами не на поле брани, а в тиши кабинета. Он не вел войска в атаку через пороховой дым, а оставался позади линии фронта, стремясь собрать наиболее полную информацию и ни на мгновение не потерять нити управления огромной армейской машиной. Именно такое поведение стало нормой для полководца следующего, XX столетия.

Мольтке принадлежит и еще один вклад в военное искусство. Именно он заложил основу концепции войны на два фронта, которая оставалась ядром германского военного планирования накануне I и II мировых войн. Создав перевес сил на одном фронте, разгромить противника в ходе молниеносного наступления, блицкрига, и затем обратить все силы против второго врага. Именно стратегии блицкрига немецкие войска обязаны своими успехами на начальных этапах обеих мировых войн. Однако в ней крылся один изъян — рассчитанная на использование высокопрофессиональными кадровыми армиями, поклонником которых являлся Мольтке, она была плохо приспособлена к тотальной войне XX столетия. Контуры такой войны фельдмаршал ясно увидел незадолго до своей смерти, но так и не смог разработать соответствующую реалиям завтрашнего дня теорию. Во многом это произошло потому, что в длительной тотальной войне у Германии практически не было надежды на успех.

Считая себя учеником Клаузевица, Мольтке тем не менее существенно дополнил, а где-то даже и изменил его учение. В частности, это касается соотношения военного и политического начал: заявляя об их равноправии и независимости друг от друга, фельдмаршал заложил основы мышления,

которого будут придерживаться немецкие военные на протяжении почти целого столетия, что, в свою очередь, приведет к серьезным потрясениям в германской и мировой истории.

В отличие от большинства своих коллег, Мольтке был всегда открыт тому новому, что несла с собой эпоха. Было бы преувеличением говорить о том, что он благодаря гениальному чутью уловил все особенности новой страницы военной истории; однако он учился на своих и чужих ошибках, и делал это, надо признать, гораздо быстрее, чем большинство его соратников и противников.

Подводя черту под биографией главного героя этой книги, автор намеренно хотел бы избежать обобщающих и предельно упрощенных характеристик личности Мольтке, таких как «великий», «гениальный» и т. д. Лишенным всякого смысла представляется также вопрос о «положительном» или «отрицательном» характере его вклада в историю. Главное, что этот вклад был весьма масштабным. И поэтому личность Мольтке — полководца, мыслителя, просто человека своей эпохи — будет и в дальнейшем привлекать внимание исследователей.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

### Источники

1. *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Т. 2. М., 1940.
2. *Були М.* Граф Бисмарк и его люди за время войны с Францией. СПб., 1879.
3. *Каульбарс Н.* Заметки о германской армии. СПб., 1878.
4. *Мольтке Г.* Военные поучения. СПб., 1913.
5. *Мольтке Г.* Военные поучения. Оперативная подготовка к сражению. М., 1938.
6. *Мольтке Г.* Два друга. М., 1914.
7. *Мольтке Г.* История германо-французской войны 1870–1871 гг. М., 1937.
8. *Мольтке Г.* Первая датская кампания (1848–1849). СПб., 1898.
9. *Мольтке Г.* Русско-турецкая кампания в европейской Турции. В 2 ч. СПб., 1876–1883.
10. *Тиссо В.* Путешествие в страну миллиардов. СПб., 1876.
11. Bismarck-Briefe. Göttingen, 1955.
12. Der alte Kaiser. Briefe und Aufzeichnungen Wilhelms I. Leipzig, 1925.
13. Deutschlands Einigungskriege 1864–1871 in Briefen und Berichten der führenden Männer. Teil 1–2. Leipzig, 1912.
14. Die große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. Bd. 1, 3, 6. Berlin, 1922.
15. *Hindenburg P.v.* Aus meinem Leben. Leipzig, 1920.

16. *Klemm M.* Was sagt Bismarck dazu? Bd. 2. Berlin, 1924.
17. *Moltke H.K.B.v.* Aufzeichnungen. Briefe. Schriften. Reden. Ebenhausen, 1923.
18. *Moltke H.K.B.v.* Ausgewählte Werke. In 4 Bd. Berlin, 1925.
19. *Moltke H.K.B.v.* Briefe aus Russland. Berlin, 1877.
20. *Moltke H.K.B.v.* Der italienische Feldzug des Jahres 1859. Berlin, 1862.
21. *Moltke H.K.B.v.* Der türkisch-ägyptische Feldzug 1839. Berlin, 1935.
22. *Moltke H.K.B.v.* Deutsche Kriegsführung. Leipzig, 1941.
23. *Moltke H.K.B.v.* Gesammelte Schriften und Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Grafen Helmuth von Moltke. In 8 Bd. Berlin; 1891–1893.
24. *Moltke H.K.B.v.* Gespräche. Hamburg, 1940.
25. *Moltke H.K.B.v.* Leben und Werk in Selbstzeugnissen. Leipzig, s. a.
26. *Moltke H.K.B.v.* Moltkes militärische Werke. In 15 Bd. Berlin, 1892–1912.
27. *Moltke H.K.B.v.* Unter dem Halbmond. Berlin, 1988.
28. Nationalzeitung (Jahrgang 1874).

## Литература

1. *Боджоян М.Т.* Реформы 20–30-х гг. XIX века в Османской империи. Ереван, 1984.
2. *Воробьев С.* Новое ручное огнестрельное оружие европейских армий. СПб., 1864.
3. *Галкин И.С.* Создание Германской империи 1815–1871 гг. М., 1986.
4. *Герлиц В.* Германский генеральный штаб. М., 2005.
5. Германия. Отд. 2. Вооруженные силы. СПб., 1875.
6. Германский империализм и милитаризм. М., 1965.
7. *Ерусалимский А.С.* Бисмарк: дипломатия и милитаризм. М., 1968.
8. Записка об устройстве военного управления в Германии и Австрии. Б.м., 1881.
9. Игольчатые ли ружья выиграли пруссакам кампанию? СПб., 1866.
10. *Иссерсон Г.* Военное искусство эпохи национальных войн второй половины XIX века. М., 1933.
11. История войны 1866 года в Германии. СПб., 1870.
12. История Дании с древнейших времен до начала XX века. М., 1996.
13. *Кауфман Г.* Политическая история Германии в XIX веке. СПб., 1909.

14. *Куль Г.* Германский генеральный штаб. М., 1922.
15. *Петросян Ю.А.* Османская империя. М., 2003.
16. *Преженцов Я.* Кенигсрецкое сражение. СПб., 1888.
17. *Прокопьев В.П.* Военный институт в государственном механизме буржуазной Германии. Калининград, 1982.
18. *Прокопьев В.П.* Государство и армия в истории Германии X–XX вв. Калининград, 1998.
19. Прусско-германский генеральный штаб 1640–1965. М., 1966.
20. *Розен Д.Г.* История Турции от победы реформы в 1826 году до парижского трактата в 1856 году. Ч. 1. СПб., 1872.
21. *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства. Т. 2. М., 1928.
22. *Строков А.А.* История военного искусства. Т. 4. М., 1994.
23. *Фон-Сотен О.* Как вели войну Наполеон и Мольтке. СПб., 1908.
24. *Чубинский В.В.* Бисмарк. М., 1988.
25. *Шлиффен А., фон.* Канны. М., 1923.
26. *Шнейерсон Л.М.* В преддверии франко-прусской войны. Мн., 1969.
27. *Anticipating Total War. German and American Experiences 1871–1914.* Cambridge, 1999.
28. *Baring-Gould M.* Germany. L., 1890.
29. *Beumelburg W.* Bismarck gründet das Reich. Oldenburg, 1932.
30. *Börner K.H.* Wilhelm I. Berlin, 1984.
31. *Born K.E.* Von der Reichsgründung bis zum I. Weltkrieg. München, 1978.
32. *Brandenburg E.* Die Reichsgründung. Bd. 2. Leipzig, 1916.
33. *Brix M.* Marie von Moltke. Stuttgart, 1942.
34. *Bühler J.* Deutsche Geschichte. Bd. 5. Berlin, 1954.
35. *Craig G.* Deutsche Geschichte 1866–1945. München, 1999.
36. *Craig G.* Die preussisch-deutsche Armee 1640–1945. Düsseldorf, 1960.
37. *Das Militär und der Aufbruch in die Moderne 1860–1890.* München, 2003.
38. *Der Deutsch-Französische Krieg 1870–71. Vorgeschichte, Verlauf, Folgen.* Graz, 2009.
39. *Des Volkes Feind.* Berlin, 1961.
40. *Deutsche Geschichte in 12 Bd. Bd. 4.* Berlin, 1984.
41. *Deutsche Militärgeschichte 1648–1939. Bd. 2, 6.* München, 1983.
42. *Diplomatie und Kriegspolitik vor und nach der Reichsgründung.* Berlin, 1971.

43. *Dupuy T.N.* Der Genius des Krieges. Graz, 2009.
44. *Engelberg E.* Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. Berlin, 1990.
45. *Engelberg E.* Bismarck. Urpreuße und Reichsgründer. Berlin, 1988.
46. *Engelberg E.* Deutschland 1849–1871. Berlin, 1959.
47. *Engelberg E.* Deutschland von 1871 bis 1897. Berlin, 1965.
48. *Eyck E.* Bismarck. Bd. 2, 3. Erlenbach; Zürich, 1943–1944.
49. *Feldmann E.* Die Sicherung der Westgrenze in der deutschen Wehrpolitik von 1871 bis 1914. Bonn, 1941.
50. *Friedjung H.* Der Kampf um die Vorherrschaft in Deutschland. Bd. 1. Stuttgart–Berlin, 1916.
51. Gebhardt. Handbuch der deutschen Geschichte. Bd. 3. Stuttgart, 1973.
52. Generalfeldmarschall von Moltke. Bedeutung und Wirkung. München, 1991.
53. Grundkurs deutsche Militärgeschichte. Bd. 1. Die Zeit bis 1914. München, 2006.
54. *Haffner S.* Von Bismarck zu Hitler. München, 1987.
55. *Hartmann E.v.* Die politischen Aufgaben und Zustände des Deutschen Reiches. Berlin, 1881.
56. *Hartung F.* Deutsche Geschichte vom Frankfurter Frieden zum Vertrag von Versailles. Bonn–Leipzig, 1929.
57. *Helmert H.* Kriegspolitik und Strategie. Berlin, 1970.
58. *Helmert H., Uszeck H.* Preußischdeutsche Kriege von 1864 bis 1871. Berlin, 1988.
59. *Herbell H.* Staatsbürger in Uniform 1789–1961. Berlin, 1969.
60. *Herre F.* Moltke. Stuttgart, 1984.
61. *Hessen R.* Deutsche Männer. Stuttgart, 1912.
62. *Jeismann K.-E.* Das Problem des Präventivkrieges. München, 1957.
63. *Jessen O.* Die Moltkes: Biographie einer Familie. München, 2010.
64. *Kahlmeyer A.* «Den alten, etwas eingerosteten Krummsäbel alla franca anschleifen». Die Militärmission Helmut von Moltkes in der Türkei 1835–1839. Norderstedt, 2002.
65. *Kessel E.* Moltke. Stuttgart, 1957.
66. *Kolb E.* Umbrüche deutscher Geschichte. München, 1993.
67. Kurzer Abriss der Militärgeschichte von den Anfängen der Geschichte des deutschen Volkes bis 1945. Berlin, 1977.



68. *Mehring F.* Krieg und Politik. Bd. 1. Berlin, 1959.
69. *Millotat C.E.O.* Das preußisch-deutsche Generalstabssystem. Zürich, 2000.
70. *Moltke-Almanach.* Bd. 2. Moltke und Polen. Berlin, 1990.
71. *Müller-Bohn H.* Graf Moltke. Berlin, s. a.
72. *Naso E.v.* Moltke. Berlin, 1937.
73. *Nipperdey T.* Deutsche Geschichte 1866–1918. Bd. 2. München, 1995.
74. *On the road to total war.* Cambridge, 1999.
75. *Otto von Bismarck und Wilhelm II. Repräsentanten eines Epochenwechsels?* Paderborn, 2001.
76. *Paris F.A.* Heerwesen und Dienst des deutschen Reichsheeres. Gera, 1876.
77. *Pflanze O.* Bismarck. Bd. 1. München, 1997.
78. *Poidevin R., Bariety J.* Frankreich und Deutschland. München, 1982.
79. *Ritter G.* Staatskunst und Kriegshandwerk. Bd. 1. München, 1970.
80. *Ritter G.A., Tenfelde K.* Arbeiter im Deutschen Kaiserreich. Bonn, 1992.
81. *Schreiner A.* Zur Geschichte der deutschen Außenpolitik. Bd. 1. Berlin, 1952.
82. *Seeber G., Wölter H.* Die preußisch-deutsche Reichseinigung 1870/71. Berlin, 1981.
83. *Soldatisches Führertum.* Teil 10. Hamburg, 1937.
84. *Strauss G.L.M.* Men who have made the new German Empire. Vol. 1. L., 1875.
85. *Thies J.* Die Moltkes: Von Königgrätz nach Kreisau. Berlin, 2010.
86. *Ullmann H.-P.* Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918. Frankfurt-a.-M., 1995.
87. *Von Scharnhorst zu Schlieffen 1806–1906.* Berlin, 1933.
88. *Wilkinson S.* The early life of Moltke. Oxford, 1913.
89. *Wölter H.* Bismarcks Außenpolitik 1871–1881. Berlin, 1983.
90. *Zuber T.* Inventing the Schlieffen Plan. German War Planing 1871–1914. Oxford, 2002.

## Zusammenfassung

Dieses Buch ist einem der bedeutendsten Feldherren der Weltgeschichte gewidmet – dem Generalfeldmarschall Helmuth von Moltke d.Ä. (1800–1891). Sein Leben zu beschreiben, das bezeichnete Hans von Delbrück einst als eine der schwierigsten Aufgaben, die sich ein Forscher überhaupt vorstellen kann. Seiner Meinung nach glich das Lebenslauf des Generalfeldmarschalls einem regelmäßig, ruhig und immer mit gleicher Geschwindigkeit fließendem Strom, wo vieles verborgen bleibt. Der berühmte Militärhistoriker hat Recht: Moltke bleibt eine der rätselhaftesten und am meisten umstrittenen Persönlichkeiten in der deutschen Geschichte des XIX. Jahrhunderts. Seine Biografie bietet in bestimmten Abschnitten mehr Fragen als Antworten.

Warum wurde Moltke zum Generalstabchef ernannt? Wie trug er zum Aufstieg dieser Behörde bei? Wie hoch war sein Einfluß auf die Innen- und Außenpolitik des Kaiserreiches? Zu diesen – und vielen anderen – Fragen gibt es keine eindeutige Antwort. Rätselhaft bleibt auch die tief verborgene innere Welt des „großen Schweigers“.

Wo Forschung hinterließ, erwachte die Legende. Moltke wurde zu einer Symbolfigur noch in den letzten Jahrzehnten seines Lebens. Im Laufe des XX. Jahrhunderts diente er bald als Vorbild der soldatischen Tugenden, bald als Symbol des aufgeklärten Humanisten in Uniform, bald als Sinnbild des deutschen Militarismus. Alle diese Bilder entsprechen ziemlich wenig der Wirklichkeit. Moltke war eine vielseitige Erscheinung, viel komplizierter, als man ihn oft vorstellte.

Moltke hatte schwierige und ziemlich unglückliche Kinderjahre erlebt, die tiefe Spuren in seinem Wesen hinterließen. Lang und schwierig war auch der Weg zur Herausbildung seiner Persönlichkeit. Er war ein aufgeklärter Mensch und glaubte ins Gute, aber gleichzeitig war er als Soldat in Pflicht und Gehorsam erzogen. Für ihn war das allgemeine Wohl immer wichtiger als das persönliche, Ordnung wichtiger als die Freiheit. Das führte ihn politisch ins Lager der

Konservativen, obwohl er in manchen Hinsichten den Liberalen nahe stand. Moltke war ein deutscher Patriot und stellte die Interessen seines Vaterlandes höher als alle andere.

Vielseitig begabt und gebildet, hatte er bis zum Ende seines Lebens einen breiten Interessenkreis. Ein leidenschaftlicher Reisende, talentvoller Schriftsteller, scharfsinniger Geschichtswissenschaftler – viele seine Begabungen hatte er überhaupt nicht voll entwickelt. In seiner militärischen Tätigkeit bildete Moltke eine ganze Epoche. Er wurde zum ersten Feldherren des neuen Zeitalters, der industriellen Kriegsführung. Moltke hat das moderne Generalstab geschaffen und auch zur Kriegskunst erheblich beigetragen. Viele von ihm formulierten Regeln und Prinzipien – wie zum Beispiel das berühmte „getrennt marschieren, zusammen kämpfen“ – wurden weltbekannt. Moltke wurde zum ersten großen Feldherrn, dessen Tätigkeit ihren Schwerpunkt nicht auf dem Schlachtfeld, sondern in der Stille des Arbeitszimmers hatte.

Moltke hat auch das Konzept des Zweifrontenkrieges – das prägende Merkmal der deutschen Kriegskunst in beiden Weltkriegen – geschaffen und 1866 auch erfolgreich verwirklicht. Mit der gesamten Armee einen Gegner angreifen, ihn blitzkriegartig schlagen und dann gegen den anderen wenden – das war aber gut im Zeitalter der Kabinettkriege, aber die Epoche der Massenheere und des totalen Krieges stellte diese Strategie unter Frage. In den letzten Jahren seines Lebens sah Moltke die Grundrisse des künftigen Krieges, doch ein Erfolgsrezept konnte er nicht schaffen. Darum dachte er immer wieder von einem Präventivkrieg.

Moltke betrachtete sich in bestimmter Hinsicht als Nachfolger von Clausewitz, doch hat er seine Lehre von Politik und Kriegskunst wesentlich verändert. Für Moltke waren politische und militärische Führung gleichberechtigt und unabhängig voneinander. Die Nachfolger des Generalfeldmarschalls entwickelten daraus eine Lehre von der Suprematie der militärischen Führung in Fragen des Krieges und Friedens, was zu verheerenden Folgen in der ersten Hälfte des XX. Jahrhunderts führte.

Moltke blieb immer für das Neue offen. Damit unterscheidete er sich von vielen seinen Zeitgenossen. Es wäre eine gewisse Übertreibung, ihn als Genie zu bezeichnen, der dank seiner Begabung neue Seite der Kriegskunst geschrieben hat. Wie viele anderen, mußte Moltke auch diese neue Kriegskunst aus der Erfahrung lernen, er tat dies aber schneller und erfolgreicher, als meisten seiner Mit- und Gegenstreiter.

Moltke war ein Mann seiner Zeit. Nicht nur er beeinflusste die Geschichte, sondern wurde in seiner Tätigkeit von der damaligen Entwicklung beeinflusst. Doch ist sein Beitrag zur deutschen und Weltgeschichte so hoch, das seine Persönlichkeit noch lange die Aufmerksamkeit der Forscher und Interesse des Publikums auf sich ziehen wird.

## Оглавление

<i>Предисловие. Незавершенный портрет</i> .....	3
<b>Глава 1.</b> Отпрыск древнего рода.....	7
<b>Глава 2.</b> На прусской службе.....	16
<b>Глава 3.</b> Восточная миссия.....	46
<b>Глава 4.</b> Мария.....	75
<b>Глава 5.</b> Навстречу старости?.....	94
<b>Глава 6.</b> Шеф Генерального штаба.....	118
<b>Глава 7.</b> Датская кампания.....	144
<b>Глава 8.</b> Богемский блицкриг.....	160
<b>Глава 9.</b> Крайзау.....	206
<b>Глава 10.</b> Против «наследственного врага».....	234
<b>Глава 11.</b> Полубог.....	291
<b>Глава 12.</b> На склоне лет.....	329
<i>Послесловие. Полководец индустриальной эпохи</i> .....	344
Список источников и литературы.....	348
<i>Zusammenfassung</i> .....	353

*Научное издание*

*Власов Николай Анатольевич*

Хельмут фон Мольтке – полководец индустриальной эпохи

*Монография*

*Редактор* Н. М. Фищенко  
*Корректор* А. А. Борисенкова

---

Подписано в печать с оригинал-макета 27.07.11.

Формат 60x90<sup>1/16</sup>.

Бумага офсетная.

Объем 22,25 н.л.

Тираж 500 экз. Заказ № 454.

Отпечатано в ОАО «Издательско-  
полиграфическое предприятие «Искусство России»  
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38/2.

191060, Санкт-Петербург, Смольный 1/3, подъезд 8

Факультет международных отношений СПбГУ

Тел. (812) 576-82-65; факс (812) 576-44-37

E-mail: rio@sir.edu

www.sir.edu